

"Разрушенные (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Пэппер Винтерс

Разрушенные

РАЗРУШЕННЫЕ

НЕВИДИМЫЙ, НЕПРОНИЦАЕМЫЙ, НЕПОБЕДИМЫЙ

ПЭППЕР ВИНТЕРС

Пролог

Роан

Я не поверил ей, когда она сказала, что она сложная.

Она не поверила мне, когда я сказал, что у меня есть тайны.

Я не понял правды, даже когда она позволила мне заглянуть под свою маску.

Она не поняла, что я не мог жить с последствиями.

Я думал, что она святая.

Она думала, что я грешник.

Жаль, что мы не пытались найти истину.

Мы оба поплатились.

Мы разрушили друг друга.

Хейзел

Если бы я раньше знала то, в чем уверена сейчас, то, хочется думать, поступала бы по-другому. Я бы четче всё планировала, упорнее работала и сосредоточилась на более важных вещах. Но я была юна, наивна и, к сожалению, не готова к большому, страшному миру.

Теперь я оглядываюсь на прошлое со странной нежностью. Тогда оно казалось сложным, а теперь кажется таким невероятно простым. Особенно сейчас, когда настоящее становится таким неправдоподобным, а будущее — страшным и холодным.

Это было... до того, как я встретила его.

Потом стало хуже.

— Не думаю, что это хорошая идея, Клу.

Особняк в готическом стиле возвышался из гравия и земли как маяк судьбы. Горгульи украшали постаменты и выступы, огромные колонны взмывали ввысь практически до шестого этажа. Я не знала, что что-то подобное существовало в Сиднее, не говоря уже о богатом и фешенебельном районе «Восточные предместья».

Мои пальцы не переставали прикасаться к ножу с тех пор, как мы вышли из автобуса и направились в пригород, а не в развлекательный район города.

Петляя в лабиринте улиц, я поняла, что в моем сердце поселилось ощущение, что этот опыт закончится тем, что убьет нас.

— Прекрати так волноваться. Ты сказала, что поедешь. Мне надо, чтобы меня сопровождали, — сказала Клу, ее нежный голос под конец стал серьезным.

С открытым ртом, я таранилась на замысловатую каменную кладку, пытаюсь смотреть сквозь это великолепие, чтобы увидеть секреты этого места. Это не может быть реальным? Или может?

Это казалось неуместным, будто особняк перенесли из другого века. Холодок прошелся по моей спине, вызывая в воображении картинки безумных, сломленных женщин и психически больных мужчин-садистов.

Огромные двойные двери преградили нам вход. Толстое дерево было украшено знаком из кованого железа в виде фигурки лисы в зимней ночи; дверь открылась, и появился охранник в

черном костюме с прилизанными гелем волосами. Его тело заняло весь проход как скала, в то время как лицо было чем-то промежуточным между бульдогом и акулой.

Его глаза заставили меня застыть на месте, приковав к себе внимание лишь одним брошенным взглядом. Зрачки были черные, как ночь позади нас, и хранили в себе самодовольный блеск.

— Вам же лучше, если у вас есть пароль, в противном случае вы пожалеете, что ступили на это крыльцо, — его пристальный взгляд был сосредоточен на дорожке под нами. На камне было выгравировано изречение. И пусть это было сделано руками и совсем просто, но определенная угроза исходила все равно.

Надпись была на русском? Я не могла разобрать строк, но все равно отступила в сторону на своих дурацких «кошачьих каблучках», [1] чтобы не стоять на выгравированных буквах.

— Нас пригласил Штопор. Он дал нам пропуск на одну ночь, — в миллионный раз, с тех пор как я приняла душ, надела это смехотворное золотое с серебряным платье и уложила свои густые шоколадные волосы в какое-то подобие завитков и волн, я хотела задушить Клу.

Она была моей самой лучшей подругой, самым близким человеком, соседкой по квартире, нянкой и сестрой не по крови, но я хотела убить ее за то, что она вытащила меня сегодня вечером.

У нас с Клу была история, связанная общими надеждами и мечтами. Мы не позволили бы одной из нас потерпеть неудачу. И только по этой причине я не поколотила ее и не потащила ее бессознательное тело обратно домой.

Она знала, что я хотела вернуться в нашу дрянную квартиру с двумя спальнями и игнорировать мир. Она также знала, что последние несколько недель я страдала и впала в уныние, у меня просто не было энергии бороться. Фактически, жизнь выдернула у меня из-под ног коврик, пол и всю долбаную планету. Я не хотела здесь находиться.

Но пока я ворчала и редела на диване, обнимая единственную причину своего существования, она ругалась и проклинала меня. Подруга напомнила, что я могу быть в плохом состоянии, но она во мне нуждается. Трагедии случаются, раны заживают, но жизнь продолжается. Я все равно не могла изменить будущее, продолжая лежать на диване и хандрить, но могла бы одеться как проститутка и выйти с ней погулять. И как бы мне не было жаль, что у меня в декольте нет ножовки, чтобы заставить ее отвезти меня домой к Кларе, я не сожалела о своем решении.

— Штопор? Чем занимается? — охранник скрестил руки, осматривая меня. Из-за стресса я потеряла вес, но это не помешало мне чувствовать себя жирной сосиской в этом облегающем платье Клу.

У меня скрутило живот, когда я оттянула одолженное платье, облепившее меня как вторая кожа. Паутинка кружев прикрывала мои плечи, но не могла прикрыть развратный вид. Вся моя фигура была выставлена напоказ вместе с дерзко выделяющимися сосками, замерзшими на холодном вечернем воздухе.

Чертова Клу и ее фетиш к блестящей, абсолютно непрактичной одежде. Она всегда вынуждала меня одеваться ужасно. Она говорила, что я слишком серьезна, слишком сосредоточена, слишком одержима построением будущего, чтобы ничто из ужасного прошлого не нашло нас.

И она была права.

Клара.

Глаза снова зашипало от слез, и я с трудом сглотнула комок. Проклятье, меня здесь быть не должно. Что я делаю?

— Тайским боксом, [2] — ответила Клу, в ее черных, миндалевидных глазах вспыхнула гордость. Ее последнее увлечение, которого я видела лишь раз, успешно сбил мою избегающую обязательств подругу с ног.

Я не знаю, как они познакомились или какое у него настоящее имя. И Штопор, что, мать вашу, это еще за кличка такая?

— А, отличный спорт, — вышибала немного расслабился. — Тогда какой пароль, сахарные сиськи?

Я поджала губы и не смогла остановить вспышку пыла; защитные инстинкты нарастали в моей груди.

— Ты просто взял и назвал ее «сахарные сиськи»?

Я никогда не стояла в стороне, когда кого-то высмеивали, унижали или обманывали. Мне нравилось думать, что эта моя сильная черта характера, но жизнь превратила ее в еще один недостаток.

Он хихикнул:

— Ну, у нее милые сиськи, и она выглядит сладенькой как сахар, так что да. Я назвал ее так, — он сощурился. — Какие-то проблемы с этим?

Не делай этого, Зел.

Клу хлопнула меня по предплечью, и я заставила себя держать язык за зубами. Мои кулаки сжались, но я стояла молча. Если бы я что-то сказала ему, то это могло помешать нам пройти внутрь этого нелегального клуба, и Клу не увиделась бы со своим парнем.

Оставляя меня в покое, вышибала вновь посмотрел на Клу.

— Называйте пароль или уходите. У меня нет на это времени.

Клу вильнула бедром, демонстрируя грациозность своей великолепной фигуры. Я слегка затрепетала от благоговения, признавая как идеальна Клу. Одета в такое же развратное платье, она искрилась красными блестками. Выглядев отчасти как гейша, отчасти как ниндзя, Клу можно описать одним словом: ошеломляющая.

— Ты можешь привлечь кровь, но никогда не привлечешь жизнь, — прошептала Клу, добавляя в свой хриплый голос изрядную долю очарования.

Даже если бы пароль оказался совершенно неправильным, вышибала был так заморожен, что позволил бы нам войти. Его нахальное отношение пропало и сменилось сраженной улыбкой. Клу имела магическую власть над мужчинами. Она была моей полной противоположностью. Казалось, я отталкивала мужчин, которые принимали во внимание мою ситуацию.

вернуться

1

Невысокий тонкий каблук, обычно на босоножках (3.5-5 см)

вернуться

2

Боевое искусство Таиланда, произошедшее из древнего тайского боевого искусства муай боран и схожее с другими индокитайскими боевыми искусствами такими как прадал серэй (Камбоджа), томой (Малайзия), лэхвей (Мьянма) и муай лао (Лаос). Термин «муай» исходит от санскритского мавья и тай, в переводе означая «поединок свободных» или «свободный бой».

— Хорошо, что вы знаете. Вы внутри, — он широко распахнул дверь, пуская теплый свет в темноту ночи. — Направляйтесь вниз до конца, затем налево. Главная арена там. Не входите в другие комнаты без приглашения.

Клу улыбнулась и протиснулась мимо него, сознательно позволяя ему заглянуть в ее декольте.

— Спасибо большое.

Он молча кивнул, позволяя мне проскользнуть мимо него без помпы.

Мое сердце бешено забилося, когда я разглядывала удивительно широкий коридор. Тяжелые двери позади нас закрылись и все, чего мне хотелось — убежать обратно домой.

Ты оставила ее одну. С незнакомцами. Из-за этого.

Из-за этого? Этот упадок, это богатство, это издевательство над всем, что мне нужно, чтобы сберечь ее жизнь. Вместо слез и злости, заполнившей меня.

Кто бы ни владел этим чудовищным сооружением, они имели гораздо больше, чем заслужили. Если бы только жизнь была достаточно любезна, чтобы дать мне выход из положения. Дать мне шанс спасти ее.

Я не могу это сделать.

— Клу, с меня хватит. Мне жаль. Извини, но я ухожу.

Клу развернулась, хватая меня за руки.

— Зел, не уходишь. И я скажу тебе почему.

Моя раздражительность увеличилась еще больше.

Ее большой палец поглаживал мои пальцы, пытаюсь успокоить, но в итоге лишь еще больше раздражал.

— Ты не пойдешь домой. Миссис Берри очень хорошо позаботится о ней. Жизнь не заканчивается за пределами нашей квартиры. Ты должна помнить, почему ты так усердно боролась, чтобы оказаться там, где ты сейчас находишься, — ее голос смягчился. — Я тоже

кое-кого теряю, мне глубоко не безразлична моя лучшая подруга. Ты не можешь умереть с ней, Зелли. Я тебе не позволю, — ее глаза были полны печали.

Проклятые слезы, которые, казалось, были постоянным спутником этих дней, собрались в моем позвоночнике вслед за покалыванием. Я зажмурилась, чтобы остановить их.

Клу обняла меня и зашептала на ухо:

— Ты найдешь способ. Клянусь, я чувствую это костями, ты спасешь ее. Точно так же, как ты спасла меня. У вас впереди целая жизнь, и она еще будет бесить тебя, когда повзрослеет.

Я оттолкнула ее.

— Я не могу меньше тревожиться о мире. Он забрал у меня все. И сейчас забирает Клару. — Мое сердце сжалось в груди, и я потеряла центр грудной клетки. Забавно, как эмоциональная боль может вызвать физическую: не имело значения, что я была здорова и в хорошей форме — мое тело делало страдание из-за трагической новости физически ощутимым.

Клара закончила бы тем, что убила меня за то, что я слишком сильно беспокоилась о ней. Мое сердце остановилось бы, если бы ее не стало.

Клу напряглась:

— Помни, кто ты. Ты — борец. Ты не для того преодолела свое прошлое, чтобы сдаться сейчас.

Я бы вновь все это пережила, если бы это означало, что судьба не украдет ее.

Проклятая, долбаная судьба. Мой гнев вновь начал расти, превращая кровь в лаву.

— Моя дочь умирает, и ты думаешь, я сдаюсь? — мой голос дрожал, и я ринулась вперед. Я больше не могла об этом говорить.

Я не могла стать прежней Хейзел: двадцатичетырехлетней женщиной, которая была на вершине счастья. У меня была отличная работа — законная и статусная, что было для меня новым. Я была здорова и довольна. И у меня была дочь, которая делала меня лучше.

У меня есть дочь. Не в прошедшем времени. Еще нет.

Но Клу была права. Я уже преодолела так много. Я не могла сдаться. Не могла просто лечь и позволить дочери покинуть меня, я должна найти лекарство и, чтобы сделать это, нужно столкнуться с миром и продолжать бороться до конца.

Я найду выход.

Отмахнувшись от беспомощности и слез, я разожгла свою злость, пока наполнялась энергией. Независимо от того, что это было за место, я шагнула вперед.

Следуя дальше, я бросила через плечо:

— Ты победила, Клу. Пойдем.

Ее каблук стучали по каменной кладке коридора, догоняя меня.

— Не надо ненавидеть меня за то, что заставляю тебя вспомнить, как бороться. Она в порядке.

Ты не сказала ей, что случилось, после этого рецидивов не было...

Я подняла руки:

— Не хочу думать об этом.

Мне нужно выбросить образ, казалось бы, безобидного приступа астмы Клары из своей головы. Чертовы доктора и их ошибочные диагнозы. Сейчас, когда я думала об этом, ярость приходила раньше, чем слезы. Потребовалось три недели и поход в нелегальный бойцовский клуб, чтобы найти мою внутреннюю силу.

Ощувив изменение, я почувствовала спокойствие и контроль впервые после поездки на машине скорой помощи. Но моя жизнь уже не имела значения.

Я больше не буду терзать себя мыслями «что, если». Я буду фокусироваться на чем угодно, на всем, что поможет продлить жизнь моей дочери. Включая продажу моей души тому, кто может предложить плату.

Соединив свои пальцы с моими, она прошептала:

— Сегодня ты получишь импульс, в котором нуждаешься. Вот увидишь, — слегка подпрыгнув, добавила она. — В конце концов, мы собираемся посмотреть, как мужчины бьют друг друга до крови. Если это не то, что вдохновит тебя отомстить и ударить мир в его гребаное лицо, то я не знаю, что это должно быть.

Я вынужденно улыбнулась, но она была права. Во многих отношениях.

Пустой коридор тянулся целую вечность мимо огромных, обмотанных тканью, и массивных нелепых произведений искусства — буранов и лесов в темноте и волков жестокого мира. Скульптуры, сделанные из бронзы и железа, сопровождали нас как часовые. Смесь современного искусства и замысловатых, словно живых, животных. Все огромное, внушительное и слишком реальное.

Атмосфера этого места приводила мои инстинкты в состояние боевой готовности в поисках опасности.

Ворчание и тяжелое дыхание слышалось за огромной дверью, мимо которой мы прошли.

Клу приподняла бровь, глядя на дверь так, будто у нее было рентгеновское зрение.

— Интересно, что происходит в частных зонах? Тоже борьба или победитель крадет женщину из толпы и занимается с ней безумной страстной любовью? — ее голос стал мечтательным. — Он может быть горячим и потным, и скользким от крови, но его поцелуи заставят девушку забыть об этом. Она позволяет себе быть использованной мужчиной, который доказал, что достаточно сильный, чтобы защитить ее.

Я покачала головой, снисходительно улыбнувшись своей лучшей подруге-мечтательнице. Клу была результатом тайной связи китайского дипломата и тайской проститутки. Рожденная вне брака, она была выброшена как мусор, когда ей было всего две недели от роду.

Мы встретились три года назад, когда я спасла ее от того, чтобы быть изнасилованной и изувеченной в сельском пригороде Сиднея.

Клу захлопала ресницами, подарив мне воздушный поцелуй.

— Ты же не можешь сказать, что не хотела бы быть похищенной кем-то, кто только что сражался в боях, чтобы выиграть тебя? Я знаю, у тебя нет физических потребностей как у остальных из нас, но это должно изменить тебя.

На этот раз я засмеялась от всего сердца, а не вынужденно.

— У меня есть потребности, ты знаешь, просто у меня есть более важные обязанности, чем гоняться за мужчиной, который не заинтересован в матери с «багажом», — я отказывалась заикливаться на потребностях, которые будили меня в глухую ночь. Страстное желание чужого тела. Плохо то, что мне никогда не встречался тот, которого бы я хотела, даже отец Клары.

— Но подумай об этом, Зелли. Мускулы, грубость, едва сдерживаемое насилие, мужчина, который целует с одержимостью и нежностью... — ее голос звучал драматично. — Я теряюсь только от одной мысли об этом.

Я закатила глаза.

— Ты слишком романтична. Ты должна была родиться шесть веков назад, если ты хочешь мужчину, который убивает, и женщину, которая падает в обморок.

Она усмехнулась, показывая идеально белые зубы.

— Я родилась шесть веков назад. Вот почему хочу этого так сильно. Современные мужчины, которые работают в офисах и едят пироги на обед, нуждаются в контакте с мечом предков.

— Ты невозможна! — я улыбнулась. У Клу в жизни было два увлечения: мужчины и прошлые времена. Она клялась, что жила бесчисленное количество раз прежде, и хотя я любила смеяться и находить несоответствия в ее сказках, я не могла игнорировать тот факт, что она знала многое. То, что не должна знать, будучи отвергнутым ребенком без образования.

— Ты тоже старая душа, Зел. Это я точно знаю. Я пока не поняла, откуда ты родом, но я узнаю это.

Мне не хватало сил сказать ей, что она была не права. Я вела себя старше своих лет, поскольку жизненные неудачи безвозвратно меня изменили. Если я и жила раньше, то была ведьмой или убийцей-психопатом, чтобы оправдать все испытания, которые переживала сейчас.

Я сжала ее руку, когда мы повернули налево в конце коридора и остановились.

— Святая мать Божья, куда ты притащила меня?

Отпустив ее пальцы, я двинулась вперед почти в трансе.

Двойные двери были изготовлены из металла. На одной створке была изображена сказка: молодой мужчина, стоял спиной к зрителю в окружении груды монет, солнечного света и маленьких детей. На заднем фоне виднелись причудливые башни замка.

Я ощутила боль в сердце, когда посмотрела на соседнюю створку. Если на первой был рай, то на этой, несомненно, ад.

Молодой мужчина смотрел на зрителей, но его черты лица были пустыми. Нос, глаза и рот

отсутствовали, просто ровный пустой овал. Позади него боролись волки, в то время как над головой сверкали молнии и сгустились тучи. Но то, что убило меня — дети, которые смеялись на соседнем изображении, сейчас были разбросаны по кусочкам в тающем на земле снегу.

— Ничего себе. Это... отвратительно, — сказала Клу, потянувшись потрогать оторванную ногу.

Я одернула ее руку и надавила на другую дверь, чтобы открыть ее. Хотелось сбежать от изображения, слишком напоминающего дом.

«Не думай о своих проблемах. Забудь о них на сегодняшний вечер».

Проблемы.

Я никогда не могла о них забыть. Они были удавкой вокруг моей шеи, гильотиной, ждущей, чтобы упасть. Но я была создана быть подавленной, так что это не имеет значения.

В момент, когда дверь приоткрылась, до нас донесся шум. Мощная смесь ударов кулаками по телу, стонов от боли, звуков женского смеха, криков ободрения и плавного ритма музыки.

Мы вошли в просторную темную комнату, либо переоборудованный танцевальный зал, либо специально спроектированную арену. Она приветствовала нас толстым черным бархатом, покрывающим все четыре высокие стены. По периметру находились места для зрителей, представляющие собой черные диваны производства «La-Z-boys» и роскошные кушетки. Каждый диван был на отдельном возвышении с боковым столиком и маленькой лампой, напоминающей светлячков в темноте.

— Ох, — пробормотала Клу, сосредоточив внимание на главном событии.

Тут были представлены все виды борьбы: клетка для смешанных боевых искусств, боксерский ринг, ринг тайского бокса, зона для ближнего боя и большая зона для других варварских кровавых видов спорта. Каждое пространство было переполнено людьми: либо окровавленными от борьбы, либо подпрыгивающими на ногах и готовыми встретить нового соперника. Я никогда не видела такой демонстрации мужественности: грубости и необузданности.

Потные полотенца были развешаны на стульях, и скромность не существовала, когда мужчины меняли порванные вещи на свежие. Кулеры с водой и медицинские будки располагались между каждой ареной.

Мое дыхание участилось, смешавшись с ароматом дезинфицирующего средства, пива и чистого запаха тяжелого труда. Я не могла сосредоточиться только на чем-то одном. Борьба началась с удара кулаками и жуткого звука с ринга тайского бокса, в то время как другой бой в клетке смешанных боевых искусств был уже закончен — победитель прыгал вокруг своего пораженного соперника, размахивая в воздухе измазанными в крови кулаками.

Куда бы я ни посмотрела, мужчины ухмылялись, публика поддерживала бойцов, и люди излучали жизненную энергию. Мое тело поглощало каждую унцию живости, сохраняя ее.

Что за ад это место?

Огромный баннер свисал с потолка, прямо над всеми пятью боевыми рингами.

«Бой с честью, бой с дисциплиной, бой с удвоенной силой».

На моих руках появились мурашки. Слова были резкими, пронизательными, обещая больше чем просто насилие — целый новый мир, о существовании которого я раньше не знала. Вопреки своим привычкам, я хотела узнать больше. Клу была права — зрелище мужской борьбы разбудит во мне что-то более глубокое, темное и менее покорное. Мы можем быть утонченными и социально приемлемыми снаружи, но в сердце мы все еще были животными. Всю жизнь я боролась в своих собственных сражениях, но сейчас задумалась, каково это было бы иметь кого-то, кто сражается рядом с тобой.

— Мне кажется, я умерла и попала в мужской рай, — прошептала Клу, ее миндалевидные глаза были шире, чем я когда-либо видела. Щеки вспыхнули, как только мужчина на боксерском ринге получил удар в челюсть от борца, сверкающего от пота и румянца.

Каждый человек держался на краю острого удовольствия, даже те черные и в синяках, потягивая ледяную воду из бутылки, подшучивали и наблюдали, как бьют товарищей.

Атмосфера в комнате не была дикой или жестокой, как я ожидала. Это был пример старого боя. Эксклюзивность. Богатство. Неписанный кодекс, гласивший, что они должны стараться выиграть, но никогда не должны убивать. Я ощутила сдержанное успокоение, но, в то же время, странное раздражение.

Бойцов было так много, что я понятия не имела, как Клу собиралась найти человека, которого пришла увидеть.

Музыкальные треки сменились от страстных до быстрых, пульсирующих. Не настолько громко, чтобы отвлечь бойцов, но это добавило еще одну особенность этому странному, нелегальному клубу.

Внезапно руки обвили вокруг Клу, оттесняя ее с моей стороны. Я моргнула, как только высокий мужчина с коротко подстриженными темными волосами и черной как смоль кожей притянул ее к себе ближе. Его руки держали Клу ниже талии и устанавливали границы, обернувшись вокруг нее с показанием принадлежности, но в то же время с нежностью.

— Ты запомнила адрес и пароль. Я впечатлен. — Он уткнулся носом ей в горло, заставив Клу издать шквал похотливого хихиканья.

Мое сердце задрожало от волнения за нее. Мне нравилось видеть ее улыбку. Не думаю, что видела прежде ее такой влюбленной. С тех пор как я забрала ее домой в ту роковую ночь и собрала ее назад по кусочкам, я боялась, что она не будет доверять мужчине достаточно, чтобы позволить ему приблизиться. Поэтому она и назвала себя Клу (прим. пер. — с английского Clue — ключ, улика, разгадка, путеводная нить, ход мыслей, нить, ключ к разгадке) — хотела быть тайной, которую мужчина не может разгадать.

Мой взгляд бегал между ними, сердце забило, чувствуя искру, их потребность друг в друге. Если похоть можно было бы увидеть, то они были бы завернуты в облако эротического цвета.

Если Клу была азиатской красоткой, то этот мужчина был африканским Адонисом. Если они решат продолжить свой род, то их дети будут очень эффектными.

Мысль о детях вернула меня к Кларе.

Ее хорошенькое восьмилетнее лицо заполнило мой разум. Ее длинные волосы, так похожие на мои, и темные карие глаза заставляли мое сердце плакать, понимая, что наше время вместе на исходе.

Она не была похожа на своего отца, за что я каждый день благодарила вселенную. Она была моя. Вся моя.

Но ненадолго.

Память прорвало, и меня накрыл прилив головокружения. После недель почти без сна, постоянного стресса и тела гудящего от гнева и слез, я испытывала сиюминутное ощущение контроля над собой, но ошибалась.

Штопор схватил меня за предплечье, крепко удерживая. Его прикосновения были теплыми и братскими, по сравнению с искрой между ним и Клу:

— Ты в порядке?

Клу освободилась из его объятий, чтобы поддержать меня с другой стороны. Я думала, что повернула за угол, открыла для себя новую дорогу, придя сюда. Я хотела бороться. Не утопать.

Встав во весь рост, я улыбнулась и махнула рукой.

— Я такая невнимательная. Видимо, просто пропустила сегодня обед, вот и всё. — Я не могла испортить Клу веселье. Я не имела права. Не после всего. — Хотя спасибо за заботу. — Делая шаг назад от них, я придавала воодушевление своему голосу: — Так ты Штопор? Клу мне много о тебе рассказывала. — Она никогда не говорила мне о нем.

Он осмотрел меня сверху вниз, убедившись, что я могу стоять без посторонней помощи, прежде чем засмеялся:

— Это мое боевое имя, так что да. Сегодня я — Штопор, — его черные глаза блеснули, когда он наклонился ближе. — Мое настоящее имя Бен. Клу мне тоже рассказывала много о тебе. К моему удовольствию.

Доброжелательность его глубокого голоса и то, что я знала его настоящее имя, помогли мне расслабиться, и я усмехнулась:

— Мне нравится это. Две личности.

Так же, как у меня.

Вплоть до недавнего времени у меня было две личности. Я придумывала сказки и сочиняла истории так легко, как если бы они были правдой. С помощью волшебной ручки я написала свою собственную историю под названием ложь.

И это сработало.

Я выжила.

Клу спросила:

— Как называется этот клуб? Я не смогла увидеть название на здании. — Ее глаза танцевали вокруг темного пространства, впитывая удары и увертки полуобнаженных мужчин.

Мой интерес возрастал, и мое чертово сердце взбудоражилось. Мне не нравилось признавать это, но мужская энергия этого места будила что-то глубоко во мне. Оно заставляло желать обуздать своего внутреннего бойца — превратиться в кого-то опасного. Это в равной мере

давало мне несчастье и надежду.

Я ненавидела богатство, излучающее каждой статуей, но в то же время, я не хотела уходить. Я хотела собрать всю позитивную энергию и силу находящуюся здесь, и засунуть ее в бутылку: создать эликсир, чтобы вылечить Клару.

Бен улыбнулся, его кожа выглядела как отполированный, совершенный прибор.

— Это лучшее место на Земле, — разводя руки в стороны, указывая на клуб, как будто он был его собственный, он добавил: — Добро пожаловать в «Обсидиан».

Роан

Я никогда не просил помощи. Я никогда не хотел быть призраком или быть похороненным обществом. Но с самого раннего возраста, я знал, что выбор был иллюзией, а свобода — фарсом.

Меня больше не волновало это дерьмо.

Мое прошлое было моим прошлым, благодаря ему я сейчас такой, какой есть. Мои действия и поступки были моим раскаянием. Мое будущее и мое желание состоят из мести.

Я осматривал свою империю: привлеченные многочисленными боями, мужчины и женщины сидели на своих шикарных зрительских местах. Если бы я позволял себе чувствовать, я бы гордился собой. Я создал это. Из ничего.

Для ходячего мертвеца я достиг большего, чем ожидал, но я все еще не был, черт возьми, счастлив. Никогда не был. Никогда не буду. Не с этим дерьмом, живущим в моей башке.

Мой взгляд переключился на площадку для бокса, расположенную между клеткой для смешанных боевых искусств и рингом тайского бокса, она переливалась красным и черным цветами обивки и канатов. Гигантские прожекторы свисали с потолка, отправляя волны света на все площадки, оставляя, расположенное по периметру, в полной темноте.

Эмоции были мне чужды, но если бы меня спросили, что находится внутри меня, я бы ответил, что это выживание.

Выживание составляло большую часть меня и моей жизни.

Моя спина закричала, когда я облокотился на стеклянные перила. Учítывая, что мне еще нет тридцати, мое тело считало, что я пенсионер.

Это то, что ты получаешь от жизни, полной насилия.

Множество костей были сломаны, по крайней мере, по разу; я, должно быть, пролил больше пинты крови, чем текло по моим венам; я тренировался, выучил навыки, что могли изучить лишь немногие из элиты.

У меня было прошлое, благодаря которому все это было возможно. Прошлое, которое никогда бы не оставило меня в покое.

Я посмотрел в сторону боксерского ринга. Блеск серебра сверкнул как раз перед тем, как кулак коснулся челюсти хорошо сложенного мужчины со светлыми волосами, связанными в узел.

Мужчина упал.

Быстро.

Его тело подскочило на пружинистом полу, и судья издал пронзительный свист, сигнализирующий конец боя.

В считанные секунды мое тело стало напряженным от злости. Проклятые мошенники в моем гребаном клубе.

— Это гад только что подписал себе смертный приговор, — мои мышцы горели от удовольствия, я был полон энергии от одной мысли о насилии. Прошла уже неделя, с тех пор как появлялись мошенники. Настало время преподать урок.

Эгоистичный ублюдок думает, что он может прийти и сжульничать. Ни за что. Не в моем доме. Мои мысли мчались, затмевая все жаждой крови.

«Ты заплатишь сегодня, и я заставлю тебя кричать».

— Смертный приговор? Ты ошибаешься, приятель. Он выбил из него дерьмо. Он просто маленькая сучка. Не может принять настоящий мужской удар, — Оскар, мой заместитель, продолжая следить за боем, он дотянулся до моего плеча, чтобы похлопать по нему. Вторая его рука опустилась на мой пиджак, он замер, а затем одернул свою руку назад. — Дерьмо.

Да, дерьмо. Я скрипнул зубами, едва сохраняя контроль.

— Ты работаешь со мной в течение целого года и так до сих пор и не запомнил. Может быть, мне стоит бросить тебя сегодня на ринг? — не отрывая от него взгляд, сказал я. Гнев струился по моим венам, горячий и быстрый, дразня меня изображениями боли и силы. На мгновение я подумал, что он дотронется до меня снова, тогда у меня было бы оправдание. Я смог бы нарушить один из своих многочисленных законов и наслаждаться небольшим весельем. Я смог бы поддаться.

Он быстро опустил руку, сжимая и разжимая пальцы.

— Извини. Это не сложно, когда это естественно. Все касаются друг друга, приятель, как в насилии, так и в любви, — он нахмурился. — Если ты собираешься вновь присоединиться к человеческой расе в ближайшее время, ты должен привыкнуть к тому, что люди будут хлопать тебя по спине и пожимать твою руку.

Мои руки сжались в кулаки, желая кого-нибудь избить. Мне нужна была жертва, кто-то, на кого я мог бы выплеснуть все это дерьмо, которое было внутри меня, чтобы мне не нужно было жить с ним дальше. Я, может, и сбежал от своего прошлого, но не сбежал от воспоминаний. Оскар думал, что трогать — это естественно, но не для меня. Для меня естественно — это отвержение любой сознательной мысли.

Может быть, снаружи я человек, но внутри... внутри я не контролировал себя.

— Ты снова направляешься в чертову закрытую территорию, Ос. Не говори, что я не предупреждал тебя. Сделаешь это снова, и я прослежу, чтобы ты, черт возьми, помнил, как держать свои руки при себе.

Оскар закатил глаза, бормоча:

— Ты так все драматизируешь. Бог знает, почему я мирюсь с твоими выкрутасами.

Целый год, а я все еще не привык к отсутствию у него страха, когда дело касается меня. Это не было естественным, не там, откуда я родом. Вот почему я держал его возле себя — чтобы помочь поддерживать иллюзию, что я был таким же, как все.

Я отогнал темные мысли прочь.

— А ты самоуверенный ублюдок, который думает, что избежит неприятностей.

Я вернулся в общество и сделал это на собственных условиях. Мне не нужны были друзья, жена или дети. Мой жизненный путь был таким, и я слишком долго шел по нему, чтобы менять направление.

Я никогда не хотел чего-то из этого. Единственное, чего я страстно желал — была погоня, удовлетворение от охоты. Вот почему я никогда не мог быть свободным.

Оскар пожал плечами:

— Я говорю в который раз. Иди займись серфингом, приятель. Все это дерьмо внутри твоей маленькой хорошенькой головы исчезнет.

Чертовски жаль, что я не умею плавать.

Обернувшись вокруг, я снова направил свое внимание на арену «Обсидиана», распростертую под моими ногами и размещавшуюся в огромном помещении здания, похожего на место, где прошло мое детство. Строительство обошлось в десять миллионов долларов.

Я узнал довольно рано, что мужчины были примитивными созданиями.

Заберите у них костюмы, жен, их работу и обязанности, и вы останетесь с животным. Животными, которые хотят драться и калечить — принять своего внутреннего дикаря.

Я предложил им бороться и шанс найти себя.

Я дал им место для этого.

В день, когда я открыл клуб для избранных, я был готов к нескольким вечеринкам. Но я не был готов к неожиданному успеху и поклонению.

Чтобы быть частью моего мира я требовал три составляющие:

Подчинение.

Дисциплину.

Строжайшую секретность.

Не говоря уже о неприличных членских взносах каждый месяц.

Оскар двигался рядом со мной, осматривая арену.

— Не совершай идиотских поступков. Эверест не примет обвинение. Ты знаешь, что случилось в прошлом месяце с Богомолем.

В прошлом месяце Богомол, также известный как Давид Горин, смошенничал и закончил выбитыми зубами и сотрясением. Я ударил его всего лишь один раз.

Оскар барабанил пальцами по стеклянным перилам.

— Если ты пойдешь ругаться и обвинять, ты получишь только...

— Что? Гнев мотоциклетного клуба «Осы»? К черту их. Они не могут сделать ничего хуже, чем то, что уже сделали другие, — я напрягся. Я не хотел это говорить. Я хотел сказать, что надеру ему зад и вышвырну его из моего клуба навсегда. Оскар искоса посмотрел на меня.

— Если бы ты сказал мне, что они сделали, возможно, я бы согласился. Но поскольку тебе нравится сохранять все в гребаной тайне, я понятия не имею, о чем ты говоришь, и твои завуалированные намеки очень сильно начинают раздражать мои проклятые нервы.

Мое лицо озарила улыбка, которая была большой редкостью. Мне нравилось, что светловолосый Оскар с лицом ребенка мог мне противостоять. Немногие были на это способны.

В действительности, я мог бы назвать двух людей в своей жизни, которые заставили меня прогнуться. Остальным такой возможности я не давал, и в свою очередь они боялись бездушного орудия, которое существовало где-то посередине, где не было правильного и неправильного.

Оскар усмехнулся, сгибая руки:

— Я знал, что, в конце концов, я заставлю тебя улыбнуться.

Потягивая шею, стараясь размять суставы, я пробормотал:

— Время для разговора с так называемым непобедимым Эверестом. Меня достало его дерьмо. Я искал предлог, чтобы вызвать его на ринг, и он мне его предоставил.

Единственный раз, когда кому-то разрешалось трогать меня, был во время боя. Удар в живот не ранит, для меня это как нежное прикосновение к щеке. Удары были лекарством, ласка была проклятием для меня.

— Ты никогда не говоришь. Ты только причиняешь боль, — Оскар стянул свой пиджак и бросил его на черный диван позади нас. На отдельном балконе находились бар, черный диван и кофейный столик. Большинство ночей были проведены здесь, контролируя и командуя. Мой кабинет был строго для меня — заблокирован и непроницаем от любопытных глаз клиентов.

— Это то, что я делаю лучше всего. То, для чего я создан, — проведя рукой по волосам, я вздрогнул, не обнаружив короткого «ежика». Всю свою жизнь я был вынужден стричь их коротко, как кадет. Когда-то пряди были рыжими, когда я стал старше, они превратились в медные, затем стали темными с бронзовым отливом, пока для маленького мальчика, которого я

помнил, не перестало все существовать.

— Первый урок этикета на этой неделе. Он задолжал мне гребаного уважения, — мои пальцы захрустели, когда я сжал кулаки.

— Все верно, — Оскар кивнул, улыбнувшись мне. Мы направились вниз по лестнице, покрытой черной ковровой дорожкой. На каждой ступеньке были очертания лисы, тисненые серебряной нитью. — У тебя есть привычка требовать уважения с помощью физического насилия.

Оскар был прав. Люди должны были меня уважать, потому что я достоин этого. Я дрался с каждым, кто думал, что может вытереть мною пол. Я показал им, что мог жить в теле, покрытом рубцами, но каждый шрам я заслужил. Каждый из них говорил о том, что я совершил, что таилось в моем прошлом.

Звук музыки исчез, как только вой арктического ветра и ледяные колючки снега унесли меня от настоящего к прошлому.

— *Убей его, Фокс (прим.перев. Фокс с англ. — Лис).*

До сих пор я никогда не ослушивался приказов, но покачал головой. Я не мог это сделать, я знал к чему это приведет. Я не в состоянии поднять нож и ударить малыша, который стоял передо мной.

Просто ребенок.

Просто ребенок.

Я сам был просто ребенком. Но все же я был убийцей.

— *Ты знаешь, что мы сделаем с тобой, если ты откажешься.*

Я знал, но это ничего не меняло. Я упал коленями на снег, ненавидя пронзительные ветра и низкие температуры. Сегодняшний вечер будет дерьмом.

— *Бросьте его в яму, пока он не усвоит урок.*

Память взорвалась осколками, терзая мой мозг иллюзиями настоящего и прошлого, смешивая их.

Тряся головой, я повернулся к Оскару:

— Позвони Доусону и его команде безопасности. Я хочу, чтобы Эвереста вместе с его приспешниками вышвырнули после этого.

Мы остановились у лестницы.

— Сделаю, — Оскар поднял руку, дав мне пять. — Вот выказывание уважения.

Идиот.

Я не двигался, только переключился с человека представительной внешности в старого себя, себя, что был обучен и вылеплен ненавистью и дисциплиной.

Переход от нормального до убийцы произошел мгновенно.

Оскар поспешно отодвинулся:

— Боже мой. Ты должен покончить с этим дерьмом, Фокс. Это ненормально.

Когда я говорил, что я нормальный?

Игнорируя его, я пошел в сторону рингов. Сегодня они работали на полную мощность. Лист ожидания висел рядом с табло с отказанными заявками.

Ринг тайского бокса был зарезервирован на вечер «Скатами». Группой людей, которые выглядели жесткими и имели мастерство настоящей группы бойцов. Они были здесь, не для того чтобы пролить кровь, а для того чтобы улучшить свои навыки.

Я хотел столкнуться один на один с их главным парнем по имени Штопор, для этого еще нет причин... пока нет. Но я найду. Это только вопрос времени, стоит только разозлить меня.

Подходя к рингам, я заметил его. Одной рукой он обнимал за талию девушку с азиатской внешностью, другой касался еще одной, одетой в серебряно-золотое платье. Я не мог оторвать от нее глаз. Я еще так себя не чувствовал.

Казалось, что весь холод в моей крови внезапно превратился в гребаный пар, шипя по моим венам. Я чувствовал, как все мое тело напряглось, я боролся с желанием не смотреть на нее. Я запомнил ее лицо, отметил ее недостатки, я смог увидеть за этот миг все ее особенности. Средний рост, хорошо сложенная фигура, у нее было достаточно изгибов, чтобы привлечь внимание, но недостаточно, чтобы назвать ее «пышной». Она держалась уверенной, все ее тело было напряжено, в то время как ее лицо растягивалось в улыбке, скрывая истинные мысли.

Чем дольше я смотрел, тем больше замечал: слабость, гнев, сила, стойкость, но под всем этим та же злость, смятение, что скрывается внутри меня. Я чувствовал беспомощность, с которой ничего не мог поделать.

Мне не нужна было знать ее, чтобы почувствовать явную ненависть, которую она так хорошо скрывала. Она словно мой двойник. Я, как и она, не мог избавиться от гнева, который прочно сидел внутри меня.

Черт. Я возненавидел эту связь, которую почувствовал с ней.

В ней не было ничего необычного, помимо ее очевидной красоты, и все же казалось, что над ней словно облако. Ее тело закрыто, ее глаза украшены неизвестной мне печалью.

«Я хочу знать почему».

Я остановился. Нет, черт, нет.

Плевать. Она была женщиной, а я не поддавался их чарам. Я нашел облегчение в другом.

В основном в боли.

Я потерял достаточно времени, ведя себя как придурок. Приложив усилие, чтобы игнорировать женщину, которая зажигала что-то глубокое внутри, я оглядел комнату. Все люди двигались тихо и почтительно. Проститутки, работая на меня, зарабатывали за неделю больше, чем за год на улице, сексуально двигались, обслуживая клиентов в шикарных нарядах.

Если кто-то хотел приватный бой или комнату, чтобы потрахаться, весь нижний этаж моего клуба был в их распоряжении.

Я никогда не был окружен богатством. И я был согласен, что тепло и уют, предоставленные за деньги, были чертовски лучше, чем трястись в снегу в ожидании пока кто-то убьет меня.

Две противоположности.

Две жизни, которые никогда не соединятся.

Шрам на моей щеке как старый враг, напоминал мне, что не важно, кого я создал из пепла своего прошлого, я всегда буду ребенком, который убивал.

— Ах, черт, он снова вернулся, — Оскар кивнул на хорошо известного бунтовщика на ринге смешанных боевых искусств. Парень насмеялся, поднимая свой забинтованный кулак в высмеивающем приветствии.

— Он в одном шаге от изнасилования в задницу в местной тюрьме. Я слышал, что он работает с метамфетамином в лаборатории в Куги.

Целуя свои кулаки, он обнажил зубы и засмеялся.

Я посмотрел на него своим пристальным взглядом. Одним пальцем, я провел от верхней части моей правой скулы, по всему лицу к подбородку. Я почти не чувствовал его, на шраме была снижена чувствительность. Как только я проследил контур шрама, я провел тем же самым пальцем по горлу, в универсальном знаке «ты труп», и указал на него.

— Он, может, и придурок, но он клиент, — застонал Оскар. — Фокс. Прекрати это. Ты не можешь отпугнуть всех клиентов. Какой бизнес ты ведешь?

— Чертовски хороший, если я не имею дел с мелким дерьмом, как этот, — бормоча себе под нос, ответил я.

Оскар вздохнул.

— Все равно, приятель. Он получит свое без твоей помощи. К кому ты хочешь идти? К нему или Эвересту? Ты не можешь сделать обоих.

Мне не нужно было думать. Этот наркоман не продержится и пяти секунд против меня. По крайней мере, Эверест имел шанс причинить мне боль. Не потрудившись ответить, я преодолел расстояние до ринга для бокса.

Бойцы разошлись для нас, как будто я был мессией, а они были рокошущим морем. Страх осветил их глаза, тела напряглись.

Казалось, что моя репутация была впереди меня. Опять.

Во мне бушевала ярость, я остановился напротив Эвереста. Мое сердце забилося быстрее.

— Нам надо поговорить, — я скрестил руки. Я не был низким, но этот мужчина заставил меня поднять глаза. Его руки были больше, чем мои, туловище — шире. Все в нем говорило о грязи и фальши, в то время как я был естественным, мне не нужно было притворяться. Свяжешься со мной и будешь платить за последствия.

Эверест, также известный как Тони из команды байкеров, вытер рот тыльной стороной своей волосатой руки.

— Ну, не это ли Скарфейс (прим. пер. — Лицо со шрамом) и его сучка, Барби, — презрительно фыркая, он добавил: — Пришли поздравить меня? Или получить указания?

Несколько человек за Эверестом заржали. Он всегда приходил со свитой, и никогда один. Он разносил слух, что убивает каждый день. Я знал убийц, и этот чертов идиот не был одним из них.

В моем теле бушевал адреналин. Ох, я буду наслаждаться этим. Чертовски сильно.

Я посмотрел направо, где человек, который дрался не по правилам, подсчитывал выигрыш. Еще один из мелких приспешников Эвереста. Зажав в руке кучу стодолларовых купюр, его улыбка была наполнена жадностью.

Кивнув в его сторону, я сказал:

— Жаль, что твоя игрушка выиграла не по заслугам, а по обману. Не представлял себе, что так тяжело выиграть для оплаты твоих счетов. — Шагнув ближе, я прорычал: — Ты и твои идиоты на велосипедах думаете, что вы как закон, угрожаете моему клубу выплатами, мошенничая под моей гребаной крышей. Знаешь что? С меня хватит. Хватит грязи, что пачкает мои ринги.

«Обсидиан» был легальным бизнесом. Не имело значения, что документы, поданные в налоговую, говорили, что это был высококлассный тренажерный зал. Правительству не нужно было знать о незаконности. Мы обходили стороной местных стражей порядка. И я отказался заплатить байкерам, которые хотели получить мой клуб.

Я не был дураком и делал гораздо хуже, чем любой их этих обманщиков.

Эверест покраснел от злости. Его глаза потемнели, а зрачки выглядели гигантскими.

— Ты долбанный мертвец, Фокс, — показав рукой в направлении человека держащего деньги, он отрезал: — Что там? Мы заработали это честно. Иди назад на свой трон и наслаждайся своей последней ночью сна, и днем, когда ты не оглядываешься назад.

Я запрокинул голову назад и рассмеялся. Это не было весело или устрашающе, это было холодно и расчетливо. Эверест посмотрел с ненавистью, затем напрягся, и я встретился с ним глазами.

— Не я тот, кто должен оглядываться назад. Ты. Я. В клетке. Сейчас.

Эверест хлопнул руками по своим ногам.

— Ха! Ты думаешь, я бы унизил себя, развлекая маленького фаната на ринге? Ни за что, Скарфейс. Я не буду драться с тобой. Отвали. У нас есть другое множество состязаний, чтобы выиграть.

— Ты имеешь в виду, смошенничать.

Он зашипел, отчего его огромная шея задрожала от возмущения. Ублюдок выглядел как оживший урод из прошлого.

Я сделал шаг по направлению к нему:

— Я видел кастет, придурак. Это не переговоры. Полеза́й в клетку.

— Лучше послушай, Тони. Фокс не кидает пустых угроз, — сказал Оскар, стоявший рядом со мной, как телохранитель.

Эверест выпятил свою грудь, встав в полный рост. Его тело было внушительных размеров, но я давно потерял способность бояться.

— Ты хочешь повторить это, Фокс? — в его глазах пылал гнев, показывая, как он хочет забить меня в землю, как ржавый гвоздь. — Я. Не. Мошенничал.

Громкие басы и мрачная музыка пульсировали в клубе, возбуждая мою кровь для жестокости.

Черт побери, я нуждался в бое.

Сопляк, который не видел меня горящего гневом, незаметно подошел ближе.

— Вау, я не знал, что вы здесь сегодня, — он склонил голову, посмотрев на меня как фанат. — Это большая честь встретить легендарного Обси...

Эверест фыркнул:

— Ох, дай мне чертов перерыв.

Я посмотрел на парня. Полуголый, у него изо рта текла кровь. Кто-то крепко его разукрасил.

— Уходи, парень. Иди найди другой образец для подражания, — мой голос не повысился, но это и не было нужно. Это отражалось в интонации. Я ненавидел, когда ко мне подлизывались. Подлизывание приводило к привязанности, которая приводила к преданности, а преданность приводила к смерти.

Он нахмурился, отбрасывая назад длинные светлые волосы со лба.

— Умм, извините. Я просто большой фанат. Ваша репутация привела меня сюда.

Я обнажил зубы, заставляя его сделать шаг назад. Вот почему я всегда в темноте. Никто не понимал. Бойцы хотели быть мной, неудачники хотели бежать от меня. Но никто из них не хотел знать мое прошлое. Если бы они знали, они передали бы меня первому встречному федералу за все мои преступления.

Эверест усмехнулся парню.

— Смотри внимательнее, мальчик. Потому что после сегодняшнего вечера — он ходячий мертвец, — Эверест наклонился ко мне. — Добиваешься этого, ублюдок? Мы с моей командой собираемся забрать этот клуб и оставить тебя в грязи.

И вот она. Свобода. Он сделал это.

Сегодняшний вечер получился интересным. Я планировал укротить себя. Один бой, который закончится без сломанных костей. Но глупость Эвереста принесла ему первоклассную поездку в скорой помощи.

Я забыл про парня-фаната. Адреналин распространился по всему моему телу. Он был сильнее, чем любое запрещенное средство.

— Я хотел пообещать, что ты уйдешь отсюда на своих обеих ногах, но это предложение устарело. Ты, очевидно, не слышал слухов про меня, — я выразил неодобрение, качая головой.
— Большая ошибка. Большая, большая ошибка.

Осмотрев Эвереста сверху вниз, я провел рукой по волосам. Воздух наполнился слабым запахом шоколада.

— Ты собираешься взять свою задницу в руки, затем вернуться к своим идиотам и сказать им, что если они приблизятся к моему клубу, они закончат удобрениями в моем гребаном саду.

Эверест зарычал и ринулся вперед. Я уклонился, перед тем как его рука задела какую-либо часть моего тела, и ударил его по почке кулаком. Один тяжелый, жесткий удар. Я наслаждался легкой болью в моих костяшках. Наносите боль — получаете боль. Получаете боль — наносите боль. Урок, который я не забуду никогда.

Задыхаясь, он держался за бок.

— Ты заплатишь за это! Никто на хер не трогает меня! — зарычал Эверест, обнажив золотые зубы. — Тебе лучше уйти, Фокс, или я избавлю твою кричащую задницу от твоей гребаной жизни.

Я позволил ему разглагольствовать, наслаждаясь его злостью, питаюсь этим.

— Я закончил спорить, — мое самообладание исчезло, сменилось на холод, которым я жил, пустотой, которую я никогда не был в состоянии потерять. — Полезай в клетку.

Ряд высоких мощных прожекторов были направлены на нас. Под моей черной рубашкой, скатился ручеек пота по поясице. Единственным украшением была серебряная лиса на грудном кармане.

Я шагнул вперед, пока мы не оказались почти нос к носу. Вдыхая его дешевый одеколон, я не хотел ничего больше, чем откусить его нос и распинать его задницу.

Мое отражение сверкало в его темных глазах — расплывчатое изображение человека без души со шрамом, уродующим его щеку.

Шрам пугал многих людей, но мои глаза сбивали их с толку еще больше, серые, почти бесцветные.

— Мне скучно от твоего неповиновения, Тони. Заставь меня спросить еще раз, и я не обещаю, что ты останешься в живых. У тебя есть парень, который помогает тебе. У меня есть доказательства. Ты можешь кричать и отрицать все, что ты хочешь. Доказательства не врут.

Наклонившись, Эверест оказался слишком близко ко мне.

— Твои мелкие угрозы для меня ничто, Скарфейс. Все обманывают.

— Не в моем клубе, — я щелкнул костяшками пальцев. — Это мой клуб. И ты подчиняешься моим правилам. Если ты не подчиняешься этим правилам, последствия должны быть оплачены, — я сердито посмотрел на него. — Я не хочу повторять тебе снова. Полезай. В. Клетку.

Для большого мужика, называвшего себя убийцей, он сделал шаг назад как трус. Наконец в его

глазах сверкнуло понимание.

— Отвали. Я не дерусь с такими муравьями, как ты. — Его злость испарилась, оставляя идиотскую болтовню. — Я дам тебе десять штук за потерю выигрыша для тех, кто не на того поставил в этом бою.

Оскар шагнул вперед, разминая шею. Напряжение в его мышцах посылало мне больше рвения.

— Ты не можешь откупиться от этого. Сказать «нет» хозяину «Обсидиана» — это не вариант. Это в правилах. Он хочет тебя в клетке. Ты лезешь в гребаную клетку.

Я вздрогнул от удовольствия.

«Обсидиан». Он был моим. Мое творение. Единственная вещь, которая давала мне что-то, чтобы жить и сосредоточивать в нем все мои жестокие бесчеловечные склонности. Это было иронично, что единственное место, от которого я бегу всю жизнь, стало моим будущим.

Мысли скакали в глазах Эвереста. Наконец он зарычал:

— Это не конец, Фокс. Ты можешь выиграть сегодня, но я отплачу тебе. Просто помни меня, когда кто-то выстрелит в твою голову, — Эверест снял свою рубашку, обнажая торс. Раньше он был накачанный, сейчас же у него появился лишний жирок. — Я заставлю тебя заплатить, придурок.

Я не сказал ни слова. Мне не нужно. Он сам вырыл себе могилу.

— Мальчик, передай мне эти чертовы перчатки, — Эверест потянул руки к новичку, державшему пару голубых перчаток для бокса.

Я щелкнул пальцами:

— Никаких перчаток. Никакого бокса. Полезай в клетку.

Хейзел

Я всегда гордилась тем, что достаточно сильная, чтобы справляться с жизненными трудностями. Я пообещала себе, что выиграю, несмотря ни на что. И три недели назад, я жила этим обещанием, как законом. Я достигала того, что казалось невозможным, и преодолела то, что казалось непреодолимым, а затем жизнь решила преподать мне новый урок.

Судьба заставила меня изменить взгляды на жизнь, превращая из решительной и готовой бороться, в жалеющую себя и негативно на все настроенную.

Но в тот момент, когда я вошла в «Обсидиан», вкус насилия оживил мое сознание и напомнил, что я была бойцом, и что я выиграю. На данный момент, я желала только одного: избежать столкновения с катализатором, который однажды уже меня разрушил.

С ним.

Обсидианом Фоксом.

Ублюдком, давшим мне так много, но и все у меня укравшим.

— Что происходит? — прошептала я на ухо Клу. Мы все еще находились рядом с рингом, где проходили бои тайского бокса, но вдруг атмосфера изменилась. От спокойной и оживленной до тревожной и накаленной. Я не могла сказать, из-за чего это произошло, но все начало медленно меняться до тех пор, пока помещение не загудело от волнения.

Клу не отводила взгляда от Штопора. Он уклонился от удара и развернулся, внешне соответствуя образу божества, когда без труда взял верх над своим соперником. Его бой начался несколько минут назад, но казалось, что публику больше интересовали мужчины, разговаривающие рядом с боксерским рингом. В раскаленном воздухе со всех сторон слышался взволнованный шепот, а зрители нетерпеливо заерзали на своих местах.

— Я не знаю, что происходит, но разве Бен не выглядит восхитительно, весь блестящий как оникс, и сражающийся, как воин? — Клу улыбнулась. Ее глаза светились от влюбленности, больше похожей на одержимость. У них было всего пару свиданий, но она уже была на стадии, когда женщина теряет голову от мужчины, который, несомненно, заявит на нее свои права и пометит территорию в тот момент, когда бой закончится.

Отведя взгляд от Штопора, я попыталась сосредоточиться на толпе зрителей, направляющейся к рингу.

Мой взгляд остановился на мужчине, одетом во все черное, и едва заметном в собравшейся толпе. Я не знала, кто он такой. Что-то в нем не давало мне покоя, кроме того, всё усиливалось исходящим от него чувством опасности. Я хотела держаться на расстоянии, но он притягивал всё мое внимание.

Несколько минут назад, он прошел мимо нас, и в тот момент, когда его взгляд остановился на мне, я ощутила перемены внутри себя. Проблеск. Осознание. Назовите это страхом или влиянием мужчины, но это застало меня врасплох. Все мое тело напряглось от возбуждения — заколотилось сердце и участилось дыхание. Мое тело готовилось либо к бою, либо к побегу. Я не понимала, почему он вызывал такую реакцию.

Когда он проходил мимо, у меня была возможность смотреть на его удаляющуюся спину, но я бы предпочла этого не делать. Он был высоким, и двигался с элегантностью человека, имевшего почти царственную осанку. Под обтягивающей рубашкой выделялась мощная спина, а темные, бронзовые волосы блестели в свете софитов. Он излучал власть, дисциплину и крайнюю непредсказуемость. Все, что он собой представлял, разливалось приятной дрожью внизу моего живота.

Прошло уже восемь долгих лет, с тех пор, как я испытывала болезненное ощущение от физического влечения. Болезненное, потому что когда это происходило со мной в последний раз, получила я от этого только болезнь и трагедию.

Это навсегда изменило мою жизнь.

У меня не было времени для влечения.

Результатом моего последнего увлечения была Клара, и тогда я была такой наивной. Такой наивной.

Из толпы на меня обрушилась волна возбуждения. Когда, завладев мною, по мне пронеслось чувство тревоги, я схватила Клу за руку. Зрители придвинулись плотнее, вытягивая шеи, и пытаюсь рассмотреть на ринге двух мужчин.

Клу посмотрела, как крепко я держу ее руку, затем перевела взгляд на меня.

— Зелли, не стесняйся смотреть другие бои. Я уверена, есть множество сексуальных мужчин, с которыми ты можешь весело провести время.

Я закатила глаза.

— Клу, я не заинтересована в поиске приятеля по кровати. Мне интересно, почему все ведут себя настолько напряженно.

Я почувствовала, как от волнения на затылке начало покалывать кожу. Я не могла стоять здесь и не узнать, что происходит. Мои инстинкты призывали бежать, но разум говорил остаться, и мне нужно было прислушаться к его голосу. Увидеть, почувствовать, чтобы знать, как это разрушить.

Опасность.

Я всегда была в состоянии понять, когда рядом была опасность, или когда что-то собиралось навсегда изменить мою жизнь. И сейчас я это чувствовала.

«Игнорируй это и иди домой к Кларе. Это бессмысленно».

Бессмысленно, но увлекательно. Убирая руку от Клу, я пробормотала:

— Я собираюсь разобраться, что происходит.

Клу была настолько увлечена Штопором, что только кивнула. Оставив ее в безопасности, я вышла из яркого света, окружавшего ринг тайского бокса, и направилась к боксерскому рингу.

Когда я пробиралась сквозь толпу, до моих ушей доносился шепот:

— Это он. Он собирается драться.

— И кто бы его ни разозлил, он не испытает особого счастья, когда после боя очнется с сотрясением.

Вместе с толпой, я медленно продвигалась вперед, а количество зрителей неумолимо увеличивалось, потому что к нам присоединялись люди, ранее сидевшие на диванах, окружающих ринг.

Прорываясь сквозь плотное кольцо людей, я не могла понять, что стало причиной моего волнения — возбуждение толпы от приближающегося зрелища или моя нервозность.

«Ты знаешь, что является этому причиной».

Все дело в нем.

Мужчина, который казался мне большим, чем человек. Мужчина, от которого меня бросало в дрожь.

Я нашла его взглядом, одетого во все черное. Он излучал энергию, заряжая каждого.

Он стоял грудь к груди с огромным «зверем», который выглядел, будто сам убил нескольких человек. Он не двигался и не говорил, не совершал никаких провоцирующих жестов в сторону противника, но едва сдерживал гнев.

У меня пересохло во рту, по единственной причине — я чувствовала его, как ужасную угрозу.

Противник не сдавался, но ему не хватало того, чем обладал мужчина в черном: жестокости, уверенности, абсолютного знания, что он победит, и нет ничего, что может сделать противник.

Мужчина в черном оскалится, с ненавистью посмотрев на более высокого мужчину. Их губы двигались, но я не могла слышать, о чем они говорили.

Как только волна возбуждения от зрителей начала нарастать, я подошла ближе к рингу. Люди также придвинулись, а атмосфера сгустилась от видимого напряжения.

Я моргнула и пропустила, из-за чего началась драка: в одну секунду они говорили, а в следующую они атакуют, блокируя друг друга. (прим. пер. Клинч — бокс. прием) Затем все утихает так же быстро, как и началось. Еще несколько слов, и мужчина, одетый в черное, указал на клетку рядом с ними.

Рефери, наблюдающий за происходящим в клетке, дунул в свисток, останавливая бой на середине. Бойцы посмотрели в сторону мужчины в черном и кивнули, покидая клетку так смиренно, как школьники, столкнувшиеся со строгим директором.

Мое сердце неистово забилося, когда мужчина в черном оглянулся и поймал меня в тот момент, когда я его разглядывала.

Его взгляд обездвижил меня, я не могла двигаться или даже дышать.

Он нахмурился, а его светлые глаза потемнели от раздражения. От напряжения он стиснул зубы. Его квадратная челюсть выглядела очень сильной, в то время как немного кривой нос говорил о том, что раньше он много дрался. Скулы были слишком широкими для мускулистого тела. И мне не нужно было видеть, что под его одеждой, чтобы знать, что в нем не было ни грамма жира. Он не был просто мужчиной, он был ходячим оружием.

Он просто был больше. Намного больше. Больше, чем мужчина. Больше, чем опасность. Большой угрозой, чем я видела в других мужчинах. Но у него был шрам, который делал его уникальным. Изрезанный. Неровный, он разделял его лицо на две части. Одна половина его лица была приятной, притягивая подойти поближе, а вторая — как ад, отталкивала от себя.

Двери.

Сочетание ада и рая на его лице, идеально подходило для человека передо мной.

Я его не знала, я лишь чувствовала, что он перенес ужасное прошлое, которое превратило его в кого-то, кем бы он ни был, но мое сердце билось быстрее. Я хотела знать, хотела познакомиться.

Это было до того момента, как он отверг меня одним лишь взглядом, щелкнув пальцами перед огромным мужчиной, стоящим перед ним. Какая бы короткая связь не возникла между нами, сейчас она угасла, оставив меня с холодом внутри.

Они вдвоем подошли к клетке и поднялись на небольшую сцену, чтобы войти. После того как внутри стало безопасно, мужчина повернулся и закрыл дверь.

Толпа зрителей двигалась свободно и неуправляемо.

Огромный парень провел руками по лицу, что-то говоря мужчине в черном. Произошел короткий и напряженный обмен фразами, но, в конце концов, мужчина со шрамом покачал головой и щелкнул пальцами в сторону рефери.

Кивая, рефери достал из заднего кармана беспроводной микрофон и повернулся лицом к аудитории, которая из спокойной вдруг превратилась в буйную.

— Леди и джентльмены, у нас для вас есть развлечение!

Интерес толпы стремительно нарастал, укрепляя волнение. Даже если они и пытались успокоиться, нетерпение все равно заполнило огромное пространство. Учащенное сердцебиение во мне также пульсировало вместе с кровью.

Я хотела бежать. И не могла двигаться.

Перед собой я увидела мужчину в черном. Прыгая на пятках и разминая шею, он собирал из комнаты каждую частицу энергии, пока весь не наполнился жестокостью.

— Это особенное, незапланированное событие, и вы никогда не увидите его снова. Бой между двумя безжалостными соперниками, пожалуйста, поаплодируйте и шумно поприветствуйте Гору Эвереста! — судья подпрыгивал вокруг огромного мужчины без рубашки, рассказывая о нем. — При весе в двести килограмм, Эверест хорошо известен за его непоколебимость, как элитного боксера, и непревзойденную победную серию «Семнадцать побед — ноль поражений». Работая неполный рабочий день, он зарабатывает на жизнь за счет обучения других впечатляющих бойцов, являясь все еще пугающей горой мускулов. Это первый раз, когда он в клетке за последние шесть месяцев. Давайте радушно примем его... Гора... Эверест!

В то время как наличные передавались из одних ладоней в другие, толпа свистела и аплодировала, пока не были сделаны все ставки. Я стояла, стараясь быть незаметной.

Эверест поднял руки и ухмыльнулся сверкающими золотыми зубами. Однако его бравада не могла скрыть блеска пота или чувства страха, исходящего от него.

Толпа закричала сильнее.

Я поморщилась. Он казался подростком, хотя был даже старше своего соперника.

Мужчина в черном покачал головой и что-то сказал, что заставило Эвереста зарычать в гневе.

Рефери поднес микрофон к губам и аплодисменты исчезли.

— А сейчас, леди и джентльмены, позвольте мне представить бойца, который собирается столкнуться лицом к лицу с этим известным противником.

Крики толпы усилились. Я наклонилась, стараясь услышать. Я хотела знать его имя. Я хотела знать, почему он одновременно притягивал меня и заставлял испытывать страх.

Рефери продолжил:

— Я уверен, что этот мужчина знаком каждому!

Толпа, несомненно, обезумела. Раздавался топот ног и визг женщин.

— Фокс.

— Фокс.

— Фокс.

Мужчина в черном поднял руки, позволяя публике его приветствовать. Он не улыбался. Он не выглядел польщенным, он не был там ради обожания, не так, как его противник. Он был там ради борьбы, безупречной и простой.

Зрители повеселели, поклоняясь мужчине, похожему на самого дьявола, и потворствующему нелегальному кровавому спорту.

Рефери засмеялся, перебивая маниакальную толпу:

— Вот он! Наш любимый! Владелец «Обсидиана»! Пожалуйста, поаплодируйте... Обсидиан... Фокс!

Мне хотелось зажать уши. Я никогда не думала, что такое количество людей, полностью изолированных в темноте, может вызвать такой хаос.

В тот момент, когда рефери закончил представление, Фокс бросился на Эвереста. Никакого колебания. Никакой паузы.

Борьба началась с удвоенной силой.

Фокс ударил соперника кулаком в висок. Эверест пошатнулся, колотя огромными руками, стараясь попасть Фоксу в голову. Но он уклонялся каждый раз, нанося удары по челюсти и груди Эвереста.

Безупречная точность и холодный расчет ударов судьбы, которые мне доставались, заставили возненавидеть спираль случившихся событий в моей жизни. Я ценила строгие правила и гордилась своей дисциплиной, чувствуя то же самое в мужчине в черном.

Мое тело наполнялось горячей злостью, поглощая бой и позволяя ему подпитывать меня энергией. Я не знаю, что на меня нашло, но мужчина, которому принадлежало это место, и который рисковал своей жизнью только для мужской игры во власть, имел все, чего у меня не будет. Я ненавидела его за безрассудность. За причинение физической боли, когда он мог помочь найти лекарство от болезни. Он мог быть спасителем, но вместо этого выставлял себя напоказ и дрался. Вместо этого он причинял боль другим. За что? Как демонстрацию того, что ему принадлежит?

Я ненавидела его.

Я ненавидела то, что он вызывал во мне такие странные чувства.

Я ненавидела, потому что он имел так много, в то время как моя дочь не доживет и до подросткового возраста.

Я ненавидела его безо всякой причины. Он был исключительно тем, куда была направлена моя

ненависть. В этом не было смысла, это было нерациональным, но мои кулаки сжались, когда я, наконец, признала чувство беспомощности, от которого страдала. Я пряталась от него в течение трех недель, делая вид, что могу справиться, но понадобился нелегальный бой, чтобы показать мне, насколько лживыми были мои эмоции, и насколько разрушенной сделал меня диагноз Клары.

Если бы во мне было меньше здравого смысла, я бы записалась на ринг и сама его ударила. Я хотела его ударить. Я хотела кусать, наносить удары и причинять так много боли, какую в себе чувствовала.

Я хотела пойти на войну, сражаться и выйти победителем, так я могла бы спасти Клару.

Эверест огрызнулся и замахнулся на Фокса. Потом кинулся на него, и они упали, продолжая бороться, матерясь друг на друга.

Фокс резко вскинул руку и ударил Эвереста в живот. Отчего тот остановился и заскрежетал зубами от злости, перед тем, как замахнуться и нанести ответный удар.

Увернувшись, Фокс повернулся и ударил противника кулаком в область печени. Я не могла отвести взгляда от его лица. Когда он нанес удар, то поморщился от боли, но затем яростно улыбнулся, становясь злее, когда борьба продолжилась.

Он был полностью в своей стихии, и я начала опасаться за Эвереста. Он мог быть больше, но в Фоксе было что-то, чего не было у его противника.

Никакого раскаяния.

Никакого уважения к жизни.

Толпа засвистела, когда Эверест нанес удар Фоксу в голову.

Вместо того чтобы, готовясь к другому удару, уйти в сторону, Фокс рассмеялся. Звук его смеха звоном раздавался по клубу и, сплетаясь с музыкой, обретал психопатическое звучание.

Эверест закричал:

— Ты чертовски сумасшедший сукин сын.

Фокс не ответил. Перемещаясь на расстоянии удара, он нанес серию из четырех быстрых ударов. Вместо того чтобы упасть, Эверест сделал неуклюжий выпад вперед, заставляя Фокса отступать, пока его огромные кулаки впечатывались в бока и щеку Фокса.

Эверест прикоснулся к щеке Фокса.

Шрам.

Единственное место, к которому я бы никогда не осмелилась прикоснуться. Это казалось почти кощунственным.

Затем Фокс остановился. Он безразлично опустил руки, оставляя тело незащищенным. Потом что-то произнес, и Эверест замер.

Я сделала шаг вперед, нуждаясь быть ближе, нуждаясь слышать. Я никогда так не погружалась в бой. Несмотря на то, что я сожалела об этом и ненавидела, когда причиняют

боль, и мне было непонятно стремление к доминированию, все равно не могла заставить себя оторваться от этого зрелища.

— Ты хочешь вырубить меня? Будь моим соперником, и чертовски постарайся это сделать, — голос Фокса звучал грубо и гневно. Акцентировано. Он опускал лишние слова, делая акцент на других, заставляя меня задрожать всем телом.

Эверест кинулся вперед, размахивая кулаками, как дубинками. Один удар пришелся Фоксу по скуле, другой с силой врезался в живот. Но вместо того, чтобы согнуться от боли и начать отступать, Фокс сделал наоборот.

Он расправил плечи, становясь во весь рост. Потом зажмурил глаза и, казалось, что он пьет боль, подпитывается ею.

В одну минуту он казался довольным, в следующую — кинулся на Эвереста, и они вместе тяжело упали на пол. Ноги переплелись с ногами противника, руки — с руками. Фокс одним сильным выпадом разбил коленную чашечку Эвереста.

Гора взревел от нестерпимой боли и начал отпихивать Фокса, сгибаясь от боли, как ребенок, а не как сильный мужчина, он кричал, источая неподдельный страх.

— Слезь с меня, ублюдок!!!

Мгновенно, Обсидиан наотмашь ударил Эвереста лицом об пол, ломая ему нос. Потом снова его пнул и взял в захват его шею. Усиливая хватку, Фокс медленно душил его.

Эвереста покидали все мысли о борьбе. Я знала этот переход от борьбы к выживанию. Я сама много раз была его жертвой.

Отмахиваясь как неповрежденной, так и сломанной ногой, он все равно продолжал бороться. Он пытался сбросить руку Фокса, но это было бесполезно. Фокс использовал момент, чтобы заломить руку Эвереста за спину.

Толпа скандировала, когда Фокс откинулся назад, сжимая противника.

Мое сердце громко колотилось, вызывая приступ тошноты.

— Раздави его.

— Уничтожь его.

Фокс не обращал внимания, только сильнее душил противника, постоянно выкручивая его руку все дальше и дальше.

Когда его плечо было вывихнуто, Эверест издал слабый стон и, потеряв сознание, безвольной массой рухнул на пол.

В тот момент, когда противник отключился, Фокс поднялся на ноги и кивнул толпе. Вытирая кровь из носа, он нахмурился, обнаружив дыру на своей рубашке.

И тут я впервые заметила, что на протяжении всего боя он оставался полностью одетым. Он предпочел лучше испортить свою одежду, чем вести бой без рубашки.

Почему?

Фокс один раз махнул рукой толпе, ответом ему был рев признательности.

Этот мужчина был любимым, устрашающим или вызывающим ненависть, а может, все три пункта одновременно.

Я смотрела на него, и смесь интереса и страха вновь распространила мурашки по моей коже. Что-то говорило мне, что толпа не оказывала бы такого радушного приема, если бы они знали, что он прячет за этими бледными, почти бесцветными глазами. Во время боя он был бесчеловечным, сражаясь без мысли или жалости.

Вытирая лоб рукавом, Фокс прошел мимо рефери, покинув клетку и шумящую толпу.

— Обсидиан Фокс! Обсидиан.

Я не заботилась о триумфе победы, это же, казалось, не волновало и Фокса. Он двигался плавно, игнорируя всех. Люди сохраняли дистанцию, понимая, что они могут смотреть, но не трогать.

Когда он подошел ближе, меня снова наполнила волна беспокойства. Я не хотела находиться к нему так близко, не тогда, когда увидела, насколько он был опасным.

Настало время идти домой. Возвращаться в свою нормальную жизнь. К своей умирающей дочери.

Мысль ударила меня в самое сердце. Дерьмо, неужели воспоминания никогда не перестанут врываться?

Я повернулась, чтобы уходить. Мне нужно уйти прочь от этого всепоглощающего сумасшествия.

Толпа разошлась, и я медленно шла к рингу тайского бокса.

Четыре ступеньки, пять ступенек, перед тем, как чьи-то сильные пальцы впились мне в плечо, разворачивая.

Я подняла глаза, сдерживая на губах проклятья, но все мои слова испарились от потрясения.

Я была готова к небольшому шоку от его прикосновения, с оттенком новизны и нерешительности, но не была готова к электрическому разряду, пронесшемуся от его тела к моему, с содроганием, отозвавшимся у меня в груди.

Я широко раскрыла глаза и сглотнула, стараясь заставить свой мозг работать.

Фокс издал гортанный стон и крепко сжал пальцы. Он свирепо посмотрел на меня, и его вид говорил о том, что он готов меня убить.

— Кто ты?

Когда я не ответила, другой рукой он сильно ударил себя по лицу. Фокс нахмурился, в то время как выражение его лица было недовольным и яростным.

— Ты думала, что я не видел, как ты наблюдала? Твои глаза все время были прикованы ко мне. Ответь мне. Кто ты? — его глубокий, акцентированный голос заставил напрячься мои соски, а дрожь страха прошла по мне волной.

Мое самообладание наполнило меня показной смелостью.

— У меня нет привычки отвечать на такие грубые вопросы.

Фокс стиснул челюсть и сильнее сжал мою руку.

Всё, о чем я могла думать — бежать. Его глаза выглядели почти белыми от злости. Лицо блестело от покрывающего его пота, небольшая струйка крови стекала из носа и отдавала запахом металла. Шрам на его щеке кричал, что он был опасным мужчиной. Он был мужчиной, который жил, игнорируя правила и законы. Это был мужчина, которого боятся.

— У меня нет привычки касаться женщин, но все же, я это делаю, — он встряхнул меня, чтобы подчеркнуть свои слова. — Ответь мне. Кто ты, черт побери, и откуда ты взялась?

Я не могла двигаться, когда он наклонился ближе, и его глаза пронзили меня глубже, чем чей-либо взгляд. Я чувствовала себя обнаженной, беззащитной и практически в ловушке.

Вздернув подбородок, я злобно посмотрела на него.

— Отпусти меня.

Он так тряхнул головой, что взметнулись пряди его золотых волос, и задал вопрос:

— Что ты делала так близко к рингу? Девушки предназначены либо для того, чтобы ровно лежать на их гребаных спинах в частных комнатах, либо смешиваться в толпе. — Его взгляд переместился с моего лица, рассматривая мое тело сверху вниз: — За исключением если ты не сотрудник, то шпион. Мое терпение на исходе, и я предлагаю тебе ответить на мой вопрос.

Когда он еще ближе дернул меня к себе, каждый страх и трудности в моей жизни показались мне несущественными. Тепло его тела наполнило меня потребностью и отвращением. Это был не мужчина. Это был хладнокровный убийца.

Отодвинув руку, я повернула плечо, чтобы заставить его отпустить меня. Проблема была в том, что он следил за каждым моим движением. Он сжал пальцы, и я сдалась. Он удерживал меня, как пленницу, не прилагая никаких усилий, отчего мое сердце замерло. Я ненавидела свое предательское тело, реагирующее на него так, как я никогда раньше не чувствовала. Я ненавидела, что он бросал мне вызов. Но больше всего я ненавидела интригу, загадку.

— Я не шпион. Ты что, Джеймс Бонд? Убери от меня свои руки. Хватит меня допрашивать.

— Нет, пока ты не скажешь, как попала в мой клуб. Что с тобой не так?

— Всё со мной нормально.

— Ты лжешь. Что-то не так, — он буквально смотрел внутрь меня. — Ты заставляешь меня чувствовать, — прерывая себя, он зарычал. Он пах землей и дымом, и силой с примесью шоколада. Его руки были горячими, крепко держа мои, смертельно. — Я никогда не видел тебя раньше, а я не люблю незнакомцев. Я спрошу еще раз. Кто ты, черт побери, и почему меня влечет к тебе?

Мое сердце остановилось. Его ко мне влечет?

Он тоже это чувствовал. Странное чувство, непонятная потребность. Может быть, это было исключительно похотью двух тел, одно из которых признало человека с подобными же

желаниями и побуждениями. Если бы это было так, я бы не была так сильно затронута.

Все что я чувствовала, наблюдая за его боем, всплыло на поверхность. Он причинял боль без раскаяния. Он действовал так, будто разбить парню коленную чашечку было ничем. Как я могла позволить этой глупой химии в моем теле заменить мое чувство самосохранение?

Я освободила руку, готовая ударить его и бежать, но остановилась.

Он заставлял меня чувствовать себя живой.

Он заставлял меня чувствовать себя женщиной, а не матерью или подругой, или неудачницей.

Он заставлял меня чувствовать себя сильной и покорной одновременно.

Я чувствовала себя так, как будто прожила свою жизнь в тумане. Совершая монотонные действия день за днем, всегда ставя чужие потребности выше своих. Впервые, мои собственные потребности проявились очень сильно, и меня охватило осознание, связь, слепое увлечение незнакомцем.

Но затем обязательства оттеснили мимолетное увлечение.

Клара.

Нужда.

Гибель.

«Как ты можешь позволить себе быть использованной им, когда ты даже не должна быть здесь?»

Я больше его не ненавидела. Я ненавидела себя, за то, что была такой слабой, на краткое мгновение он заставил меня забыть главное.

Застыв, игнорируя потребность в нем, я взглянула ему прямо в глаза:

— Ошибаешься. Тебя не влечет ко мне. Мы никогда не встречались раньше, и сейчас я уйду, поэтому больше и не встретимся никогда. Отпусти меня.

Он посмотрел на мои губы, и в выражении его лица появилась жестокость, сменяя интерес, который я видела до этого.

— Я никогда не ошибаюсь, — он разжал свою руку. В том месте, где он схватил меня, я почувствовала покалывание.

— И я никогда не принимаю решение, пока не разберусь в том, чего не понимаю.

Мое сердце стучало, пропуская глухие удары. Он такой же. У него такая же потребность понимать. Разобраться в неизвестном, перед тем, как оно сможет причинить ему боль.

— Уходи, прежде чем я пожалею, что позволил тебе остаться, — пробормотал он. С опущенными руками, сжатыми в кулаки, он посмотрел вверх моего плеча, как будто ища способ сбежать. Бегство было его доминирующей частью, это было легче, чем что-то признать. Я разглядывала его, пока он смотрел в сторону.

То, что я видела, мне не нравилось. В нем было что-то тяжелое, давящее на него до такой степени, что он дрожал, больше, чем от простого гнева. Он использовал шрам, как средство устрашения, но за всем этим было что-то еще. Что-то темнее шрама, что-то... печальное.

Мое сердце пропустило удар, сочувствуя ему.

«Ох, нет, ты не можешь».

Стиснув зубы, я закрыла глаза и изгнала из себя весь интерес и сочувствие, появившиеся к нему. Я не могла себе позволить страдать таким идиотизмом. Я искала причины его отстраненности, видя в его шраме тяжелое наказание. Невозможно собрать воедино потребность помогать, защищать и слушать.

Проведя рукой по волосам, Фокс сурово посмотрел на меня.

— Я отпустил тебя. Почему ты еще здесь? — за его австралийским скрывался еще какой-то, слабый иностранный акцент. Он мог усердно пытаться говорить, как местный, но не мог полностью спрятать звучание своего родного языка. Так же, как не мог приручить свою дикость, скрывающуюся под ледяной внешностью.

Он не соответствовал тому, что его сейчас окружало. Он принадлежал дикой местности, охоте на заре, так же, как и его тезки — лисы.

Теперь была моя очередь страдать неизбежным любопытством.

— Кто ты? — я постаралась расслабиться, напоминая себе, что он не может причинить мне вреда, не с таким количеством свидетелей. — Ты удерживаешь меня и требуешь отвечать на свои вопросы, но это работает в обоих направлениях. Ты хочешь знать что-то обо мне? — Повернувшись, и показав рукой в сторону, я сказала: — Я здесь с подружкой. Мы приглашены Штопором, а он специалист по тайскому боксу. Я не хотела сюда приходить. Я ненавижу, то, что на мне надето, и ты сводишь меня с ума, потому что я не могу понять тебя. Ты опасный, и я думаю, у тебя есть серьезные проблемы.

Фокс пронзил меня бело-серыми глазами.

— Ты права, думая, что я опасный, — игнорируя мои другие комментарии, он пробормотал: — Наконец-то у меня появилась причина вызвать его на ринг. Он не может пренебрегать правилами и приглашать всех, кто, черт побери, ублажает его.

На его лице появилась жесткая улыбка.

Я испытала ощущение мурашек по коже, при мысли о борьбе Фокса со Штопором. Мне нравился Бен. Он был добрым и так смотрел на Клу, как если бы она была драгоценным камнем. Ни при каких обстоятельствах, я бы не хотела, чтобы этот сумасшедший причинил ему боль.

— Держись подальше от...

— Здесь все хорошо?

Я подпрыгнула, когда из редющей толпы появился мужчина и замер возле меня. С любопытством во взгляде, он сначала посмотрел на меня, а потом обратил внимание на Фокса.

— Я что-то пропустил? Есть повод, чтобы вызвать кого-то на ринг?

Фокс перестал улыбаться.

— Штопор пригласил людей, не платя за их вход. У меня есть причина.

Он щелкнул пальцами, смотря на нас решительно и немного пугающе.

Светловолосый мужчина покачал головой:

— Ох, нет, ты не можешь. Одного боя достаточно. Уходи. Позволь мне контролировать действия на этаже оставшуюся часть ночи.

Воздух как будто наэлектризовался, когда Фокс пронзил взглядом этого мужчину. За одну секунду Фокс сменил власть на свободу от нее.

— Прекрасно. Принимай. На сегодня достаточно быть среди людей, — своими серыми глазами он посмотрел на меня, давая понять, кого он имеет в виду.

— Хороший выбор.

Светловолосый нахмурился, откидывая с глаз длинные пряди. Он выглядел так, будто его место было в океане с доской для серфинга, а не в нелегальном клубе.

— Кто ты? — он оценивающе оглядел меня, поджав губы. — Я думал, все девушки должны носить какую-то униформу, чтобы было понятно, какие услуги они оказывают.

Девушки? Дерьмо, это то, кем были официантки? Проститутками?

Я ощутила, как у меня на затылке приподнялись волоски. Я была на пределе.

— Хватит спрашивать у меня, кто я, черт возьми. С меня достаточно грубостей, проклятий и того, что меня принимают за шлюху. С меня хватит.

Я протиснулась мимо блондина, когда он крепко обхватил меня за плечи.

Смотря на мою грудь, он добавил:

— Если ты не хочешь быть ошибочно принятой за шлюху, может, тебе не стоит надевать такое распутное платье, — он опустил голову, дыша на меня. — Я практически могу увидеть твои соски, и я знаю, что ты влажная для моего босса. Ты не можешь спрятать румянец, принцесса. Ты тратишь свое гребаное время. Он не для таких женщин, как ты.

— Пошел ты, — я подняла руку, чтобы дать ему пощечину, но Фокс опередил меня. Его кулак врезался в челюсть оскорбившего меня мужчины. Тот отпустил мои плечи, и я отступила назад.

— Оскар, она не шлюха, и я сам скажу ей, если она впустую тратит свое гребаное время. Черт поberi, ты меня сегодня достал.

Оскар потер подбородок, его голубые глаза искрились гневом.

— Ты сукин сын.

Фокс был в ярости.

— Возвращайся к работе.

— Я работаю, сдерживая тебя, чтобы ты кого-нибудь не убил.

Я в первый раз рассмеялась от безумия этого места. Казалось, все были заражены какой-то болезнью, живущей в этих огромных, черных стенах.

— О, боже мой, вы все сумасшедшие. Я ухожу, — я развернулась, и успела сделать только один разгневанный шаг, перед тем, как его сильные пальцы схватили мое запястье. Мое сердце лихорадочно забилося, когда я вновь почувствовала электрический импульс от его прикосновения. Все в нем привлекало меня, и в то же время, отталкивало.

Я всем телом жаждала обладать этим мужчиной, в то время как разум смеялся над моей слабостью.

— Отпусти меня, — я взглянула на его руку, покрытую шрамами, сжимавшую мою, как наручниками. Я подняла глаза, сосредотачиваясь на бесцветном взгляде мужчины, становившегося моим заклятым врагом.

— Я закончила играть в эту глупую игру в «кошки-мышки».

Фокс стиснул зубы, его глаза пылали лихорадочным блеском.

— Еще нет. Я скажу, когда ты сможешь уйти, и я отменяю разрешение на уход, — он склонил голову, шепча напротив моего уха: — Я не позволю тебе уйти, пока не пойму тебя.

Его дыхание щекотало кожу за ухом, и я боролась с неконтролируемой дрожью. Внутри меня все плавилось.

— Разрешение? Ты думаешь, что я нуждаюсь в твоём позволении? — смесь злости и похоти в его голосе взбудоражила мое сердце. Я ненавидела это. Я любила это. Я никогда еще так сильно не хотела бежать от кого-то и одновременно поцеловать его.

Что это, к черту, со мной случилось? Не удивительно, что похоть считается такой опасной. Она заставила меня забыть мои проблемы, неприятности, заставила забыть о беспокойстве, обо всем, кроме желания с ним бороться. Чтобы сдать ему.

— А... — блондин прокашлялся, хмурясь, — Э, Фокс? Что именно ты делаешь?

Он посмотрел ниже, на мое запястье, где Фокс сжал сильнее, пока кончики моих пальцев не сделались красными.

Фокс не разрывал со мной зрительного контакта, держа в плену своей руки.

— Я изучаю. Убирайся.

Ему не нужно изучать меня, чтобы заставить мой желудок скрутиться узлами, а мысли настроить против самой себя. Он был чертовски хорош в этом.

Блондин усмехнулся, но его взгляд осторожно скользнул между нами.

— Изучаешь? — он сделал шаг ближе. — Приятель, я позабочусь о ней.

Я впиалась в него гневным взглядом. Эгоистичный идиот.

— Позаботишься обо мне? Как будто я проститутка или мусор, который вы должны оставить на обочине дороги? — я повысила голос и попыталась вырваться из хватки Фокса.

Фокс прорычал сквозь зубы, сердито смотря на блондина:

— Ос, ты делаешь хуже, уходи.

Дернув меня к себе, он зашипел, когда я врезалась в него плечом. Тепло его тела окутывало меня, наряду со слабым запахом высохшей крови, после боя.

— Хватит бороться. Я не позволю тебе уйти, поэтому лучше тебе привыкнуть к этому.

— Ты не можешь удерживать меня против моего желания. Если думаешь, что можешь, ты еще больший идиот, чем я думала.

Мое сердце забилося быстрее, посылая в тело адреналин.

— Не вынуждай меня причинить тебе боль.

Я не выжила бы в жизни, которую имела, не научившись себя защищать. Я причиню ему боль. Я получу свободу.

Оскар сделал шаг назад, неохотно подчиняясь приказу Фокса.

Как только он ушел, Фокс склонил голову и обжег меня холодом своих глаз. Мой желудок скрутило от страха, а мои ноги ослабли. Эффект, который он оказывал на меня, был за гранью любых правил. Никто раньше так со мной не обращался, заставляя бояться.

— Ты никогда не сможешь сделать мне больно, *dobycha*.

Мой слух резануло от экзотического слова.

Его глаза расширились, затем он прищурился в раздражении. Он допустил промашку, используя не австралийское слово, и это его разозлило.

— Это вызов? — прошептала я, не в силах оторвать глаз от его серебряного шрама. Кто-то сумел сделать тебе больно. Ты не можешь игнорировать доказательства.

Он усмехнулся.

— Это обещание.

В этом случае, я должна преподать ему урок.

Пальцами свободной руки, я незаметно скользнула в свои завитые и тщательно уложенные волосы. Сердце забилося с глухим стуком, когда я вытащила единственную свободную заколку и опустила руку вниз. Держа ее так, чтобы он не мог заметить моих действий, я ловко приоткрыла заколку и аккуратно выдвинула из нее лезвие. Пряча в руке этот импровизированный нож, я улыбнулась. — Не давай обещаний, которых не сможешь сдержать. И никогда снова не удерживай женщину против ее желания.

В его глазах мелькнуло смятение, с последующей вспышкой понимания. Он оттолкнул меня, но

было уже поздно.

Одним быстрым ударом, я воткнула в его предплечье маленькое и острое лезвие. Не слишком глубоко, но достаточно ощутимо. В возникшей дыре его черной рубашки мгновенно показался малиновый след.

— Ты должен был отпустить меня, когда я просила.

Он резко втянул воздух между зубами. Потом схватил меня снова, сомкнув пальцы вокруг моего запястья.

— Ты думаешь, боль на меня действует? — он глаза вспыхнули. — Она делает меня только хуже.

Огонь моего удовлетворения был ничем по сравнению с резкой пульсацией от хватки Фокса. Казалось, его прикосновения заряжали меня миллионами вольт. Мой разум плавился от противоречивых желаний.

Я хотела бежать.

Я хотела поцеловать его.

Я хотела сделать ему больно.

Я хотела трогать его и кусать, провести острыми ногтями вниз по его спине, когда он войдет в меня.

«Дерьмо, Хейзел. О чем ты думаешь?»

Фокс усмехнулся, поглаживая шрам:

— Ты порезала меня, — его взгляд, затянутый дымкой, нашел мои глаза. — Это значит, ты в долгу передо мной.

Я достигла предела. Я не могла позволить этому мужчине исказить мои мысли и управлять моим телом, словно марионеткой.

— Я ничего тебе не должна.

Последние несколько недель достали меня, и все, что я хотела сделать, было атаковать его. Он заслужил это за удерживание меня, противостояние со мной и утверждение, что моя собственная жизнь не была жизнью вообще. Когда я сказала, что мне не требуется делить свою кровать с кем-то другим, я себя обманывала.

Последние несколько недель я бы отдала все угодно, чтобы иметь парня, на которого могла бы опереться, плакать в его объятиях и разделить бремя будущего Клары. Клу была потрясающей, но я хотела другого рода заботу так же сильно, как отрицала это.

К черту этого мужчину, заставляющего меня страстно желать его. К черту этого мужчину, показывающего мне, какой слабой я была на самом деле.

— Зел?

Клу вышла из ниоткуда, появившись из темной части этажа. Она широко раскрыла глаза, когда

заметила, что меня схватил незнакомец со шрамом, одетый во все черное. В ее взгляде появилось сочувствие, когда она ощутила, как близко я была к потере контроля; затем глаза вспыхнули пламенным гневом.

— Эй! Убирайся к черту, от моей подруги, — она атаковала, как мини-торпеда. — Отпусти ее!

Схватив меня за другое запястье, она сильно потянула, в результате чего я пошатнулась вперед, и тут же Фокс дернул меня обратно. Я стала игрушкой в игре перетягивания каната.

— Клу, — я споткнулась, когда она потянула сильнее. — Клу.

Я крепче сжала нож, когда плечи свело от боли.

— Клу. Прекрати!

Тяжело дыша, она замерла. Прожигая глазами Фокса, она обхватила мои щеки мягкими ладонями. Касаясь меня таким образом, она вызвала в моем воображении так много воспоминаний. Учитывая, что мы обе выросли без любви, мы часто касались друг друга и обнимались.

Она помогала мне даже в то время, когда я была разорвана на части. Сколько раз она таким же образом прикасалась к Кларе? Такая же любовь и обожание светились в ее глазах. Я не остановилась, чтобы подумать, как трудно это будет для нее. Она теряет часть нашей семьи так же, как и я.

— Ты в порядке. Я здесь, — она опустила руки.

Я улыбнулась:

— Спасибо.

— И кто это, черт возьми? — произнес Фокс обманчиво-спокойным голосом. Осмотрев Клу сверху вниз, он пробормотал: — Ты мешаешь. Уходи.

Клу положила руки на свои изящные бедра.

— Я не уйду. Я ее подруга. Отпусти ее.

Фокс покачал головой:

— Нет, пока не получу кое-какие ответы. Плюс она порезала меня, так что теперь она передо мной в небольшом долгу.

Ох, боже. Долг? Его изображение, взимающего с меня плату, заставило все сжаться внутри меня, несмотря на мой гнев.

— Клу?

Появился Штопор. Его черные глаза широко раскрылись, обнаружив сцену перед ним. Он, очевидно, только закончил свой бой и, скорее всего, выиграл, судя по отсутствию травм.

Клу шагнула к нему.

— Я рада, что ты здесь.

Молниеносным движением, Фокс вырвал нож из моей руки и прижал его к моему боку. Он украл мое оружие так быстро, что никто этого не увидел.

Тем не менее, я отчаянно задергалась. Я почувствовала ледяной страх, проникающий в меня. Дерьмо. Секунду назад я боролась с влечением и похотью. Теперь я сражалась с сильным желанием закричать и бежать.

— Здесь все в порядке? — Штопор выпятил грудь, выглядя совершенно пугающе со своими точеными мускулами и темной кожей.

Клу махнула рукой в нашу сторону.

— Этот идиот не позволяет уйти моей подруге. Заставь его. — Она холодно улыбнулась Фоксу: — У тебя не было удовольствия встретиться главного квалифицированного чемпиона Скатов.

Фокс кивнул Бену.

— Я знаю тебя. Ты хорош, но не захочешь встать между этим.

Штопор замер, наклонив голову в сторону. Затем вспышка радостного возбуждения засверкала в его глазах.

— Подождите. Вы мистер Обсидиан. Вау, это честь, сэр.

Гневная атмосфера исчезла, полностью сменившись на интерес.

Я не могла в это поверить. Этот мужчина был, как рок-звезда, с фанатами и толпой, кричащей его имя. Все время, что мы спорили, ни один человек не прошел рядом с ним. Никто не переставал смотреть, но все предпочитали держаться на расстоянии.

У Клу отвисла челюсть.

— Это тот парень, о котором ты говорил?

Штопор улыбнулся:

— Да. Непобедимый в каждом бою. Поднял для нас высокую планку.

В моем желудке что-то затрепетало, потом замерло, когда Фокс улыбнулся.

— Ты прав. Непобедимый, — он подчеркнул это слово. — Сейчас, если вы извините меня, я закончу дела с этой женщиной.

Он надавил ножом в мой бок чуть сильнее, грозя теплом и болью — слишком близко к возможности проколоть мою кожу.

Я свирепо посмотрела, желая ударить коленом ему по яйцам. У нас не было незаконченного дела. Я хотела свою свободу.

Клу покачала головой и подошла ближе.

— Зел, ты не должна идти с ним. Не имеет значения, владеет он этим местом или нет, — ее миндальные глаза вспыхнули, когда она посмотрела на Фокса. — Давай. Пошли домой.

Я хотела рассказать ей о ноже возле моего бока. Я хотела бежать домой и обнять Клару. Я хотела закричать со всей силы, но Фокс поворачивал лезвие до тех пор, пока я не поморщилась, разрушая все, что хотела и, оставляя меня с единственным, что я могла делать.

— Просто разговор. Это все, — прошептал Фокс так тихо, что это услышала только я.

Тот факт, что он охотно похитил меня, угрожая ножом, чтобы просто «поговорить», заставил обостриться мои инстинкты, чтобы защитить Клу. Мне нужно было оставить ее в безопасности, тогда мне не придется ни о ком беспокоиться, пока я была с этим маньяком.

Это было время показать Фоксу, что для допроса он захватил неправильную женщину.

Демонстрируя убедительную улыбку на лице, я сказала:

— Нет, Клу. Все в порядке. Я пойду и поговорю. Увидимся дома, хорошо?

Клу покачала головой:

— Нет, я подожду. Что бы он ни хотел сказать, это не может занять много времени.

— Ты уйдешь, — огрызнулся Фокс. — У меня есть много вопросов, требующих ответов. Когда мы закончим, я прослежу, чтобы машина доставила ее домой.

Глазами, наполненными огнем, Клу с ненавистью посмотрела на Фокса. Она никогда хорошо не воспринимала приказы. Подойдя ближе, она прошептала мне в ухо:

— Моргни дважды, если ты хочешь, чтобы я надрала ему задницу.

Я почти сделала это. Почти.

Но это было моей битвой, не ее. Мне нужно было, чтобы она ушла, а я могла выиграть. Плюс, если я еще не могу вернуться домой, я бы скорее доверила заботу о Кларе ее тетушке, вместо незнакомой няни.

— Я в порядке. Честно.

Я старалась сохранять глаза спокойными и широко открытыми, надеясь, что она увидит расслабленного и добровольного собеседника. Я не хотела, чтобы она поняла, насколько по-настоящему страшным был Фокс. И не только потому, что он был безумным. Я не доверяла тому, что случится, если он уведет меня от посторонних глаз.

Фокс хотел не просто поговорить. Нас связало вместе узнавание, и как только мы касались друг друга, непременно возникал электрический разряд.

Я пыталась заставить себя подумать о том моменте, когда он получит меня за закрытыми дверями, и ожидала, что мы оба признаем, что это нечто большее, чем просто разговор.

И я ненавидела себя за то, что нуждалась в грязном моменте, где я была не более чем женщина, ищущая высвобождения с опасным мужчиной.

Спустя одно напряженное мгновение, Клу кивнула.

— Не беспокойся о Кларе. Я позабочусь о ней, — сжав мою руку, она прошептала: — Я дождусь тебя.

Штопор обеспокоенно посмотрел на меня:

— Ты уверена, что в порядке?

Его обеспокоенность меня тронула. Он был хорошим мужчиной, достойным моей лучшей подруги.

— Я уверена.

Клу прищурилась. У меня не было сомнений, что потом она изведет меня каждой деталью всего, что должно было произойти.

Я подавила стон, как только Штопор обнял ее, и они исчезли в толпе.

Фокс прошептал:

— Мы пойдем в мой кабинет. Там тихо. И нас не потревожат.

Мое сердце забилося.

Кабинет. Не потревожат.

Ему следовало сказать «подземелье», и я бы ему поверила.

На меня нашла железная решимость. Она помогала мне игнорировать искру, пылавшую между нами. Клу ушла. Она была в безопасности. Сейчас я могла беспокоиться только о том, как освободиться от этого сумасшедшего идиота, колющего меня моим же собственным ножом. Чуть раньше, у меня был момент слабости, мысли о запретном сексе, но сейчас я здраво смотрела на происходящее.

— Я не собираюсь спать с тобой, ты это знаешь, — пробормотала я, как только Фокс подтолкнул меня по направлению к лестнице, ведущей в темноту.

Он оскорбился:

— Я сказал, что хочу поговорить. Не трахаться.

Такие грубые слова.

Я ненавидела, что это заводило меня.

Я чувствовала дрожь по всему позвоночнику. Голос Фокса был совершенно ровным, сдержанным и контролируемым, но под его осторожным тоном таилась смертоносная сила.

Поднимаясь по широкой лестнице, он сказал:

— Я жду ответов. Я хочу знать, кто ты. Я хочу понять, почему ты другая.

В животе я ощущала трепетание бабочек.

— Что заставляет тебя думать, что я отвечу? Ощущение ножа, прижатого к моему боку, не побуждает меня к желанию отвечать.

Я втянула воздух, когда он еще раз повернул лезвие, перед тем, как убрать его. Потом засунул

его в карман.

— Вот. Сейчас ты будешь говорить.

«Нет, сейчас я буду лгать».

Роан

С самого раннего возраста, я знал, как использовать слабости, присущие людям, против них самих. Провоцируя слабых, осмеивая ничтожных. Вместо того чтобы говорить «нет», меня воодушевляли. Давая орудия, чтобы преуспеть в убийстве, и подавляя, с целью создания идеальной послушной машины.

В тот момент, когда я остановил на ней свой взгляд, я попробовал на вкус восхитительную комбинацию страха и силы. Слабости и смелости. Печали и покорности.

Инстинкты и потребности, которые я похоронил и игнорировал, словно вулкан, вылезли на поверхность. Я потерял контроль. Я нарушил все правила, и мне плевать.

Она разбудила ту часть меня, о существовании которой я и не подозревал, мужчину, чье сердце не было покрыто коркой льда, и который не был сторонним наблюдателем. Этот новый мужчина испытывал боль каждым дюймом своего тела; он страстно желал тепла, огня и похоти.

И поэтому я украл ее.

И я брал ее.

Снова и снова.

Дерьмо.

Как, черт возьми, это случилось? Этого никогда раньше не происходило. Никогда в своей жизни я не подчинялся телесному влечению. Такого рода вещи были для меня пытками. Я не страдал от недостатка дисциплины.

Никогда.

До сих пор.

В момент, когда я ее увидел, я потерял часть себя. Я опьянел от нового ощущения. Что-то в ней меня привлекало. Я не испытывал похоти или потребности. Возможность находиться рядом с другим человеком, наполняла меня ужасом, а не радостью. Так почему, черт возьми, я хочу ее узнать? Почему мои мысли наполнены жаром и обнаженными фантазиями? Какого черта я делаю?

Я взглянул на нее. С расправленными плечами и гордо приподнятым подбородком, она выглядела так, будто направлялась на войну, а не на разговор. Каждый ее шаг был спокойным

и смелым, а каждое движение наполнено уверенностью и выдержкой.

Украденный нож тяжело оттягивал мой карман, с каждым шагом ударяясь о бедро. Я потерял контроль и похитил кого-то, угрожая ножом. Не просто кого-то, а женщину, которую я трогал.

Я, бл*дь, ее касался!

Я никогда никого не касался добровольно, если это не было боем. Всю свою жизнь я избегал малейшего прикосновения и контакта. И все же, в тот момент, когда я схватил ее за руку, все мое тело задрожало от невидимой силы, перетекающей от нее ко мне.

Она опьяняла меня. Она околдовывала меня. Она чертовски меня пугала.

Только когда я посмотрел ей прямо в глаза, то почувствовал, насколько много было в ней страсти, страха, силы, печали и неподчинения. Она была незажженным фейерверком, сдерживаемым и аккуратно упакованным снаружи, но опасным и взрывным внутри.

— Я хочу назад мой нож, — пробормотала она, впиваясь в меня глазами. Я мог думать только об изумрудах и всех зеленых драгоценных камнях, которые когда-либо видел. Ее глаза были насмешкой над моими, в то время как мои были бесцветными, в ее был весь спектр.

— Ты не получишь его назад, пока я не скажу.

Пока я не пойму этого безумного драйва — прикосаться к тебе.

— Ты не мой хозяин, — огрызнулась она. — Это не подлежит обсуждению. Нож — моя собственность, и я хочу его назад. Я не знаю, кем ты себя возомнил, но я больше не играю в твои сумасшедшие игры разума.

Знакомая сила и ярость быстро нарастали в области позвоночника. Разрывая с ней зрительный контакт, я быстрее зашагал вверх по ступенькам.

Она перешагнула две ступеньки за раз и прошла мимо с холодным выражением на лице. Слегка касаясь плечами моих. В глазах потемнело, мышцы напряглись, и привычная команда причинить боль заставила меня задрожать. Крепко сжимая челюсть, я боролся с этим чувством.

Дерьмо. В конце концов, она ничем не отличается.

Мое гребаное сердце сжалось. Я преследовал ее, заманил в ловушку и потащил сюда, наверх, потому, что посмел надеяться. Посмел поверить, что был увлечен ею, потому что она может быть невосприимчивой к моей дрессировке. Чтобы я мог быть в состоянии ее касаться, и она могла получить право прикоснуться ко мне.

Оказалось, я мог касаться ее, не возвращаясь к прошлым привычкам, но она не могла прикоснуться ко мне.

В сердце я почувствовал разочарование. Таким образом, в конце концов, она не была моим лекарством. Я так надеялся...

«Ты надеялся, что это состояние постепенно тебя покинет. Что ты, наконец, сможешь жить жизнью, где не будешь кого-то бездумно бить в гребаное лицо или вонзать кинжал в сердце».

Такова жизнь.

Я сомневался, что когда-либо буду свободен, и это делало меня чертовски одержимым мыслью об убийстве.

Достигнув верхней ступени лестницы, она чуть приоткрыла рот, осматривая огромную лестничную площадку. Смотря на стол и черный диван, она направилась к стеклянной перегородке на балконе. Отсюда арена выглядела, как современная версия Колизея. Мужчины боролись в клетках и на рингах, а врачи обслуживали бойцов, которые были уже без сознания. Отсутствовали только львы и другие экзотические животные, которых римляне использовали для убийства рабов.

Я ощущал некую связь с этими несчастными душами.

Никто при взгляде на меня не подумает, что я был рабом. Но я был. И все еще остаюсь им. И, вероятно, буду им вечно.

Я не сказал ни слова, когда она отошла от балкона и пошла в сторону статуи из сплетенного и искривленного дерева.

Скульптура заняла у меня восемнадцать дней, создавая ее, я почти не спал. Нагревая металл до такого состояния, чтобы крутить и искажать, я превратил нетронутый кусок бронзы в измученное произведение искусства. Дерево выглядело так, будто было порождено демонами и спроектировано мазохистами. Его ветки годились только для каркаса — куда взгромождаются стержня, с целью насытиться.

Но оно мне нравилось. На самом деле, оно было моим любимым произведением. Оно не изображало ничего, но в то же время, было всем.

Оно было мной. Я был, как этот кусок железа — обнаженным и кровоточащим.

Медленно и нерешительно, кончиками пальцев она пробежалась по холодному металлу. Когда она коснулась его, мой член начал увеличиваться. Во второй раз за мое жалкое существование.

Жар. Восхитительный и желанный жар пылал в моей крови. Похоть. Такая неизвестная и почти неузнаваемая. Она обхватила мои яйца, делая меня твердым и наполняя мой член новой жизнью.

Мой член лучше знал, как действовать самостоятельно. Он был обучен никогда не реагировать. Мысли об освобождении и сексе были выбиты из нас в очень раннем возрасте. Если мы не повиновались, ну...

Страх делал меня импотентом, но эта женщина, эта волшебная, приводящая в ярость женщина, украсила меня гребаной эрекцией. Я скрипнул зубами, наслаждаясь ощущением, когда он увеличивался, становился больше и ныл от непривычной потребности. Внезапный прилив жара вскипятил лед в моей крови, оставляя меня выпускать пар и гнев на пороге чего-то совершенно чужого.

Два года я ждал этой слабости, и в течение двух лет этого никогда не происходило. Но сегодня. Сегодня, благодаря одной женщине, я мог найти трещину в моем промывании мозгов.

Она слегка нагнулась, ближе изучая произведение искусства. Пульсируя, мои яйца натянулись сильнее.

Ее тело манило меня. Она была другой, неуловимой, недоступной. И мой член хотел

недостижимого. Впервые, с начала моей жизни в рабстве, он ожил между ног.

Находиться в таком состоянии было невыносимо. Ощущение было слишком сильным, слишком требовательным.

Я дрожал совсем по другой причине. Я хотел кричать на нее за то, что она имеет надо мной такую власть, но в то же время и преклониться у ее ног, за мою свободу от клетки, в которой я существовал.

Потом пришел страх.

Знание, что я ослушался прямого приказа. Наказание будет ужасающим.

Они не здесь.

Я закрыл глаза, пытаюсь, сосредоточившись на себе, обрести контроль.

— Эй. Умм, ты в порядке?

Я широко раскрыл глаза, только чтобы оказаться в ловушке ее наполовину гневного, наполовину обеспокоенного взгляда. Ее восхитительное тело, обтянутое в золото и серебро, отогнало мой страх, а рот наполнился слюной при мысли взять ее.

Меня наполнила жалость. Жалость к ней, потому что теперь, когда я попробовал то, что она может мне дать, я не позволю ей уйти. Сегодня она не пойдет домой. Или завтра, или послезавтра, или послепослезавтра. Она будет в моей постели. Она раздвинет свои ноги, и я...

«Черт побери, я веду себя, как будто мне пятнадцать».

Проблема была в том, что у меня была целая жизнь искрящейся и разрывающейся внутри меня похоти. Я наслаждался только двумя оргазмами с тех пор, как достиг полового созревания. Только двумя. И я чертовски сильно желал третьего.

— Я в порядке. Почему ты спрашиваешь? — я осмотрел ее провокационное платье, упиваясь ее мягкими изгибами, наполняющими мой разум картинами, которые будет представлять любой мужчина, лишенный секса. Я хотел провести языком вниз по ее декольте. Я хотел попробовать на вкус ее кожу, перед тем как погрузиться глубоко, глубоко внутрь нее.

Я никогда не чувствовал себя так. Никогда.

Она встала во весь рост, расправляя плечи с бесстрашием и тонким налетом возмущения.

— Ты дрожишь. И откровенно говоря, выглядишь нездоровым, — махнув рукой, она нахмурилась. — Не то чтобы меня, конечно, заботило, если ты болен. Слушай, с меня хватит. Отдай назад мой нож и отпусти меня, — одной рукой она коснулась бока, потирая место, где я нажимал ножом. — Ты ублюдок, который принуждает меня против моего желания. Если бы там не было Клу, такое крошечное оружие не остановило бы меня от того, чтобы оторвать твои яйца.

Первым изображением в моей голове было — ее маленькие руки, обхватившие мои пульсирующие яйца.

Вторым изображением была нелепая мысль, что она может трогать меня без моего разрешения.

Я не мог это остановить. Хладнокровный смешок вырвался из моего рта. Я застыл, проклиная эту женщину. Проклиная себя за эти новые, странные чувства. Я никогда не смеялся. Я никогда не становился твердым. Я никогда не хотел трахаться.

Она была ведьмой. Она была волшебной. Она меня исправит.

— Сколько Штопор собирался заплатить тебе сегодня?

Ее ноздри расширились.

— Извини что?

— Сколько? Чтобы трахнуть тебя?

Она вздрогнула.

— Вот кто ты думаешь, я? Прежде я думала, ты шутишь, — она покачала головой, почти зарывчав: — Невероятно. Ты придурок и мудака. К твоему сведению, он парень моей лучшей подруги. Он хороший парень, в отличие от тебя, — она вышагивала по полу, и с каждым шагом платье шуршало вокруг ее ног. — Чертовски невероятно. Я хочу уйти. Наш разговор закончен.

Мои мышцы задрожали, пытаюсь ее нравом, позволяя ее характеру столкнуться с моим. Еще один урок, который я выучил: привяжись к чувствам других, перед тем, как все украсть. Это позволяло мне чувствовать их страх, жить их ужасом, единственное, что тогда я мог получить.

Осматривая ее тело тяжелым взглядом, мой чертов член затвердел как скала. Ее грудь была прижата кружевом платья, талия была настолько тонкой, что я мог выдавить из нее всю жизнь только с помощью рук. Ее ноги...

Дерьмо.

В момент, когда я посмотрел на ее ноги, меня захлестнули воспоминания.

— Видишь ее? Прима-балерина?

Мне было неудобно смотреть через бинокль, но я мог разглядеть девушку в пачке, с ногами, которые выглядели тонкими, как спички, и такими же хрупкими.

— Да.

— Она мишень сегодня, когда уснут ее мать и отец.

Я давно перестал спрашивать, почему. Я никогда не получал ответа, только удар по голове, и всякий страх, что моя душа была предназначена для ада и избавилась от меня в первые дни обучения.

— Хорошо.

Хлопок по спине заставил меня сжаться в ужасе. Я ненавидел, когда люди касались меня. Это всегда приносило боль мне или другим.

— Оставайся здесь до трех утра, затем приступай.

... и только потому, что ты владелец этого нелегального места, не дает тебе права причинять

мне боль, — огрызнулась Зел.

Я моргнул, стараясь сделать вид, что слышал весь ряд ругательств, которые она, несомненно, на меня обрушила.

Коснувшись руками своего лица, я сказал:

— Я не собираюсь причинять тебе боль.

Сильную. Мой голос стал глубоким и хриплым. Я ненавидел воспоминания. То, чем они были вызваны, происходило в худшие времена. По иронии судьбы, мое тело был совершенным оружием, и я мог убить сотней разных способов. Я мог калечить и избивать с виртуозностью актера, знающего свою роль, и моим учителем в этом была сама жизнь, но слабой частью меня был мой разум.

Я старался, как мог, блокировать кошмары и видения, но они прорывались случайно, толкая меня назад в темноту. Однако эти кошмары сделали мне одолжение.

Я больше не был твердым.

О чем, черт побери, мы говорили?

Ах, да.

— Десять тысяч — обычная ставка для женщины с «талантами». Неплохой доход для ночного заработка, — я облизнул губы. — Я могу предложить двадцать тысяч, если я так отталкиваю тебя.

Что-то вспыхнуло в ее глазах, и она посмотрела на мой шрам.

— Я сказала тебе. Я не шлюха. Ты можешь оставить свои деньги, поскольку вариант, что я позволю тебе меня трахнуть, не обсуждается, — она отступила к перилам, и я почувствовал, как от ярости вся кровь отхлынула от моего лица.

Волоски на моей руке встали дыбом. Я медленно двигался вперед, заманив ее в ловушку между своим телом и стеклом. Нас разделяло расстояние в метр, но воздух между нами бурлил, фонтанируя той же самой восхитительной энергией, которую я почувствовал, едва ее коснувшись.

— Прекрасно. Ты не шлюха. Но если ты... склонна... согласиться со сделкой, позволив мне, как ты красноречиво выразилась, трахнуть тебя, какую цену ты назначишь? — мое сердце пустилось вскачь от мысли стянуть кружева с ее плеч. Я сделал еще один крошечный шаг вперед. — Теперь я тебя предупреждаю, что не приму «нет» за ответ. Никакую любую женщину я не хотел так сильно, как хочу тебя. Я собираюсь вытрахать из тебя все, поэтому хватит ходить вокруг да около, надеюсь, что ты можешь освободиться, и жду твоего положительного ответа.

Мой член снова набух, при мысли о том, что я буду ее касаться, наслаждаясь разрешением, полученным настолько легко, но как чем-то удивительным. Я попробую на вкус каждый дюйм ее кожи. Я позабочусь о ней каждым пальцем, языком и всем моим чертовым телом.

Зел покачала головой, встряхивая локонами.

— Нет. Нет никакой сделки. Отойди и позволь мне уйти. Иди и спи с одной из своих сотрудниц. Ты во мне не нуждаешься.

Ее отказ заставлял меня хотеть ее еще больше. Это было пыткой. Это было раем.

— Ты ошибаешься. Я нуждаюсь в тебе. Я не лгал, когда сказал, что ты другая. Я не понимаю этого, но я чертовски устал притворяться человеком, которым не являюсь. Ты нужна мне, чтобы быть свободным. Ты нужна мне, чтобы трахать тебя.

Румянец покрыл ее кожу, и она внезапно заметалась, бросившись в сторону, чтобы достигнуть лестницы. Она была быстрой, но я был быстрее. Я встал прямо на ее пути, стиснув челюсть и готовый отреагировать. Если она коснется меня, мы оба будем в беде.

Она пошатнулась на своих высоких каблуках.

— Отойди.

— Нет. Пока ты не согласишься, — я сделал еще один осторожный шаг по направлению к ней. Рот наполнился слюной при мысли о поцелуях, о том, как я буду облизывать ее губы и кусать их. Я никогда не был таким глупым или уверенным. Что-то в этой женщине делало мой член готовым и желающим ее тела.

— Это всего лишь сделка. За правильную цену, — прошептал я, медленно сокращая небольшое расстояние между нами.

Венка на шее Зел пульсировала, когда она тяжело сглотнула.

— Я не продаюсь, — слабое дрожание в ее голосе ласкало мою потребность, заставляя меня гореть. Она лгала. Она могла этого не знать, но только что признала, что продаст себя. Мне.

Мой желудок перевернулся, наполняя меня острой жаждой. Жаждой иметь ее.

Я пробормотал:

— У меня есть талант. Талант узнавать секреты, которые люди, как они думают, прячут лучше всего. Назови это шестым чувством или чутьем охотника, но я уже знаю что-то о тебе. Я знаю, когда ты лжешь.

Она закусила губу, с вызовом сверкая глазами.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

Наклонив голову, я вдохнул ее мягкий цветочный аромат. Ландыш. Растение, которое мы выращивали на объекте, хорошенький маленький цветок, в плодах которого был яд. Удобный способ анонимного убийства.

Если я попробую ее, она меня отравит?

— Я знаю, у тебя есть две слабости.

Я отметил их, зафиксировав в памяти так, как был обучен. Это не было талантом, в основном, просто хорошей наблюдательностью. Я знал, что вызовет максимальную боль, если я когда-либо буду в этом нуждаться.

Первое: на ее лице, прямо под правым глазом, был серебристый шрам, давно заживший и портивший ее красоту. Он был глубоким и длинным, но аккуратно зашитым, поэтому был почти незаметным под нанесенным макияжем.

Второе: ее правое ухо было разорванным. Зажившим и сшитым, но сверху хряща не хватало маленького треугольника.

Несовершенства заставили меня хмуриться. Я хотел знать, кто ее обидел. Я хотел его убить.

Она выглядела оскорбленной, медленно двигаясь вдоль балкона, чтобы избежать моего наступления.

— Ты можешь выдумывать любые вещи, какие хочешь, но ошибаешься по одному пункту — я не продаюсь, — она оскалилась. — Отвали.

— Нет, — я прижал ее к стеклу. — Я хочу тебя, а я всегда получаю то, чего хочу.

Она встала во весь рост, выпрямив спину, и выглядя так, будто сейчас у нее появятся крылья, и она в любой момент взлетит с бельэтажа.

— Ну, если ты не имеешь привычки насиловать, то на этот раз не получишь то, чего хочешь, — она подняла руки, чтобы ударить меня по спине, но я уклонился в сторону. Страх задавил мою потребность, отдаваясь в сердце.

Я не мог рисковать, чтобы она меня трогала.

Она снова посмотрела на мой шрам, заставляя меня осознавать ее совершенство по сравнению с моей нелепостью. Конечно, вот почему она отказывалась. Если бы я был здоровым и не обезображенным, сомневаюсь, что она бы меня отвергла. Я мог ничего не знать о женщинах, но знал, что она испытывала то же напряжение и ту же потребность.

Я взял ее за локоть, дрожа от напряжения между нами.

— Ты бы трахнула меня, если бы не находила таким отвратительным?

Все мое тело вспыхнуло от одного контакта. Он скрутил все у меня внутри и смешал мысли.

Я никогда не был достаточно хорошим. Не для этого безупречного создания, которое имело силу освободить меня.

Но это было ложью. У нее были недостатки.

Она изображала женщину, у которой есть все, и которая ни в чем не нуждается. Такую сильную и независимую, но это была ложь. Она ранена. Я мог допускать ошибки, которые бы видели окружающие, но ее промахи были более заметными.

Гнев на ее лице исчез, на секунду сменившись на нежную теплоту.

— Это так ты думаешь? Что я отвергаю тебя, потому что ты обезображен? Ты не отвратительный.

Я возненавидел ее сострадание, предпочитая гнев. Я заслужил это. Но не заслуживал сочувствия.

— Я отказываюсь, потому что ты — властный псих, не принимающий отказа в качестве ответа, укравший мою свободу и мой нож. Твой шрам не имеет с этим ничего общего.

Не сдержавшись, я ответил с присущей мне прямоотой:

— Я знаю, тебе для чего-то нужны деньги. То, как ты смотришь на окружающее нас богатство, буквально кричит об этом.

Она замерла.

— Я догадываюсь, что ты нуждаешься в значительной сумме, — я посмотрел суровее, замечая в ее глазах жадность и голод. Она не была похожа на тот тип женщин, падких на легкомысленные вещи. Здесь было что-то глубже... что-то...

Ответ появился из ниоткуда, как это было всегда, когда я позволял себе копать глубже.

— Ты нуждаешься в них для кого-то, о ком заботишься. Я также догадываюсь, что ты сделаешь почти все, чтобы их получить, — я произнес это, как угрозу или проклятие. — Все что я у тебя прошу — позволить мне тебя трахнуть. И я дам тебе то, в чем ты нуждаешься. Назови цифру, и она твоя, чтобы потратить на все, чего ты так чертовски хочешь.

Мое безжизненное сердце пропустило удар, когда готовность к борьбе на ее лице исчезла, а зеленые глаза заблестели слезами.

— Ты самонадеянный мудака.

Вспышка и напряжение между нами сменилось с наполненного похотью состязания до атмосферы печали.

— Ты ничего обо мне не знаешь. И не заслуживаешь любой части меня.

Дерьмо.

Я не знал, что делать. Продолжая стоять там, как идиот, я не выразил сочувствия, когда она всхлипнула и скрипнула зубами. Ни одной слезинки не появилось на ее лице, но ее глаза были наполнены ими.

— Ты, и правда, ублюдок. Для твоего сведения, я чувствую, что ты делаешь. Я нашла тебя интригующим и не против признать, что меня развлекла мысль о том, что было бы, если бы я тебя поцеловала. Ты мог бы получить меня. Все, что тебе нужно было делать, так это быть джентльменом и позвать меня на чертово свидание. Но ты разрушил это, и сейчас используешь мою единственную слабость и заставляешь меня чувствовать себя дерьмово, — ее плечи поникли, и я знал, что победил.

Я победил, но не чувствовал победы. Я чувствовал себя как последняя мразь.

Будучи в состоянии прочитать то, что люди тщательно скрывали, означало, что я мог влиять и запугивать. До сих пор, мне было плевать, причиняя кому-то боль, но эта женщина... эта женщина... Дерьмо.

Вздыхнув, я пробормотал:

— Расскажи мне о своем ухе, потом, может быть, я отпущу тебя.

«Дай мне хоть одну частичку себя». Я сложил руки в карманы и немного отступил, давая иллюзию свободы и безопасности.

Она покачала головой, соединяя пальцы.

— Какие игры разума ты ведешь? Почему ты хочешь что-то знать обо мне? — произнесла она со странными интонациями, одновременно мягкими и сильными, как будто была одновременно и тронута, и храбрилась. Что-то глубоко внутри вызывало приступ боли, признавая в ней такого же бойца, что жил и во мне.

Разведя руками, я сказал:

— Ты была честна со мной, поэтому отвечу тебе тем же. Я жил одинокой жизнью не по своему собственному выбору, и сейчас впервые я пошел с кем-то на контакт. Мне нравится похоть, наполняющая мои вены. Мне нравится предвкушение от желания трахнуть тебя. И мне нравится твоя ярость.

Я ждал, пока она на меня посмотрит, чтобы создать зрительный контакт, но она по-прежнему смотрела вниз.

— Если я расскажу тебе про ухо, ты меня отпустишь? — тихо спросила она.

Я подавил свой рык. После моей честности и признания, что я был ею увлечен, уйти, по-прежнему, было единственным, чего она хотела. Прекрасно. Я скрестил руки.

— Я сказал, может быть.

Между нами пульсировала тишина, нагнетая напряжение. Боль в моем члене была омрачена болью от какого-то другого чувства... Я нуждался в боли. Мне нужен был бой. Только боль могла устранить смятение и дать мне возможность дышать. Я ненавижу испытывать такие сильные эмоции, одновременно надеясь, что они никуда не уйдут.

Я почувствовал себя живым. Раздраженным, сексуально возбужденным и разочарованным.

Бой с Эверестом не сделал ничего. Его кулаки не причинили мне боли, для меня он был слишком легкой добычей. Высокомерный ублюдок не оправдал своего хвастовства и теперь мне придется искать другие пути самоисцеления.

Я не думал, что Зел ответит, но в конце концов, она сказала:

— Это была моя приемная сестра. Они были моей девятой приемной семьей, и я была больше дикой кошкой, чем маленькой девочкой. В первый день я была новинкой, такой же, как всегда, такой же, как и раньше, но позже, на третий или четвертый день, я становилась игрушкой, которую пытаются уничтожить. Она и ее брат уговорили меня зайти в гараж, сказав, что они видели котенка, бегущего поблизости.

— Я была больше привязана к животным, и только мысль иметь кошачьего друга заставила меня туда пойти. После того, как мы там оказались, они бросили меня на землю и связали скотчем мои руки и ноги.

Она остановилась, бессознательно прикасаясь к поврежденному месту на ухе.

— Чтобы порезать меня, они использовали оловянные ножницы отца, сказав, что я должна

быть помечена, как дикое животное, видя, что я никогда не буду настоящей девочкой. После этого они оставили меня в крови, пока их отец не вернулся с работы. Вместо того чтобы быстро доставить меня в больницу, он пытался зашить мне ухо самостоятельно. Если бы детская служба обнаружила, что его собственные дети причинили мне боль, он бы вылетел из списка по воспитанию, и ему было бы отказано в еженедельном чеке.

— Так случилось, что он плохо справился с этой работой, и в конечном итоге, я выглядела, как побитая собака, — она напряглась всем телом, перестраиваясь из жертвы в бойца. — В ту ночь, я сбежала. Это был первый раз, когда я убежала. У меня не было денег или идеи, что я собираюсь делать, но это было лучшим, что случилось со мной. Побег, вот что.

Я не заметил, как сжал кулаки и что каждый мускул моего тела был напряжен. В стремлении получить боль, смешанную с чувством мести этим ублюдским детям. У меня не было угрызений совести по поводу причинения боли несовершеннолетним.

— Сколько тебе было лет?

— Тринадцать.

Мое уважение к ней возросло. Не только потому, что она была сильной женщиной, но также и потому, что и ребенком была такой же. Как и я когда-то. Я бежал, но, к сожалению, бежал в неправильном направлении.

Я хотел спросить ее о других изъятиях. Я нуждался знать каждый ее секрет, но я хотел ими наслаждаться — попытаться и разгадать их прежде, чем узнать от нее правду. И я найду правду, потому что она не уйдет.

— Спасибо, что рассказала мне.

Наконец, она подняла взгляд, и цвет ее глаз стал темнее. Темнее леса и травы.

— Сейчас ты меня отпустишь?

Я улыбнулся, превращая шрам на щеке в гримасу.

— Нет. У меня нет выбора. Я не могу позволить уйти кому-то, кто так сильно меня интересуется. Кто заставляет мой член испытывать такую сильную боль. Я даже не знаю тебя, и пока ты вызываешь у меня больше вопросов и сильных желаний, чем кто-либо до этого, — пожав плечами, я вторгся в ее личное пространство, оттолкнув ее назад. — Я не отпущу тебя, пока не поймею, и нет ничего, что ты можешь сделать, чтобы это остановить.

Она посмотрела на меня так, будто я был дьяволом, просящим ее душу.

Мой желудок замутило болезненным удовлетворением. Слишком долго я был использованным. Было бы хорошо теперь использовать кого-то другого. Использовать ее тело, разум, душу, чтобы исправить все внутри себя.

Зел сделала шаг назад, сверкая зелеными искорками в глазах.

— Ты помешался. Ты правда считаешь, что я захочу тебя после этого? Какое бы притяжение к тебе я не чувствовала, оно испарилось, благодаря твоим требованиям пещерного человека. Ты идиот, и с меня хватит. Отпусти меня.

Я двинулся вперед, сердце забилось при мысли взять ее против воли. «Ты не можешь этого сделать. Ты прекрасно знаешь какого это».

Замирая, я выпрямил плечи.

— Сколько?

Свирепо посмотрев, она хлопнула руками по бедрам, будто могла испепелить меня взглядом.

— Ты, мать твою, глухой? Нет цены. Нет сделки. Я уйду, и ты не можешь меня остановить, — на ее лице застыло выражение напряжения, а гибкое тело дрожало. Все в ней заставляло меня хотеть попробовать ее на вкус.

Сжав руки, я вздрогнул от мелких порезов на костяшках пальцев от борьбы.

— Как твое полное имя?

Я решил пойти другим путем, заставив почувствовать замешательство. Утомить ее намеками и бесконечными вопросами.

Нахмурившись, она тяжело вздохнула, злость полыхнула в ее глазах, отдаваясь румянцем на ее щеках. Она испуганно заметалась взглядом по всему пространству помещения, поверх моих плеч, на статуи, к лестнице. Каждое направление ее взгляда лишало меня возможности видеть ее мысли.

«Черт побери, посмотри мне в глаза». Я никогда не понимал, насколько полагался на взгляд в чужую душу. Это давало мне те подсказки и идеи, которые я не мог получить иначе.

— Если ты ищешь оружие, то ты его не найдешь, и я сомневаюсь, что ты достаточно сильная, чтобы бросить пятидесятикилограммовую статую мне в лицо, — я похлопал по карману, где лежал ее нож. — Согласуй сумму, и как акт доброй воли, я отдам тебе твой нож.

Она замерла, обдумывая мои слова.

— Позволь мне понять. Ты хочешь заплатить мне, чтобы трахнуть меня, хотя у тебя есть чудовищный особняк, и ты можешь получить в кровать любую женщину, если на самом деле научишься некой тактичности и обаянию, — на ее совершенных, пухлых губах появилась легкая улыбка. — Печально, когда я об этом думаю. Жаль, но я не сплю с мужчинами из-за денег или жалости, или по какой-либо другой причине, так что заткнись и дай мне уйти.

Я не мог перестать смотреть на ее снисходительную полуулыбку. Это было насмешкой надо мной. Принижением меня. Полуулыбки были ленивыми. Они были фальшивыми. Или улыбайся с помощью гребаной души или не притворяйся.

Наверное поэтому я не улыбался с того момента, как мне исполнилось шесть. Умерла моя душа.

Я получил достаточно. Гнев забурился у меня в крови, я нуждался в ней подо мной. Больше никаких гребаных игр.

— Я не хочу любую женщину. Я хочу тебя. Поэтому перестань валять дурака. Назови свою цену, и я заплачу.

Я мог владеть особняком и привлекательным клубом, но ни с кем не делил свою кровать. Ни с

кем. Конечно, я и раньше трахался, но никогда не имел обязательств или удовольствия спать рядом с кем-либо. Для этого нужно было максимальное доверие. Быть беззащитным в присутствии другого? Нет. С моим прошлым, это было невозможным.

Зел поджала губы, не сказав ни слова.

— Сдайся. Это одна из коммерческих сделок, и я выиграю, *dobrycha*.

— Как бы ты меня не называл. Прекрати это, — прорычала она, в ее глазах вспыхнул зеленый огонь. — Не называй меня так.

Ее твердое и очевидное неприятие моей просьбы, поддерживало огонь моего самообладания, пока мое тело наливалось раскаленной энергией. Я хотел, чтобы эта женщина меня боялась, но она продолжала оставаться царственной и насмехающейся — неприкасаемой.

Я остановил взгляд на ее груди, вздымающейся и быстро опадающей.

— Это может быть таким простым. Я не прошу возможности причинить тебе боль. Я прошу тебя позволить подарить тебе удовольствие, принимая в собственность и платя тебе кругленькую сумму, — я облизал губы, любя напряжение в своем теле и острую боль в моем члене. — Мне нужно трахнуть тебя, и чем больше ты борешься, тем сильнее желание становится.

Я сделал шаг вперед, хватая ее за подбородок, и крепко ее удерживая. Сильная вспышка между нами вернулась, как молния, проносясь со свистом и опалая, превращая мои мысли в кашу.

Черт побери, я хотел ее.

Ее кожа блестела, рот открылся. Разгневанный румянец исчез, сменившись насыщенным цветом эротической потребности. Я переместил руку с ее подбородка на грудь.

Она замерла, выпрямив спину, позволяя моей ладони захватить еще больше ее плоти. Ярость в ее глазах сражалась с пылающей похотью, и я забыл, как, черт побери, дышать, когда ласкал ее, полностью уничтоженный тем, что ее сосок затвердел и заострился.

Спор и отказ только увеличивали мою потребность. Мое воображение стали наполнять картины того, какой влажной она будет, какой мягкой будет ощущаться, и какая сладкая она на вкус.

Я не мог больше этого выносить.

— Я заплачу тебе сто тысяч долларов.

Широко открыв рот, она не дышала.

Внезапно я испытал психологическое побуждение поцеловать ее. Каждая секунда, которую я проводил, прикасаясь к ней, возвращала меня к жизни, вырывая из костей и пепла моего прошлого. Она была нектаром, утопией, исцелением.

Черт, я не мог ждать так долго. Если бы она отказала, я бы взял ее на балконе, на виду у всех бойцов, находящихся ниже. Быстро закрыв глаза, я пробормотал одно слово, но оно выражало все, в чем я нуждался:

— Пожалуйста...

Дрожа, Зел быстро вздохнула, а жар ее груди все еще ощущался в моей руке.

— Сто тысяч долларов. Что именно делать?

Я понятия не имел.

«Сосать мой член, позволить мне сделать с тобой неопишуемые вещи. Позволить мне трогать тебя. Трахнуть тебя».

У меня в голове быстро сформировался план. Я мог держать ее в течение определенного количества времени. Удерживая ее договором, я мог дать себе время разобраться, что, черт возьми, я делаю.

— Один месяц. Ты остаешься здесь. Со мной.

При мысли о ней, спящей со мной рядом, меня пронзил страх. Должны быть приняты меры предосторожности, но это было выполнимым.

Она посмотрела на мой шрам. Разглядывая его, она перекрывала мне доступ к ее мыслям.

Это меня взбесило. Я опустил руку, отпуская ее грудь.

— Шрам незаразный, dobycha.

Она покачала головой.

— Шрам незаразный, но заразно твое безумие. Что заставило тебя думать, что после того, как ты помашешь деньгами перед моим лицом, я раздвину для тебя ноги?

Я прижал ее к стеклу, чувствуя пульсацию в бедрах от необходимости соприкоснуться с ней.

— Потому что ты это чувствуешь. Если я прикоснусь к тебе прямо сейчас, то, вероятно, найду тебя влажной для меня. И даже если я сумасшедший, все, чего я хочу, это — глубоко вбиваться в тебя и боготворить тебя. Я хочу преклоняться перед тобой, касаясь тебя, целуя и кусая, — я опустил взгляд на ее губы, обожая их заманчиво сверкающую, опухшую розоватость. — Забудь обо всем, кроме того, что чувствует твое тело. Ты меня хочешь? Хочешь, чтобы я освободил твой гнев своим языком?

Ее взгляд встретил мой, сверкая от желания.

— Ты играешь с моим разумом, — она подняла руку, чтобы оттолкнуть меня, но я уклонился от ее прикосновения. — Ты возбуждаешь меня, я не отрицаю этого, но я здесь не останусь. Я не могу.

— Ты можешь, потому что нуждаешься в деньгах. Я не буду удовлетворен одним разом. Мне нужно знать, что я могу взять тебя всякий раз, когда, черт возьми, хочу. Я хочу владеть тобой тридцать дней, без ограничений.

Она обняла себя за плечи, пожав ими.

— Почему это должно было случиться именно так? — она посмотрела на потолок, как если бы могла поразить судьбу, заставившую ее появиться на моем пути. Она выглядела покинутой,

смущенной и печальной, очень печальной.

Мое сердце сорвалось, и я пробежался рукой по волосам. Она была, как я. Больше, чем я думал.

— Жизнь не была добра к тебе, не так ли, *dobucha*? — недавний гнев исчез из моего голоса, теперь в нем было только мягкое любопытство.

Зел замерла. Она стиснула зубы, и ее печаль заменил холод.

— Это не твое дело. И прекрати меня так называть.

— Скажи мне свое имя, согласишься с моими требованиями, и я назову тебя так, как ты бы хотела.

Она с вызовом посмотрела на меня.

— Ладно, если ты так сильно хочешь знать. Меня зовут Хейзел Хантер, и ты прав. Если ты ко мне сейчас прикоснешься, то узнаешь, что я влажная для тебя. Влажная от обещания, которое ты предлагаешь, и от ожидания того, что могло бы быть. Но это ничего не меняет, во-первых, потому что ты придурок, а во-вторых, я не могу остаться здесь на месяц.

Мой член дернулся, представляя влажность между ее ногами.

Мне не нравилось снова получить ее отказ. Это становилось чертовски утомительным.

Внутри у меня все перевернулось, от мысли укротить эту женщину. Она не уйдет. Она останется здесь на месяц, я избавлюсь от этой подавляющей одержимости и вернусь в мою одинокую жизнь без секса.

— Двести тысяч долларов, — мой голос стал грубым, уже представляя ее голой, чтобы полакомиться. — За один месяц полнейшего доступа я дам тебе двести тысяч долларов. Я хочу купить твоё повиновение, твоё тело и твой разум. Но больше всего я хочу купить твои секреты.

Я ожидал, что она закричит, сожмет свои крохотные кулачки и ударит меня в лицо. Вместо этого, все замерло. Шум многочисленных боев внизу и мягкие нотки музыки, когда Хейзел гипнотизировала меня, посасывая свою нижнюю губу. Выглядев нервной, она подняла голову.

— Двести тысяч?

Я почувствовал ее слабинку и знал, что наконец-то нашел цифру, за которую она продается.

— Оплата наличными в конце месяца.

В ее глазах появился свет, когда она быстро что-то обдумывала, затем все прекратилось.

— Ты действительно в отчаянии.

Мое сердце остановилось. Возвращая меня к реальности, где идеальная богиня Хейзел никогда не спит с такими горгульями, как я.

К черту это. Почему я беспокоюсь? Я могу выбрать любую шлюху, которая бы меня обслужила, и за которую не нужно бы было бороться и обхаживать. Я переключился с желания ее поиметь, до желания бросить на землю и заставить проглотить ее собственные слова.

Ее взгляд метнулся к неровному шраму у меня на щеке.

— Я скажу тебе, что я думаю о тебе, Обсидиан Фокс. Только потому, что ты возбуждаешь глупую часть моего мозга и заставляешь хотеть кого-то впервые за годы, не значит, что ты можешь устрашать меня шрамами и запугивать, толкая этим в свою постель. Я не занимаюсь продажей своей души и не трахаюсь с незнакомцами за деньги, но ты прав, так бывает. Я нуждаюсь в деньгах, и ради этого охотно сделала бы практически все, но что я не хочу делать, так это мириться с тщеславным мудаком. Во всей моей жизни их и так было достаточно.

Я не сводил с нее глаз. Она была охвачена гневом. Ранимая и свирепая, мощная комбинация для убийцы внутри. Я хотел сломать ее, позволяя ей гневаться.

Внезапно она засмеялась.

— Ты ненормальный. — Затем пробормотала себе под нос: — Я ненормальная.

Я замер, когда она выпрямила спину и повернулась, смотря на меня своими зелеными глазами.

— Я не могу поверить в то, что делаю это, но постарайся быть меньшим ублюдком, — она вытянула руку ладонью вверх, как будто готовая что-то принять. — Верни назад мой нож и попроси меня мягко и вежливо. Не дай мне повода захотеть его использовать.

Мое сердце, сбившись, забыло, как стучать. Уважение смешалось с похотью, и я попал в ее ловушку. Так или иначе, в конечном итоге, она получила власть, и я это ненавидел.

Опустив руку в карман, я вытащил нож и протянул ей его. Я сжал кулаки. Она уже трахнула мою жизнь. Во всем теле я испытывал потребность в боли. Я должен был стать самим собой. Я должен был найти спасение от этого ужаса. О чем я думал?

— Ты останешься на месяц.

Она кивнула, смотря на свой нож.

— Ты позволишь мне трахать тебя так, как я этого захочу.

Она напряглась всем телом, но медленно кивнула.

— Ты перестанешь спорить и ответишь на любой мой вопрос?

Мы встретились взглядами, и в глубине ее глаз вспыхнул гнев. В конце концов, она кивнула.

Осторожно, не касаясь ее, я опустил нож в ее ладонь. Я сомневался, что мой самоконтроль может стерпеть хоть чуть-чуть больше возбуждения на данный момент. Я чувствовал себя так, будто был на войне: истекал кровью и был не совсем уверен, кто победил.

В тот момент, когда нож оказался в ее власти, она быстро схватила его и прижала к своему телу.

В это мгновение я почувствовал, что она окончательно определилась в своем решении, в глазах пылал огонь, а в теле чувствовалась уверенность.

— Если ты будешь плохо со мной обращаться, будь уверен, что лишишься члена на всю оставшуюся жизнь. Относись ко мне с уважением, и я останусь.

Смахнув с щеки прядь вьющихся волос, она пробормотала:

— Я принимаю твое предложение, Обсидиан Фокс. Не заставляй меня об этом пожалеть.

Хейзел

Моей любимой поговоркой была: «Красота в мире спрятана за грязью и ложью, в то время как зло изображено в красоте и улыбках».

Это стало заветом, по которому я жила. Правилom, которое я никогда не нарушала. Потому что я больше не доверяла красоте и улыбкам. Сладость этого притворства я чувствовала на своей шкуре.

Я научилась счищать поверхность и искать правду, все время защищая себя во лжи.

Но потом мужчина, который не был красивым или лжецом, сделал мне предложение. Со страхом и глупостью я продала ему себя. Продала себя бойцу, который мог чувствовать мою ложь так легко, как лиса чувствовала кролика.

Я сожалела об этом.

Я упивалась этим.

Это разрушило меня.

Через секунду после того, как я себя продала, меня захлестнула волна ужаса, стягивая сердце.

Какого черта я делаю?

Я пожалела об этом мгновенно, но сказала Фоксу правду. Я сделаю, что угодно за деньги, если они могут спасти Клару. Она была единственной, за кого стоило бороться. Единственной, кто заставляла меня делать такие ужасающие вещи.

Если это означало, что она проживет еще день или месяц, или год, я продам себя бесчисленному количеству мужчин, или буду работать в шахте, или проворачивать дела, связанные со сбытом и продажей наркотических веществ, в своей крошечной квартире.

Я продала свое достоинство. Свое тело. Свою чертову душу за деньги. Все потому, что у меня не было другого выхода. Никаких других активов, ни надежды, кроме как торговать собой, как каким-то владением на гаражной распродаже.

Но с ужасом пришло облегчение. Полчаса назад у меня не было надежды, но сейчас у меня было двести тысяч желаний найти выход из горя.

Фокс был самоуверенным, но наблюдал за мной с некой осторожностью. Он казался таким же шокированным, как и я, из-за того, что произошло между нами. Я не лгала, когда сказала, что он мог получить меня бесплатно. Если бы он был искренним и добрым, я бы с радостью отправилась на свидание и даже переспала бы с ним.

«Он придурок, но тебе нравится его высокомерие, железная воля и требования».

Я хотела очистить мозг от таких ужасающих мыслей. Я не была женщиной, которая поклонялась желаниям мужчин. Я была женщиной, которая унижала их, втаптывая в грязь под своими ногами. Но Фокс... он был злым, но сломленным. Устрашающим, но одиноким. Требовательным, но просящим.

Я совсем не могла его понять. И это заставляло меня нервничать. Как я узнаю, что он заплатит?

«Как ты останешься на целый месяц?»

Я стиснула зубы. Была одна часть сделки, которую я нарушу. Я не останусь на месяц. Я улизну и увижу Клару. Я найду способ увидеть мою больную дочь, потому что никогда не прощу себе, если она подумает, что я ее бросила. И я не буду мириться с этими глупыми требованиями, и быть пленницей. Условия будут пересмотрены, но не сейчас. Мне нужно дать немного, чтобы потом я могла взять больше.

Склонив голову, я спросила:

— Как я могу быть уверена, что ты заплатишь?

Он сжал руки, как будто получая через них прилив энергии. Улыбнулся, но улыбка не затронула его бело-серых глаз.

— Я заплачу. Обещаю.

— Ты обещал, что я не смогу ранить тебя, но я это сделала. Как я сказала, не давай обещаний, которые не сможешь сдержать, — я остановила взгляд на его рубашке, ища маленький порез, который оставила.

— Хорошо, я вижу, доверие для тебя — большая проблема. Так же, как я честно отдал тебе твой нож, половину суммы я заплачу вперед, — ответил он, приподняв брови. — Это успокоит твою нервозность?

Вздернув подбородком, я сказала:

— Да, я ценю это. — В момент, когда у меня будут деньги, я отнесу их домой Кларе. Каким бы заманчивым не представлялось нарушить остальную часть сделки, я не стану этого делать. Я дала ему слово.

Мой желудок сделал сальто, при мысли о нем, трогаящем меня, толкающемся глубоко внутрь. Деньги были для Клары, но секс, я хотела его для себя. Я хотела увидеть то, о чем люди писали поэмы. Если все-таки искра между Фоксом и мной была каким-то знаком, то когда, наконец, он возьмет меня, это будет стоить легкого дискомфорта, принимать его деньги за оказанные услуги.

Фокс подошел ближе, и я напряглась от его властного присутствия. Его запах сигарет и металла окружил меня, превращая мои мысли в хаос. Мои трусики были влажными от борьбы с ним, а соски еще покалывало в том месте, где он обхватывал мою грудь.

Его рука опустилась на мое бедро. Палец кружил по моей выпирающей тазовой кости под тонкой тканью моего платья. Если я думала о безобидном касании на моем запястье,

откликнувшись связью, это было ничем по сравнению с взрывом жара от эйфории его пальцев, поглаживающих мою нежную плоть.

— Я не могу дождаться, когда увижу тебя голой, *dobrycha*, — он наклонил голову, чтобы носом уткнуться в мои тщательно уложенные волосы. — Я хочу, чтобы твои волосы были распущены, так я могу держать их, пока буду брать тебя сзади.

Я растаяла, мое сердце застучало. У меня не было ничего, чтобы нанести ответный удар.

Он опустил взгляд на мои губы.

— Не двигайся, — время замедлилось, когда он поднял руку и вновь обхватил мою грудь без бюстгалтера. — Расскажи мне, как тебе нравится, чтобы я мог сделать тебе хорошо.

Я вздрогнула, когда он большим пальцем задел сверхчувствительный сосок. Я качнулась вперед, охотно давая ему доступ.

— Мне нравится это, — странное ощущение спокойствия окутало меня. Исчезло смущение от продажи себя. Я получу от этого больше, чем просто деньги. Я открою скрытые желания, о существовании которых раньше не знала. Я сделала правильный выбор, и судьба не забыла обо мне, она услышала мои крики о помощи. Она дала мне Обсидиана Фокса.

Его хватка вдруг перешла от ласкающей, к обладающей, и я закусила губу, проглатывая стон.

Он тяжело вдохнул, щипая мой сосок сильными пальцами, будто испытывал себя, пробивая границы, которые я не знала.

— Тебе нравится это?

Моя голова внезапно стала слишком тяжелой для моей шеи, а тело стало слишком ленивым, чтобы стоять. Я хотела прижаться к нему, давая ему больше себя.

Мои щеки загорелись при мысли о признании, что мне нравится эта грубость, но затем я воспользовалась бойцом, которого он выпустил из меня, и посмотрела сквозь ресницы.

— Да. Мне это нравится.

— Чем больше ты борешься, тем больше тебе нравится быть под контролем, — он опустил голову, и кончики его лохматых бронзовых волос коснулись моих. — Я не могу дождаться, чтобы узнать, что еще тебе нравится.

Мой желудок сжался, посылая ощущения страха и желания в мое лоно. Дерьмо. Он действительно был подарком. Да, он мог ощущать вещи, которые мог знать только тонко чувствующий человек, а также он имел силу надо мной. Его нервирующее присутствие заставляло меня забыть обо всем, кроме него. Он взял на себя мой мир. Он был затмением.

Опустив голову, он пробормотал:

— Отправляйся в мой кабинет. Сейчас же, — его взгляд вызывал водоворот похоти и вспыльчивости в моей крови.

Он сделал шаг назад, низкая освещенность помещения отражалась серебром на его шраме. Это должно было сделать его отвратительным, но от этого мне было труднее его игнорировать.

Сделав шаг к лестнице, я тихо сказала:

— Я вернусь завтра. После того, как придумаю отговорку и соберу свои вещи.

Одним безумно быстрым движением он забаррикадировал лестничную клетку. Он двигался, как черный призрак, бесшумно, неумолимо, как полностью утративший чувство страха.

— Ты не уйдешь. Ты согласилась.

Я нахмурилась, сражаясь против притяжения к его телу.

— Я согласилась, да. Но не начать сейчас. Мне нужно уйти и увидеть мою... — я оборвала себя.

«Не рассказывай ему о Кларе».

Я находила его сексуально убедительным и тайно ждала опасной непредсказуемости, которую он представлял, но и не хотела, чтобы он знал о чем-то столь хрупком и невинном.

Никогда.

Лед заменил тепло, которое он вызывал.

— Я вернусь завтра.

Щепка беспокойства вонзилась в мое сердце. Что, если я уйду, и он передумает? Что, если он последует за мной и увидит мою умирающую дочь? Купить женщину для секса это одно, но совсем другое — купить мать.

Теперь, когда деньги в моей досягаемости, я не могу от них отказаться.

Фокс покачал головой, подходя ко мне. Мое сердце ёкало с каждым его шагом.

— Ты не уйдешь, пока не пройдет месяц. Сделка есть сделка, — он толкнул меня в обратном направлении, не касаясь, просто передвигая меня усилием воли. — Я сказал тебе, я хочу тебя. И собираюсь взять тебя сегодня. Ты спятила, если думаешь, что можешь уйти, не давая мне попробовать то, что я купил, особенно после того, как ты заставила меня так упорно работать, чтобы это заполучить.

Меня окружил шлейф аромата шоколада и металла, его запах был противоречивым. Властным, словно лосьон после бритья. Запах гнева и силы.

Он уже выиграл спор, но я любила те острые ощущения, которые чувствовала от борьбы с ним. Это заставляло мою влажность превратиться в обжигающе-текущее желание. Это заставляло меня страстно желать его.

— Не думай, что я останусь здесь просто так. Я должна все устроить. Я должна сменить одежду. Ради Бога, мне нужна зубная щетка.

Он улыбнулся, и шрам на его щеке немного дернулся.

— У меня есть запасная зубная щетка, так что я дам тебе ее. Что касается одежды, с чего ты взяла, что ты будешь что-то носить? Ты сказала, что даешь мне месяц. Я не сказал, где ты его проведешь.

Казалось, что мое сердце вырвалось из груди и расколосось на кусочки. Я хотела сжать ноги вместе от неприличного желания, которое он вызвал в моих венах. Но затем образы быть прикованной в камере пыток атаковали мой разум. Связывание, боль и подчинение. Я была лучше, чем это. Я не была подчиняющейся. Я была равной, и я не позволю кому-то надо мной издеваться.

Я хотела его. Но не отказывалась от своих прав, как человека.

— Просто, чтобы мы прояснили: я не соглашаюсь на какие-либо пытки или болевые игры. Я позволю тебе взять меня и позволю решать, что я буду носить, но не позволю тебе связывать меня или бить, — я часто дышала, захваченная смесью похоти и ужаса.

Фокс остановился. Развернувшись, он посмотрел, как будто я сказала что-то богохульственное.

— Даю тебе слово, я не буду использовать на тебе кнут или другое оснащение. Пока ты не изменишь свое мнение, — он задумался со странным выражением на лице. — Однако связывание должно быть рассмотрено.

— Что? Нет. Это не было согласовано...

— Согласовано или нет, ты дала мне слово. Сейчас ты обязана.

То, как он говорил, нашло отклик у его прошлых эмоций. Как если бы он испытывал это раньше. Соглашение есть соглашение. И в этом случае, оно нерушимое.

— Я обещаю, что не причиню боли. Хватит выводить меня из себя, сомневаясь во мне, — он прищурился, проникая глубоко взглядом в мои глаза, как будто мог разоблачить любую ложь, которую я когда-либо говорила. Я была в шоке от самой себя, когда сказала правду о своем ухе. Я никому не рассказывала. Такой человек, как Фокс, мог почувствовать запах выдумки, словно феромоны.

Ох, господи. Еще одна вещь, от которой я буду страдать — не находиться под защитой своей лжи. Я не смогу замаскировать свою печаль с помощью подделки, я не смогу соврать ему.

Звуки ударов плоти о плоть звенели в моих ушах, когда внизу закончился бой. Вспышка шума выдернула меня из маленького мира, в котором я находилась с Фоксом, и напомнила мне, что он владеет местом борьбы и поощряет кровопролитие. Если он любит причинять боль другим, как я могу верить, что он не причинит боль мне?

Сожаление и беспокойство копошились в моей голове, как сердитые шершни. Из этой сделки не было никакого выхода, как и единственного шанса, что я могу не попасться в его капкан.

Фокс продолжал внимательно следить за мной, подойдя к стене справа от себя. Он элегантно шагнул сквозь тени, как будто был тенью самого себя. Вбив код в клавиатуре замка, он распахнул дверь, которую я не видела, замаскированную черным оформлением. Склонив подбородок, он сказал:

— Мы прояснили это, не так ли?

Лестница была открыта и манила. Я могла бы сбежать и забыть то, что случилось сегодня. Но я никогда не получу подобного предложения еще раз. Я удивлялась, насколько живой он мог сделать меня, насколько сильной он заставил меня стать.

Это был моим единственным шансом помочь Кларе, если я не хотела ограбить банк или сотворить еще что-то безрассудное.

Стиснув зубы, я проследовала в его кабинет. Фокс не двигался, и тепло его тела спалило в пепел всю мою сдержанность. Мою кожу покалывало, когда увеличился медленный вихрь притяжения. Мой сосок покалывало, вспоминая его прикосновения.

Это было очень давно.

Прошло достаточно времени с тех пор, как меня касались и нежно любили. Я тряхнула головой. Я окружила себя ложью, я никогда не была нежно любимой или обожаемой. Я была использована и выброшена. Я была предметом вожделения на очень короткое время, только для того, чтобы выучить ценный урок: ничего не было священным, и меньше всего, моя девственность.

Фокс закрыл за собой дверь и подошел ко мне. Я сжала колени вместе, чтобы не было соблазна отойти. Это было бы слабостью, а я не была слабой. Это также останавливало меня сделать что-то опасное, как потребовать его касаться меня снова.

Он двигался, как хозяин, мужчина, который знал, как бороться и не боялся заставлять других выполнять его приказы.

Что бы он сказал, если бы я рассказала ему, что я мать? Будет ли он презирать то, что я притворялась сексуальной, а на самом деле была практически девственницей? Один толчок членом, чтобы забрать звание неопытной, и еще один толчок, чтобы оставить меня с Кларой. Вряд ли это считается чем-то запоминающимся.

Я закусила нижнюю губу. Я, наконец, позволила себе быть честной. Я была голодна. Действительно голодна для чего-то правдивого. Связь, сексуальное пробуждение. Мое тело хотело Фокса, пока разум хотел бороться с ним по каждому вопросу. Такое сочетание угрожало создать такую зависимость, которую не могли бы разрушить даже деньги.

— Ты блее, чем обычно, — Фокс наклонился ближе, раздувая ноздри, как будто мог попробовать мою панику. Он перевел взгляд на мое горло. — Твое сердце дико пульсирует, и твой запах сильнее, — неуверенной рукой он смахнул свободные локоны, лежащие на моем плече. Его легкие прикосновения заставлял меня бороться с закрывающимися от желания веками, сражаться с непреодолимой потребностью. — Что случилось?

Не имело значения, что я была неопытной. Секс был первобытным, инстинктивным, животным. Я чувствовала себя, как куртизанка мирового класса. Женщина, которая соблазнила бы мужчину, и, в свою очередь, была бы соблазнена им.

Фокс был эротической фантазией, которую я никогда не воображала. И он платит, чтобы трахать.

Мысль должна была вызвать неприязнь, но она заставила меня стать влажнее.

Вздохнув, я прошептала:

— Ничего. Ничего не случилось.

Фокс склонил голову, нахмурившись:

— Помни, я чувствую запах лжи.

Я встретила его взгляд, холодная серость которого заставила меня почувствовать себя так, как если бы я стояла в сильную метель.

Чем больше мы смотрели, тем больше возбуждалось мое тело, тем большего я его хотела. До прихода в этот проклятый клуб я не была удовлетворенной. Я не жаждала мужчину, и мне не нужно было удовольствие, доставляющее освобождение. У меня было так много вещей, потребляющих меня, без усложнения романтикой. Но в тот момент, когда я посмотрела на Фокса, я знала, он был другим. Он был мужчиной, которого я могла желать.

Ни внешность, ни мастерство на ринге, которые меня привлекали. Ни его шрам или его жестокость.

Меня привлекало в нем все.

Обсидиан Фокс был настолько мужчиной, что было страшно. Красивый, он показывал свои изъяны на всеобщее обозрение, и не извинялся за это.

Разрушая зрительный контакт, я осмотрелась вокруг его кабинета. Единственным светом были небольшие светодиодные полосы, освещавшие металлические скульптуры и произведения искусства. Я шутила, что его кабинет был подземельем, и это было близко к правде. В черное были окрашены стены, ковер, мебель и даже светильники.

Все черное.

Одну из стен украшало большое нарисованное изображение лисы, охотящейся под светом луны.

Приглядевшись, я заметила неприятный шрам, уродующий половину морды лисы, так же, как и лицо Фокса. Казалось, он любит символичность. Либо это так, либо он судил себя слишком строго.

Фокс потихоньку подходил ближе, пока на моих руках не поднялись волоски. Будучи так близко, он заставил меня тосковать по его прикосновениям, и в то же время, бояться.

Я подавила дрожь, когда Фокс остановился рядом со мной, уставившись на то же самое изображение. С этого угла, его левый профиль был нетронутым. Гладкие щеки, гладкая шея и несчастные серо-белые глаза. Он выглядел уверенным и в боевой готовности. Первобытным, диким, но таким дисциплинированным и далеким.

— Восхищаешься работой Оскара?

Оскар. Блондинистый идиот, который говорил обо мне, как будто я была проституткой. Я ощетибилась, ненавидя, что этот придурок был талантливым. Каждый выступ, взмах, независимо от метода, который он использовал, говорил об истинном мастерстве.

— Неплохо, — пробормотала я. — Талантливо.

Я взглянула на Фокса. Он не выглядел диким, будто и не принадлежал к искусственным комнатам — клетками, и не имеет значение, как они были оформлены.

Я хотела спросить, почему у него была одержимость черным. Название его клуба, мебель, его

гардероб. Неужели он верил, что не заслужил красок в своей жизни?

Фокс издал уклончивый звук, погрузившись в себя. Заднюю часть моей шеи закололо, когда он напрягся.

Я попала еще глубже в ловушку, желая узнать его.

— Почему ты пытаешься скрыть откуда ты?

Все его тело застыло, он прищурился.

— Не задавай вопросов, ответы на которые тебе не понравятся.

Его нежелание только больше меня заинтриговало.

— Ты не можешь ждать от меня, что я не буду задавать вопросов, тогда как ты интересуешься моими секретами. Я могу сказать тебе, что я уже чувствую. Ты никогда не знаешь... Я могу обладать интуицией так же, как и ты, — мой голос был мягким.

Фокс взглянул на меня и сжал кулаки.

— Ты путаешь меня с человеком, которому есть дело. Мне плевать, что ты думаешь обо мне. Ты моя, чтобы трахаться, а не разговаривать о моем прошлом.

Он быстро двигался, и я чувствовала на себе тепло его тела.

— Поверь мне, *dobrycha*, тебе не понравилось бы то, что я рассказал.

Я не верила ему. Он хотел больше, чем просто секс. Проклиная свое быстро забившееся сердце, я прошептала:

— Ты думаешь, я глупая, но это не так. Например, я знаю, что ты используешь его в качестве оружия. Твой шрам.

Он сердито посмотрел на меня. Его пальцы дрожали.

— Ты создан, чтобы бороться, вероятно, поэтому открыл этот клуб, но ты еще не нашел покоя. Ты злишься и мучаешься, и разорван внутри, и если ты думаешь, что можешь все это выплеснуть на меня, ты ошибаешься.

Он усмехнулся, но это выглядело странно на лице со шрамом, жестокая насмешка казалась неестественной.

— Ты думаешь, что умная? Я расскажу тебе кое-что: ты согласилась сделать самую глупую вещь в своей жизни, когда приняла мое предложение. Мало того, что ты думаешь, что можешь читать меня, но ты и еще достаточно глупа, чтобы выдвинуть романтическую идею, что я найду искупление.

Казалось, что он стал больше, более пугающим. Его шрам осветило серебром, и в темноте рубец на щеке казался покатым. Воздух в кабинете уплотнился, пока не стал тяжелым вокруг нас, заманивая меня в ловушку с мужчиной, который смотрел на меня с ненавистью.

— Я не использую шрам, как оружие. Я использую его, как предупреждение, — его глаза вспыхнули. — Ты можешь быть в состоянии скрыть свои чертовы взлеты и падения, но у меня

нет этой роскоши. Мой шрам — талисман. Я не нуждаюсь в напоминании о своих грехах, это очевидно каждый раз, когда я смотрю в чертово зеркало.

Во мне все скрутило, когда его энергия нанесла мне удар. Он впился в меня взглядом, уставившись так тяжело, что я чувствовала резкий звенящий звук глубоко внутри, когда он играл на моих глупых чувствах.

— Я узнаю твои грехи прежде, чем закончится месяц. Но ты не узнаешь моих. И это обещание.

Еще одно обещание, которое ты не сможешь сдержать.

Я приоткрыла губы, делая вдох, полный тревоги. Жестокость заразила воздух вокруг нас, делая его темным и непрозрачным. Это напомнило мне о лесном пожаре, после того, как он выжег все на своем пути.

У меня не было ни малейшего намерения быть на пути Фокса. Его пути к разрушению.

Я хотела возразить, что он не узнает мои грехи, но я знала правду. Он узнает. Для меня было ужасным, чтобы кто-то знал обо мне абсолютно все, но в случае Фокса, даже мой самый худший грех, вероятно, не сравнится с его.

Небольшой шум звучал у меня в голове, когда Фокс властно захватил мою спину своей огромной ладонью и дернул меня ближе. Я покрылась мурашками, когда мои бедра соприкоснулись с его. Горячая сталь в его брюках уперлась мне в живот только на мгновение, прежде чем он не слишком нежно меня оттолкнул.

Схватив меня за руку, он потащил меня через комнату.

— Мы обсудим детали за моим столом.

Я ударила по тормозам.

У меня была мысль закричать и ударить его. Я ненавидела то, что он грубо обращался со мной. Он думал, что я беспрекословно подчинюсь. Он доказал мне, что вообще не имел ни малейшего понятия о том, как обращаться с женщиной.

Правила.

— Нам нужны правила. Тебе нужно знать мои плюсы и минусы, а мне нужно знать твои, — я прищурилась. — Правило номер один. Мне не нравится быть собственностью, или чтобы меня заставили делать что-то, чего я не хочу. Это не срабатывало ни с кем в прошлом, и не сработает с тобой.

Он посмотрел на меня с интересом.

— Похоже, у нас больше общего, чем я думал, — кивая мне, он отпустил меня и обогнул стол, чтобы сесть в черное кресло. — Правило номер один для меня. Никакого неуважения ко мне. Если ты хочешь что-то сказать, будь красноречивой. Я не очень хорошо реагирую на ненормативную лексику или насмешки.

Дерьмо, он был прав. У нас было что-то общее.

Я покопалась в голове в поисках следующего правила.

— Правило номер два. Я не принадлежу тебе, как что-то украденное, и ты не имеешь права обращаться со мной, как с грязью. Если ты снова направишь на меня нож, ты больше не сможешь быть мужчиной. Ты станешь кастратом, — я вытянула руку с лезвием, и быстро вернула на место.

Он слегка усмехнулся. Положив ладони на стол, наклонился вперед.

— Правило номер два для меня. Если я прошу тебя что-то сделать, ты делаешь. Думай об оплате в конце месяца, как о зарплате моего работника. Участие в сексе не имеет значения. Я хочу от тебя большего, чем просто удовольствия погрузиться между твоих ног, — его голос был грубым, а глаза светились белой, горячей похотью.

Мой желудок переворачивался от мысленного представления, как он берет меня. Трахает меня. Несмотря на все мои усилия оставаться в стороне, покалывание бросилось к моему лону, и у меня появилось внезапное желание сесть. Прочистив горло, я села на единственный стул перед его столом.

Напряжение сгустилось, когда Фокс замер, наблюдая за каждым моим движением. Я скрестила ноги и сжала бедра вместе, против пульсирующего желания, пронизывающего комнату.

Объявление наших правил внезапно становилось большим, чем просто разговор о деле, это становилось наслоением невысказанного притяжения и ужасной неопределенности. Я никогда прежде не боролась с реакцией своего тела. Я никогда прежде не встречала человека, которому бы хотела заглянуть в душу и изучить все, что он там прячет.

Даже отцу Клары.

Не то чтобы это считалось любовным романом. Он забрал мою девственность за туалетной кабинкой в Гайд-парке. Это было грязным, неловким и немного болезненным. Это не было изнасилованием, но это также не было и по обоюдному согласию. Я была глупой, легкомысленной пятнадцатилеткой, которая думала, что может дразнить и не платить за последствия.

Фокс разрушил мои воспоминания.

— Правило три для тебя?

Напряжение вернулось в мое тело, отражая тревожное напряжение в комнате. Фокс не отводил от меня глаз, пригвоздив меня к креслу. Я не могла ни на чем сосредоточиться. Этот человек имел власть, чтобы украсть все мои мысли.

— Правило три, — начала я, и мой голос был более хриплым, чем прежде, — эмм, ты будешь обращаться со мной больше, чем просто с секс-игрушкой. Мне нужно, чтобы ты говорил со мной любезней, чем гигантская горилла, которая думает, что она выше всех.

Мой разум метался между угрозой секса и привлекательностью денег.

«Что я за мать?»

Фокс слегка улыбнулся, прежде чем снова стать невозмутимым.

Он склонил голову, как бы соглашаясь с моим правилом.

— Правило номер три для меня, я дам тебе отношение, в котором ты нуждаешься, но в ответ я ожидаю больше. Я задаю вопрос — ты говоришь мне правду. Я прошу тебя сделать что-то — ты делаешь.

Он щелкнул пальцами так же, как до этого делал на этаже для боев, и его голос помрачнел.

— Пока ты в моем доме, под моей защитой, ты забываешь о мире снаружи. Твои друзья, твоя семья, вся твоя жизнь больше не существует. Только я.

Мое сердце забилося, когда отхлынул настоящий страх, и закрались сомнения. В детстве я научилась пробираться тайком, и это всегда удавалось, и я надеялась, что смогу использовать эти навыки, чтобы исчезнуть ночью и увидеть Клару. Фокс не узнает об этом, и я смогу обнимать и целовать свою дочь, пока не буду уверена, что она счастлива и с ней все хорошо.

Я лелеяла свой собственный обман, даже когда принимала его правила.

— Мне нужен медик, чтобы проверить твое здоровье? Ты на таблетках?

Я должна была быть готова к этому вопросу. Конечно, он не захочет надевать презерватив в течение месяца. Я не репетировала свой ответ.

Старая боль расцвела, когда на меня нахлынули воспоминания.

Фокс стоял, нахмурившись. Он прищурился, чувствуя мое отвращение.

Я опустила взгляд. Моя рука инстинктивно коснулась шеи, перебирая ожерелье, которое я постоянно носила. Оно было таким же, как у Клары. И это помогло мне успокоиться.

Мне было восемнадцать. Борющаяся мать с двухлетним ребенком, которая работала весь день, чтобы содержать себя и ребенка. Я была так окутана своими заботами, что не слышала шаги позади себя.

— *Отдай нам свои деньги, сука.*

В одно мгновение я стояла на двух ногах, в другое — оказалась лицом на асфальте.

Четыре пары ног окружили меня, все мужчины, все молодые и полные желания кому-то что-то доказать.

Безмолвно, я пошарила в сумке и отдала им тридцать долларов и двадцать пять центов, что были у меня наличными.

— *Это все? Где остальное?*

То, что последовало потом, нанесло мне слишком сильную боль, чтобы это пережить. И все же, полагаю, что я счастливица. Меня не изнасиловали, но было достаточно много ударов в живот, чтобы оставить меня бесплодной.

Я провела недели в больнице, пока моя драгоценная малышка была под присмотром пожилой женщины, которая жила над нами.

— Скажи мне. О чем ты думаешь? — зарычал Фокс.

Холод успокоил мою кровь, помогая мне сохранить бесчувственность.

— Я чиста от заболеваний, и ты можешь не беспокоиться о контрацепции, — мой голос стал суровее. — Я не собираюсь спать с тобой, пока тоже не узнаю твою историю. Как часть моих правил, мне нужно знать, что ты тоже чист.

Его спина напряглась, и он стиснул челюсть.

— Я чист. Тебе нечего бояться.

На мгновение, его глаза накрыла тьма, потом он легко махнул рукой.

— Я полагаю, спать с ублюдками за наличные — это для тебя что-то новое?

Я широко открыла рот.

— Ты снова. Я думала, что у нас появился прогресс, чтобы я не судила тебя слишком сурово, но нет. Ты все еще придурок.

Проведя рукой по своим спутанным волосам, я резко заговорила:

— Я уже говорила тебе, что не шлюха, и я больше не отвечаю на такое неуважение. Я пообещала, что не буду относиться к тебе неуважительно, так что постарайся сделать то же самое.

Чувствовалось, что все его тело наполнялось энергией, все в нем готовилось к атаке. Медленно, он повел плечами, освобождаясь от напряжения так же быстро, как оно его наполнило.

— Ты права. По крайней мере, у нас есть необычные формальности.

Мои ноги зудели от желания уйти. Все в этом соглашении было неправильным. Но подкуп в размере двухсот тысяч долларов держал меня приклеенной к стулу, как марионетку, а его тайна сохраняла меня от того, чтобы полностью его ненавидеть.

«И твое желание обладать им делает тебя влажной».

Я сдвинулась, чувствуя себя дешевой.

Фокс провел указательным пальцем по своей нижней губе. Низкая освещенность в комнате оставляла меня с ощущением отрезанной от всего. Одна в мире с пугающим незнакомцем.

— Я скажу Оскару организовать первый платеж и отправить, по тому адресу, который ты укажешь, но если ты уйдешь без моего разрешения, то будешь должна мне каждый цент, — кожаная обивка кресла скрипнула, когда он поднялся. — Не жди во мне щедрого любовника. Я планирую взять с тебя все, что ты должна дать, — произнес он низким, хриплым и почти неслышным голосом.

Где-то в районе живота я ощутила нервный трепет. Он впился в меня взглядом.

— Это несправедливо.

Он соединил руки.

— Это сделка. Я покупаю тебя для своего удовольствия. Не забывай это.

— Как я могу забыть? — пробормотала я.

Фокс фыркнул на мое дерзкое замечание.

Я сказала:

— Ты не разрешаешь мне уходить месяц, но можешь позволить мне использовать телефон. Мне нужно кое-кому позвонить.

Он нахмурил лоб.

— Один телефонный звонок.

— Один?

Я не могла поверить в это. Это было, как в тюрьме.

— С этого момента, ты должна спрашивать разрешение, чтобы что-то делать. Ты передала мне права на себя, — Фокс мрачно улыбнулся. — Добро пожаловать в мой мир, *dobuscha*.

От иностранных слов поползли мурашки.

Вздохнув, я подумала, о том, на что согласилась. Для того, у кого никогда не было никого, чтобы отчитываться на протяжении всей жизни, это займет много времени, чтобы привыкнуть.

— Еще какие-то детали? — спросила я.

Он встал и обошел стол, чтобы встать передо мной, вторгаясь в мое личное пространство.

— Ты позволишь мне делать с тобой все, что я захочу.

Я подняла руки, готовая перебить его, но он резко сказал:

— Дай мне закончить. Я могу свободно господствовать над твоим телом. Ты позволяешь мне обращаться с тобой, как с владением, и я обещаю не обижать тебя.

Вопросы неистово пронеслись у меня в голове. Он просил меня отказаться от своей свободы, чтобы подчиниться ему, чтобы отказаться от всех мыслей принадлежать самой себе и повиноваться его прихотям.

Двухсот тысяч внезапно оказалось недостаточно.

Слово «нет» крутилось у меня на языке. Он мог заинтриговать меня, соблазнить меня и предлагать возможность спасти мою дочь, но месяц — это очень долго.

Движением молнии, Фокс схватил мою руку и поставил меня в вертикальное положение. Я стояла на своих глупых шпильках, проклиная саднящую боль от волдырей. Мой взгляд опустился на его рот, и я сглотнула, когда он облизнул свою губу.

— Твой первый приказ — положить руки за спину, — его дыхание, слабо пахнущее шоколадом и мятой, щекотало мои ресницы.

Я нахмурилась.

— Сделай это, — потребовал Фокс.

Медленно, я отвела руки за спину и переплела пальцы. В мгновение, когда я соединила их на пояснице, он зацепил пальцем мое платье и потянул меня вперед. Моя грудь столкнулась с его, мои груди напротив его сильных мышц. Я вдохнула и выдохнула животом, коснувшись его рельефного пресса.

— Не разъединяй пальцы, — его голос действовал, как топливо в огонь, уже облизывая мой центр желания. Я задрожала, когда он прошелся пальцем от моих бедер к талии. Подушечки его больших пальцев рук щекотали боковую часть моих грудей, когда он поднялся выше.

Медленно и нежно.

У меня в глазах потемнело, голова кружилась, и все из-за тепла, который он вызывал внутри меня, превращая мое желание в сумасшедшую одержимость.

Я нуждалась в его прикосновениях. Я нуждалась в том, чтобы меня ласкали, баловали и обожали. Я никогда не была сексуальным созданием, но теперь поняла, почему люди этого жаждали. Почему мысль о том, чтобы тебя взяли и поклонялись тебе, была такой безумно привлекательной.

Не испытывая стыда, я почувствовала нарастающую влажность у себя между ног.

Фокс наклонил голову, продолжая смотреть прямо мне в глаза. Зеленые — в серые, живые — в безжизненные. Я приоткрыла рот, дыхание сделалось медленным, а ноги дрожали.

Сантиметр за сантиметром, он подходил ближе, принося с собой запахи сигарет и металла.

Я напряглась для быстрого поцелуя. Для жесткого поцелуя. Но Фокс все еще сдерживал себя, паря над моим ртом, прикасаясь только частично. Я чувствовала, как мои губы дрожат и изнывают от боли, и испытывала острое желание проникнуть языком в его рот и облизать его язык.

Если он использовал мое тело против меня, то это работало.

Небольшой рык вырвался из его грудной клетки, и я внимательнее заглянула в его глаза. Вместо грубой страсти, я видела там растерянность. Мое сердце ёкнуло, и снова включились мои защитные механизмы. Он не должен быть растерянным. Я бы поцеловала его в тот момент, даже если бы делала это бесплатно.

Я не знала, кто пересек последний миллиметр расстояния, но в момент, когда его губы коснулись моих, я застонала. Наши глаза закрылись, и ничего не существовало, кроме вкуса.

Я продолжала ждать, что он сломается. Что притянет меня ближе и погрузит свой язык мне в рот, но он сделал обратное. С идеальным давлением, он раздвинул мои губы кончиком языка, и я почувствовала его во рту. Его вкус опьянял меня, и я потянулась вперед, потираясь своей грудью об его.

Он застыл, но не перестал целовать меня, придерживаясь сводящей с ума мягкости. У меня закружилась голова, я забыла дышать, пальцы ослабли, пока мои руки безвольно не опустились по бокам. Все, о чем я могла думать — это касаться его, притянуть ближе, заставить быть грубым, чтобы закончить это невыносимо медленное нападение.

Что-то щелкнуло в нем, и он прижался губами еще сильнее. Его прикосновения стали более уверенными, и он притянул меня ближе, толкнувшись бедрами, настолько близко для меня, чтобы почувствовать сильный жар в его брюках. Я наклонила голову, давая ему лучший доступ, желая, чтобы он целовал меня глубже.

Но он не воспользовался.

Медленно, нежно и убеждающе.

Это было лучшим поцелуем, который когда-либо был у меня, но также и самым худшим. Он вызывал похоть и нужду в каждом сантиметре моего тела. Мои губы хотели большего, мой язык хотел дикости. Моя кожа хотела отметин, потому что он так сильно нуждался в том, чтобы касаться меня.

Все мои мысли исчезли, когда я прикусила его нижнюю губу. Он вздрогнул, но секундой позже сделал то же самое, и его острые клыки пронзили мою сверхчувствительную плоть.

Я застонала.

Я не могла это терпеть.

Я схватила его за рубашку, дергая на себя. В руках у меня как будто были фейерверки, а сердце понеслось галопом под натиском взрыва похоти. Я никогда никем не была так опьянена.

Затем я приземлилась на спину.

От удара головой об пол у меня звякнули зубы. Ковер смягчил мое падение. Я широко раскрыла глаза, всхлипнув от боли. Страх, жар и ужас затопили мою похоть.

— Главное правило. Неразрушимое правило. Никогда. Ко. Мне. Не. Прикасайся, — Фокс опустился на колени возле моей головы, тяжело дыша. Он схватил меня за горло, прижав мою спину к коврику. Его глаза были холодными и безжизненными, и он выглядел, как охотник, жаждущий крови.

Я ахнула, пытаюсь дышать. Я не могла понять настигшего меня замешательства.

— Никогда ко мне не прикасайся, — он сжал руки, сдавливая мою трахею.

Он собирается меня убить.

Из меня вырвался ужас. Царапая и, вырываясь, я старалась разжать его невероятно сильные пальцы. Образ Клары вспыхнул у меня в голове, посылая горячие слезы к глазам.

Фокс наклонился, сжимая еще сильнее.

— Что я только что сказал?

Я боролась, нуждаясь в воздухе. Глаза ощущались слишком большими для моих глазных впадин, в ушах взревела кровь! Мне нужно было дышать!

Я была готова драться, но одна мысль трубила: Не трогай его.

«Прекрати его трогать!»

Я не могла подчиниться. Каждый инстинкт бойкотировал, когда я принудила себя отпустить его, позволив ему придушить меня.

Опустив руки по бокам, я прижала локти к полу. Я бесконтрольно содрогнулась, сражаясь с инстинктом бороться.

Только когда я стала совершенно неподвижной, без угрозы касаться его, он разжал свои пальцы и встал. В тот момент, когда он отпустил меня, я перевернулась на бок, откашливаясь и получая кислород в жадные легкие.

Он стоял, смотря на меня в упор, и его лицо было черным и вселяющим ужас.

Я думала, что знала, на что согласилась, но ошибалась. Я не учла его изменчивого психического состояния. Он был больше, чем просто придурком. Он был психически неуравновешенным и ненормальным, и каждое соглашение, что мы с ним заключили, казалось невероятно идиотским.

Он застонал себе под нос, звуча, словно раненое животное, прежде чем коснулся руками своего лица. Он начал расхаживать из одного конца комнаты в другой.

К пятому или шестому полному вздоху, я приподнялась. Но была слишком напуганной, чтобы встать. Мне нравилось быть здесь, внизу, подальше от его убийственных пальцев.

Фокс бродил, что-то бормоча себе под нос. Его взгляд сменился от смертоносного к раскаивающемуся. Остановившись за столом, он зарычал:

— Я не хотел этого делать, — он разжал и сжал кулаки с нерастроченной энергией. — Ты спровоцировала меня. По крайней мере, сейчас ты знаешь, что случится. Не ослушивайся меня. В следующий раз, у меня может не быть сил, чтобы остановиться.

Его лицо исказилось. Гнев увеличивался в нем, проталкивая меня через небольшое расстояние между нами. Мое сердце билось ускоренно, и я не могла отвести взгляда. Он поймал меня в ловушку своих глаз, сея хаос в моих эмоциях.

Я покраснела, опустив взгляд.

— Мне жаль, — прошептала я. Нервно поднявшись на ноги, я сбросила глупые туфли, чтобы встать босиком на шелковистые нити ковра. Лучше бежать. Лучше спастись бегством.

— Я не хотела послушаться.

Я хотела проклинать его за то, что он причинил мне боль, а не извиняться, но его раскаяние было настоящим. Оно отражалось в комнате, вибрируя в его мышцах. Он смотрел на меня с опаской, как будто я могла убежать в любой момент. Это было его виной, целовать меня так сладко, так нежно. Для мужчины, который носит насилие, как свою настоящую личность, мой разум не мог смириться с тем, как он меня целовал.

Пробежав трясущимся пальцем по нижней губе, я попыталась забыть. Попыталась игнорировать неловкость, странное решение и сладкий пыл, что был на его языке. Если бы я не знала, я бы сказала, что это был его первый поцелуй.

Пробует, изучает, выясняет, как это делать.

Я шире раскрыла глаза, глядя на Фокса. Идея о нем, как никогда никого не целовавшего, была абсурдной. Этот мужчина не целовал. Он грабил и брал.

Тогда почему я целовала совершенно другого мужчину, а не стоящего передо мной сейчас?

Мое сердце снова выделяло маленькие пузырьки отчаяния. Быстро возросла нежность материнского инстинкта. Я хотела прорваться через его внутренний беспорядок и стать ему человеком, которому он мог бы исповедаться, а я бы его выслушала и разделила его бремя.

Потому что он был обременен. Сильно.

Его грубость и шрам не пугали меня. Он сочинил ложь, а зловония лжи никогда со мной не срабатывали.

У него в глазах появились вспышки эмоций.

Мое сердце колотилось о ребра. Сделав осторожный шаг вперед, и игнорируя синяки на своей шее, я спросила:

— Ты в порядке?

Он широко раскрыл глаза и рассмеялся:

— Ты спрашиваешь, в порядке ли я? Не должен ли я спрашивать это у тебя?

Я пожала плечами.

— У нас у всех есть спусковые крючки. Я поверила, когда ты сказал, что не хотел меня обидеть.

Он замер, как будто я поставила его в тупик.

— Если у нас у всех есть спусковые крючки, ты тоже должна его иметь. Какой твой? — его голос оставался обманчиво спокойным.

Я не поддавалась на наживку раскрывать свои секреты, я еще не готова.

Покачивая головой, я ответила:

— Это не имеет значения. Я обещаю, что не прикоснусь к тебе снова. Я вижу, что это для тебя проблема. Я выучила урок.

«И я разберусь в причине этого».

Фокс стиснул зубы. На секунду я подумала, что он прикажет мне уйти, и что он передумал меня покупать.

Наконец он кивнул.

— В таком случае, давай продолжим.

Роан

В жизни были некоторые вещи, которые имели смысл, и другие, не имеющие никакого смысла. Большая часть моей жизни не имела смысла: у меня не было свободы и права на будущее. Я

подчинялся приказам: спал, когда мне говорили: «Спи», ел, когда мне говорили: «Ешь» и убивал, когда мне говорили: «Убей».

Но мое беспощадное состояние, холод, что заключен в моей жизни, дали трещину и начали таять.

И все это из-за одного человека.

Одного человека, который меня не боялся. Одного человека, который толкал меня за мои пределы и помог мне найти путь к выздоровлению.

Одного человека, который мог бы сделать это лучше.

Я знаю, что это только вопрос времени, прежде чем я разрушу это. Я не был достаточно сильным, чтобы это остановить.

Сегодня вечером я сделал одну вещь, которая, по крайней мере, придала всему смысл.

Я купил девушку.

И никогда не отпущу ее.

Я не мог встретиться с ней взглядом.

Я не мог смотреть на красные отметины на ее шее без чувства вины. Не было никакого оправдания в том, чтобы бросить человека на пол и душить его в середине поцелуя.

Мой первый гребанный поцелуй, и я его испортил.

«Ты не должен был делать то, что они приказывали». Я не должен был поверить им, когда они сказали, что нельзя вернуться.

Не было никаких установок или наставлений, чтобы сломать то, что натренировали во мне за двадцать два года. Они создали машину и все, кем я был, перестало существовать. Этот поцелуй только что доказал это.

Я купил женщину и, вероятно, убью ее прежде, чем она это заметит.

Мое сердце сжалось от этой мысли. Я не знал ее, но она уже дала мне что-то невероятное. Она поцеловала меня без какого-либо барьера, своим языком обнажила все свои потребности и мечты, когда облизывала меня со страстью. Она прижалась ко мне своим телом, и ее тепло послало моему члену пульсацию с первым предэякулятом, которым я наслаждался в своей жизни. Все это потрясло меня, и я погрузился мыслями в поцелуй, стараясь понять, как наклонить голову, как далеко я могу зайти без того, чтобы столкнуться зубами.

Я сжал руки в кулаки от ненависти к самому себе. Ожидая слишком многого, я думал, что она предложит мне нечто удивительное.

Я ослабил свою бдительность, сломал свой контроль. Одно прикосновение. Одно простое прикосновение заставило меня вернуться к тому, кем я был раньше, и использовать против себя свою вторую сущность.

Зел потеряла шею, прикрывая своими густыми волосами большинство синяков.

— Все в порядке. Я принимаю твои извинения. Ты не должен выглядеть, как будто кто-то пришел и избил тебя.

«Как она догадалась?»

Я зарычал, отходя:

— Ты ничего не знаешь. Прекрати пытаться понять меня.

Я ненавидел, что должен был находиться под контролем, но каждый раз, Зел крала его у меня. Либо своим характером, либо пониманием, либо своей силой. Я был на шаг позади и чувствовал себя чертовым шутком.

Я хотел кричать на нее, чтобы позволить себе иметь над ней власть, но в то же самое время, мне нужно было оставаться сильным. Мне нужно было все мое мужество, если у нее был хоть шанс спасти меня.

Решив сосредоточиться на поцелуе больше, чем на последствиях, я перестал расхаживать и повернулся к ней лицом.

— Что ты чувствовала, целуя меня? Я хочу знать.

Ее щеки вспыхнули.

— Мне не нужно говорить тебе. Ты знаешь.

— Что я знаю? — я знал, что все еще чувствовал ее вкус у себя во рту. Я знал, что мой член изнывал от того, как сильно я хотел погрузиться в нее, но я, черт побери, понятия не имел, о чем она думала. Я хотел убедиться, что ее, как и меня, затронуло то, что произошло между нами.

«Потому что, если нет, я докажу, что ты недостойна любви».

Мысль пришла из ниоткуда, и я вздохнул. Бл*дь, это так чувствуется реабилитация? Разрывая себя на части, я хотел быть свободным от зависимости в моих венах. Не было сомнения, что у меня была ломка — не от вещества, а от состояния, что владело моим телом и разумом.

Хейзел пробормотала:

— Когда ты целовал меня, я чувствовала всё. Я любила движения твоего языка. Тепло твоего тела. Я могла чувствовать, — она остановилась, прежде чем продолжила: — Я чувствовала твой член у своего живота, и это заставило меня хотеть тебя. Этот поцелуй шептал обещания, а мое тело плавилось для тебя. Я ответила на твой вопрос?

Черт побери, это сделало меня твердым как скала и заставило пустить слюни.

Зел отличалась от других женщин. Она была кометой, пылающей в моем мертвом мире.

Я трахнул, в общей сложности, одну женщину. Она была, как я: принадлежавшей. Однажды ночью, мы выбрались из учреждения и занимались этим, потому что видели, как люди делают это по телевизору. Это не было отлично, больше, как опыт, в котором я нуждался, и это дало мне краткий вкус связи. Мы не целовались. Мы не обнимались, о том, чтобы касаться друг друга помимо необходимого, не могло быть и речи.

Позже, мы вернулись в наши клетки и никогда не упоминали об этом.

Две недели спустя наше обучение закончилось, и она отправилась на свое задание, а я на свое. Остальная часть моей жизни была большим пятном, и я не хотел бы копаться в воспоминаниях.

Почему я купил ее? «Ты знаешь, что это не закончится хорошо».

Я, мать вашу, не знал. Я был под влиянием момента, желания, которого не мог послушаться. Я должен был удержать ее. Я должен был знать, что она может излечить меня. Я не мог описать свое безумство — затащить ее наверх. Знакомство не имело никакого смысла. Я никогда ни в ком не был так заинтересован, как в ней. Это было нелогично для мужчины с моим прошлым, вообще заботиться о человеке, не говоря уже о том, чтобы страдать безумием от мысли дать ему уйти.

Поцелуй сбивал с толку. Потеряв жесткую хватку над своим контролем, я сосредоточился на ее тепле и теле. Я вспомнил каждое движение ее языка. Я не заметил, как она разъединила свои руки.

Большая ошибка. Огромная гребаная ошибка.

Это не могло случиться снова.

Нахмурившись, я напряженно опустился в свое кресло, благодаря огромному пространству между нами.

Она направилась к креслу напротив и села. Я прищурился, рассматривая следы на ее шее. Я жаждал связи, хотел, чтобы она касалась меня, и хотел найти утешение от жизни, полной боли, но не мог.

Самое большее, на что я мог пойти — грубо ее использовать. Никогда не позволять ей подбираться слишком близко, никогда не делиться прошлым и какими-либо мыслями.

Это было к лучшему, что она ничего обо мне не знала.

Я предупреждал ее, не трогать меня. Это не моя вина, что я ее ранил.

Это херня.

Казалось необходимым, принять другие меры предосторожности, чтобы убедиться, что она снова не ослушается и не спровоцирует меня убить ее.

Я встретился с ее взглядом, и мое сердце запнулось. «Беги. Оставь меня. Никакое количество денег не стоит того, чтобы оставаться с таким монстром, как я».

Нуждаясь в том, чтобы развеять чувство настороженности между нами, я пробормотал:

— Я сожалею.

Зел кивнула, немного морщась от боли в поврежденной шее.

— Я знаю. Ты не должен говорить это снова. Назовем это освоением.

В ее глазах, вместе с прощением, я увидел яростную решимость.

Я хмыкнул. Она думала, что может исправить меня, и я хотел, чтобы она это сделала. Жаль, что это никогда не будет иметь счастливого конца.

Вздыхнув, я схватил листок бумаги и свою любимую авторучку. Склонив голову, я написал:

«Соглашение между Обсидианом Фоксом и Хейзел Хантер».

Соглашение, которое не обладало юридической силой. Я лишь хотел иметь что-то, чтобы удержать ее, если она внезапно попытается уйти. Я бы хотел, чтобы она ушла ради собственной безопасности, но я был эгоистичным мужчиной, и буду использовать ее так долго, как смогу.

«Хейзел соглашается безоговорочно подчиняться Фоксу, в течение согласованного периода времени: один месяц. В этот период, она должна ходить, куда он хочет, делать то, что он хочет, но при этом должна уважать его и не спорить с ним. На это время Фокс обязуется относиться к Хейзел с уважением и не выдвигать чрезмерных требований. Хейзел соглашается быть доступной для Фокса в любое время дня или ночи, для его нужд, и будет подчиняться любым его приказам. Фокс соглашается сохранять ее безопасность, не причинять какой-либо боли... »

Остановившись, я зачеркнул последнюю строку. Я уже причин ей боль, толкнув ее на пол.

Чертов идиот. Чертова машина.

Мои наставники испортили мне всю жизнь. Автоматическое нанесение увечий от прикосновений было укоренившимся, и это уже никогда меня не покинет. Я был идиотом, думая, что это может измениться.

Тяжесть у меня в груди росла, когда я принял неизбежное: я никогда не буду свободным.

Я был в состоянии разрушить другие команды, но прикосновение имело на меня особое влияние. В конце концов, они имели массу проблем, чтобы выработать мой первый инстинкт.

Розги пришли из ниоткуда, ударяя меня под коленями. Я сжал руки вокруг ножа, когда я столкнулся с мишенью в виде стога сена, одетый в детский комбинезон и зеленую футболку.

— *Вонзай нож в него, Фокс.*

Они ударили меня снова. В момент, когда боль отозвалась во всех моих суставах, я ударил манекен изо всех сил.

Снова и снова они били меня, пока сено и одежда не оказались разорванными на клочки, и беспорядком валялись у моих ног. Пот струился под моей толстой зимней курткой, даже когда снег холодной русской зимы кружил вокруг нас.

Боль равнялась боли. Быть тем, кто наносит удары, означало причинять боль. Касаться — означало убивать. Просто.

Это было освобождением — подчиниться такому базовому кодексу.

Я покачал головой, нахмурившись и смотря на листок бумаги. Чертовы воспоминания. Они приходят чаще, когда я напряжен.

Возвращаясь к соглашению, я закончил писать:

«Фокс обязуется заплатить Хейзел сто тысяч долларов авансом, а остальные сто тысяч — в конце месяца. Если до окончания срока, Хейзел уйдет без разрешения Фокса, соглашение будет считаться недействительным и будет аннулирован, оставшиеся деньги выплачены не будут».

Нацарапав свою неразборчивую подпись, я поднял взгляд.

Зел не двигалась, ее глаза сосредоточенно смотрели на мой шрам. На ее лице отражались интерес и жалость.

Я зарычал:

— Еще одно правило, о котором я забыл упомянуть. Не смей меня жалеть. Я не хочу твоей жалости. Я не заслуживаю твоей жалости. Понятно?

Она вздрогнула, но не отвела взгляда.

— Это не жалость, — рукой она потянулась к шее, коснувшись цепочки. Я заметил ее чуть раньше. Одинокая звезда.

То, как она коснулась серебра, особенным движением, намекнуло, что оно содержало нежную историю. Она много значила для нее.

Это заставило меня ревновать.

— Я просто пытаюсь понять тебя. Вот и все, — ее голос был твердым и, по крайней мере, не таким напуганным моей жестокостью — свалить ее на пол. Она была такой чертовски сильной. Глупая надежда в очередной раз вспыхнула во мне. Была ли она достаточно сильной, чтобы противостоять мне?

Мои губы покалывало, вспоминая ее вкус. Вспоминая зверскую потребность в ней — призыв от ее тела к моему.

Удары моего сердца изменились от низких и сдержанных — каким я всегда был, когда погружался в состояние — к быстрым и сильным, одержимым потребностью.

Я хотел ее.

Переключившись, я поправил свою гребаную эрекцию. Она слегка улыбнулась, как будто знала, что было причиной моего дискомфорта.

Это была она. Только она. Проклятая женщина.

— Подпиши это, — толкнув бумагу по столу, я жестом указал, чтобы она подошла.

Демонстрируя свои обнаженные ноги, она встала и подошла ближе. Усаживаясь на край стола, ее платье приподнялось, открывая ее ноги до середины бедра.

Черт побери.

У меня внутри все скрутило. Член зашевелился, становясь горячее и толще, и я был уверен, что он может самовоспламениться.

Дрожащими пальцами, Зел взяла листок бумаги и прочитала его. Прищурившись, она кусала нижнюю губу. Я ожидал, что она будет спорить, но она только кивнула и подняла взгляд.

— Мне нужна твоя ручка.

Молча, я передал ей ручку и задержал дыхание, когда она поставила свою красивую роспись. Я чувствовал себя полным мудаком. Я заставил ее подчиниться за деньги. Каким ублюдком я был? Это не поможет, если она, на самом деле, ничего не знает о выживании. Продать себя незнакомцу за деньги? Какой женщиной надо быть? Мы оба стояли друг друга.

Мысль обладала странной привлекательностью.

Сохраняя выражение лица полностью нейтральным, я взял подписанное соглашение и положил его в верхний ящик, закрыв его.

Мне стало немножко легче. Она была моей ровно на тридцать дней. Началось время нашего знакомства.

Она посмотрела вверх, на мгновение встретившись со мною взглядом, потом опять посмотрела на шрам. Сжав пухлые губы в тонкую линию, в то время как во взгляде можно было заметить ход ее мыслей.

Шрам был наказанием — напоминанием о том, как глубоко я пал. Это была расплата за неподчинение.

Я даже не мог думать о той ночи, не покрываясь холодным потом.

— Я покажу тебе, где ты будешь спать, — проверив время на своем телефоне, я добавил: — В какое время ты обычно ложишься?

Она остановилась, удивленно посмотрев на меня.

— В то же, что и все остальные, я полагаю. Около полуночи, а встаю около шести или всякий раз, когда Кл...

Она сжала губы, избегая моего взгляда.

— Не делай этого, не прерывай себя в середине предложения. Что бы ты ни хотела сказать, я хочу знать.

Я ненавидел то, что она что-то от меня скрывает. Даже если я был полон намерения скрывать от нее всё.

Она выпрямила плечи, борясь со мной взглядом.

— Я собиралась сказать, когда Клу встает на работу. У нее несколько мест работы, и в некоторые дни она встает рано.

Ложь, льющаяся с ее губ, была похожей на правду, но я знал отличие. Интонация в ее голосе была странной.

Осторожно покачав головой, я прошептал:

— Я точно знаю, что ты врешь, но не буду давить. Но в следующий раз... лучше пусть это будет правдой.

Она стояла на своем, даже когда вспышка опасения мелькнула в ее взгляде.

Я наклонил голову, упиваясь ею.

— Откуда ты по происхождению? — я догадывался, что это Европа, возможно, Испания. Я стал, в некоторой степени, специалистом по угадыванию национальностей. Еще один плюс от моей предыдущей службы.

Она пожала плечами, смотря на меня с опаской.

— Насчет этого мне врать не нужно. Я знала только моего отца. Или, по крайней мере, я думала, что он мой отец. Он заботился обо мне ровно до того момента, пока не исчез. Я думаю, мне было пять, когда он ушел. Я смутно помню, как он говорил на другом языке, так что я вполне могу быть из-за границы, и не австралийкой по происхождению.

У меня не было ответа на это. Казалось, у нас была еще одна общая особенность. Отсутствие происхождения. Отсутствие кусочков нашего прошлого.

Она посмотрела на телефон в моих руках.

— Я хочу сделать телефонный звонок. Мне нужно кое о чем договориться.

Дерьмо, я забыл об этом. Я не хотел, чтобы она говорила с кем-нибудь, распространяя детали того, о чем мы договорились. Это не красит нас обоих.

Неохотно, я бросил телефон в ее ладони.

— Я не дам тебе уединения, так что не утруждайся спрашивать.

Она шумно выдохнула, но не спорила. Набрав номер, она шагнула в сторону стены с граффити, кусая нижнюю губу.

— Давай. Пожалуйста, возьми трубку, — прошептала она.

Казалось, прошли годы, прежде чем она сгорбилась и тяжело вздохнула.

— Я думала, ты не там. Ты уже вернулась домой?

Беспокойство в ее голосе заставило меня ревновать. Мне не нравилось, что она так сильно о ком-то заботилась. О ком-то, кто имел привилегию жить с ней, знать ее секреты.

— Нет, все в порядке. У меня все под контролем, — Зел нахмурилась, слушая кого-то, кто бы ни находился на другом конце трубки. — Нет. Я в порядке. Слушай, я должна сделать что-то, что

ты не поймешь, но не злись, ладно?

Она кивнула, накручивая прядь волос на свой мизинец.

— Я знаю. Я чувствую себя ужасно, что делаю это по отношению к тебе и... ну, ты знаешь, но меня не будет дома некоторое время.

Она бросила взгляд в мою сторону. Сзади, на шее, возникло чувство дискомфорта, и я не смог определить, почему внезапно почувствовал себя на краю.

— Меня не будет в течение месяца, — наконец, сказал она.

Я стиснул зубы. Она не лгала, но и не была до конца честной. Я прищурился. Если она думает, что сможет уйти, то будет удивлена. Она не знает, что у меня для нее припасено. Это будет не просто — выйти из передней двери.

Из трубки слышится визг, и я хотел бы знать, что говорил другой человек.

— У меня есть причины. Если я останусь, это будет много значить для нас финансово. Не расстраивайся. Я объясню все в ближайшее время, — она снова быстро посмотрела на меня, прежде чем прикрыла рот рукой. — Клу, нет. Я не могу рассказать тебе. Еще нет.

Я напрягся. Она отказывалась со мной говорить честно. Как я мог доверять всему, что она может сказать в будущем?

— Нет. Не поднимай ее! — тихо прокричала Зел, затем сгорбилась, и пошла в угол комнаты, пытаясь уйти от меня так далеко, как возможно. — Эй, мое сокровище.

Сокровище? Черт, у нее есть любовник? Какого черта?

— Нет, я в порядке. Как думаешь, ты будешь в порядке? Позаботишься о Клу ради меня? — она сгорбилась, держа крепко телефон, почти обнимая его. — Я тоже скучаю. Но я буду дома прежде, чем ты поймешь это. Просто не скучай и слишком не утомляйся, ладно?

Она кивнула несколько раз, прежде чем прошептала так тихо, что я это еле услышал:

— Я так сильно люблю тебя. Это будет агонией — не обнимать тебя.

Мое сердце взорвалось в груди. Бл*дь. Чего ты ожидал? Что у нее никого не будет дома? Она не просто продала себя мне, она изменяла кому-то, кто, безусловно, любит ее.

Я сжал кулаки, и ярость, которую я так сильно пытался держать подальше, вернулась с удвоенной силой.

Она шмыгнула носом и повесила трубку. Немного постояв спиной ко мне, прежде чем повернуться. Когда она отдала мне телефон, в глазах у нее смешались сожаление и печаль. В ее взгляде было сомнение, прежде чем она сглотнула, прогоняя эмоции от телефонного разговора.

Если бы я был меньшим ублюдком, я бы дал ей ее деньги и отправил домой к тому, кого она любила. Но я не был. Так что, я этого не сделал.

Мысль о ее руках, обнимающих кого-то еще, заставила все внутри меня сжаться от гнева.

— Я надеюсь, ты не планируешь так скоро расторгнуть наше соглашение. Будет нелегко аннулировать твою подпись, — я перевел взгляд на свой стол, уже используя контракт, чтобы привязать ее ко мне.

— Я не отказываюсь, — Зел вызывающе вздернула подбородок. — Но, в любом случае, я не собираюсь быть заложницей, — она излучала решимость, и что-то пылкое появилось в ее глазах. — Кроме того, несмотря на выученный урок, после того, как ты толкнул меня на пол, я наслаждалась, целуя тебя. Я думаю, что могу сделать что-нибудь и похуже за двести тысяч долларов.

Я ощутил сердцебиение, потом почувствовал замешательство. Не знаю, должен ли я быть оскорбленным или признательным. Она полностью простила меня за боль, в то же время, поставив на место еще раз.

Бл*дь, это проклятая женщина. Кем, черт побери, она была?

«Ты только что принял худшее решение в своей жизни». Мне будет недостаточно месяца. Она могла оказаться коварным манипулятором, и мой член все еще будет умолять о ней.

Я щелкнул пальцами и пошел к двери на другой стороне комнаты.

— Пойдем.

Она не задала ни единого вопроса, идя босиком за мной, оставив свои туфли на полу. Она слегка задела меня, заставив напрячь каждый мускул моего тела.

Прокравшись мимо, она поймала мой взгляд. Мои яйца натянулись, когда я вдохнул ее запах ландыша. Каждая часть меня пульсировала — это было в некотором смысле больно, и так сладко знать, что я был в минуте от того, чтобы взять ее.

Я не мог остановить учащенное сердцебиение в груди и то, как внутри у меня все скручивало.

Пока я был ошарашен, пытаюсь, продолжать сдерживать свои желания, Хейзел направилась по коридору в другую сторону.

— Сюда, — приказал я. — Ты привыкнешь ко всем дверям.

Дом был построен, как учреждение, в котором я обучался. По некоторым идиотским причинам, хоть место и разрушило мою жизнь, оно было единственным, где я чувствовал себя по-настоящему в безопасности.

Мы направились по длинному коридору с множеством комнат, меняющих направление от него. Никаких открытых пространств, кроме боевой арены внизу. Каждая комната была уединенной, частной, отдельной, клеткой для всевозможных намерений и целей.

Мы не произнесли ни слова, пока шли по толстому черному ковру в сторону южной части дома.

Коридор вел к моему личному крылу. Только Оскару и иногда уборщику позволялось сюда подниматься. Замки с пин-кодами располагались на каждой двери, добавляя еще больше сходства с тюрьмой. Дерьмо, Зел должна узнать комбинации, чтобы свободно перемещаться по дому.

Последствия разделить с ней мою жизнь, наконец, решили дать о себе знать. Я подумал о том,

как мое поведение во сне и привычки могут на нее повлиять. Как ошарашат ее мои потребности в высвобождении.

Черт побери, это плохая идея. Чертовски плохая.

У моей комнаты была дверь, которую я специально спроектировал. Сделанная из смешанного металла, укрепленная арматурой и титановыми петлями, она была практически непробиваемой. Она давала некоторое душевное спокойствие на тот случай, когда я услышу их приход, если они вдруг решат, что мой отпуск завершен, и вернуться за мной.

Хейзел стояла рядом со мной, выглядя идеально — беспорядок в ее волосах, смазанная помада и слегка заметные синяки на шее. Ее идеальность высмеивала меня, подчеркивая еще раз, что я никогда не буду достаточно хорош для нее. Что я всегда буду тем, кем я был.

— Я сплю в твоей комнате или у меня будет своя? — мелодичный голос Зел оставался тихим, как будто она боялась застать меня врасплох.

Я нахмурился.

— Ты будешь спать со мной.

Глупый вопрос.

— Я только что заключил с тобой сделку, чтобы использовать тебя, когда посчитаю нужным, и ты думаешь, что у тебя будет свое собственное пространство? — я не признаюсь, что это было бы лучше. Я дал обещание, которое не смогу сдержать. Я знал, что в конечном итоге обижу ее. — Это не отпуск, *dobucha*, это больше похоже на наказание.

Она слегка нахмурилась.

— Давай просто кое-что проясним. Я здесь по собственному желанию. Я подписала твою глупую бумагу, и согласилась позволять тебе брать меня, как бы ты ни захотел, в пределах разумного. Ты не можешь продолжать намекать о наказаниях и заставлять это звучать так, будто я пожалею об этом.

Она подняла руку, словно хотела коснуться моей груди, но я отпрянул назад. Она покачала головой.

— Извини. Я забыла. Я собиралась сказать, если ты трахнешь меня так же, как целовал меня, я не буду сожалеть об оставшемся месяце в твоей кровати. То, о чем я буду сожалеть — это убить тебя, если ты нарушишь свое обещание о моей безопасности.

Я холодно засмеялся.

— Ты думаешь, что можешь убить меня?

Это абсурдная идея. Даже высокоопытная штурмовая группа «СВАТ» [3] не могла убить меня, а я знал, что они пытались это сделать, раз или два.

Зел наклонилась вперед, принося облако цветочного аромата.

— Ты забыл, что будешь делить кровать со мной, и у меня будет полный доступ к тебе, пока ты спишь, — ее голос опустился до хриплого шепота: — Спать с кем-то, означает полное доверие. Если бы я захотела причинить тебе боль, я была бы единственной, находящейся к тебе

достаточно близко, чтобы сделать так, когда ты в самом уязвимом состоянии.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Откуда она могла знать, что я избегал спать с другими, из-за этого страха?

Я хотел свернуть ей шею за скрытую угрозу, пока размышлял, как избежать неминуемого.

Она широко раскрыла глаза.

Сосредоточившись на открытии замка, я ввел комбинацию.

— Код 11453. Тебе нужно запомнить его, если ты пойдешь сюда одна.

вернуться

3

Элитные полувоенные боевые подразделения американских полицейских департаментов, предназначенные для выполнения опасных операций, аналог российского СОБРа.

Она кивнула. Кожа ее лица, безупречного цвета, в форме сердца, осветилась светом от коридорных ламп. Она медленно шевелила губами, стараясь запомнить код.

Распахивая дверь шире, я позволил ей войти первой.

Включились автоматические датчики, рассеивая освещение от двух прикроватных ламп и мягкий свет вокруг статуй и скульптур. Так же, как в моем кабинете, все пространство было черным. Опять же, это не было выбором, а необходимостью. Вдолбленной в меня прошлым, которое я не мог просто стряхнуть. Это было ироничным, что я ненавижу темное, тем не менее, окружал себя им.

Зел тянуло к скульптуре. Я затаил дыхание, когда ее пытливые пальчики ласкали грубый металл. Я закончил ее несколько дней назад. В ней не было ничего особенного. Только кусок металла, который я сварил, скрутил и изуродовал.

Наряду с железом, бронзой и серебром, она содержала в себе мою кровь и пот.

Я наполнял мои скульптуры всем, чем я был, включая тем, что текло в моих венах. В любом случае, это делало меня бессмертным, преобразовывая их из куска металла, и надеясь найти покой путем отвердения своего сердца так же, какими были и статуи.

— Ты упоминал, что Оскар занимался росписью стен. Кто создал эти скульптуры? — Зел повернулась, чтобы посмотреть на меня, и ее глаза во тьме казались зелеными бриллиантами.

— У того, кто их создал, есть душераздирающая история, чтобы рассказать. Они полны боли, — ее голос понизился до шепота. — Ты их сделал?

Где-то, в области позвоночника, я, в равной степени, ощутил благодарность и абсолютную ярость. Благодарность, потому что, наконец, нашел кого-то, кто видит прошлое, которое я изобразил, и ярость, потому что Зел делает меня раздраженным и слабым, показывая, как я чертовски испорчен.

— Если ты уже знаешь, тебе, на самом деле, нужен ответ? — резко сказал я, направляясь к кровати.

Зел проследила за моими движениями, поглаживая скрученный кусок металла.

— Нет, мне не нужен ответ, — она убрала пальцы, глядя с тоской на кусок металла. — Это говорит мне о тебе больше, чем сказал бы ты сам. В некотором отношении, это искупает твое поведение, поэтому я могу проигнорировать, что ты такой грубый придурок.

Я это проигнорировал.

Внимательно наблюдая за ней, я держал свои мышцы на коротком поводке, просто в случае, если она окажется спусковым крючком для еще одного рецидива. Переходя от одной статуе к другой, она продолжала удивлять меня, показывая интерес к этим уродливым кускам. Люди учились, чтобы работать с несовершенством. Она должна была заинтересоваться идеальным оформлением и безупречным выполнением фигурки волка, находящейся на серванте, но она ее не заинтересовала. Ей было плевать, и я не знал, что с этим делать.

Зел повернулась ко мне, оглядывая комнату и закончив рассматривать скульптуры. Она не выглядела, как будто хотела сбежать или пытаться привести меня в порядок. Она принимала шрам, как будто он не портил меня, как будто, он просто... был.

Принятие.

Что-то болезненно дернулось в моей груди, вытаскивая незнакомые эмоции из глубин, которые я не понимал.

Я был прав насчет нее. Она была волшебной — околдовывая меня, и сильнее затягивая меня в свои сети.

Внезапно, ко мне пришло непреодолимое желание боли. Я нуждался в ней. Я жаждал ее. Только боль могла помочь мне снова ясно видеть.

Улыбнувшись мне, Зел молча двинулась к кровати. Черные простыни, черное покрывало. Все черное. Мне было некомфортно с любым другим цветом. Я не заслуживал ни одного другого цвета. Черный был цветом дьявола, смерти. Черный был мной.

Комната была огромной. Гостиный уголок располагался справа, ванная слева, и огромная кровать в центре, на возвышении. Кровать выглядела так, будто она попала сюда прямо из зачарованного леса. [4] Кованые железо и бронза, были отчеканены в иллюзии ветвей и сучьев, закутывая кровать в призрачные деревья.

В момент, когда Зел села на кровать и осмотрела комнату, я знал, что совершил огромную, гребаную ошибку.

Я не мог спать рядом с этой женщиной. Я могу убить ее.

Я не могу позволить ей касаться меня. Я покалечу ее.

Я был долбаным идиотом, думая иначе.

Это не имело значения: если или как, или может быть. Это было так несомненно, как девиз, выгравированный на моем пороге. Таким же жестким и неуступчивым, как обстоятельства, в

которых я утонул.

Ты должен забрать жизнь, потому что это твое единственное предназначение.

Моя единственная цель. Единственная причина, почему я все еще жив.

Сжимая кулаки, я попятился к выходу.

— Оставайся здесь. Не покидай комнату.

Зел встала, приоткрыв рот в немом вопросе, но я не ждал.

Шагнув за дверь, я ушел, закрыв ее снаружи.

Бункер был моим раем, погребенным между фундаментами домов. Здесь я мог расслабиться, насколько мог, и, как правило, притвориться, что остального мира и проблем не существует.

Я глубоко дышал, когда отпер дверь и вошел в знакомое пространство. Запах металлических стружек, инструментов, и вонь смазки и парафина поприветствовали меня.

Я не был высечен из денег и золота. Я был высечен из льда и камня. Я спал в яме больше ночей, чем спал в кровати, потому что был выбран.

Они говорят: «Выбран», я говорю: «Украден».

Иметь место, как это, под землей, с неотшлифованными стенами и низким потолком, давало мне передышку, давало мне логово.

Толкнув в сторону статую обезглавленной женщины, я пытался стереть Хейзел из своего разума.

Ее темные волосы, ее понимающие глаза, ее храбрый внешний вид. Я не мог перестать думать о ней, ходя из стороны в сторону, касаясь своих скульптур, вспоминая свое прошлое, которое я хотел забыть и похоронить.

«Она может уйти. Ты оставил ее одну».

Я не доверял замкам, что они могут удержать ее, если она действительно захочет уйти. Сталь внутри нее соответствовала стали внутри меня, и знание, что я не могу заставить ее остаться, сводило меня с ума.

Перед глазами был туман. Усталость и стресс сказались на мне.

Дерьмо, что я делаю? Я должен подняться наверх, чтобы взять то, за что заплатил. Я должен глубоко погрузиться в нее, и искать хоть какое-то подобие счастья. Я не должен убегать, как чертова киска.

Я взял молоток, сжимая деревянную ручку в кулаке.

«Сделай это. Это поможет тебе».

Позволяя внутреннему голосу уговаривать себя, как это было каждый раз, обещая сладкое облегчение.

Положив руку на станок, и плотно прижав ладонь к поверхности, я смотрю на нее в первый раз за это время. Испещренная крошечными шрамами, исколотая застрявшим в ней серебром, моя рука выглядела старой и отвратительной. Стремление хлопнуть молотком по одной из костяшек пальцев снедало меня, пока я не задрожал от потребности в боли, и капли пота не скатились по моему виску.

Разрушив чары, я медленно опустил молоток и перевернул руку, чтобы посмотреть на свою ладонь.

Как только, два года назад, я обрел свободу, несколько дней я провел, с щетками и мылом в руках, стирая отметки.

Очищая, стараясь убрать три символа, которые были на мне. Только агент мог знать, что они означают, что я — чье-то создание, чьей целью было только драться и разрушать.

Сейчас это неотчетливые линии; они до костей наполняют меня ненавистью и страхом. На обеих ладонях есть отметка: римская цифра III.

Я весь напрягся, желая, чтобы Гора Эверест сделал свою работу лучше, ударив меня сегодня. Это означало, что я бы получил то, в чем нуждался, прежде чем трахнуть Хейзел.

Напоминание о том, почему я сюда спустился, выдернуло меня из моих мыслей, и я осмотрел полки и бочки, полные металла.

Я должен решить проблемы с моей реакцией на ее прикосновения ко мне, но как?

Независимо от того, какие решения я придумаю, все закончится плохо. Я не мог надеяться на ее подчинение. Это означало, что я должен ее удерживать. Водить ее на поводке, как домашнее животное, которое купил для использования. Но если я удержу ее, нейроны в моем мозге будут думать, что она жертва.

вернуться

4

Лес из сериала "Игра престолов", заселенный одичалыми огромный лесной массив, начинающийся прямо за Стеной и продолжающийся далеко на север

Она жертва. Добыча.

Я ошибся, использовав свой родной язык. Я назвал ее «добыча», по-русски. Интенсивные курсы языка, который я наспех зазубривал, когда первый раз приехал в Сидней, на мгновение, покинули меня. Я не мог больше использовать свой родной язык. Это было небезопасно.

Сердце забило, когда я думал о том, как легко было заговорить на родном языке — какой неидеальной была моя жизнь.

Дерьмо, в этом случае, я, возможно, заплачу ей завтра, чтобы она проваливала к черту. Мне не нравились эти мысли. Эти гребаные слабые мысли, что ворошили мое прошлое.

«Ты никогда не будешь обнаженным рядом с ней».

«Ты никогда не почувствуешь ее руки на своем члене».

«Ты никогда не будешь в состоянии иметь полный контакт с ее телом».

«Ты, в конечно итоге, свернешь ей шею».

Я был долбаным идиотом.

Я бы хотел не обратить внимания на нее.

Подойдя к тигелю, с куском предварительно расплавленной в центре бронзы, я включил печь и направил инструмент в языки пламени.

Сознательно погрузив себя в работу, я игнорировал мысли о том, какой хреновой была моя жизнь, щелкнув переключателем шлифовального станка и полировщика. После того, как я распутал серебряную цепь, которую часто использовал, ко мне в голову пришла идея. План, как держать Зел в безопасности от меня, или настолько безопасно, как это возможно.

Пока я работал, шли минуты. Это успокаивало мой разум, создавая небольшую иллюзию мира.

Проходили часы, я играл с металлом, огнем и потом. Работать с таким сложным материалом, было напоминанием, что какими бы высеченными из камня мы не были, мы всегда можем измениться. Мы могли формироваться и адаптироваться, и стать чем-то новым, даже куском железа.

Я должен сохранять веру.

Я мог измениться.

Через некоторое время.

Сев на табуретку, я отключил мысли и начал превращать кусок цепи в тюрьму.

К тому времени, как я закончил, солнце окрасило горизонт в розовый и золотой. Поднимаясь по лестнице из своего логова, крепко держа в кулаке свое творение, я тяжело вздохнул с облегчением.

Через стеклянную крышу, по центру дома, разливались теплые солнечные лучи. Знакомое напряжение покинуло мое тело.

Ночь закончилась. Вернулся день.

С каждым шагом приближения к комнате, я сильнее сжимал серебро. Я чертовски надеялся,

что это работает. Тихо открыв дверь, я прошел по ковру, специально ступая по ярким пятнам утреннего солнца. Не было никаких занавесок или огромных двойных штор. Ничего, чтобы блокировать яркий свет.

Это было еще одной вещью, к которой Зел придется привыкнуть. Я никогда не спал в темноте.

Ночь длилась часами — полная ужаса и страха. День был моим единственным шансом быть на свету — небольшим окном, когда должны были уйти воспоминания.

Ночь принадлежала моему прошлому. День принадлежал моему будущему.

Спящая женщина лежала, зарывшись под моими простынями. По плечи она была накрыта одеялом, а обе ее руки находились под подушкой на уровне ее щеки.

Мое сердцебиение участилось. Она находилась в моем пространстве. Ощущая запах моего покрывала, она спала на моей стороне кровати.

Я хотел сорвать с нее защиту и коснуться ее. Мне нужно было найти искру, энергию, которая существовала между нами. Напомнить, почему я был настолько безумен, чтобы попробовать это.

Но я не мог. Еще нет.

Для начала мне нужно было очищение.

Войдя в ванную, я снял одежду, бросив ее на пол. Положив то, что я сделал из тщеславия, я вошел в выложенный черной плиткой душ. Включил кран, и горячая вода мгновенно окутала меня своим жаром. Я включил ее так сильно, как это было возможно.

Было больно. Вода обжигала. Ошпаривала кожу. Но я не смешивал ее с холодной.

Огненный дождь что-то делал со мной, то, что не мог никто другой. Он был моим лекарством.

Я где-то читал, что наносить вред самому себе — это крик о помощи. Верный признак личной потребности в психологическом вмешательстве. И они были правы. Однако я не кричал о помощи, когда вынуждал свое тело стоять под потоком кипящей воды. Я нашел спасение.

Боль помогала. Причинение страдания давало мне крошечный кусочек спокойствия. Это стирало немного испорченности. Это было моей версией музыки для медитации и успокоения. Это останавливало меня от взрыва.

Моя кожа превратилась в цвет красного лобстера. Я вздрагивал от сильного желания умчаться от ударов страдания, но стоял и принимал наказание.

Прошло пять минут, которые показались вечностью, но я ни разу не посмотрел вниз. Я ни разу не пробежал руками по своей плоти, или трогал новые рубцы от травм и шрамов. Я знал каждый дюйм своего жестокого прошлого, и желал, чтобы оно не было таким очевидным на моей коже. Я никогда не дрожил, и не пытался найти быстрое освобождение.

Я был приучен не чувствовать ничего, кроме желания подчиняться.

Мое тело было не моим, чтобы трогать или смотреть. Оно принадлежало им. До сих пор.

Трясущейся рукой, я повернул кран с холодной водой и застонал, когда ледяные капли

успокаивали мою обожженную плоть.

Эта боль от двух сильных воздействий, удваивала облегчение.

После разрушения себя льдом, я выключил воду и вышел из душа.

Избегая смотреть на себя в зеркале, я обернул полотенце вокруг своей талии и вошел в темную комнату. Убедившись, что Хейзел еще спит и не застанет меня голым, я беззвучно вышел на солнечный свет.

Войдя в гардеробную, я сбросил полотенце и быстро натянул на себя черные пижамные штаны и футболку. Даже один, я никогда не спал голым — никогда не рисковал быть неподготовленным.

Когда я снова был в одежде, то расслабился. Наряду с тем, чтобы скрыть кое-что личное, мои шрамы тоже были скрыты. Хейзел не нужно видеть повреждения, нанесенные мною самому себе, так же, как и заработанные на службе.

Ей не нужно ничего знать обо мне.

Подойдя к кровати, я увидел, что она спит. Ее длинные каштановые волосы рассыпались по черным простыням, выглядя так, будто она стала единой с матрасом.

Ее дыхание было едва слышным, поэтому мне пришлось напрячься, чтобы убедиться, что она жива. Она выглядела такой чистой, такой нетронутой, и так отличалась от меня.

Я посмотрел ниже, на мягкие изгибы ее фигуры. Мой член дернулся от мысли, что я могу с ней сделать. Что она может дать мне за двести тысяч долларов.

Я хотел трахать ее, пробовать на вкус, и использовать каждым возможным способом.

В этом уединенном, купленном мире, я мог делать все что захочу.

Она была моей.

Она приоткрыла рот, когда перевернулась с бока на спину. Откинув при этом одну из рук на подушку над своей головой. Она скривилась, и ее веки затрепетали. Либо сон, либо ночной кошмар, мучили ее за закрытыми веками.

Что снится нормальному человеку? Любовь и счастье?

— Нет, — пробормотала она во сне.

Я замер, ожидая, когда она откроет глаза. Пока она их не открывала, я позволил себе упиваться ее видом — приоткрытыми губами и румянцем на ее щеках. Мои мысли наполнились картинками ее рта вокруг моего члена, и тем, как она лижет меня, пробуя на вкус.

Я был твердым от мысли об освобождении. Я забыл, как ощущается оргазм. У меня не было никаких воспоминаний о приятных взрывах, которые я испытывал только дважды.

Зел будет учить меня вспомнить. Зел вылечит меня от моих грехов.

И я собирался взять ее.

Сжав цепочку между пальцев, я наклонился и дотронулся до нее.

Хейзел

Одна ужасная ошибка, в конечном итоге, подарила мне самый лучший подарок в жизни.

Каждый день был тяжелее, каждое испытание — напряженнее, но я бы ничего не стала менять.

Я ни о ком не заботилась до нее, даже о себе. Я крала, я лгала, я была обманутой. Я существовала на спускающейся спирали судьбы, идущей к могиле. Но она изменила меня.

Клара.

Я использовала свое умение пустой болтовни, чтобы получить хорошо оплачиваемую работу. Я училась неустанно, обучалась сама — бездомная оборванка без образования, чтобы получить сертификаты и диплом.

Я забыла свое прошлое, чтобы создать позитивное будущее, и это работало. Деловой мир открыл мне двери, регулярный доход заполнил мой счет в банке. Каждый пенни я зарабатывала упорным трудом.

Но потом меня уволили, и каждый заработанный пенни отправился на лечение Кларе. Я была на грани нищеты.

Я продала себя за двести тысяч долларов мужчине, которому не доверяла.

Мужчине, который сделает мне больно, больнее, чем кто-либо мог.

Я думала, что смогу спасти его.

Так же, как я могу спасти свою дочь.

Я была права.

— Тебе нравится это? Здесь? — пробормотал Фокс возле моего соска. Его рука двигалась вверх и вниз по моему телу, распространяя огонь, наполняющий меня великолепным ощущением.

Я запустила руки в его волосы, гладя его голову, сильнее прижимая его рот ко мне.

— Да, здесь. Вот так.

Он отстранился, прозрачные глаза выглядели мягкими, как снег.

— Прикоснись ко мне.

Я опустила руки и проследила контуры его спины, упиваясь каждым выступом мышц.

Он застонал, прижимая меня ближе, целуя, врезаясь в меня. Врезаясь, врезаясь...

— Зел, — что-то ткнуло меня в плечо, разрушая наполненную похотью связь. Мой сон рассыпался в дымке.

— Просыпайся, у тебя кошмар.

Я хотела спорить. Это не было кошмаром, а больше похожим на фантазию. Я не могла вспомнить последний раз, когда у меня был такой эротический сон. Я боролась против потери сексуального комфорта несуществующего сна, не хотела возвращаться в мир переживаний и неопределенности.

Первым человеком, возникшим в моей голове, была Клара. Ее красивое, ангельское личико, розовое, юное и здоровое, счастливо улыбающееся. Но под блеском жизненного существования была крадущая жизнь болезнь, с которой я не могла бороться.

Сердце сжалось, и я изо всех сил пыталась сделать вдох. Встретиться лицом к лицу с возможностью смерти дочери, от этого не становилось легче.

— Просыпайся, — зарычал Фокс. Его тон изгнал мою печаль, воссоздавая страсть из моего сна. Мой разум обдумывал мысли о его руках, обнимающих меня, губах, целующих меня. Мое лоно пульсировало во время его восхитительного покачивания, которое он прервал.

У него были проблемы, и я никогда не буду доверять ему, но я не могла отрицать эффекта, который он оказывал на мое тело.

Я открыла глаза.

Солнечный свет!

Дерьмо, я спала всю ночь? Сожаление затопило меня при мысли о том, что Клара проснулась без меня, а Клу объяснила ей, что ее проститутка мать провела ночь с кем-то другим.

Я ужасная мать.

Мой разум обдумывал последствия. Я нуждалась в деньгах, но какой в них был смысл, если деньги не могли ее вылечить? Я проведу целый месяц без нее, все зря.

Я не могу сделать это.

Утреннее солнце принесло новую реальность, сердце словно вырвали из груди. Я никогда не прощу себя, если с ней что-нибудь случится, пока я позволяю незнакомцу контролировать меня.

Удовольствие от моего сна заострилось, и прокрутилось в моем желудке. Фокс стоял передо мной, высокий, темный и мужественный. Его серые глаза сверкали, а челюсть была крепко сжата.

— Ты проснулась.

Внутри меня все трепетало, упиваясь свирепым мужчиной рядом со мной. В этот момент, я мгновенно поняла три вещи.

Во-первых, я позволю ему делать все, что он захочет, потому что я прожила жизнь слишком долго, заботясь о других.

Во-вторых, я уйду в момент, когда он повернется спиной. Мне нужно увидеть Клару.

В-третьих, в конечном итоге, он может причинить мне боль больше, чем кто-либо другой, и я буду либо вечность его ненавидеть, либо убью его.

Фокс зарычал, пытаюсь разгадать мои мысли.

— О чем был твой сон?

О боже. Вопрос, на который я не хотела отвечать, а ложь он в состоянии обнаружить.

— Ни о чем, — мое сердце вырывалось из груди.

— Ты покраснела. Это не ни о чем, — возвышаясь надо мной, он не дал мне выбора, кроме, как смотреть прямо в его серебристые глаза. Он стоял, как статуя, которые он создавал. — Скажи мне. О том, чтобы хранить секреты, и речи быть не может.

Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули, вспоминая сон. Потребность. То, как он жестко и безжалостно вбивался в меня. Выжидая время, я села и засунула черное одеяло под руки, прежде чем оно спадет с моей обнаженной груди. Занавес волос покрывал мои плечи, обеспечивая некое подобие приличия.

— Расскажи мне, женщина, — Фокс сжал и разжал кулаки. — Я не хочу спрашивать снова.

Трепет страха лизнул мой желудок.

— Ты хочешь знать, я расскажу тебе, тогда, возможно, ты сможешь дать мне это. Мой сон был о тебе, — я заправила прядь за ухо. — Ты лизал мой сосок, и я запустила пальцы тебе в волосы. Я гладила каждый сантиметр тебя, и когда ты толкался в меня, я почти кончила только ото сна, — сощурился глаза, я пробормотала: — Счастлив? Ты доволен, что я хочу тебя? Потому, что я хочу.

«И чем раньше я смогу соблазнить тебя, тем раньше я смогу найти дорогу домой».

Фокс стоял, замерев. И приоткрыв рот, когда огненная похоть взорвалась в его глазах.

— Тебе снилось, что я трахаю тебя? — в его голосе слышалась потребность. — Почему?

Я нахмурилась.

— Почему? Ты забрал мою жизнь за последние несколько часов, это естественно для моего мозга — быть поглощенной тобой.

Он застыл.

— Ты поглощена мной?

Я перевела взгляд на быстро растущую эрекцию в его брюках. И прикусила губу, когда весь жар от спора прошлой ночи, и мой дерзкий сон устремились к моей плоти.

— Да. И я знаю, ты поглощен мной. Я знаю, что ты хочешь погрузиться глубоко в меня. Ты

заставляешь меня ждать, Фокс, и это делает меня только горячее.

— Охренеть, — застонал он. Его рука сжалась вокруг чего-то блестящего в его кулаке. — Тебе суждено погубить меня, — он быстро наклонился, и перевел взгляд на мои губы. Я нетерпеливо раскрыла их, чтобы принять еще один поцелуй, но он остановился и отпрянул. — Еще нет. Нет. Пока это небезопасно.

В сердце кольнуло, сосредоточившись на цепочке в его хватке.

— Что ты планируешь делать? — по какой-то причине мое горло сжалось, и я боролась с диким желанием бежать прочь.

Фокс наклонил голову.

— А что? Ты боишься?

— Это зависти от того, что у тебя в руке.

Он поднял свой кулак, смотря со смесью надежды и ненависти.

— Это для тебя.

Дрожь прошла по моему позвоночнику. Он сказал, что не обидит тебя.

— Я должна носить это?

Он наклонил голову.

— Ты согласилась с условиями и доказала, что тебе нельзя доверять в том, чтобы не касаться меня. Так что да. Ты должна, — его глаза опустились на простыни. Одетым во все черное, мне было тяжело увидеть в нем человека, а не уничтоженную жизнью тень.

Его глаза засияли, когда он нагнулся и вытянул ладонь. Эта штука засверкала, как серебряные блески. Украшение?

Он думал, что подкуп остановит меня от того, чтобы касаться его?

— Видишь, нечего бояться, — пробормотал он.

Я села, крепче заправляя простынь под руки. Я ненавидела быть полуголой, пока он стоял рядом со мной, полностью одетый. Одежда гарантировала силу. Не имело значения, что скоро он увидит меня голой. Я хотела быть наравне так долго, насколько это возможно.

Фокс вызывал нервозность и беспокойство, наряду с похотью и притяжением — это было мощным сочетанием.

— Всегда есть что-то, что пугает, — сказала я, покачав головой.

Его ноздри раздулись, а глаза широко раскрылись:

— Кто ты?

— Я девушка, которую ты купил для секса.

Он засмеялся.

Я удивленно посмотрела на него. Я не думала, что он был тем типом, кто смеется: потому что он казался слишком серьезным, слишком противоречивым все время.

Фокс внезапно задвигался, разрушая натянувшееся напряжение между нами. Сидя на краю кровати, он сильнее прижался бедрами к моим ногам. Его лицо было жестким и суровым, а его шрам практически ожил.

— Как только я надену это на тебя, ты не сможешь это снять.

Я отказывалась соглашаться, чтобы что-нибудь связывало мою свободу. Я не была заключенной. Его влажные волосы и запах свежего белья сказали мне, что он уже принял душ. Сменив тему, я спросила:

— Ты не пришел в кровать прошлой ночью. Не так ли?

Он поджал губы, сжимая пальцы вокруг сверкающего серебра в своей ладони.

— Это еще одна вещь, которую мы должны обсудить. Я сплю только в течение дня. Я сплю с восхода солнца до полудня. Ты будешь следовать моему распорядку.

В моей настоящей жизни, я бы поднялась только через час, готовя Кларе завтрак и обед для школы. Я бы оделась и зарядилась кофе, готовясь к еще одному дню.

Разжав хватку, он позволил серебру скользнуть из его руки мне на колени. Я шире раскрыла глаза, осматривая длинную цепочку, скрепленную сверху.

— Что это?

— Я сделал это для тебя. Чтобы убедиться, что ты не прикоснешься ко мне.

Я сглотнула. Потом я вытянула руку, чтобы коснуться ее, но Фокс наклонился вперед и забрал металл обратно. Костяшками пальцев он коснулся меня между моими ногами, и мы оба замерли.

Я приоткрыла губы, когда, еще полностью не исчезнувший жар от моего сна, вернулся в полную силу. В моей крови был динамит, готовый взорваться.

Фокс откашлялся, сохраняя осмотрительную дистанцию. Его тело оставалось напряженным и контролируемым, когда он приказал:

— Наклонись вперед и подними свои волосы.

Ах, дилемма.

Если я подниму руки, то упадет простынь. Мои соски затвердели от мысли раскрыться ему. Так же сильно, как он возбуждал меня, мне было некомфортно полностью себя обнажать. У меня было глупое чувство, что когда он увидит меня, он узнает больше моих секретов и поймет, как много я утаивала от него.

Когда я не подчинилась, он зарычал:

— Сделай это. Я не хочу снова просить, — он перевел взгляд от моих губ к открытому горлу,

затем к моей груди.

— Я хочу увидеть. Покажи мне.

Интерес в его голосе дразнил, гарантируя мне немного власти. Сделав глубокий вдох, я медленно собрала волосы в неряшливый хвост. Так или иначе, мне удалось удержать простыню под моими руками.

Фокс сердито посмотрел.

— Опустит простынь.

Я почувствовала биение сердца где-то в горле. Стиснув зубы, я разжала руки и ахнула, когда простыня прошуршала по моему телу, целуя мои соски, прежде чем упасть на колени.

Фокс втянул воздух. Держа спину прямо, я старалась не показать, что делал со мной его восхищенный взгляд. Каждый сантиметр меня горел, любя искреннюю одержимость в его взгляде.

На моем теле, так же, как и на его, сохранились следы прошлого насилия. Шрам вдоль левого бока, и еще один, более глубокий, чуть выше моей лобковой кости.

Он обхватил мою правую грудь, и большим пальцем скользнул по обнаженной коже моего проколотого соска.

— Ты охотно испортила себя? — его голос изменился, став задыхающимся. — Ты изуродовала свое тело. Почему?

Удовольствие от его прикосновения испарилось.

— Я не считаю, что оно испорчено. Я считаю, что это мое право. Я могу делать то, что хочу. Так же, как ты украшаешь себя шрамами, я могу добавить несколько украшений.

Он прямо взорвался.

— Ты думаешь, это было по желанию. Ты думаешь, я позволил этому случиться? — уходя, он запустил руки в волосы прежде, чем начал ругаться себе под нос.

Вспышка его эмоций испарилась так же быстро, как и началась, и я сидела, чувствуя себя незащищенной, и задаваясь вопросом, что, черт побери, я должна делать. Это была моя работа, успокаивать его, так же, как и трахать?

Вернувшись, чтобы сесть на кровать, он смотрел на штангу, как будто она была богохульством. Мне не нравилось беспокойство в его глазах — тот мужчина, который ушел был сильным, властным незнакомцем. На его месте сейчас сидел мужчина с проблемами глубже, чем я могла себе представить.

Сглотнув, Фокс вернулся и все заблокировал.

— Соедини руки вместе и нагнись вперед.

Не сказав ни слова, я подчинилась и вздрогнула, когда почувствовала его руки на своей шее. Дымка запаха Фокса заволокла меня, когда он придвинулся ближе ко мне. Цепь блестела на солнце, как живое существо, но опаляла мою кожу, как лед.

— Что это? — сказала я дрожащим голосом. Нервные спазмы у меня в животе обросли бешеными крыльями. Мои пальцы побелели, когда я сильнее их сжала.

«Не трогай его. Не трогай его».

— Я говорил тебе.

Дыхание Фокса щекотало мою ключицу. Он застегнул ожерелье и отступил. Длинная цепь опускалась впереди по моему телу, притягивая меня к простыням. Сосредоточившись, он расположил серебро в выемке моей груди, и ниже, к центру моего живота.

Каждое ощущение в моем теле давало о себе знать. Я хотела большего от него, но в то же самое время, я хотела бежать. Если простое прикосновение может сделать меня такой влажной, как я буду реагировать, когда он, наконец, возьмет меня?

— Не разъединяй руки, — он смотрел на мои колени, как будто я планировала убрать руку и прикоснуться к нему без предупреждения. Глаза сверлили меня. Я кивнула.

Выглядев удовлетворенным, Фокс снова наклонился вперед. Собрав оставшуюся цепь, он разделил ее на две части и обернул вокруг моей талии. Прикосновение его пальцев было нежным, поклоняющимся. Я замерла, когда он потянулся за меня, закрепив ее где-то.

В результате, одной частью цепь огибала мою шею, другой — вокруг моего живота и самой короткой частью опускалась впереди моего тела.

— Идеально. Она подходит.

Я смотрела на украшение. Оно выглядело, как нормальная серебряная цепочка, но слегка толще. Более грубая, чем обычное ожерелье, тем не менее, достаточно изысканное, чтобы быть женским.

Фокс отклонился, кивнув.

— Надеюсь, это сработает. По крайней мере, это предупредит меня.

Я опустила взгляд, теребя серебро между своими грудями.

— И я должна носить это все время?

Он пробурчал:

— Ты не снимешь ее, — его взгляд сделался тяжелым. — Каждое утро перед сном, ты дашь мне закрепить финальную часть. Каждый раз, когда у нас будет секс, ты позволишь мне прикрепить это к ожерелью.

— Прикрепить что?

У меня во рту пересохло, когда он вытащил из кармана еще одну цепочку. У этой цепочки был небольшой замочек с двух сторон. Жестом, показывая мне вытянуть руку, он прикрепил тяжесть серебра к моему запястью, прежде чем щелкнул замок. Он переплел одну цепочку через другую вокруг моего живота, прежде чем обернул оставшуюся часть вокруг моего другого запястья, также застегнув замок.

Он связал меня, как гребаную индейку.

— Ты ничего не говорил насчет связывания.

Он покачал головой.

— Это не связывание. Это защита.

Страх нарастал, когда я смотрела в его глаза.

— Защита? От чего?

Он встал, и его бесцветный взгляд уничтожал меня.

— От меня.

Ох, боже мой.

Опустив руку в карман во второй раз, он показал толстый кожаный браслет с соответствующим замком. Он пробормотал:

— Каждый раз, когда мы будем спать, я буду надевать это. Если я забуду надеть это, ты должна напомнить мне.

Я не хотела спрашивать, почему. Не спрашивай, почему.

— Почему? — выдохнула я.

В его взгляде что-то вспыхнуло.

— Потому что, если ты не напомнишь, не могу обещать, что ты проснешься живой. То, что я сделал в своем кабинете, было ничто. Я теряю контроль, когда кто-то трогает меня, так что убедись, что ты не будешь этого делать.

Мое сердце пропустило удар. То, как он сказал это, заставило меня буквально похолодеть до костей. Он не драматизировал это, просто все было на самом деле так.

Я пыталась спрятать свой страх, запереть его под железной волей контроля.

— Ладно.

— Это соглашение заключается между нами только для одной цели. Я не хочу, чтобы ты касалась меня, когда ты, черт возьми, пожелаешь, — он выглядел элегантно и безжалостно. Через меня прошла нервная дрожь.

— Что заставило тебя подумать, что я захочу прикоснуться к тебе?

Он нахмурился, стиснув челюсть.

— Мне плевать. В любом случае, ты не можешь.

Мы смотрели друг на друга. Шагнув вперед, он взял надо мной верх, весь его облик сменился от злого собственника до заинтересованного хищника. Мое дыхание участилось.

Одним быстрым движением Фокс схватил простынь, накрывавшую мои ноги, и сорвал ее. Я вздрогнула от шока, но мне было плевать на скромность, все, о чем я думала, была

непоколебимая решимость в его глазах.

— Я захотел тебя с тех пор, как впервые увидел, и я собираюсь взять тебя.

Своими огромными руками он схватил меня за бедра и перевернул. Я вскрикнула, когда он опустил меня на руки и колени.

— Я дал одно обещание, которое не смогу сдержать, — пробормотал он, проведя носом вдоль моего позвоночника. — Я думал, что смогу сделать это, но это невозможно.

Его горячее дыхание щекотало мою спину, когда он потянулся ниже и схватил мою грудь грубыми пальцами.

Я вздрогнула, проклиная свое тело за то, как оно было готово для него, как таяло для него. Я должна была ненавидеть его, но своими резкими командами он воспламенял динамит в моей крови.

— Какое обещание? — прошептала я, уже задыхаясь.

Пальцем он зацепил мои трусики, стягивая их по моим бедрам, пока они не опустились до моих коленей на кровати. Он застонал, когда раздвинул мне ноги, выставляя меня напоказ.

Я наклонила голову, когда он взобрался позади меня. От шелеста снимаемой одежды во рту у меня пересохло, а сердце почти остановилось.

Пальцем он обвел тугое колечко мышц моей задницы, погружаясь ниже, следуя за моим теплом, пока не нашел влажность.

— Бл*дь, — пробормотал он, прежде чем закружить кончиком пальца вокруг моего влагища.

Я изогнула спину, дрожа всем телом. В одну секунду, я перешла от напряжения в то, чтобы нуждаться в нем. Кончиком пальца он вошел в меня, покружившись, чтобы надавить на мой клитор.

— Я обещал, что ты будешь наслаждаться, трахая меня так же сильно, как я буду наслаждаться, трахая тебя, — он наклонился, прижавшись телом к моей спине. Зубами он задел мою шею, когда твердость его члена толкнулась в мое лоно. — Чтобы сделать это, я должен прикасаться к тебе. Я должен потерять бдительность. У меня нет сил.

Одной рукой он схватил прядь моих волос, дергая меня за шею, пока другой захватывал мое бедро, удерживая меня на месте. Его эрекция качнулась у моей плоти, горячая и твердая.

Я не была готова.

Я не готова.

Страх обжег мое сердце, и я попыталась избавиться от его хватки.

— Подожди. Нет...

— Мне жаль, *dobuşa*, — он застонал, толкаясь в меня жестко, холодно, злобно.

Мои локти подкосились, и я упала головой в подушку. Руки у меня были связаны и не могли поддерживать себя.

Все жгло. Все горело.

Я задыхалась, когда жгучая, пугающая боль, от того, что меня жестко брали, заставила меня кричать. Горячие слезы мгновенно впитывались в подушку, когда Фокс врезался в меня. Трахая меня, он потерял себя, превращаясь в бесчувственного. Кожа головы горела от боли, когда он держал меня в плену за волосы.

Ушла похоть, и все искры потребности в моей крови. Я чувствовала себя использованной, и нечем иным, кроме как отбросом.

Я прикусила губу так сильно, пока не полилась кровь, когда он выходил, чтобы снова врезаться в меня.

— Да. Бл*дь, — он звучал отдаленно, мысленно больше не со мной.

Он сжимал пальцами мои бедра, держа меня на месте во время того, как жестко вбивался. Каждый толчок отправлял через меня взрывную волну агонии. Кости его бедер впились мне в задницу, добавляя больше синяков к внутренним ранам.

Если и было какое-то счастье в том, чтобы быть взятой так ужасно, только то, как быстро это закончится. Фокс вбивался сильнее и сильнее, вдавливая меня глубже и глубже в подушку. Он заполнил меня до краев, пока я думала, что разваливаюсь на две части.

Но затем он, застонав, замер, выпустив струю горячей жидкости глубоко внутри меня. В секунду, когда последний выброс его освобождения заполнил меня, он отстранился и поднялся с кровати.

Все мое тело дрожало адреналином и отчаянием. Я не осмеливалась двигаться до тех пор, пока не услышала звук того, что дверь открылась и закрылась, когда Фокс ушел. С рваным вздохом, я плюхнулась на бок и скрутилась в тугий шар.

Клейкость его спермы осталась на внутренней поверхности моих бедер, и цепь манжета впилась в мои запястья, но я не могла заставить себя двигаться.

Я не могла заставить себя думать или проклинать, или бежать.

Тем не менее, жизнь снова доказала, что я идиотка. Жадная торгашка, которая думала, что может видеть что-то темное и проблемное в мужчине. Которая верила в непременное великодушие людей достаточно, чтобы позволить использовать себя и отбросить.

Это случалось прежде. Это случилось снова. Я не выучила свой урок.

Я лежала с широко открытыми глазами, наблюдая за медленным путешествием солнца от восхода к полудню, и до заката. Я не могла заставить себя подумать о том, как исправить это, или даже подумать о Кларе.

Я запятнала себя, опорочив надежду реальностью.

Бл*дские двести тысяч долларов. Пошел он.

Когда наступили сумерки, и я достаточно вывалялась в грязи, которую создала, я осторожно встала и заковыляла в ванную.

Избегая смотреть в зеркало, я сфокусировалась на серебре вокруг своих запястий. Сжав зубы,

я дернула их изо всех сил, вспотев от усилий, пока сцепление не раскрылось, дав мне свободу.

Я не могла убрать ожерелье или цепь с живота, но, по крайней мере, мои руки были свободными. Свободными, чтобы я могла помыться, одеться и выйти за гребаную дверь.

Обсидиан Фокс связался с неправильной девушкой. Я уйду, затем вернусь и заставлю его пожалеть о том, что он причинил мне боль.

Я научу его, даже если он думает, что может быть охотником, это не дает ему права причинять боль другим.

Я стану его ночным кошмаром.

Роан

Жизнь никогда не была легкой.

Я узнал это благодаря строгим тренировочным программам, которые оставили меня практически мертвым искать на ощупь путь назад к жизни.

Я не оправдывался за свое поведение. Я знал, кем я был.

Но я нашел способ справиться с тьмой в моем мозгу. Я находил себе жертв и отдавал им свою боль. Это был компромисс, и некоторое время это работало.

Я думал, что благодаря лекарству, которое я нашел в одной женщине, мог оставить насилие в прошлом.

Я собрал воедино свои надежды, мольбы и молитвы о чуде, и меня чертовски погубило, когда все оказалось ложным.

Вместо того чтобы быть с ней нежным, я соскользнул в прошлое и потерялся.

Я изнасиловал ее. Причинил ей боль. Я заставил ее сбежать и оставить меня.

Я должен был знать, что если приглашу ожесточенную женщину в свою жизнь, то все станет только хуже.

Ей с успехом удалось стать моим персональным адом.

Она сломала меня.

Бл*дь.

Я не мог поверить в то, что натворил. Не мог поверить, что даже без чертового угрызения совести взял ее так грубо и совсем не думал о ее безопасности.

Тот момент, когда она оказалась связанной, вместо того, чтобы успокоить меня и держать все

под контролем, заставил меня сломаться.

Бл*дь!

Я был самым большим ублюдком из всех живущих в мире.

Я не мог оставаться рядом с ней, зная, что все разрушил. Я сделал единственное, что мог, чтобы защитить ее.

Я сбежал.

Я вернулся в подвал, чтобы перенести свой гнев на кусок бронзы. Я облажался, взяв ее так быстро. Я взял ее силой и был не лучше, чем насилующий мерзавец.

Ублюдок!

Я съежился и пытался излечить себя болью, обжигая ступни ног горячим куском железа. Вонь от горячей плоти помогла мне очистить мысли, дала мне передышку от чудовищных вещей, которые я наделал.

Только тогда я смог думать здраво и стал напоминать человека больше, чем зверя, и я пытался найти ее, чтобы извиниться. Я перевернул дом вверх дном в ее поисках.

Я не мог найти ее.

Нигде.

Везде, где я смотрел, было пусто. Каждая комната. Каждый уголок.

Я испортил все, что было между нами, но я не ожидал, что она оставит меня.

«Ты, мать твою, изнасиловал ее, идиот!»

Я сделал с ней то, что клялся, никогда не сделаю снова: забрал чью-то свободу и заставил делать что-то против их желаний. Я был не лучше, чем они.

Она ушла.

Ушла!

Клуб открывался в девять вечера, и я ждал Оскара наверху лестницы, дрожа от беспомощности и ярости. В мгновение, когда он появился, я зарычал:

— Ты позволил ей, мать твою, уйти?

Оскар взобрался на последнюю ступеньку с жесткостью, готовый к драке. Его плечи были напряжены, лицо помрачнело.

Я сжал и разжал свои кулаки. Как она посмела исчезнуть! Я не мог позволить ей закончить так. Я должен был заставить ее простить меня. Я должен извиниться. Мне нужен был чертов второй шанс.

Он гневно на меня посмотрел, его глаза впились в мои.

— Что, черт побери, я должен был делать? Она свободная женщина, не пленница! Она попросила уйти на несколько часов, и я согласился. — Он подошел ближе, закипев от ярости: — Какого черта ты сделал с ней прошлой ночью, Фокс? Она ушла отсюда, как будто была использована как проститутка. — Его взгляд выстрелил в меня пулями ярости. — Я надеюсь, что твои деньги стоили того, потому что я сомневаюсь, что она вернется.

Это был тот же мудака, что высмеивал Зел прошлой ночью. Тот же мужчина, что смотрел на Зел так, будто она была дьяволом в женском облики, чтобы украсть мою душу.

— Это не твое гребаное дело. Она моя. У нас сделка!

— Сделка? Что? В ней тебе позволено уничтожить бедную девушку? Не смей меня.

Мой гнев превратился в раскаленную злость. Оскар не мог мне указывать. Чертов лицемер. У него было больше женщин, чем я встречал. Он использовал их и отбрасывал в сторону, не думая об их чувствах.

— По крайней мере, я обидел только одну, — я сощурил глаза, бросая ему вызов.

Оскар открыл рот.

— Пошел ты. Я трахаю женщин, которые хотят, чтобы я их трахал. Я не похищаю их и не насирую. Ради Бога, к нам сюда придет полиция, если она решит выдвинуть обвинения.

Мысль о том, чтобы до меня дотрагивались какие-то люди, чтобы быть в наручниках и запертым в клетке, еще больше расшатала мой и так тронувшийся рассудок. Я покончил с тем, чтобы жить в клетках и принадлежать другим. Я покончил с этим.

Я не мог говорить. Злость перекрыла мое горло, когда я стоял опасно близко к краю, где я всегда был, в одном шаге от резкого падения.

— Я трахнул ее. И что?

Оскар двинулся вперед.

— Пожалуйста, скажи мне, что она хотела этого. Мы можем быть партнерами по бизнесу, и я не знаю, каким дерьмом ты занимался в прошлом, но если ты изнасиловал ее, я собственноручно убью тебя.

Глубоко во мне сработал переключатель, с которым я всегда боролся, чтобы держаться на расстоянии. Сострадание, которое я в себе так долго развивал, исчезло в облаке дыма. Каждый урок, который я когда-либо выучил, вся боль, что я выстрадал, вся кровь, что я пролил — все это затопило меня в облаке грязи.

— Ты думаешь, что можешь убить меня? — мой голос не поднимался выше шепота, но он пульсировал угрозой.

Шум бойцов, избивающих друг друга в «Обсидиане», заставлял мою кожу покалывать энергией.

Насилие. Кровь. Боль. Это все укоренилось в моем ДНК. Единственная причина, почему я был рожден, единственная причина, почему я все еще жив.

Я сделал шаг ближе к Оскару. Его здоровый загар исчез, когда страх вынудил черты его лица

побелеть. Вместо того чтобы отойти, он сделал шаг вперед, пока мы не стояли в одном метре друг от друга.

— Я думаю, что ты нуждаешься в какой-то серьезной помощи, Фокс. То, как ты вел себя с этой женщиной вчера ночью, это одержимость. Ты казался совершенно другим. По-хорошему другим. — Его голос терялся в агрессии. — Ты в первый раз казался человеком, с тех пор как мы встретились. Ты должен извиниться, если у тебя есть надежда на исправление.

Призрак никогда не извинялся. Призрак был там, чтобы подчиняться. Призрак был никем и ничем. Мы существовали выше закона.

Ты должен уничтожить доказательства.

Ты должен убить ее.

Это заставило меня обливаться холодным потом.

— Какой адрес она дала тебе? — изображения того, как я сжимаю ее горло, высасываю ее душу, заполнили мой разум. Это был единственный способ.

Она знала обо мне. Я показал ей слишком много.

Оскар посмотрел через плечо на бойцов снизу. На ринге тайского бокса был энергичный дуэт, сражающийся с дикой свирепостью. Никто не смотрел вверх, никто не обратил внимания на разногласие между нами.

Чем больше он скрывал ее от меня, тем больше я бесился. Она была моей. У меня был контракт, чтобы доказать это. Каждая прошедшая минута стоила мне сто тридцать девять долларов из двухсот тысяч долларов, которые я согласился заплатить — она обязана быть здесь. Борьба со мной. Позволять мне делать то, что я хочу.

Он стиснул челюсть.

— Я не дам его тебе. — Сделав еще один шаг назад, он бросил: — Ты не знаешь, какую жизнь она ведет. Что насчет женщины, что была с ней прошлой ночью? Тот черный чувак? Ты не можешь пойти туда в таком состоянии. Это профессиональный суицид. У тебя есть хоть какая-нибудь идея, к какому потоку неприятностей это может привести?

Мой гнев мгновенно вспыхнул.

— Это не твоё гребаное дело.

Стремительно двинувшись на него, я оттолкнул его к лестнице. Вместо того чтобы уйти добровольно, Оскар стоял как вкопанный и положил руку мне на плечо.

В тот момент, когда он сделал это, я потерял контроль.

Мой мир устремился вниз, как неисправная машина, бросая меня от настоящего к прошлому.

— *Ты прошел первый тест из трех. Поздравляю.*

Мой куратор — единственный человек, кому позволено говорить со мной, близко подходить и давать мне то, что я страстно желал: пищу. Черт, я был голоден. После двух недель в яме только с отбросами еды, они сломали мою волю, и я сделал то, что они приказывали.

Я вцепился в кусок курицы, вспоминая, что делал час назад. Я ворвался в дом с рождественскими украшениями на окне и мерцающим огнем в камине. Я тихо прокрался по лестнице и стоял над женщиной, которая крепко спала в своей кровати.

Я ударил ее ножом в сердце, пока ее муж спал.

Затем я ушел.

Я подавился, убрал курицу и уставился на свои руки. Следы крови покрывали мои пальцы, сверкая ярким осуждением.

— Молодец, Фокс. Удачно сработано с убийством твоей матери.

— Фокс?

— Фокс! Черт побери, хватит!

Удар кулаком в челюсть разрушил воспоминание. И я превратился в глупого преступника. Я убью их. Я убью их за то, что сделали меня убийцей собственной матери.

— Фокс!

Мое зрение очистилось от окровавленных пальцев тринадцатилетнего мальчика, и я уставился на Оскара.

Мои руки сжались вокруг его шеи, и его ноги оторвались от пола. Огонь в моих плечах помог мне держать этот вес почти бессознательно. Это было так легко. Я не знал, почему так сильно сопротивлялся. Это было все, в чем я был хорош.

Смерть.

Оскар плюнул мне в лицо. Его теплая слюна попала мне в глаза, и я отбросил его в отвращении.

— Хватит. — Он бросил хрустальную пепельницу мне в голову. Она отскочила от моего виска, вернув мне рассудок.

Я моргнул, сосредоточившись на его порванной рубашке и кровоточащей губе. От него разлило страхом.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Отступив, я посмотрел на свои руки — на символ «III», вытатуированный на моих ладонях. Как я мог позволить себе стать таким слабым?

Боль.

Мне нужна боль.

Мне нужно спасение. Мне нужно освобождение.

Развернувшись, я бросился вперед. Во мне бушевал адреналин, сжигая мое разбитое сердце.

Пройдя через бойцов на этаже «Обсидиана», я уже знал, куда пойду.

Я не оглядывался назад.

Двадцать минут спустя, я резко остановился снаружи «Стрекозы». Если «Обсидиан» был эксклюзивный и престижный — созданный для опытных бойцов, которые хотели престижа, то «Стрекоза» был его безобразным младшим братом. Место, где отказ от претензий должен быть подписан и предоставлен только в том случае, если вы не остались в живых.

Мое любимое место для лечения.

Я нашел его случайно. Когда я переехал в Сидней, я никого не знал. Выброшенный из единственного мира, который знал, в обществе я чувствовал себя неловко. Без указаний или правил, у меня не было ни одного из моих обычных орудий, чтобы оставаться собранным.

Единственным способом сохранять самообладание на управляемом уровне было внезапное нападение. Множество ночей я прятался в темных аллеях, просто поджидая случайную, невежественную добычу, которая попадет в мою ловушку.

В момент, когда они оказывались близко, я насмеялся над ними и дразнил, причиняя им боль достаточно, чтобы они причинили мне. Затем я заставлял себя остановиться — чтобы дать им выигрышную комбинацию. Каждый удар облегчал мою боль, и я приветствовал броски.

Только когда они давали мне достаточно, чтобы просуществовать еще один день, я избивал их и убегал. Оставлял их, чтобы быть найденными другими. Благодаря трюкам, которым меня научили владельцы, я сохранял свою личность в тайне.

Неделями это работало, пока в одну ночь я не наткнулся на парня, который владел «Стрекозой», и избил меня так, как я хотел. Он полностью очистил мою голову от внутреннего беспорядка.

Драка была основным аспирином, при этом Пойсон Оакс (прим. пер. — Poison Oaks с англ. Ядовитый дуб) был моим морфием.

Его псевдоним для боев идеально ему подходил: сложенный как тысячелетнее дерево, его руки были размером со ствол, а нрав был ядовитым. Никто не злил его. Они знали его.

Припарковав свой черный Порше Кайман, я пошел по темной аллее, прежде чем резко завернул за угол.

Светящаяся стрекоза была единственным признаком существования клуба. Никаких ярких вывесок, ни намек на существование. Так же как «Обсидиан», оба клуба работали по предназначению и абсолютно секретно.

Постучав в дверь в определенной кодовой последовательности, я посмотрел на вышибалу, который открыл ее.

Мрачный, задымленный мир позади него заставил меня стиснуть зубы. Мне нужно быть здесь, чтобы драться. Тогда, может, я смогу ясно мыслить, прежде чем пойду искать Зел.

Чтобы отследить ее и забрать домой как добычу, которая по праву принадлежит мне.

— Пойсон Оакс? Он здесь? — мой голос потерялся в фальшивом австралийском акценте и превратился в русский. Перед глазами все пульсировало серым и белым, как будто мое зрение затуманено и помутнено.

Ни разу я не был так близко к срыву. По крайней мере, за последние два года.

Вышибала вытянул руку, указывая за спину. Отойдя в сторону, он дал мне пройти, зная о том, что меня нельзя касаться.

Я не сказал ни слова, когда осторожно прошел через толпу, чтобы сохранить свободное пространство. Ринг для бокса по центру клуба был единственной ареной для боев. Здесь была разрешена любая дисциплина и темные пятна на полу, вместе с порванными канатами и веревками, говорили о выигранных и проигранных битвах.

Мое сердце забилося быстрее, готовясь для драки.

Я обнаружил, что тот, кто мне нужен, сидит с полуголой женщиной с фальшивыми сиськами на его коленях. Его загорелая кожа и татуированные руки были напряжены, удерживая ее как домашнее животное или ребенка на коленях.

В мгновение, когда он увидел меня, он замер.

— Не сегодня, Фокс. Я не в настроении для твоей херни.

Потребовалось все мое самообладание, чтобы не сбросить женщину с его коленей и не потащить его на ринг.

— Десять тысяч. Дай мне все, что у тебя есть.

Он покачал головой, его лысый скальп сверкал, благодаря сияющим неонам в форме стрекоз. Потолок был разрисован тысячами чертовых насекомых, превращая комнату в клетку из парящих насекомых.

— Я не в настроении, чтобы снова попасть в больницу, Фокс. Свали на хрен.

Женщина захихикала, поцеловала его в щеку и потерлась своими сосками о его руку.

Женщина была невзрачная и дешевая, мой член не проявил никакого интереса к ее подделкам. Только Зел имела власть над этой частью моего тела. Она доказала, что он еще работает. Слишком хорошо.

— Я не буду трогать тебя. Даю тебе слово. — Я лгал, но что такого. Я должен заполучить его на ринг. Мое тело ощущалось так, будто было готово взорваться в любой момент. Я должен был избавиться от этой злобы. Я должен был найти путь назад к мужчине, которым я хотел быть, а не к мужчине, которым я был обучен быть.

Мне нужно быть наказанным.

Пойсон сощурил карие глаза.

— Ты ждешь, что я поверю в это?

— Ты можешь связать мне руки. Мне плевать. — Мои глаза опустились на его пальцы, поглаживающие бедро женщины. Я знал, какими смертельными они могли быть. Я страдал от боли. Огромной боли. Боли, которую я хотел снова.

После бесконечной минуты, он вздохнул.

— Ладно. — Глядя через мое плечо, он указал на огромного парня с черной бородкой. — Возьми какую-нибудь веревку и свяжи его запястья.

Мужчина кивнул и исчез в толпе. Он вернулся мгновение спустя с длинной прочной веревкой.

Я хорошо разбирался в искусстве узлов и веревке. Это было идеальное оружие: тихое, складное, неопределяемое.

— Вытяни их. — Он с чавканьем жевал резинку, ожидая, что я подчинюсь.

Я немного развернулся и протянул свои запястья. Моя челюсть сжалась, когда я неторопливо и послушно встал в подчиняющуюся позицию.

Глядя через плечо, я приказал:

— Не касайся меня. Просто оберни веревку и туго затяни ее.

— Чувак, как, черт побери, я должен не касаться тебя? — он надул пузырь из жвачки, глядя на меня, как будто я был идиотом.

«Коснись меня и увидишь, что случится, ублюдок».

— Делай, как он говорит, Джефф. Ты не захочешь узнать, что случится в противном случае. — Пойсон Оакс убрал женщину со своих коленей и встал во все свои впечатляющие шесть футов четыре дюйма (прим. пер. примерно 190 см).

Я впился своими глазами в его, стараясь не обращать внимания на быстрые движения Джеффа, когда он связывал мне запястья. Мое сердце ускорилося, когда веревка потерлась о мою кожу и туго затянута.

Когда мои руки были крепко связаны, он пробормотал:

— Сделано.

Пойсон указал своей головой на ринг.

— Иди туда, псих. У меня нет времени для этой херни. — Вместе мы пошли к рингу. Он добавил: — Тебе на самом деле нужна какая-то терапия. Это не то дерьмо, в котором ты нуждаешься.

Я не ответил. Мое тело перестало существовать, я думал только о том, чтобы найти умиротворение. Страх быть связанным не мог подавить восхитительное ожидание того, что должно произойти.

Пойсон посмотрел на диджея в углу небольшой переполненной комнаты и провел пальцем у горла. Музыка остановилась, и люди мгновенно перестали говорить.

— Тот, кто хочет увидеть жесткую трепку, собирайтесь. Вы, — он указал на мужчин на ринге,

— проваливайте.

Парни соскользнули с ринга. Я взобрался с помощью гневного толчка от Пойсона. В момент, когда мы оказались на ринге, меня наполнило возбуждение и знание, что мне надерут задницу, и что потом все будет в порядке.

— Видишь, как мы управляем тобой, Фокс? Ты мог с таким же успехом прекратить борьбу. Мы выигрываем. Каждый раз. Ты наш, и тебе нужно помнить это.

Видение пришло мне в голову, как раз перед тем, как кулак Пойсона столкнулся с моим животом. Я задохнулся и согнулся пополам — шок и боль сотрясали мое тело. В момент, когда агония начала пульсировать во мне, маленький кусочек мучения покинул меня. Темнота в моей голове треснула, позволяя свету засиять.

Включилась музыка, и из динамиков послышалось рэгги с оттенком драм-н-бэйс. Мое тело дернулось, предвкушая следующее движение Пойсона. Я был там, чтобы очиститься болью, но это не значило, что я сделаю это легким для него.

Он думал, что в безопасности, когда мои руки связаны. Чертов идиот.

— Фас, Оакс! — закричал кто-то, когда Пойсон оттолкнулся от веревок и помчался ко мне. Отскочив в сторону, я упал на колени и ударил его в живот.

Оакс отклонился в сторону, тяжело дыша. Его загорелая кожа вспыхнула красным от злости и боли.

— Ублюдок, я думал, ты сказал, что не будешь наносить ответный удар, — сказал он, толкая меня назад целенаправленными ударами. Удар за ударом сыпались на мою челюсть и грудь. Каждый сильный удар дарил мне больше легкости. Больше пространства, чтобы дышать.

Я чувствовал себя легче, больше похожим на человека.

Я улыбнулся, когда он атаковал меня правым хуком, и я упал на колени. Звезды и красные огни танцевали у меня перед глазами, рассеивая белый туман, который подкрался ко мне. Я шел на поправку.

Я нашел то, в чем нуждался.

Мои зубы стиснулись, когда Пойсон ударил меня в грудь. Мои легкие сжались от резкого удара, не позволяя мне дышать.

Я лежал на боку, хватая воздух ртом как чертова умирающая рыба, когда Пойсон наносил удар за ударом по моим ребрам. Все мое тело сжалось от натиска, защищая кости толстыми мышцами.

Неразбериха и воспоминания — беспорядок в моей голове — улетучивались, давая ясность.

Когда нога Пойсона оказалась на таком расстоянии, чтобы я мог ее схватить, я встал на дыбы и головой атаковал его грудь. Он упал как гигантское дерево, подпрыгивая на пружинистом полу.

— Какого хрена, Фокс?

Неуклюже поднявшись на ноги, я ударил его еще раз.

— Я сказал, что не отправлю тебя в больницу, но это не значит, что я не попытаюсь.

— Это ложь. Ты сказал, что не будешь трогать меня. Вообще.

Я улыбнулся, чувствуя горячую струйку крови, стекающую из моего носа в рот.

— Ох.

Он занял вертикальное положение и бросился на меня. Его плечи соединились с моей грудью, толкая меня назад, чтобы столкнуться с веревками.

Я закрыл глаза, когда оказался в ловушке, и поприветствовал шквал кулаков в свою сторону. Каждый синяк приносил удовольствие и облегчение. Каждое мучение приближало меня на дюйм к наслаждению.

Пойсон отскочил, защищая себя кулаками. Я продвинулся вперед, руки крепко связаны за спиной. Дыхание было затруднено. Зрение было затуманено. Каждое движение кричало болью. Но я еще не мог остановиться. Еще нет.

— Фокс, — он закричал, когда я прыгнул и ударил его по уху.

Пойсон качнулся в сторону, держась за голову, когда я ударил его. На его лысой голове виднелась растущая опухоль.

— Ты заплатишь за это, — прорычал он.

— Подойди и дай это мне, — я выпрямился, абсолютно «открытый» для удара в челюсть.

Он не был глупцом. Он почувствовал ловушку и попятился, ища слабое место. Его руки согнулись, когда он задумал следующий маневр.

Я понял это и прыгнул так высоко, как я мог, когда он бросился в атаку. В момент, когда он врезался в меня, мои ноги обернулись вокруг его талии, и я использовал свою голову, чтобы обрушиться на него.

Он споткнулся и упал на пол, приземлившись на бок со мной, вцепившись в него. Перед глазами вспыхнуло еще больше звезд, но я не разомкнул свои лодыжки.

Он сильно ударил меня в бок, отправляя тупую боль в нижнюю часть моей спины. Еще один удар был направлен мне в солнечное сплетение, разрушая мои легкие так, что я уже не мог дышать.

Затем он нанес запрещенный удар.

Локоть приземлился на мой пах. Мои яйца вжались внутрь, крича в мучении. Огонь прошел через меня. Мои ноги отпустили его, и он оттолкнул меня, сердито ворча.

Толпа кричала и поощряла Пойсона, и это отдавалось звоном в моих ушах. Агония заставила тошноту образовываться в моем желудке.

Гребаный обманщик.

Я перекатился на колени, кланяясь на согнутых ногах, вдыхая через волну боли.

Пойсон встал, тяжело дыша. Порез у него на лбу сочился кровью, стекающей по его носу.

— Закончили, Фокс?

— Ты никогда не закончишь. Не имеет значение, в каком состоянии твое тело. Ты должен достигнуть цели. — Мой куратор стоял надо мной с хорошо знакомым ломом. Он избивал меня до крови достаточное количество раз, чтобы я начинал содрогаться, когда он рядом. Я был прав, что боялся его.

— Ответь мне, агент.

— Да, сэр. — Я опустил глаза, когда он осматривал меня. Я стоял твердо, не позволяя ему увидеть мой страх. Из ниоткуда, он ударил ломом по моей бедренной кости. Она сломалась с ужасным хрустом.

Я так сильно прикусил губу, сдерживая водопад крика из моей груди, но не сдвинулся с места. Я не издал ни звука.

Сунув пистолет с глушителем в мою руку, он указал на горизонт, где было отгороженное пространство, наполненное отдыхающими дипломатами и доносчиками.

— Иди, закончи свою миссию, агент. Если она будет успешна, то мы вылечим твою ногу.

Я кивнул один раз и сжал пистолет, как будто он мог дать мне облегчение от боли.

Я заковылял на работу.

— Никогда не заканчиваю, Оакс, — зарычал я, принимая вертикально положение. Опустив плечи, я сбил его с ног и упал вместе с ним. Он бил меня в челюсть и щеку, пока несколько зубов не затрещали, и я больше не мог видеть своим правым глазом

Только когда я выпустил весь боевой дух из тела и плюхнулся на бок, он перестал пинать меня.

— Теперь закончил, ублюдок?

Я усмехнулся, больше не в своем сломленном и ушибленном теле, а плавающий в океане спокойствия. Умиротворение, спокойствие — наркотик забвения.

— Да. Теперь я закончил.

— Ты должен остановить его, чтобы он не приходил сюда. С меня хватит устраивать ему эту идиотскую терапию.

Я оставил свою боль в свободном сознании, где не существовало мыслей или воспоминаний, и обратил внимание на гул мужских голосов. Хлопнула дверь машины, блокируя шум уличной жизни и прибытие ночных гостей.

Мое тело болело, как будто по мне проехал гребаный поезд.

— Понял. Этого больше не повторится, — раздался тихий, интеллигентный голос Оса.

Черт побери, почему Пойсон позвонил ему? Единственному человеку, которого я не хотел видеть. Человеку, с которого причитаются извинения. Я мог бы поехать домой сам, после того как поспал бы.

Сглотнув, я поморщился. Ладно, может, мне нужно больше чем просто поспать, но это то, что я люблю в Пойсоне. Он давал мне то, что мне нужно.

И я отчаянно нуждался в надирации задницы.

«Если ты не будешь осторожен, ты превратишь его в своего наставника. Будь гребаным мужиком и владей своей жизнью».

Я бы сделал это, если бы знал как. Как вышедший из-под контроля киллер может существовать в мире иерархии, если у него нет приказа, чтобы следовать?

«Они дали тебе таблетку, чтобы закончить это. Ты знаешь, что это то, что от тебя ожидали».

Таблетка цианистого калия лежала в безопасности, спрятанная в гардеробе. Я не сделал того, что ожидали, я хотел жить.

Я хотел увидеть то, что было у других — жить другой жизнью.

Я немного покрутился на заднем сиденье, где лежал. Боль прошла сквозь мое тело, сохраняя меня сфокусированным на настоящем времени.

Сегодня была хорошая ночь.

Сегодня меня ослабили достаточно, чтобы быть в безопасности рядом с Зел.

Завтра я найду ее и буду умолять о втором шансе.

— Просыпайся, идиот. Мы дома.

Мой левый глаз был заплывшим, а правый был еще функционирующим, но застланный красным туманом крови, капающей из моих волос.

Оскар открыл дверь машины, сердито посмотрев на меня.

Я посмотрел назад, щурясь от огней, освещающих дом, когда Ос встал передо мной с руками на бедрах, как недовольный отец.

Уверен, что он был рад, что он не мой настоящий отец.

Я убил его.

Тяжело сглотнув, я сфокусировался на боли, чтобы не помнить прошлую ночь. Я не мог думать об изнасиловании Зел, и о монстре, которым я стал.

Громко застонав, я занял вертикальное положение и практически вывалился из машины.

Оскар схватил меня под руки, поднимая меня на ноги. На этот раз мне было плевать, что он касался меня — его пальцы удерживали жестко, не по-дружески. Я был готов к этому.

Вместо того чтобы помочь мне зайти в здание, он толкнул меня вперед, будто он не мог даже смотреть на меня.

— Отдохни. Я вызову врача.

Я споткнулся и нагнулся вперед. Мои уши закололо, когда он пробормотал:

— Господи, помилуй твою испорченную душу.

Показав ему один палец через плечо, я продолжил свое покачивающееся и шаркающее путешествие в свой дом.

Мое тело скрипело и жаловалось, но медленно вспоминало, как двигаться.

Мои размытые глаза вглядывались в горизонт. Тяжелый черный бархат заслонил все звезды и луну. Я прикинул, что время было около двух часов утра.

Дерьмо. Все, что я хотел делать — это крушить и спать. Но я не мог.

Солнце исчезнет через несколько часов.

Мне нужно подождать, чтобы мой единственный друг появился и защитил меня от ночных кошмаров.

Мое ожидание дневного света началось.

Хейзел

Я всегда гордилась собой, что была сильной, не принимала покорно жизненные неприятности, но все изменилось, когда мне сказали, что Кларе осталось жить только несколько месяцев.

Иллюзия того, что я был властна над своей судьбой, была ложью. Самой большой ложью.

Ее иммунная система была врагом, и я страстно ненавидела жизнь за это. Я потеряла веру в человечность, в справедливость, в себя.

Я позволила слабости поставить меня в ситуацию, когда brutальный мужчина воспользовался мной.

Но своей жестокостью он заставил меня вспомнить.

Он напомнил мне о моем прошлом, моем характере, моем мужестве.

Он вернул мне твердость характера, и я больше не отпущу ее.

Я покажу ему, почему я окрестила себя Хантер. (прим. пер. — Hunter с англ. Охотник)

Охота начнется, чтобы заставить его заплатить.

— Зелли, это ты? — Клу просунула голову через дверь спальни, черные волосы были в беспорядке после сна.

Вздохнув, я тихо закрыла переднюю дверь позади себя.

— Да, я вернулась.

Я не ожидала, что Оскар — самоуверенный идиот, работающий с Фоксом, отвезет меня домой. Когда он тайком провел меня через полупустой этаж для боев, перед заходом солнца, я беспокоилась, что он перекинет меня через плечо и вернет назад Фоксу.

Вместо этого он улыбнулся и извинился за то, что прошлой ночью был таким придурком, и предложил отвезти меня, куда бы я ни захотела. По пути назад он почти ничего не говорил, и мы погрузились в тишину, что сгладила враждебность между нами.

Дорога от восточного пригорода до центрального заняла больше времени, чем я думала, и отсутствие сна сморило меня. Все что я хотела — это свернуться в знакомой кровати и забыть.

Обо всем.

Клу посмотрела на дверь напротив и убедилась, что она крепко закрыта от любопытных ушей моей дочери.

Шаркая вперед в своих розовых тапочках с единорогом и соответствующей футболке, она выглядела лет на четырнадцать.

— Я думала, что ты сказала, что будешь отсутствовать некоторое время? — она приложила руку ко рту, когда зевнула. — Что случилось?

Квартира пахла орегано и базиликом от того, что Клу готовила на ужин. Диван из секонд-хенда был накрыт тканью с ромашковым принтом, и наш журнальный столик был совершенно из другого мира, по сравнению с черным лоском особняка Фокса.

Это место было похоже на радугу, благодаря ярким рисункам Клары, прикрепленным к стенам, и множеству безделушек. В особняке Фокса не было ничего ужасного, за исключением того, что вокруг царил полутьма. Неудивительно, что он был таким потерянным и одиноким. Он жил в никогда не прекращающейся тьме.

Мои руки вцепились в платье Клу, ненавидя, что мой разум продолжал возвращаться к нему. Я раздумывала о том, чтобы никогда не возвращаться, но он заслуживал кусочек своего собственного исцеления, и я все еще хотела деньги, которые он обещал.

Каждый раз, когда я двигалась, пульсирующая боль моего лона напоминала мне, что я была ужасно глупой, когда думала, что он будет нежным. Я позволила похоти затуманить мой здравый смысл.

Прошлая ночь была ошибкой. Я позволила уничтожить себя, играя на моих потребностях. Сегодня он не будет оказывать на меня никакого воздействия, так как с этого времени — это

чистый бизнес. Я спрячу свои желания и забуду обо всем, кроме как зачеркивать дни на календаре. Считать часы до того момента, когда я больше никогда снова его не увижу.

— Что на тебе надето? — Клу подошла, осматривая черные брюки и футболку. Я залезла в шкаф Фокса. Я не хотела ехать домой, выглядя, как проститутка или разгуливать на утро после бурной ночи во вчерашней несвежей одежде. Не то чтобы они сидели на мне хорошо — брюки были слишком свободными, а футболка слишком длинной.

Клу скрестила руки, подняв брови.

— Так... ты собираешься рассказать мне, что случилось? Объяснить, почему я должна была рассказать Кларе, что ее мамы не будет дома?

Мое сердце сжалось от мысли, как, должно быть, прошел тот разговор.

— Изменение в планах. — Я спрятала свое напряжение за улыбкой и пошла вперед, чтобы присоединиться к ней на большом диване. Ее худые руки обвились вокруг меня и крепко сжали. Я поцеловала ее в щеку и крепко обняла в ответ. Эта маленькая азиатская женщина была для меня островком безопасности, как и я для нее. Мысль об ее уходе, если у них со Штопором все сложится, глубоко ранила меня. Я не была готова отпустить ее. Я не была готова, что наше маленькое трио распадется.

Все изменится, когда Клара умрет. Неизбежный приговор ударил по мне.

Через мгновение она отстранилась.

— Она будет так счастлива увидеть тебя.

Я посмотрела на дверь, где мы с Кларой делили комнату. У нас у обеих были односпальные кровати, расположенные у противоположных стен. Когда мы только переехали, несмотря на то, что это было против правил арендодателя, я спросила у нее, в какой цвет она хотела бы их покрасить.

Возможно, это была плохая идея, так как сейчас я жила с фиолетовыми и розовыми стенами и лошадьми на них.

— Я знаю это чувство. — Мои руки до боли сжимали ее, извиняясь за отсутствие прошлой ночью. Бросив платье Клу на стул в столовой, я пробормотала: — Меня не было только двадцать четыре часа, но это ощущалось как вечность.

Клу потеряла мою руку.

— Я должна признать, что скучала по тебе. Почему ты пошла разговаривать с ним? Что он пообещал сделать, чтобы ты осталась?

Обещания.

Фокс разрушил каждое обещание, которое дал до этого.

— Детка? — мужской голос прогремел с дверного проема спальни Клу. Бен стоял, одетый в пару голубых боксеров, у него было мускулистое блестящее, цвета оникса тело и голова, покрытая густыми черными завитками.

Я бросила взгляд на Клу.

— Он остался здесь?

Клу пошла в сторону Бена, она подходила ему как кусочек пазла.

— Я хотела спросить тебя. Бен сейчас переезжает с места на место, и ему нужно где-то остановиться на неделю. — Ее глаза округлились, умоляя меня не злиться. — Я подумала, если ты ушла... я не хотела быть одна. Я люблю Клару как свою собственную дочь, но если что-то случится...

Что-то как то, что придется отвезти ее в больницу или справляться с еще одним приступом. Мое сердце болело. Я подвожу их обеих.

Я подняла руку.

— Все в порядке. Правда.

Бен послал мне милую улыбку. Одна его щека опухла, но из-за темного цвета его кожи я не могла видеть синяки с его боя в «Обсидиане».

Обсидиан.

Мой пульс участился при мысли о Фоксе. Он казался безжалостным. Ему была нужна помощь.

Весь день я переключалась с желания никогда не видеть его снова, на желание мучить его так же, как он мучил меня.

План в общих чертах сформировался в моей голове, в основном благодаря Оскару. Я спросила его, что означает «добыча», он пожал плечами, но бросил мне свой телефон. Спасибо переводчику гугл, что я нашла то, как Фокс меня называл.

Добыча.

Обжигающий жар гнева составлял мне компанию всю дорогу домой. Помогал собраться с силами против него. Сосредоточить силы на самой себе.

Добыча. Я! Фокс думал, что я слабая и послушная. Он думал, что может играть со мной как дерзкий убийца, у которого никогда не было смертельных врагов.

Ну, он получил врага в моем лице. И у меня были коготки.

По крайней мере, я могла благодарить его за одну вещь. Та Хейзел, которую я считала потерянной — женщина, которая всегда выигрывала — вернулась, и я была готова бороться.

Бороться за свою дочь. Бороться за себя. Просто, черт побери, бороться.

Глаза Клу опустились на мое горло, и она нахмурилась на появившуюся цепочку, лежавшую на верхушке золотой звезды.

— Откуда у тебя она? — она высвободилась из рук Бена и подняла руку, чтобы потрогать. Отдернув футболку Фокса с моего тела, она сказала: — Что случилось, Зел? Ты кажешься... отрешенной. Подняв бровь, она сказала: — Нет, неправильно. Ты кажешься разозленной.

Бен подошел ближе, криво улыбнувшись.

— Ох, я знаю этот взгляд. — Поднимая палец, он сказал: — Фурия в аду ничто, по сравнению с брошенной женщиной. — Он рассмеялся. — Что сделал этот ублюдок? — его тон оставался веселым и оптимистичным, но когда я не ответила, его лицо поникло.

Мои ноздри расширились, когда небольшая боль у меня между ног напомнила, что именно сделал этот ублюдок.

Холодные глаза Фокса возникли в моей голове, полные высокомерия, но также и безнадежности.

Клу ахнула.

— О боже мой, он обидел тебя? — она схватила меня за руку. — Что он сделал?

Страх быть обиженной мужчиной жил глубоко внутри нас обеих. Разница была в том, что свой я хранила глубже, заставив его смешаться со всеми плохими воспоминаниями, о которых я бы не хотела думать.

С другой стороны, Клу, скользнувшая назад в сломленное создание, которое я спасла, когда нашла ее. Она никогда не узнает, что случилось между мной и Фоксом. Мне не нужно, чтобы она переживала за мою вменяемость или бежала в полицию.

Быстро покачав головой, я пробормотала:

— Он не сделал ничего, за что я бы ему не отплатила. — Погладив ее по щеке, я улыбнулась. — Я пришла, чтобы увидеть Клару, но я снова уйду завтра. У нас новое соглашение. Что позволяет мне проводить дни с ним, а ночи здесь.

Да поможет ему Бог, если он не согласится на мое условие. Я заставлю его пожалеть, что он положил глаз на меня.

Клу открыла рот, но Бен обернул руку вокруг ее плеч.

— У твоей подруги есть план. Давай послушаем об этом утром, куколка. Я должен быть на работе через несколько часов.

Мое тело перешло от стойкого и сильного к всепоглощающему страху быть обездвиженным. Фокс спросил меня прошлой ночью, что было моим спусковым крючком.

Мой спусковой крючок был таким глупым и нелогичным. Ласковое прозвище не должно обладать силой, чтобы я переставала чувствовать безопасность и попадала в ад.

Но у него была эта сила.

«Куколка» отправляла меня в яму тьмы, которую я не могла искоренить из своей души. Клара была результатом моего первого и единственного — до прошлой ночи — секса. Но было очень много недопустимых прикосновений. Так много способов, чтобы сломать дух девятилетней девочки.

Куколка.

Это было мурлыканье голосом, полным фальшивой любви, и сопровождаемое противными пальцами и дыханием.

Я выучила, что нужно бежать, когда мужчина смягчает свой голос и шепчет эти слова.

Я выучила, что нужно убивать, когда они загоняют меня в ловушку и не дают мне спастись бегством.

Черные облака заволокли мой разум, но вместо того, чтобы свернуться в клубок, как я обычно делала, сейчас я просто загнала облака назад в тайники моего мозга, где замки и цепи держали мою историю в безопасности.

Клу замерла на месте. Она не знала многого о моем прошлом, но знала мои проблемы с этим словом. Она видела, как я взорвалась и почти избилла мужчину в баре, который лапал меня и прошептал в мое ухо: «Могу я купить тебе напиток, куколка?».

Бен стоял, смотря между нами.

— Я сказал что-то не то? — его большие черные глаза выражали полное раскаяние.

Моя спина расслабилась, и я сгорбилась. Сверкнув обнадеживающей улыбкой, я пробормотала:

— Нет. Ты не сказал ничего такого. Но, пожалуйста, можешь называть Клу как хочешь, но избегай этого прозвища. Я действительно оценю это.

Он сглотнул, нахмурившись.

— Эм, конечно. Будет сделано.

Пройдя мимо Клу, я схватила ее руку и сжала, прежде чем исчезла в тени моей спальни и закрыла дверь.

Я проснулась оттого, что влажные руки собрали мои волосы, чтобы заплести косичку. Я улыбнулась, и у моего сердца появились крылья, когда я открыла глаза.

Великолепная девочка сидела на краю моей кровати. Ее длинные, шоколадные волосы были в беспорядке после сна. Ее яблочные щечки были раскрасневшимися от счастья. Все в ней кричало о здоровье и силе, но все это было ложью.

— Я думала, что ты не будешь приходить некоторое время. Тетя Клу сказала, что ты должна кому-то помочь. — Ее глаза блестели, когда она взяла прядь моих волос, чтобы вплести ее в косичку.

Я быстро подскочила в вертикальное положение, прежде чем схватить ее руками и перевернуть на спину. Она завизжала в мое ухо, хихикая, когда я начала ее щекотать.

— Хватит! Мамочка, хватит. — Ее смех был рапсодией для моих ушей.

Но затем она начала кашлять.

Снова переместившись в вертикальное положение, я посадила ее, когда ее лицо пугающе

быстро стало фиолетовым.

Нет. Нет. Нет.

Отодвинув ее в сторону, я бросилась через небольшое пространство нашей комнаты и схватила ее ингалятор для критических ситуаций. Я рассказала ей, что это была специальная формула, которую доктора дали нам для ее астмы. В действительности, это был какой-то экспериментальный препарат, доступный для тех, кто подходил по определенным критериям. К сожалению, мы могли получить его только один раз. И только потому, что я опустошила свой счет и передала каждую копейку и спасенный доллар, что я заработала.

Если бы Клу не платила мою часть ренты за квартиру, пока я не могла найти работу, я бы могла объявить себя банкротом.

Удерживая ее голову, я поднесла ингалятор к ее рту, и Клара жадно вдохнула.

Медленно магия лекарства сработала, и темно-фиолетовый цвет ее губ заменил розовый. Слабо улыбнувшись, она только и смогла всхлипнуть.

— Прости.

Мой желудок перевернулся, ненавидя ее извинения, я мечтала, чтобы я могла дать ей спасательное лекарство.

Борясь со своими трясущимися конечностями и называя судьбу каждым грязным проклятьем, которое я знала, я сказала:

— Я должна была помнить, что ты так сильно ненавидишь щекотку. Ты пойдешь на любую крайность, чтобы избежать ее.

Она еще раз хихикнула, ее легкие снова заработали, когда приступ исчез, оставив ей небольшую отдышку.

— Да. Ты правда должна была это знать. Твоя щекотка — отстой.

Я изобразила раздражение на своем лице.

— Ну, я просто найду другой способ мучить тебя.

Ее глаза расширились, затем она рассмеялась, склонив наши головы вместе. Мое сердце вырвалось из груди и с глухим стуком, окровавленное и мертвое, упало в руки моей дочери. Все мое счастье буквально находилось в ее хрупком теле.

Как я собиралась выжить без тебя? Как я соберусь с духом сказать тебе, что ты меня покинешь?

Образ Фокса всплыл в моей голове, возвращая меня назад к слабости и печали. Его глаза, наполненные его собственными демонами, давали мне силу держаться. Только мысль о возмездии за то, что он сделал, давала мне огонь, чтобы подпитывать мою силу и продолжать бороться.

— Я бы хотела не идти сегодня в школу, — застонала Клара, прижимаясь ко мне, в результате чего мое сердце забилось сильнее. Я положила подбородок на ее голову и начала качать ее, вдыхая ее фруктовый шампунь и мягкий, невинный запах.

— Ты любишь школу. Разве ты не говорила, что миссис Андерсен позволяет тебе выбирать самой, над чем ты хочешь работать?

Как и у меня, у Клары была уникальная способность фотографической памяти.

Она казалась невнимательной в классе, но она все легко постигала. Это было и благословением, и проклятием, так как я не могла юлить ни в чем. Она чувствовала ложь так же легко, как и я, но также у нее было умение понимать, что будет дальше. Как будто ее глаза видели мимо ограничений тела прямо человеческую душу.

Не имело значения, что я пыталась скрыть от нее, она знала. Она всегда знала.

— Она супермилая. Мне нравится. Сегодня мы украшаем скульптуры Ромео и Джульетты.

Я проигнорировала комментарий о скульптуре, так как это слишком сильно напомнило мне о Фоксе и сумасшедшей коллекции в его доме. Я нахмурилась.

— Разве эта трагическая история любви не слишком сложная для класса восьмилетних?

Она закатила глаза.

— Мы созрели, мамочка. Я знаю о смерти и таких вещах.

Я замерла, но она не заметила. Ее тело подпрыгивало вверх и вниз, вырываясь из моих рук.

— Я собираюсь использовать завядшую розу, что нашла на тротуаре, и опустить ее в клей, чтобы сделать ее твердой, и затем я раскрашу ее в черный и красный и затем... — Она перечисляла свой проект в мельчайших деталях, бегая по комнате. Сняв свою пижаму «Моя маленькая пони», она старательно оделась в школьную форму коричнево-серого и зеленого цвета.

Я не могла ничего делать, кроме как сидеть и смотреть на воздушный вихрь жизни, который был моей дочерью.

Я стояла за школьными воротами, наблюдая, как Клара исчезает в море таких же форм, из-за чего внезапная, резкая боль утраты ударила по мне с двойной силой.

Поспешно уйдя с территории школы, я спряталась в кустах, когда сжала свою руку в кулак и засунула в рот.

Я кричала и кричала, пока мои легкие не заболели, и беспомощность не исчезла.

Мое тело сотрясилось тихими рыданиями, очищаясь от траура, уже очернившего мою душу.

Только когда я смогла снова дышать без желания убить кого-то, я сделала шаг к своей тюрьме и начала планировать свой следующий шаг.

Клара будет занята в течение следующих семи часов. Клу согласилась забрать ее после школы. Это означало, что у меня будет двенадцать часов, чтобы вернуться к Фоксу и показать ему, что я думаю о его сломленных, скрытных не-трогай-меня нелепостях.

Настало мое время заставить его заплатить.

— Снова ты. — Вышибала с лицом, похожим либо на бульдога, либо на акулу, осмотрел меня сверху вниз. — Где сахарные сиськи?

Особняк Фокса маячил передо мной. При дневном свете горгулья и здание, сделанное из блоков, выглядели более угрожающе, чем в темноте. Здание говорило о заброшенности, о неправильном расположении. Ни один другой дом в пригороде богатых семей не выглядел так тревожно.

Холодок прошелся по моей спине.

«Почему ты вернулась?»

Серебряные глаза Фокса снова возникли в моей голове, толкая меня против моей воли, приводя меня к финишу, к тому, с чего мы начали.

Мои руки сжались в кулаки, но я заставила себя мило улыбнуться. Мои узкие джинсы, замшевые сапоги и серая рубашка были полной противоположностью порочности, которую я демонстрировала прошлой ночью. По крайней мере, все мои конечности были прикрыты, и я не создавала шоу, не хотела, чтобы на них глазели.

— Она не пришла. Только я. — Когда он не открыл для меня дверь, я прошипела: — Впусти меня.

Он покачал головой и сгорбился.

— Нет. Клуб не открывается до восьми часов. Если ты не VIP, у которого есть доступ до открытия, то удача отвернулась от тебя. Если хочешь переспать с чемпионом, вернись, когда взойдет луна. — Он качнул бедрами, как идиот. — Если ты не хочешь легкий трах прямо сейчас?

Я закатила глаза.

— Я бы скорее ударила себя в глаз.

Он драматично схватился за грудь, шатаясь, как будто я выстрелила в него.

— Коварная сучка. Ты знаешь, как ранить парня.

Встав так прямо, как могла, я приказала:

— Позвони Обсидиану Фоксу. Он впустит меня. Я гарантирую это. — Скрестив руки на груди, я вздрогнула, когда серебряная цепочка вокруг моего живота ущипнула мою плоть.

Я выполнила приказ Фокса оставить ее. У меня был соблазн найти плоскогубцы и отодрать украшение, но чтобы мой план сработал, она нужна мне. Это было еще одно оружие в моем арсенале. Мой нрав — первое. Мой язык был готов, чтобы отчитать этого мужчину.

Ему просто нужно знать, что я о нем думаю. И как я не собираюсь мириться с его херней.

Он пообещал мне двести тысяч долларов. Я хотела, чтобы моя дочь выжила, и он был моей единственной надеждой.

Вышибала оскалился.

— Его нельзя беспокоить. — Он указал в небо пухлым пальцем. — Босс спит, как тот, кто ведет ночной образ жизни. Никаких шлюх до начала работы клуба.

Потребовался весь мой самоконтроль, чтобы не вытащить небольшой нож из моих волос и не ударить его в шею.

— Просто позвони ему.

Он скрестил свои мускулистые руки, покачав головой.

— Нет.

Оставалась одно, что я могла сделать. Потянув вперед свою огромную сумку, которая была перекинута через плечо, я порылась в ней, отодвигая дополнительный комплект нижнего белья и запасную блузку. Вытащив черную футболку, которую я украла из гардероба Фокса, я нашла вышитую серебряную эмблему и показала вышибале.

— Что это?

Он нахмурил лоб, щурясь на лису, вышитую на футболке.

— Эй, это...

— Одежда твоего босса? Да, — я опустила руку. — Я взяла ее прошлой ночью, после того как мы заключили соглашение. Я остаюсь с ним на месяц. Он позволил мне уйти сегодня утром. И сейчас мне нужно вернуться к нему. — Ложь эффектно слетела с моего языка.

Вышибала нахмурился, кусая свою губу, раздумывая.

— Я не знаю....

Засунув футболку обратно в сумку, я сказала:

— Думаешь, что он сделает, если я скажу ему, что ждала восемь часов у двери, потому что его смасшедший охранник не получил указаний?

Его глаза в тревоге расширились. Казалось, что все боятся своего капризного босса. Наконец он шире открыл дверь и жестом показал мне войти.

— Если ты солгала, будь уверена, я отплачу тебе.

Его тон не напугал меня, так как Фокс напомнил мне, что страха не было в моем арсенале.

Мчась по длинному коридору, я игнорировала произведения искусства и статуи. Для дома, окрашенного во все черное, с черной обивкой и текстилем, у солнца была сильная решимость согреть каждую щель. Стекланный потолок делал все внутри таким же ярким, как и снаружи.

Убедившись, что коснулась только части металлической двери с детьми в стране чудес, а не с детьми с мертвыми телами у их ног, я вошла на этаж «Обсидиана», где проходили бои.

Я остановилась. Я ожидала, что арена будет пустовать, но ринг для бокса был занят четырьмя мужчинами, которые спаринговались в парах. В клетке был мужчина в костюме из спандекса, практикующий удары и броски с воображаемым соперником.

Уборщики усердно работали вокруг бойцов, дезинфицируя пол и вытирая снаряжение. Даже медики стояли на своих местах, ожидая работы, наблюдая за предварительной разминкой, без сомнения, готовые принять пациента.

Прижав сумку ближе к своему боку, я по кратчайшему пути пошла к лестнице с черными коврами. Хотя члены клуба пришли рано, это не значило, что босс готов к работе. Огромные часы на стене говорили, что был только полдень. Я знала, где могу найти его.

В кровати.

Уязвимого.

Надеюсь, он спит, чтобы я могла получить удовольствие закричать так, чтобы он проснулся.

Пройдя прямо и целенаправленно, я удержалась от зрительного контакта с кем-либо. Я проклинала синяки между ногами. С каждым шагом мое сердце билось быстрее, зная, что я столкнусь с мужчиной, который меня обидел.

Я прошла мимо ринга тайского бокса, но остановилась, когда огромный мужчина встал у меня на пути. Я не знала, чего он хотел, и я была не в настроении.

— Отойди, пожалуйста, — сказала я, пристально на него посмотрев.

Он рассмеялся, поглаживая свою щетину. Все его тело было мускулистым, и на нем было трайбл тату.

— Это невежливо, — его голос звучал как барабан, полный гравия. — Я не знал, что развлечения прибывают раньше. — Он шагнул вперед, так что оказался в моем личном пространстве. — Ты обслуживаешь победителя после его боя? — он облизал губы, осматривая мою фигуру сверху вниз. — Я трахну тебя по-настоящему хорошо.

— Нет, спасибо, — фыркнула я, оставаясь спокойной. — Я занята, дай мне пройти, пожалуйста.

Он рассмеялся.

— Ох, ты использовала волшебное слово, куколка. Это же было: «Дай мне, пожалуйста, пососать твой член?». Я думаю, это я и услышал. — Он вытянул руку вперед, опустив ее на мое плечо. Его прикосновение не напугало меня, но напугало использование этого прозвища.

Мое тело напряглось, выскивая его слабость, чтобы использовать.

— Убери. Свои. Руки. От. Меня.

Его густые брови хмуро приподнялись.

— Девушки Фокса так не разговаривают с клиентами, которые платят. Ты знаешь, чертовый взнос, что я плачу, чтобы приходить сюда? Это грабеж.

Я вздрогнула.

— То, что ты делаешь со своими деньгами — твое дело. Теперь оставь меня, черт побери, в покое.

Покачивая головой, он пробормотал:

— Ты не понимаешь, куколка. Я плачу взнос и в него включены некоторые приятные занятия.
— Его пальцы соскользнули с моего плеча, опускаясь к груди.

Я вздрогнула, когда он сильно схватил мою грудь и скрутил.

— В приватную комнату. Сейчас же.

Машинально потянувшись к своим волосам, я нащупала рукоятку ножа. Мои неуклюжие пальцы коснулись лезвия, незаметно спрятав его в руке.

Поток силы наполнил меня, когда я держала оружие.

— Коснись меня еще хоть одним пальцем, и я заставлю тебя пожалеть об этом.

Два бойца рядом с нами перестали вытираться и подняли взгляд. Они что-то шептали друг другу, наблюдая за нашим препирательством. Их глаза опустились на мою фигуру, светясь от замешательства и интереса.

Ох, дерьмо, как я могла выйти из этого, не превратив все в кровавую бойню?

Решив, что обман был лучшим способом, чтобы уйти, я заставила свое тело расслабиться. Положив руку на похитителя, я превратилась в соблазнительницу и прошептала:

— Не здесь. Ты хочешь меня? Ты можешь получить меня, но только с глаза на глаз. — В момент, когда мы будем одни, я отрежу твои яйца.

Он ухмыльнулся, показав желтые зубы.

— Знал, что ты придешь к лучшему мнению, куколка.

Сильная рука внезапно обернулась вокруг моей талии, дернув меня назад к твердым мускулам.

— Какого хрена ты здесь делаешь?

Мой нос почувствовал запах солнца, соли и ветра. В то время как Фокс пах преисподней, в которой он был рожден, Оскар пах свободой.

— Я вернулась, так как я заключила сделку с твоим боссом. — Кивнув на парня на своем пути, я добавила: — Этот псих думает, что он может приказывать мне.

Оскар тяжело дышал, его мышцы прижаты к моему позвоночнику. Я не расслабилась, даже когда его сильное тепло просочилось в мое тело. Мне не нравилось, как крепко он держал меня.

Я немного поерзала, проверяя его хватку. Оскар зарычал:

— Перестань двигаться. Я знаю, Фокс хочет тебя. Я не для того разбирался вчера с его херней, чтобы сегодня он убил меня, узнав, что я не вернул тебя вчера. Пусть лучше будут твои похороны, раз ты такая глупая, что вернулась.

Где Фокс был прошлой ночью?

Мысли в моей голове помчались, когда Оскар сжал меня сильнее.

— Спайдервеб, рад видеть тебя так рано. Ты знаешь правила. Ты хочешь трахаться, ты ждешь до официального открытия.

Спайдервеб стиснул зубы.

— Я увидел идеальную маленькую сучку передо мной. Она была согласна, не так ли, куколка?

Я не могла перестать дрожать. Я никогда не избавлюсь от ненависти к этому имени.

Оскар замер, его горячее дыхание щекотало мою кожу.

— Она не продается.

Моя спина напряглась, но я позволила ему говорить обо мне как об имуществе. В конце концов, он пытался защитить меня.

— Без разницы. Все честно. Она на этаже. Я увидел ее. Я хочу ее.

Оскар сильнее прижал меня к себе, заявляя права собственности, положив руку мне на бедро. Я не могла видеть его, но его голос кипел властью.

— Она уже куплена.

Мой нрав вспыхнул. Я хотела спорить. Я не была животным или посудой, чтобы быть проданной и обмененной. Я согласилась продать кое-что Фоксу в обмен на надежду. То, на что мы согласились, не было просто сексом.

«Ты хочешь его так же сильно, как хочешь его деньги».

Напоминание пришло из ниоткуда, заставляя тепло закипать в моем желудке. Я хотела его до того, как он взял меня так грубо. Влечение все еще присутствовало, находясь где-то под моим гневом.

Спайдервеб скрестил руки, его мускулы перекачивались, из-за чего казалось, что паутина на его тату была живой.

— Кем? Я заплачу больше. Я хочу этот лакомый кусок задницы. — Он послал мне отвратительный поцелуй.

Я прикусила язык, чтобы ничего не сказать. Мышцы Оскара стали выпуклыми напротив меня, перекачиваясь от энергии.

— Владельцем этого чертового клуба. Поэтому отвали.

Спайдервеб усмехнулся.

— Владелец может иметь, кого захочет. — Злость сверкала в его глазах. — Я хочу именно эту. — Указав на меня, он схватился за свою промежность. — Уверен, что она будет ощущаться по-настоящему хорошо.

Я взвизгнула, когда Оскар схватил мою левую грудь. Какого черта?

Его горячее дыхание обдувало мою шею сбоку, когда он рывкнул:

— Видишь это? — отпустив, он добавил: — Его. Не твое. Его.

В его голосе был акцент — возможно, американский, даже если он был похож на истинного австралийца со своей загорелой кожей, яркими голубыми глазами и обесцвеченными от соли волосами.

Шепча в мое ухо, он сказал:

— Почему ты вернулась? Я думал, что он причинил тебе боль.

— Он причинил мне боль. — Я хотела избежать этого, но мне нужно было, чтобы Оскар был на моей стороне, если у меня появится любой шанс добиться того, чего я хотела. — Но ему еще больнее.

Оскар не сказал ни слова. Дерьмо, я сказала что-то не так. Я была не права, думая, что он заботился о своем боссе.

Оскар пробормотал:

— Если ты думаешь, что он изменится, ты бредишь, но я не буду останавливать тебя от разрушения самой себя.

Спайдервеб сделал торопливый шаг ко мне.

— Эй! Перестань мило разговаривать с моей девочкой. Я беру ее.

Мой нрав взорвался. У меня было достаточно идиотского мужского тестостерона. Оттолкнув Оскара, я прошипела:

— Я не твоя. Я не его. Я своя. Сейчас, извини меня, неандерталец, я вернулась по причине, и я не закончила.

Продвинувшись, я бросилась вверх по лестнице, радуясь, что у меня было немного удачи: двери офиса Фокса были открыты. Закрепив нож в волосах, я вошла.

Я скрепила сделку, поделившись кровью, и я ненавидела последствия. Дрожь, постоянные вопросы, раздумья, смогу ли я справиться с ситуацией лучше. Я критиковала каждое решение, ища способы, которыми я могла предотвратить, что бы ни случилось.

Дрожь началась. Она всегда наступала после напряженной ситуации. Мое тело, пропитанное адреналином, все еще хотело боя.

Мои глаза опустились на ковер, где Фокс душил меня прошлой ночью. Мои пальцы взлетели к моей шее, слегка нажав на побаливающие синяки. Воспоминание о его руках вокруг моего горла заставило мое сердце биться сильнее.

Он так быстро перешел от боготворящего и целующего до сумасшедшего психопата. Не было никого, чтобы помочь с такими глубоко укоренившимися психологическими проблемами. Я должна была развернуться и забыть обо всем.

Даже когда я думала об этом, я знала, что это не было выбором.

Сжав сумку сильнее, я сделала несколько глубоких вдохов, заставляя уйти нарастающее напряжение. Только когда мои пальцы перестали трястись, и я могла, не подпрыгивая перемещаться по его офису, я открыла параллельную дверь.

Посмотрев направо и налево, я задержала дыхание. В коридоре никого не было, пусто как в могиле.

Еще раз появилось ощущение, что моя жизнь изменилась. Я почувствовала это, когда в первый раз встретилась глазами с Фоксом — влечение, притяжение между нами. Это тянуло меня к направлению, о существовании которого я не знала до него.

Судьба столкнула нас вместе, потому что мы могли помочь друг другу. Я не верила в сказки, но верила в связанные со счастливым случаем столкновения. Фокс мог помочь мне с Кларой. Я могла помочь ему с демонами.

После того как я причиню ему боль.

Мой разум вернулся к Кларе. Обрушившийся вес ее потери, держал меня приклеенной к ковро. Я никогда не прощу себя, если недостаточно сделаю для нее.

Тяжело сглотнув, я на цыпочках подошла к двери комнаты Фокса. Перепробовав большое количество кодов на клавиатуре, я наконец разобралась с правильным. Оказалось, что я не запомнила его хорошо.

Замок открылся, и дверная ручка легко повернулась. В мгновение, когда я вошла внутрь, не было пути назад. Я скажу правду. Я заставлю его слушать. И я понятия не имела, как он отреагирует.

«Что ты делаешь, Зел?»

Я не могла честно ответить на вопрос. Я действительно не знала. Риск вернуться к такому нестабильному мужчине как Фокс, был самоубийственным. Обрато меня привел не просто соблазн денег. Да, мое сердце не переставало кровоточить от мысли потерять Клару, но что-то еще привлекало меня. Что-то, что мне не нравилось. Что-то, что я не могла игнорировать.

Толкнув дверь, я шагнула внутрь, мои глаза были нацелены на кровать.

Пусто.

Мое сердце ускорилося, когда я прошла вперед. Декорированная черным комната была пустой. Солнце танцевало на бронзе и железе, разбрасывая блики от статуй волков и безликих мальчиков. От всего вокруг меня я чувствовала угрозу боли.

Слева на стене висел экран, сверкая символами и тщательной гравировкой. Символика подзывала меня, шепча историю — может быть, ключ к Фоксу.

Каждая высеченная линия выглядела злой, слишком глубокой, слишком наполненной насилием. Три слова на русском языке, нацарапанные без изящества, выглядящие злыми и мрачными, привлекли мое внимание.

Позволив сумке упасть с глухим стуком, я с любопытством потянулась, чтобы отследить

пальцами иностранные буквы. Я бы хотела понимать, что они означали.

Волосы у меня на затылке приподнялись, мое сердце забилося галопом. Не было ни звука, ни подсказки, что что-то опасное вошло в комнату, но мои чувства знали.

Я отошла от металлического экрана, смотря на дверь ванной.

Дверь широко открылась, с клубами пара позади него, Фокс стоял и со злостью смотрел на меня.

Мой желудок скрутило от жесткости его позы, от его влажных волос. Он не сказал ни слова — они были ему не нужны. Его взгляд был таким напряженным, он наносил мне удары через всю комнату. Так много вопросов, так много обвинений было в его снежных глубинах.

«Я думал, что никогда не увижу тебя снова».

«Наша сделка расторгнута».

«Уходи».

«Беги».

«Я не хочу тебя здесь».

Я старалась тоже общаться тишиной, показав, какой взбешенной я была.

«Ты обидел меня, но я вернулась».

«Ты должен мне за то, что ты сделал».

«Я ненавижу тебя, но я хочу помочь тебе».

Молчаливый разговор закончился, когда Фокс встал во весь рост, притягивая мой взгляд ниже по его телу. Его темно-бронзовые волосы были в беспорядке, и с них на плечи капала вода, но его натренированное тело было заключено в черный свитер и черные хлопковые брюки.

Он оделся, хотя думал, что он один — почему? Я могла понять физическую застенчивость — хотя у него не было причин быть стеснительным с его телосложением, но я не могла понять его потребность прятать то, что бы ни находилось под его одеждой.

Я заговорила даже прежде, чем приняла решение.

— Что с тобой случилось?

Его челюсть распухла, а под одним глазом был огромный порез, весь распухший и фиолетовый. Кровь запеклась по линии роста его волос, и он продолжал крепко держаться за бок, защищая ребра или какой-то из своих органов.

Я сжала руки, борясь с желанием позаботиться о нем, когда он еле волочил ноги от дверного проема к кровати. Он не отводил своих глаз от меня.

Энергия в комнате искрилась и шипела настороженностью. Я никогда не была так настроенная ни с кем прежде, независимо от того, жаждала я их или ненавидела.

Я закусила губу, когда он зашипел от дискомфорта, пытаюсь сесть на кровать. Несмотря на очевидную боль, в нем было что-то другое.

Исчезла тонкая грань... Я не знала... может быть, сила, ненависть, уравновешенность? Ему не хватало напряженной ярости, крепко сдерживаемого контроля. Прежде, он выглядел, как будто мог сразиться даже с Армагеддоном, теперь же он выглядел... расслабленным. Он выглядел уставшим.

Мужчина передо мной был... удовлетворенным. Странное заключение для кого-то, истекающего кровью и с трудом дышащего, но в его бело-серых глазах не было инстинкта охотника. Они были ясные, сосредоточенные и злые.

Мое сердце затрепетало, привлеченное к потребности в нем. То, что я увидела его уязвимым, заставило мою злость ослабеть.

Он осторожно свесил ноги с кровати и откинулся на черные мягкие подушки. Его глаза путешествовали по моему телу, не спеша, выжигая на нем клеймо.

Боль в моем лоне превратилась из ноющей в пульсирующую.

«Ты пришла сюда кричать на него. Не попадай в ловушку влечения».

Сделав решительный вдох, я подошла к концу кровати и вцепилась в грубое дерево. Холодный металл дал мне что-то, чтобы сосредоточиться. Я зарычала:

— Ты причинил мне боль прошлой ночью. Я пришла сказать тебе то, что именно я думаю о тебе, — чтобы причинить тебе боль как возмездие, но я вижу, что карма работает быстро и кто-то избил тебя.

Его челюсть двигалась, но он не ответил.

Ладно, казалось, что он хотел поиграть.

— Хочешь, чтобы я догадалась, как ты был избит и получил эти синяки? Ты хочешь знать правду обо мне... ну, я хочу знать правду о тебе. Если бы у меня было больше рассудка, я бы никогда не вернулась к тебе, но, к счастью для тебя, я забочусь не только о себе, и делаю это для них. Я заработаю денег для их будущего.

— Ну, это просто заставляет тебя чувствовать себя чертовски самоотверженной, не так ли? — Фокс зарычал. — Я не хочу ничего слышать о твоих сомнениях и сожалениях по поводу возвращения ко мне.

Я закатила глаза, мой нрав разгорался.

— Ты думаешь, я охотно вернулась к плохому обращению? Не обманывай себя. Ты почти изнасиловал меня, и что я должна чувствовать? Я скажу тебе, что чувствую: страсть к деньгам, которые ты обещал. Я совершила ошибку, думая, что могу наслаждаться временем с тобой. Я не была психически готова к тому, что ты возьмешь меня, потому что надеялась, что получу удовольствие, но благодаря тебе я выучила еще один урок и не совершу одну и ту же ошибку дважды. — Разведя руки, я сердито сказала: — Я здесь. Я здесь для твоего удовольствия, и кроме денег не жду ничего взамен. Полагаю, что я на самом деле шлюха.

Его глаза вспыхнули.

— Ты не чертова шлюха. Я понял это — ты хочешь причинить мне боль, сказав, что ты больше не хочешь меня в любой роли, кроме того, чтобы платить тебе. Поздравляю, я абсолютно тебя понял.

— Хорошо.

— Отлично! — его лицо скривилось, синяк и покраснение на его щеке выделяли его шрам. — По крайней мере, так мы точно знаем, где мы находимся.

Я кивнула.

— Определенно.

Глаза Фокса потеряли вспышки злости, внезапно наполнившись усталостью.

— Ты хочешь еще что-нибудь высказать мне, прежде чем я уйду? — он выглядел разбитым — меньше и уязвимее.

Мое сердце забилося сильнее, разбавляя мой гнев состраданием. Коснувшись пальцами верхней части спинки кровати, я спросила:

— Что с тобой случилось? Где ты был прошлой ночью?

Он нахмурился, покачав головой.

— Я нигде не был, и ничего не случилось. — Он немного вздрогнул, когда передвинулся на кровати. — Оскар сказал, что отпустил тебя прошлой ночью, но он отказался назвать мне твой адрес.

Облегчение потекло по моей крови. Я совершенно не хотела, чтобы Фокс знал, где я живу — пока Клара была там.

— И он побил тебя за то, что ты спросил?

Фокс рассмеялся, держась за бок.

— Если бы. — Он сощурил глаза. — Я нашел кое-кого другого.

Мой рот открылся.

— Ты просил кого-то сделать это с тобой?

Его губы скривились, но он отказался отвечать. Его глаза опустились на ожерелье, которое он надел на меня прошлой ночью. Серебро исчезало, опускаясь к моей ключице, щекоча мой живот, когда я дышала.

Я втянула воздух, когда его глаза засверкали. Игнорируя пожар в моем животе, я указала на его разбитую губу.

— Ты искал боль?

Его глаза вспыхнули, и он вздрогнул.

— Заткнись.

Мое сердце ухнуло с глухим стуком, так как я поняла, что была на правильном пути.

— Я не заткнусь, пока не узнаю правду. — Подойдя ближе к кровати, я добавила: — У тебя кровотечение. Если ты не просил этого, тогда что случилось? На тебя кто-то напал?

Он тяжело вздохнул.

— Что-то типо того. — Его взгляд сфокусировался на мне. — Ты забыла нашу сделку. Это ты согласилась отвечать на мои вопросы, не наоборот. — Он вздрогнул, когда волна боли прошла через его тело. — В любом случае это не имеет значение. Ты ушла. Наше соглашение утратило силу. Уходи. Я не хочу, чтобы ты была здесь.

Я нахмурилась.

— Я ушла, потому что ты обидел меня. Ты обещал, что не сделаешь этого. Это не я нарушила правила — это был ты.

Он зарычал.

— Я получил то, что хотел. Я трахнул тебя и не должен платить. Ты была той, кто вышла за дверь и ушла — ты решила, что я не стою двухсот тысяч долларов, чтобы продержаться несколько недель. — Его рука сжалась в кулак на боку. — Ты не понимаешь это? Я получил то, что хотел. Я трахнул тебя, и теперь я покончил с этим, поэтому сделай мне одолжение и уйди. Я не хочу, чтобы ты была здесь. — Он произносил каждое слово отдельно, наполняя их враждебностью.

Мое взбешенное настроение успокоилось. Я должна быть обиженной, раздраженной или обманутой, но вместо этого я чувствую грусть. Грусть за него. Грусть за его ложь.

Чем больше я смотрела, тем больше видела, и тем больше мое сердце угасало из-за него. Он был как бешеная собака, которая рычала с пеной у рта, угрожала укусить мою руку, если подойду ближе, но в его диких глазах таилась мольба. Будто он говорил: «Не отказывайся от меня, даже если я кусаюсь».

Сощурив глаза, я сердито сказала:

— Ты грубый, но это не работает.

— Что, черт побери, не работает?

Я двинулась от своего места у подножия кровати и подошла к нему ближе. Он напрягся, сердито следя за каждым моим шагом. Я остановилась сбоку кровати, на расстоянии касания. Его тело не расслабилось. Наоборот, его мышцы выступили еще сильнее.

— Ты отталкиваешь меня, потому что ты трус. Ты не хочешь, чтобы я уходила, так как я единственный достаточно сильный человек, чтобы мириться с твоей херней.

Его лицо стало совершенно белым. Его глаза вспыхнули гневом.

— Что ты только что сказал мне?

— Ты трус. Ты прячешься за жестокостью. Ты наказываешь. Ты прибегаешь к тому, что случилось с тобой, но на самом деле ты потерянный и одинокий, и ты тонешь. — В моей голове появилось столько всего, чего я хотела сказать. — Что-то разрушено внутри тебя. Ты ищешь

выход, но не можешь найти. Вот почему ты окружил себя бойцами. Это мир, который ты знаешь. Единственный мир, в котором ты можешь дышать.

Его зубы сжались вместе, а тело дрожало.

— Убирайся. Убирайся!

Игнорируя его, я бросила:

— Я думаю, что ты подкупил меня остаться, потому что я единственный человек, у кого есть хоть какие-то чувства и связь с тобой. Я думаю, что химия и влечение совершенно в новинку для тебя и вместо того, чтобы пригласить меня на свидание, ты украл мой нож и похитил меня. Я не знаю, что происходит в твоём мозгу, но я начинаю понимать.

Он резко вдохнул, его мышцы дрогнули от злости.

— Ты думаешь, что знаешь меня? Ты думаешь, что можешь махнуть чертовой волшебной палочкой и исправить меня? — он двинулся, чтобы подняться с кровати, и я отступила. Его ноги коснулись пола, но он не встал, как будто пытался заставить себя сидеть, чтобы держаться подальше от меня. — Трахнуть тебя — было ошибкой. Позволить тебе быть рядом со мной — было ошибкой. Ты сумасшедшая со своими глупыми выводами. Я не проект-игрушка для девочки-скаута, чтобы исправить его. Убирайся, нахрен, и перестань надоедать мне.

— Я надоедаю тебе? О боже мой, ты полностью ошибаешься. Если бы я надоела тебе, тебе было бы плевать, что я думаю. Нет, я тебе не надоела, потому что ты знаешь, что я права. Чего ты хочешь от меня? Чего ты надеешься достичь? — со своего места в центре ковра я сжала руки.

— Ты думал завоевать мою привязанность, изнасиловав меня? Или как насчет, заставить меня потерять сознание из-за того, что ты не способен выдержать, что тебя касаются? Я хотела тебя, я была честна в этом с самого начала, но то, чего я не хотела — это мужчину, который настолько далек от здравомыслия, что я не могу понять или предугадать. Если бы ты дал мне деньги сейчас, я бы ушла и никогда о тебе вновь не подумала.

Мое горло сжалось от всей этой лжи.

Фокс вцепился в край матраса.

— Не давай мне удержать тебя, *dobucha*. Поздравляю ты, нахрен, ранила меня больше, чем все травмы, от которых я страдаю. Ты только что доказала, какая ты пустышка. Ты никогда по-настоящему не хотела меня, если бы это было так, ты бы хотела большего, чем то, что может дать тебе мой банковский счет.

Все мое тело зудело от злости.

— Я пустышка? Как насчет тебя? Ты думаешь, что ты ограниченный; ты придумал пугающего человека со шрамом, который владеет нелегальным бойцовским клубом, но это неправда. Хочешь услышать мою версию правды, и затем ты сможешь увидеть достаточно ли я пустая, чтобы тебе было плевать? — я не ждала его ответа. — Тебя нельзя касаться. Я бы никогда не догадалась почему, но это заставило меня задаться вопросом: почему ты купил меня для секса, если ты никогда не раздеваешься и, кажется, ненавидишь саму мысль быть рядом с кем-либо? Ты носишь одежду, будто она защищает тебя от чего-то. Ты делаешь скульптуры и работаешь с металлом, потому что контролируешь судьбу тех вещей, что создаешь. Ты сломленный и растерянный и...

— Заткнись! Убирайся к черту. — Я отпрыгнула, когда Фокс выпрямился. Он прорычал: — Хватит. Просто оставь меня в покое.

Мои уши звенели от его ярости, мое сердце так глухо ударялось о ребра, но в первый раз я почувствовала, что лед тронулся. В этот момент он не был мистером Обсидианом, он просто был мужчиной с первобытным характером. Человек на грани потери контроля.

— Нет, ты выслушаешь меня.

«Я разрушу тебя».

Он громко скрежетал зубами, посылая дрожь по моей спине. Тяжело сглотнув, я потребовала:

— Ты целовал кого-нибудь прежде? До меня?

Его глаза метали кинжалы, прокалывая мою кожу своей ненавистью.

— Какое это имеет значение? Тебя когда-нибудь избивали, что все кости в твоём теле были сломаны? Ты когда-нибудь проживала дни без еды или на твоих руках было так много крови, что ты хотела убить сама себя? — его грудь вздымалась под его свитером.

Мы замерли.

Его ноздри раздувались. Он не имел в виду что-то надуманное — он сказал, что-то настоящее — огромная информация о его прошлом.

— Нет, но ты да. — Я не могла справиться с этим. Это больно, думать о прошлом Фокса, о том, что он продолжал скрывать. Он почти убил меня. Он взял меня против моей воли. Я должна ненавидеть его, а не жалеть.

Но как я могла бояться кого-то с такой эмоциональной болью?

Шрам на его щеке сверкал ярко-красным, выглядя так, будто из него сочилась свежая кровь. Линия его челюсти покраснела, подчеркивая побелевшие шрамы, которые я не замечала прежде. Казалось, что он дрожит, превращаясь из зомби, безжизненного существа в мужчину, желающего свободу.

— Я знаю, что ты не из Австралии, и знаю, что ты боишься наказания. Расскажи мне.

Он покачал головой, его влажные волосы развевались. Он оскалил зубы.

— Дай мне разобраться. Ты думаешь, что знаешь меня? Думаешь, что можешь читать меня и разобраться, что живет внутри моей головы? Ты думаешь, что у тебя есть суперсила? — он вскинул руки вверх. — Что еще, ты думаешь, происходило со мной, *dobucha*? Головорез-убийца? Наркодиллер? Как насчет насильника? — прикоснувшись кончиками пальцев к покрасневшему шраму, он рассмеялся. — погоди, полагаю, после прошлой ночи я — насильник. Все, что ты думаешь, знаешь обо мне — испорчено. Этот шрам заставляет тебя жалеть меня и бояться. — Его плечи напряглись, когда он сделал шаг вперед. — Ты думаешь, что можешь догадаться, как я получил его? Что я сделал? Перестань придумывать свою ложь и сфабрикованные истории. Ты так далека в своем королевстве фантазий, ты сбиваешь себя с толку. Сделай нам обоим одолжение и проваливай.

Он закрыл рот. Нас разделял метр, который держал меня в безопасности от его бурлящего

гнева.

Он не сдвинулся, чтобы схватить меня или причинить боль. Он не спустился за охраной. Все это время, пока он ненавидел меня за то, что я кинула ему правду в лицо, он защищал меня, держась подальше.

Усталость ударила по мне, и я тяжело вздохнула.

— Ты не доверяешь себе со всем, что ты делаешь?

Он моргнул на мой шепот, такой тихий после крика.

Мои глаза встретили его, и я подарила ему крошечную улыбку.

— Любой нормальный человек будет касаться, сжимать и избивать друг друга в напряженном споре, но не ты — ты сохраняешь дистанцию. Ты не доверяешь не мне, а себе.

Он не сказал ни слова, дрожа от своей ужасной ярости. Несмотря на то, что его шея покраснела, и гнев сверкал в его глазах, он удерживал свой неукоснительный самоконтроль. Что случится, если я прикоснусь к нему? Что он сделает, если я разведу руки и обниму его?

«Ты умрешь».

Я знала это. Я была в этом уверена так же, как и в том, что солнце сядет и взойдет снова.

Между нами была тишина, и мои глаза опустились на его руки. Джемпер задрался, показывая жилистые мышцы и шрамы.

Шрамы. Шрамы. Шрамы.

Больше, чем я могла сосчитать. Некоторые уже исчезающие и серебристые, другие красные и заживающие. Но было четыре ярко-красные прямые и идеальные линии, которые привлекли мое внимание.

Я видела такие отметки прежде. На другом человеке. Я была непосредственным свидетелем сломленного разума человека, который искал боль, чтобы избавиться от возрастающей муки внутри себя.

Клу сама наносила себе повреждения.

Через некоторое время я помогла ей остановиться, но никогда не забуду, как вошла в кухню одной ночью и увидела, как она режет кожу острым ножом. Я вздрогнула от ужаса, но она вздохнула с облегчением.

Я не осудила. Я не сказала ни слова, но с помощью дружбы и поддержки я помогла ей направить ее боль в физические упражнения, и меньше в деструктивные методы.

— Ты наносишь себе повреждения, потому что ты не можешь справиться с тем, что живет внутри тебя, что бы это ни было, — пробормотала я.

Он с трудом сглотнул. Прошла напряженная секунда, прежде чем он сделал небольшой шагок в мою сторону. Его суставы щелкали от насилия, что происходило в прошлом и от недавних событий:

— Уходи сейчас, прежде чем я сделаю что-то, о чем буду сожалеть. — Его глаза вспыхнули, когда он сделал еще один шаг ко мне.

Я отступила, сохраняя расстояние. Моя злость вернулась: быстрая и горячая. Отмахнувшись от него, принимая во внимание его ярость, я прорычала:

— Ты думаешь, что можешь напугать меня? Ты ошибаешься. Я имела дело с людьми похуже, чем ты. Ты дурачишь себя своей драматичностью.

Фокс превратился в бомбу и взорвался.

— Убирайся на хер отсюда! Сейчас!

— Нет!

— Уходи!

— Нет, пока ты не выслушаешь меня.

— Нечего слушать! — он схватился за голову, потянув волосы. — Уходи сейчас. Уходи! Черт побери, иди!

Инстинкт самосохранения во мне хотел подчиниться, но я оттолкнула его.

— Я понимаю тебя больше, чем ты думаешь.

Он маниакально рассмеялся.

— Ты? Мисс идеальность? Женщина, у которой есть все? Не заставляй меня доказывать, смехотворность этой ситуации. Ты чертов хамелеон со своей ложью и секретами.

Наклонив голову, он уставился сильнее, глубже в меня, чем кто-либо прежде. Мне не нравилось, какой слабой и неуверенной он меня делал. Мне не нравилось, что мой дом лжи мог рухнуть в любой момент. Мне не нравилось быть образцом под пристальным вниманием.

— Ты думаешь, я не вижу тебя? У тебя есть прошлое, как и у всех, но оно темнее. Ты делала то, что другие не поймут, но это не значит, что ты знаешь меня. Я не доверяю тебе, Хейзел Хантер. — Двигаясь вперед, он указал на дверь позади меня. — Я не буду просить снова. Последнее предупреждение. Убирайся, нахрен, и оставь меня в покое.

Я была настойчива, но не смогла победить. Я сделала все возможное. Отступив, я сощурила глаза.

— Ты хочешь, чтобы я ушла, ладно. Но ты в долгу передо мной. Ты в долгу передо мной за ту связь, что возникла между нами прошлой ночью. Ты чувствовал ее, так же как и я. Ты заставил меня согласиться с твоими условиями, когда не смог проигнорировать вызов. Что, если связь — это тот единственный способ, чтобы помочь тебе? Что, если я тот человек, которого ты ищешь?

Я не хотела говорить это. Это было слишком самоуверенно. Это было похоже на высокомерную добродетель. Я не знала, чувствовал ли он то же самое влечение. Ту же самую тягу.

Он попятился и сжал кулаки так сильно, что его костяшки побелили.

— Кем, черт побери, ты себя возомнила? Ты ничего не знаешь. Ничего! Мне не нужна твоя

помощь. Мне не нужно твое исцеление! — его голос изменился от упорствующего гнева до легкого замешательства. Он подчеркнул слово «исцеление», и его австралийский акцент перешел на что-то гортанное, иностранное. Это подходило ему больше, чем фальшивость его австралийского говора.

Я видела правду. Ясную, как день. Все что я говорила, было настоящим. Все, что он пытался спрятать — выходило на свет.

— Я не единственная, кто лжет. Ты тоже. — Я наклонила голову, рассматривая его ближе. Как будто ответ пришел ко мне из ниоткуда. Я видела его через все тени и секреты, поймав небольшие фрагменты правды. — Я думаю, что ты прячешься от чего-то и каждый день живешь в страхе.

Фокс рассвирепел, закипел и ошетинился.

Вся заботливость, глупые инстинкты увеличились, надеясь, что он треснет и позволит своим стенам упасть. Этому мужчине не нужна женщина, чтобы согреть его постель. Ему нужен психиатр. Я не хотела быть рядом ни с кем настолько проблемным, но я уже не могла уйти.

— Ты должен позволить мне помочь тебе.

Страх душил меня, когда, казалось, он стал больше, приняв ледяную наружность, что не давала ни единого намека на раскаяние или человечность.

Я замерла, уставившись в его свирепый взгляд. Проблема была в том, что в этот раз я не могла читать его. Он закрылся, и все что я видела — холодный мужчина с порочными наклонностями, усиливающимися грешным шрамом.

Он вздрогнул, когда все его тело застыло без движения. Мышцы напряглись под его одеждой, его аура излучала агрессию и сопротивление.

— Я ничего тебе не должен.

Мое сердце ускорилося. Правда кричала громко и ясно. Так или иначе, он заработал этот шрам благодаря долгу за грехи прошлого. Он не был свободным мужчиной. Он принадлежал кому-то, кто держал его на коротком поводке или издевался над ним так сильно, что ему потребовалось очень много сил, чтобы освободиться.

Тяжело дыша, я опустила глаза на его трясущееся тело. Я хотела понять темные повреждения, скрытые в его глазах.

Боже мой. Что с ним случилось?

Мой взгляд установился на нем, как будто я была стрелкой компаса, а он моим севером. Со мной никогда такого не происходило. Никогда не была так настроена к другому. Возможно, мы были родственными душами, соединенными в прошлом, в мире полного согласия. Это судьба.

Слишком много. Слишком интенсивно. Слишком опасно.

Я должна защитить и спасти Клару, я не должна оставаться с кем-то настолько сломленным. Это было время, чтобы отделиться от него и забыть — не только из-за моего здравомыслия, но также и из-за моего будущего. Я ненавидела, что в первый раз в жизни, я чувствовала себя слабой. Слабой, потому что не имело значения, как сильно я хотела помочь ему, я не в

состоянии сделать это. Он был потерянным для спасения.

Тяжело выдохнув, я отпустила ситуацию. Я заставила все свои вопросы и любопытство уйти из моей головы. Моя жизнь уже была достаточно завершённой. Мне не нужно было размышлять о том, чтобы принять сбившегося парня, который, несомненно, оставит меня разбитой на кусочки.

— Забудь об этом, — понизив голос до шепота, я сказала: — Я уйду. Но ты должен знать, что я вернулась, чтобы высказать тебе всё, что я думаю, но также, чтобы продолжить наше соглашение. Я отказываюсь оставаться с тобой на месяц, но я охотно проведу свои дни с тобой. Чтобы дать тебе то, что ты хочешь. Несмотря на то, что я сказала — я хотела тебя. Я почувствовала ту же самую тягу.

Его спина напряглась. Казалось, воздух вокруг него трескается и плачет со смесью сожаления и отвращения к себе. На мгновение я подумала, что он задушит меня. Вытянет руку и схватит меня за горло своей большой рукой и выбьет воздух из моего тела. Но затем его злость уменьшилась, исчезнув и заменившись холодностью.

— Мне плевать. Я не хочу видеть тебя снова.

К черту его. Я покончила с ним.

Развернувшись, я последовала к двери. Моя злость обрушилась на меня волной. Я отдала ему свою страсть и предложила единственную надежду, и он бросил ее мне в лицо.

В тот момент, когда я вышла за дверь, я не хотела видеть его снова. Я буду не в состоянии выдержать это. Мне нужно убедиться, что прощание было окончательным.

— Держись от меня подальше, Фокс. Если я увижу, услышу или пойму, что ты рядом, я не просто причиню тебе боль. Я убью тебя!

Роан

В день, когда я завершил последнюю фазу обучения, случилось два события. Они вытатуировали мне отметку главного агента, и мне сообщили о моем наследстве. Несколько лет я жил в клетке внутри огромного дома, мне говорили, что есть, говорили, кого убить и когда говорить. Я носил ту же самую черную одежду, как и все новобранцы. Я следовал закону.

Они рассказали мне кем я был до того, как меня украли на мой шестой день рождения.

Я не был нищим или бродягой с улицы как другие дети. Моя семья была не среднего класса.

Ох, нет.

Оказалось, что я был двадцать четвертым в очереди на престол. Мои предки были королями и королевами, моя семья религиозная и уважаемая.

Они рассказали мне, что я унаследовал мультимиллионное состояние собственности, украшений и денег.

Мое настоящее имя Роан Аверин, но ничего из этого не имело значения.

Не имело значения, что я был королевским наследником в династии, которой больше не существовало, потому что я убил каждого человека из моей родословной. Никто не знал, что я

жив. Никто не знал, что я существую.

Не осталось никого.

Только я.

И я принадлежал им.

— Я убью тебя.

— Сделай это, или я убью тебя.

— Подчинись, или я убью тебя.

— Зарежь их, или я убью тебя.

— Убей и разорви, и обезглавь их, или я убью тебя.

Угроза откликнулась в моей голове снова и снова, и снова.

Прощальный комментарий Зел пробрался в мое прошлое.

— Я убью тебя.

Та крупца контроля, что у меня была, начала ускользать, швыряя меня с головой прямо в темноту. Мой мозг нырнул в воспоминания моих безликих кураторов. Все что я видел было — водопады красного и лезвия, рассекающие плоть.

Этот натиск засасывал меня глубже, пока я не забыл, что больше не жил этой жизнью. Я принадлежал им. Я — никто, без чувств, надежд, желаний. Пустое место.

Я был в состоянии контролировать себя во время спора с Зел благодаря боли в своих суставах. То, как Пойсон Оакс избил меня, давало мне возможность держаться в здравом уме — немного. Я сохранял дистанцию, ненавидя ее понимание. Она правильно обо всем догадывалась, спасая себя от меня.

Из-за ее страстности мой член стал твердым как гребаный кол. Моя кровь бурлила, я хотел взять ее снова, чтобы сдержать обещание — поклясться, что могу быть лучше. Чтобы пообещать, что в следующий раз, когда возьму ее, я буду сильным достаточно и буду касаться ее нежно. Но боли было недостаточно и каждый удар ее голоса, заставлял меня дрожать, борясь со своим прошлым.

Я кричал и проклинал Зел для ее же безопасности. Я хотел, чтобы она ушла навсегда, чтобы я не беспокоился о том, что причиню ей вред.

Но затем она использовала одну фразу, обеспечивающую то, чтобы отбросить меня в прошлое.

— Я убью тебя.

Я застонал, когда комната закружилась как черный ураган, перенося меня от безопасности к ужасу. Живость в моей крови перешла от желания защитить Зел к желанию убить ее, и я больше не мог игнорировать призыв. Испытание было слишком сильным, слишком укоренившимся в сознании, слишком глубоким, чтобы отклонить.

Я жил в полном согласии с правилами в моей голове, которые я выработал, чтобы выжить, но они досаждали мне, пульсируя ужасной головной болью. Она была слабостью. Она была врагом. Она знала слишком много.

Она должна умереть.

Моя челюсть болела оттого, что я сжимал ее так сильно, и я взвыл как волк, который составлял мне компанию все эти одинокие ночи. Я собирался убить единственного человека, у которого мог быть шанс спасти меня.

И я не мог остановить это.

Ледяной холод послушно тек в моих венах.

Я бросился на женщину, намеревающуюся разрушить меня — намеревающуюся вырвать мое прошлое и секреты из моего сломленного тела. Она посмела сказать, что сможет исцелить меня. Не осталось ничего, чтобы исцелять. Я был хорошо подготовленным Призраком. Она должна уйти.

Скоро она не сможет угрожать. Скоря она умрет.

Она закричала, когда я схватил ее в дверях и толкнул лицом в ковер.

Мои колени обрушились на ковер по обе стороны от ее тела, мои руки обернулись вокруг ее горла. Незащищенные мышцы ее шеи были афродизиакром для моей необходимости подчиняться. Мне нужно было убивать.

Я упивался властью своих пальцев, когда погружался глубже и глубже в ее плоть. Боль в моем теле от борьбы исчезла, заблокировалась, как я и был обучен — чтобы позволить мне полностью сфокусироваться на миссии рук.

— Фокс! Хватит! — ее голос дрогнул и колебался, прежде чем я сжал сильнее, отрезав ее подачу воздуха. Она испустила жалкий грудной вопль, когда билась подо мной.

Ее руки взлетели вверх, пальцы отчаянно царапали мои предплечья. Ее ногти были в крови, оставляя красные дорожки, теряя силу. Медное зловоние крови наполнило мой нос.

Ее руки били по моим бедрам, локтям, размахивая, ударяя туда, где дотянутся. Ее тело билось в конвульсиях, когда ужас смерти ударил по ее центральной нервной системе.

Ее пальцы сомкнулись вокруг моих, ее прикосновения делали только хуже.

Туман заколок мое видение, превращая все в белую метель. Я больше не знал, кем я был. Все что я знал — я должен убить ее, прежде чем мой куратор обнаружит. Он накажет меня, если узнает, что кто-то разгадал мои секреты. Он найдет больше жертв для меня, чтобы искалечить.

Она была ответственностью. Она наносила ущерб моей миссии.

— Ты всегда был верным, Фокс.

Мое сердце забилося сильнее от гордости. Мой тренер, мой наставник — мой отец во всех намерениях и целях — улыбнулся, но не похлопал меня по спине или пожал мою руку, излишние касания не были позволены.

— Я думаю, ты готов.

Мое сердце билось по другой причине. Я не был готов. Никогда не был.

Встав во весь свой рост, насколько мое пятнадцатилетнее телосложение позволяло мне, я сказал:

— Да, сэр. Конечно, сэр.

Его глаза засверкали, зная, что я, наконец, согласился сделать.

Я желал, чтобы я мог убить самого себя. После этого, не останется никого.

Я только что согласился убить своего брата.

Финальный шаг, чтобы завершить трансформацию из человека в Призрака.

Зел внезапно перестала царапать мои руки и извиваться своим телом. Она выбросила левую ногу вверх, ударяя настолько высоко, насколько это возможно по правой стороне туловища. Ее рука в этот момент потянулась к спутанным волосам.

Я сжал сильнее.

Она расходовала последние остатки кислорода в своих легких, ее пальцы покинули ее волосы, что-то сжимая.

Густое биение крови в ее жилах затруднялось двигаться, придвигаясь ближе к остановке сердца. Мои глаза болели, желая, чтобы я не был таким трусом. Я просто хотел быть свободным. Я не хотел убивать эту женщину. Она нравилась мне. Я заботился о ней. Я хотел удержать ее.

Но, как и все, что я хотел удержать, мне было не позволено. Они все должны умереть. Все до единого.

Я заорал, когда что-то острое впилося в мою кожу, а затем было выдернуто. Еще один горячий, обжигающий удар присоединился к агонии, когда Зел воткнула оружие мне в бедро.

Призрак продолжает свою работу через боль — ничего не мешает нашей цели, но вспышка боли внесла ясность.

Что, черт побери, я делаю?

Я подскочил с Зел и бросился назад. Дальше. Дальше. Дальше от расстояния досягаемости. Дальше от убийственного расстояния.

Белый туман с моих глаз испарился, помогая мне сфокусироваться на настоящем, а не на прошлом.

Я не там. Они не узнают, что я не убил ее. Я больше не принадлежу им.

Внезапное цунами облегчения обрушилось на мои легкие. Моя голова упала вперед, когда я позволил моим рукам опуститься по бокам. Она была в безопасности. Испытание ушло, превратившись в ничего в моей крови.

Мне было плевать на ярко-красную кровь, которая хлестала из двух ран на моей ноге. Мне было плевать на черно-белое пятно, собирающееся под моими ранами. Все о чем я заботился — окончание моей несчастной жизни.

Я не заслуживал жить. Не после зверств, которые я совершил или недостатка силы, который я игнорировал всю жизнь во время обучения. Я был разрушен, и не было никакого способа, что я могу измениться.

Зел все верно догадалась обо мне, но она также показала, каким потерянным я был. Не было никакой возможности покончить с моими страданиями, и это не могла сделать задыхающаяся женщина с дикими глазами, сгорбившаяся передо мной.

Зел скорчилась полусидя, одна ее рука потирала горло. Ее руки были синевато-бледными от недостатка кислорода, она смотрела на меня со слезами, сверкающими в ее глазах.

— Не прикасайся ко мне, придурок!

Мои глаза опустились на ее окровавленную вытянутую руку, испачканную кровью оттого, что она наносила мне удары. Она размахивала своим тонким лезвием в мою сторону.

— Это второй раз, когда ты пытаешься убить меня. Я прикончу тебя, если ты попытаешься в третий раз. — Ее голос не был мягким или мелодичным, он охрип и осип от удушья.

— *Сделай это, агент.*

— *Закончи это.*

Мои руки сжались от команды, которая прошла через меня. Я покачал головой, пытаюсь очистить сознание. Потребность убивать пульсировала вне моей досягаемости, заставляя меня желать, чтобы я мог вылезти из кожи и найти выключатель, чтобы отключить ее.

Я нуждался в серьезной гребаной помощи. Она никогда не простит меня. Я никогда не прощу себя.

Я заслуживал вечность в чистилище.

Зел встала на колени, держа нож двумя руками, сжатыми в кулаки

— Кто, черт побери, ты?

Я опустил глаза, беспристрастно смотря на рану в моей ноге. Казалось, красное скрутилось и приняло спиралевидную форму. Я стал зачарованно смотреть на капли, стекающие на ковер большим пятном. Кто я? Я не знаю. Я не знал, кем был до того, как они сломили меня.

Я умышленно ткнул пальцем в сочащуюся рану. Я вздрогнул, прошипев сквозь зубы. Рана не была большой, только сантиметр в длину, но она была глубокой.

Меня резали, избивали и мучили больше раз, чем я мог вспомнить, но Зел была первой женщиной — единственной женщиной, — которая когда-либо нанесла мне вред.

Мои глаза расширились от мысли. Каждая рана была нанесена мужчиной. Либо полученная от бойцов, либо возмездие от моих кураторов.

Моя злость на Зел преобразовалась в глубокое уважение. Что-то распустилось внутри меня, открыло давно забытые потребности. Я хотел товарища, друга — кого-то на, кого я мог рассчитывать, кто не даст мне выйти из-под контроля.

Как будто солнце вступило в каждый укромный уголок моего мозга, отгоняя тьму и презренное прошлое, оставляя меня видеть ясность в первый раз в моей жизни. Хейзел была достаточно сильной, достаточно храброй, достаточно глупой, чтобы оставаться со мной. Я внезапно мог легче дышать, и ненависть к себе понемногу отступала — оставив меня в подвешенном состоянии, испытывающим трепет от надежды.

Я впитывал ее: ее огонь, нрав, восхитительную силу. Она была энергичной и быстрой, и умной. Она помешала Призраку убить ее. Никто не был в состоянии остановить меня в середине миссии.

Я открыл рот, чтобы что-нибудь сказать, что угодно, но что я мог сказать? Как я мог выразить словами озарение, которое Зел подарила мне, нанеся рану моей ноге. Она вбила больше смысла в меня одним действием, чем тем, что она кричала в страсти. Она, возможно, никогда не простит меня, но я попал под ее чары, и не было никакого гребаного шанса, что я позволю ей уйти.

Паника промчалась в моих венах с побуждением связать ее и никогда не отпускать от себя.

— Что с тобой не так, Фокс? — Зел вырвала меня из моих мыслей. Она стояла храбрая, слегка восстановившись. Ее губы были приоткрыты, глаза дикие, и пуговицы на ее рубашке были разорваны, выставляя покрытую кружевом грудь.

Я не мог оторвать своих глаз.

— Все не так, — пробормотал я. Мое сердце билось от похоти, так отличаясь от сумасшедшего призыва взять ее прошлой ночью. Это было по-другому. Это было пронизано чем-то более глубоким, более сложным. Я хотел быть глубоко внутри нее. Я не хотел кончить быстро или искать стремительного высвобождения, а просто чувствовать ее тепло и отдых на некоторое время.

Отдых.

Сон.

Холодок проник в мои кости, и я смутно подумал о том, как много крови я потерял, которая оказалась на полу.

Возможно, будет лучше, если я просто уйду. Позволю смерти наконец забрать меня.

Это будет проще, чем постоянная борьба, даже если Зел дала мне надежду.

Шум привлек мое внимание, и я вытянул шею, чтобы посмотреть на Зел, которая стояла надо мной.

— Ты двигаешься, и я зарежу тебя. — Ее глаза сверкали, а нож был направлен на меня. — Стой там.

Невероятное желание сказать: «Да, сэ», с удивлением наполнило меня.

Ох, черт побери.

Заработав мое предельное уважение, она каким-то образом взобралась на вершину иерархии в моей голове.

Я закончил с этим. Я нашел то, что искал и создал замену для своих кураторов. Если я научусь подчиняться любой команде Зел, — чтобы найти ту сладкую капитуляцию, о которой я никогда не думал, всегда починаясь, — я могу обрести свободу.

Я буду принадлежать ее телу и гребаной душе. Она сможет приказывать мне что угодно, и я буду делать это несмотря ни на что.

Это не свобода.

Я хотел смеяться. Я хотел ругаться. Я не нашел свободу. Я просто поменял одну тюрьму на другую.

Все поплыло перед глазами, когда я закрыл глаза. Я облажался.

Звук закрывающейся двери дал мне что-то, чтобы зацепиться, но я позволил себе засыпать — приветствуя неопределенность, холодность, игнорируя сменяющиеся дрожь и головокружение.

Вздохнув, я позволил себе снова окунуться в воспоминания.

Звезды сверкали надо мной на бархатном черном небе. Небольшой шквал снежинок появлялся в моей яме, когда ветер приносил их с востока.

Обморожение было моим единственным другом, и я лежал на холодной земле с куском материи и грязи, которая хоть немного согревала меня.

Я дал обещание.

При первой возможности я убью себя. Это не было жизнью. Это было рабство. Я бы лучше умер, чем жил и делал дьявольскую работу.

Скрестив мои семнадцатилетние пальцы, я молился на луну.

— Я убью себя, чтобы избежать других заказов. Я усыплю себя как хищника, каким они обучают меня быть.

Мои глаза открылись. Я забыл это обещание. Оно пустило корни в глубинах моего разума, когда все больше и больше насилия творилось надо мной.

Но я мог сдержать это обещание сейчас. Я не должен искать кого-то, чтобы подчиниться, поэтому я мог вернуться в старую модель поведения. Я мог контролировать свою судьбу хотя бы раз.

Таблетка.

Я повернул голову в сторону, глядя на гардеробную. Это был риск находиться среди людей. Я был в тупике. Мне нужна была помощь. Подумать о том, что я мог измениться — была сказка. Я не был прекрасным рыцарем, что выиграл девушку — я был страшным троллем,

единственной целью которого было убивать.

Настало время, чтобы покончить с этим.

В день, когда мой куратор бросил меня, он дал мне прощальный подарок. Его последним приказом было проглотить таблетку и стереть себя из существования.

Но каждый день я погибал медленной смертью страданий.

В конце концов, Зел не была моим исцелением. Не существовало исцеления для моей болезни.

Перекатившись на локти, я привстал сквозь боль и спазмы. Избиение Пойсоном Оаксом сделало мои мышцы твердыми и неподвижными. Больше крови хлынуло к моей икре и бедру, которую мое сердце перекачивало, тратя все больше сил.

Давление на моей ноге было адским, но я шел нормально, заставляя мое тело передвигаться через боль. Бывало и хуже. Были дни, когда у меня было сломано бедро или ключица, и я должен был закончить миссию, прежде чем получал медицинскую помощь.

Два удара Зел не дали мне ничего.

Я оставил след крови за собой, когда вошел в гардеробную и расталкивал в стороны ряды черной одежды, чтобы дотянуться до безопасного тайника в задней части, втиснутого между вешалками, спрятанного кашемиром и хлопком. Я вбил четырнадцатизначный код и дверца открылась.

Моя старая жизнь приветствовала меня в порыве воспоминаний.

— Закончено. Чувствуешь ли ты братство, общую силу и понимание? — спросил мой куратор, рассматривая свою работу. Он подтолкнул меня к зеркалу. Я поднял его, поворачиваясь, чтобы увидеть через плечо.

Моя спина была преобразована из подростковой кожи в холст катастрофы. От каждого символа мое горло сжималось — они заклеили меня навсегда. Я никогда не буду свободным.

Скрыв свое отчаяние, я кивнул.

— Да, сэр. — Эти два маленьких слова. Единственный разговор, который нам позволен. На каждый ответ не требовалось ничего, кроме «Да, сэр».

— Ты хорошо сделал. У тебя заняло время, чтобы увидеть причину, но ты подчинился в конце концов. — Он похлопал меня по плечу, которое горело от боли, размазывая свежую кровь от татуировки. — Ты согласен?

Мои глаза смотрели на труп маленького мальчика в углу комнаты. Безжизненный, синий, начинающий источать запах. Чтобы сломаться у меня заняло недели, но они сделали это.

Я был их.

— Да, сэр.

Пистолет лежал как спящий враг, расположенный рядом с наличными в размере пятисот тысяч долларов и маленьким флаконом с одним словом на нем.

Konets. По-русски «конец».

Это был конец.

Открыв крышку, я вытряхнул невинную голубую таблетку на свою ладонь и уставился на нее. Каким будет ад? Выдержу ли я еще больше несчастий?

Я отверг свое право уйти на небеса на свой семнадцатый день рождения. Я знал, что у меня не было никакого шанса увидеть белый свет, о котором говорили люди.

Посмотрев на свою ногу, я нахмурился на мокрую влажность моих брюк. Кровь не останавливалась. Я мог истечь кровью до смерти.

Возьми таблетку.

Это будет быстро. Надеюсь не слишком больно.

Делая глотательные движения, я пытался получить достаточно слюны, чтобы проглотить без воды. Мой сухой рот отказывался осуществлять задуманное.

Я не мог сделать ничего правильно.

Вес всех поступков внезапно показался таким тяжелым, и я склонил голову к краю сейфа. Я отдохну секунду, затем найду стакан воды. Еще несколько минут, прежде чем я умру.

Я скользнул в состояние полутранса и не услышал шагов, пока не стало слишком поздно.

Мои реакции были снижены. Я больше ни о чем не заботился.

Что-то тяжелое ударило меня по затылку, и я упал как скала.

Я был без сознания, прежде чем упал на пол.

Я очнулся от резкого укола, когда кто-то накладывал швы на мою ногу. Я узнал знакомое мне натяжение, напряжение. Уже прошло два года, с тех пор как меня собирали по кусочкам, и я обнаружил в своей нездоровой склонности, что скучаю по этому ощущению.

В моей голове раздавалось каждое медленное биение моего сердца, и я не мог проглотить неприятный привкус во рту.

Может, в этот раз я буду собран воедино правильным образом.

Мой желудок скрутило. Таблетка! Я принял ее и это был ад? Это не объясняло отек на моей скуле или мягкий шум голосов. Кто-то вырубил меня, и я полагаю, они использовали маленькую статуэтку, которая стояла на столе в комнате.

Мои глаза открылись шире, и я сделал глубокий вдох. Зел склонилась к моей ноге, ее лоб нахмурен, губы сжаты от концентрации. Два пальца сжимают мою кожу вместе, пока она

просовывает иголку и хирургическую нить, чтобы сшить рану.

Мои руки сжались в кулаки, когда на меня рухнул поток насилия. Мое сердце забилося быстрее, когда Хейзел коснулось моего бедра. Я хотел закричать на нее, чтобы она убежала, но резкий укол боли от иглы помог мне вернуть самоконтроль. Стыд наполнил меня. Я был зависим. Они превратили меня в зависимого от боли.

Я сжал покрывало, задыхаясь от жара, дрожа от холода.

Ее глаза встретились с моими, яркий зеленый цвет наполнил мой мир.

— Я понятия не имею, что все еще делаю здесь. Но я не смогла выйти за дверь, когда увидела, что ты держишь эту таблетку. Я знаю, что ты хотел сделать. — Ее глаза переместились на врача, который сидел на другой стороне кровати. Лицо в маске, одетый в белое, но его глаза не переставали смотреть на нас. Она привела телохранителя? Или врач должен был накладывать мне швы?

Я моргнул, пытаюсь понять.

— В минуту, когда это закончилось, я ушла и никогда не хотела видеть тебя снова, — пробормотала Зел.

Мое сердце билось в три раза быстрее, но я кивнул. Это был единственный способ.

Зел вонзила иглу в мою кожу, сознательно наказывая меня.

— Он хотел обезболить эту область, пока я шью, но я подумала, что тебе понравится боль. — В ее глазах был безмолвный разговор.

«Я знаю о том, что ты самостоятельно причиняешь себе боль и поняла, что это то, чего бы ты хотел».

Я кивнул, сражаясь со своей головной болью.

— Спасибо, — я не мог сказать это громко, поэтому отправил сообщения тишиной. Я не хотел обидеть ее.

Бессловесного извинения было недостаточно. Она заслуживала искреннего извинения. Она заслуживала, чтобы я, черт побери, ползал на коленях, умоляя ее простить меня.

Каждая часть меня была в боевой готовности, когда я схватил ее покрытую кровью руку и сжал. Тяжело сглотнув, я пробормотал:

— Мне жаль. Для меня нет оправданий за то, что случилось, и я знаю, что у меня нет шансов, что ты простишь меня. Просто... — Я встретил ее тяжелый взгляд. — Мне нужно, чтобы ты знала, что ты помогла мне больше чем кто-либо, и я никогда не прощу себя за то, что обидел тебя. Я не имел это в виду.

Она убрала свою руку.

— Ты не мог обмануть меня. Взгляд твоих глаз, Фокс. Тебя не было там. Я думаю, что ты должен найти надлежащее лечение.

Я хотел все ей рассказать. Тогда и там. Мне было плевать на секретность, или что они сделаю

со мной, если узнают. Я просто должен был освободиться внутри себя.

Присутствовал свидетель.

Я посмотрел на врача. Его лицо в маске было смущенное, тело напряжено. Я не мог обсуждать, кем я был перед ним.

Зел поймала меня, уставившимся на него.

— Не беспокойся. Он не касался тебя.

Я нахмурился, стиснув зубы, когда она снова ткнула меня иглой.

— Почему ты накладываешь мне швы? у тебя есть медицинская подготовка?

На губах Зел появилась небольшая улыбка.

— Он не делает это, потому что я не хочу подвергать его опасности. Ты пытался убить кого-то, кого знаешь, что бы ты сделал с незнакомцем? — она приподняла бровь. — Я знаю основы первичных реанимационных действий и то, что я изучила, чтобы получить работу секретарем врача. Но я не делаю это вслепую. Прежде чем ты проснулся, он помогал мне. — Кивнув на врача, она добавила: — Он осмотрел твою рану, пока ты был в отключке и сказал, что ничего внутри не повреждено. — Ее губы скривились в горькой улыбке. — Я хорошая швея. Спроси Клу. Я могу отлично вязать крючком, и думаю, что эта работа не сильно отличается.

Мои глаза расширились, усиливая головную боль.

— Зашивать ногу абсолютно отличается от зашивания гребаной подушки.

Ее глаза сощурились.

— Ну, я думаю, что я делаю чертовски хорошую работу и, учитывая, что я боролась с желанием ударить тебя несколько раз этой маленькой иглой за то, что ты сделал, ты можешь, черт побери, сидеть здесь и дать мне закончить. — Огонь вспыхнул в ее глазах. — Если ты думаешь, что можешь остановить меня или будешь двигаться слишком быстро, этот любезный джентльмен очень быстро сделает тебе укол анестезии, так что ты будешь без сознания, и когда ты проснешься, я уйду навсегда.

Игла вонзилась в меня сильнее, с намеренной грубостью.

— Понимаешь?

Вместо того чтобы сжаться от ее тирады, мой чертов член стал тверже. Мое сердце забилося от бешеной похоти, и все, о чем я мог думать — это поцеловать ее. Я так чертовски сильно хотел быть нормальным, чтобы я мог обнимать ее и целовать, и благодарить вселенную, что подарила мне ангела.

— Так долго, как ты будешь причинять боль — я буду сдерживаться. — Признание заставило Зел поднять голову. Я понизил голос, бросив взгляд полный раздражения на врача. — Я хочу, чтобы ты знала. Все обо мне. Может, тогда ты сможешь понять меня. Я хочу тебя, Зел. Мысль о том, что ты уйдешь, чертовски убивает меня.

Ее рука дрожала — единственный признак эмоций. Ее глаза оторвались от меня, и она снова начала зашивать.

Мы не заговаривали снова, пока она заканчивала накладывать швы. Ее прикосновения были легкими и осторожными, но каждый укол иглы давал мне то, чего я желал. Как-то, она создала новое ощущение. Смесь боли и сладости, заставляя меня погрузиться в ее гипноз, давая мне силу игнорировать ситуацию хотя бы на мгновение.

Я впал в транс. Когда я в следующий раз открыл глаза, врач ушел, а Зел накладывала белую повязку на рану. Вот когда я заметил, что она отрезала штанину на моих брюках.

Ее глаза встретились с моими, прежде чем она осторожно, неуверенно коснулась огромного шрама на моей берцовой кости, где они переломали полностью кость, а затем вправили обратно после миссии.

Я глубоко вдохнул, сжав кулаки. Без боли вся ситуация эхом раздавалась в моей голове.

— Ты занимался сноубордингом, когда был ребенком? Или, возможно, упал с мопеда, когда был подростком? — ее голос оставался низким, никакой злости или жара как прежде.

Она хотела знать.

Радость осветила мое сердце. Она не уйдет, пока я не объясню. Я отвечу на любой гребаный вопрос, если это поможет ей простить меня.

Сейчас эмоции между нами были ясными, как будто борьба очистила воздух до максимальной честности.

— Нет, — мой собственный голос шокировал меня. Я никогда ни с кем не говорил о моем прошлом. Никогда. Холодный озноб промчался по моей спине.

Она не простит тебя. Она возненавидит тебя еще больше, когда узнает правду.

— Я жду, Фокс. Скажи мне, кто ты.

Она смотрела на меня с ужасом и отвращением. Она чувствовала своим долгом добиться от меня ответа. Я заперт в другой клетке и стою перед судом за то, что сделал. Подавляющий страх заставил мое сердце расколоться.

— Нет. — Я не мог сделать это, в конце концов.

Ее лицо потемнело, а глаза опустились. Она сосредоточилась на пальце, который прослеживал мою коленную чашечку. Маленький шрам в форме икса украшал сустав там, где они прикрепляли устройство пыток, так что я не мог согнуть колено, когда шел. Они сказали, что я должен научиться бегать и ходить в любых условиях, включая, быть полностью искалеченным.

— Ты упал с лошади, или, возможно, поранился в автомобильной аварии? — ее голос превратился в шепот. Больше с угрозой, чем с успокоением. Все ее тело гудело от напряжения — едва сдерживаемым гневом.

— Нет.

Ее прикосновения поднялись выше, до моего бедра, касаясь через волосяной покров, прослеживая каждую рану. Мой желудок сжимался от каждого миллиметра, которого она касалась. Замешательство душило мой мозг. Мои условные рефлекссы росли с каждым прикосновением, но я сжал покрывало, возобновляя боль в моих побитых костяшках пальцев.

Я хотел, чтобы она остановилась. Мое тело хотело убить ее, это то, что оно было обучено делать, если ко мне прикасались. Но на этот раз мой мозг хотел большего. Я хотел мягкости, нежного прикосновения.

Я хотел больше сладкого мучения, когда мне накладывали швы.

Такое новшество. Такой необычный подарок.

Зел не останавливала свои легкие как перышко прикосновения.

— Ты попал в несчастный случай на лодке или упал со скейтборда? — ее голос рисовал картины беззаботного малыша с нормальным воспитанием. Имеющего любящих родителей и детство полное веселья. Она рисовала ложь. Ложь, которую я отчаянно желал, чтобы она была правдой.

— Нет.

Ее пальцы гладили мое бедро, пока вся ее ладонь не накрыла меня.

Условный рефлекс, увеличивал свою свирепость, пока я не задрожал, пытаясь так сильно его игнорировать. Ее тело переместилось, когда она двинулась выше, прослеживая контур моего бедра, пока ее рука не исчезла под оторванным материалом моих брюк и прикоснулась к моему члену

Я дернулся. Я ахнул.

У моего мозга было слишком много всего, чтобы обработать.

«Не причиняй ей боль. Не убивай ее. Пожалуйста, держись».

Все, чего я хотел — быть окруженным сладкой агонией, к которой она прибежала. Мой твердый член увеличился, был вызван к жизни одним невинным прикосновением.

Я застонал, когда ее теплая рука обхватила меня, сжимая крепче.

— Это больно?

Я не мог говорить, но удовольствие говорило само за себя. Это убивало меня изнутри. Я никогда не чувствовал такого удовольствия. Таким осознанно заклеянным. Кивнув, я снова застонал, когда ее рука выпустила меня, опустившись, чтобы обхватить мои яйца.

Всю свою жизнь я избегал касаться его, смотреть на него. Один и единственный раз, когда я позволил себе кончить имел страшные последствия.

Зел схватила меня сильнее, сжав со смесью власти и вспыльчивости. Ее прикосновение отправило меня в помойную яму воспоминаний.

— *Что это за кусок мяса, Фокс?*

— *Ничего, сэр!*

— *Так почему ты дергаешь его, как будто это твоя любимая игрушка?*

Мои щеки пятнадцатилетнего мальчика вспыхнули. Я забыл о камерах в комнате. Я не

собирался трогать себя. Я не собирался гнаться за восхитительной тяжестью, образующейся в моих яйцах.

Я не хотел быть пойманным.

— *Если это отвлекает тебя, мы можем убрать его. Убрать, Фокс?*

Мое сердце перестало биться.

— *Нет, сэр. Вы не должны делать это. Это больше никогда не повторится, сэр. Я клянусь, сэр.*

Сэр, сэр, сэр. Я не мог перестать умолять.

Он еще раз сильно сжал мой член, прежде чем отпустить.

— *Ты тронешь его снова, и мыотрежем его.*

— *Фокс. Черт побери, хватит. Ты делаешь мне больно, — закричала Зел. Она дала мне пощечину.*

Мои глаза открылись, и я отдернул свои пальцы, выпустив ее запястье. В момент, когда я освободил ее, она покрутила свою руку, чтобы кровь снова прилила к ее руке. Ее глаза блестели от слез, но это не были слезы печали, больше слезы ярости.

— *Почему, черт побери, я пытаюсь помочь тебе? Ты находишься за пределами помощи!*

Мое сердце запнулось, и я снова схватил ее за руку, массируя ее.

— *Бл*дь. Мне жаль. Ты в порядке?*

Смесь неуверенности и страха в ее глазах уничтожила меня, и я никогда не был так близок к разрушению. После всего, что я сделал, она все еще не ушла. Она не отказалась, и я благодарил гребаную вселенную, за существующую между нами связь. Она проявляла упорство со мной, не из-за денег, а просто, потому что не могла уйти.

— *Нет. Я не в порядке. Все в тебе говорит мне бежать, тем не менее, я игнорирую себя, и в конечном итоге ты снова причинишь мне боль. Я ненавижу себя из-за своей потребности помогать другим — это желание сводит меня с ума изнутри.*

Она сощурила свои изумрудные глаза, глядя прямо в мою душу.

— *Ты сводишь меня с ума, но я кое-что поняла и из-за этого мне сложнее уйти.*

— *Что ты поняла?*

Она тяжело вздохнула.

— *Как помочь тебе.*

Я сделал глубокий вдох, надеясь, молясь, чтобы она была права. У меня был момент слабости, и я подумывал о самоубийстве, но я был готов принять лекарство. Я сделаю все что угодно. Все что угодно.

Я не знал, что сказать.

Мы уставились в пустоту, прежде чем она прошептала:

— Ты доверяешь мне сделать кое-что? Я хочу посмотреть, сработает ли это. Если нет, то я закончу. Но если да, то я останусь и выполню наше соглашение.

Что бы она, черт побери, не собиралась делать, я надеялся, что это сработает.

— Да. Делай все, что ты хочешь.

Она напрягла плечи и сказала:

— Не задавай вопросов. Ложись.

Я мгновенно подчинился. Она хотела, чтобы я лег на подушки, и чтобы она встала на колени между моих ног. Все мое тело дрожало оттого, что она была так близко, и я положил руки под бедра, затолкав их под себя.

— Сейчас я собираюсь прикоснуться к тебе, — прошептала она.

Прежде чем я смог ответить или подготовиться, ее рука исчезла в моих, разрезанных на ноги брюках, и обхватила мой член.

— Святое дерьмо, — застонал я. От ее горячей, пленительной руки все мысли из моей головы вылетели. Каждая клеточка в моем теле вспыхнула от потребности, такой резкой, что ощущалось, будто с меня содрали кожу живьем.

— Сконцентрируйся на моих прикосновениях к тебе. Не переставай сосредотачиваться на моей хватке.

Я пытался держать глаза открытыми, когда мой желудок скрутило, а мое тело стало твердым как гранит. Ее взгляд встретился с моим, заполненным желанием.

Еще один стон покинул мое горло, когда ее пальчики сжались, двигаясь вверх и вниз в бесконечном ритме решительности, чтобы разрушить мой мозг.

— Скажи мне, что ты чувствуешь, Фокс. — Ее хватка усилилась, она работала рукой — поворачивая руку и поднимаясь вверх и вниз, добавив новое ощущение.

Мои глаза хотели закрыться, но я не решался потерять себя полностью. Я мог причинить ей боль. Я мог убить ее.

— Я ощущаю, какой я твердый. Как сильно я хочу трахнуть тебя.

— Нет. Прислушайся к себе. Что ты чувствуешь?

Бл*дь, я не хотел углубляться в чувства. И я чертовски уверен, что не хотел делиться ими с Зел.

— Сделай это.

Ее рука обхватила кончик меня, сжав, кружа влагу, что выделялась из ниоткуда. Падающие звезды и землетрясения поселились в моем желудке, нуждаясь в высвобождении.

— О боже мой, женщина. Я собираюсь кончить.

Ее хватка тотчас ослабилась, позволяя оргазму утихнуть.

— Нет, пока ты не скажешь, что чувствуешь.

Черт побери.

— Я чувствую себя разорванным на куски, которые никогда не соберутся вместе. У меня так много всего внутри. Я просто хочу, чтобы я мог нажать кнопку перезагрузки и забыть обо всем до той секунды, пока ты не начала драть мне. Я был обучен игнорировать правильное и неправильное. Я в чертовом беспорядке.

Ее рука увеличила давление, вознаграждая меня.

— Ты хочешь, чтобы я остановилась? — пробормотала она.

Я хотел сказать «да». Сказать ей, что это было небезопасно, что она толкала меня слишком сильно, но у меня не было силы воли для этого. Нет. Она. Ушла. Не существовала.

— Нет.

Ее пальцы обхватили сильнее, поглаживая меня. Кровь стала ярче, наполняя мой член непрерывным огнем, пока я не запылал еще сильнее. Я приподнял бедра для лучшего доступа. Я хотел быть внутри нее. Я не мог принять больше от ее собственнической хватки.

Зел не двигалась и не прикасалась ко мне кроме моего члена, и я был благодарен, что она сохраняла дистанцию. Но в то же самое время, я был взбешен, раздражен и так сильно хотел взять все под контроль.

Своей свободной рукой, она потихоньку спускала брюки по моим бедрам, не останавливая свои потрясающие поглаживания.

Я приподнял бедра, чтобы она смогла стянуть материал. Сантиметр за сантиметром она стягивала разорванные брюки ниже. Мне было плевать на ее прикосновения. Мне было плевать, что еще больше шрамов она могла увидеть.

Все, о чем я заботился — были искры и покалывания в нижней части моего живота и члена. Условные рефлексы потеряли свою власть надо мной. Все, кроме нее, перестало существовать.

В момент, когда брюки соскользнули с моих лодыжек, она опустилась на колени между моих ног и сжала.

— Я собираюсь поцеловать тебя.

Мои глаза широко открылись, разрушая заклинание, которым она очаровала меня. Сильное желание схватить ее шею пульсировало у меня перед глазами. Я не мог справиться с тем, что она целовала меня. Я терял контроль.

— Нет. Не делай этого.

Она высунула язык — розовый и влажный.

— Не в губы, — прошептала она. Ее большой палец ласкал высокочувствительный кончик

моего члена, прижимаясь к горячей плоти. — Я собираюсь поцеловать тебя. Здесь.

О, мой гребанный Бог.

Никогда ничего в моей жизни не звучало так хорошо. Так чертовски восхитительно хорошо. Никогда прежде губы не приближались к этой части моей анатомии.

Я забыл, как говорить. Я кивнул один раз, глаза широко открыты, мышцы натянуты.

Она облизала свои губы, заставляя мое сердце трепетать.

Предвкушение того, как она будет лизать меня, касаться своим языком, заставило мой член качнуться в ее руках. Опустив глаза, она наклонилась. Предвкушение было слишком сильным. Я не мог сделать нормальный вдох.

Я бесконечно ждал первого касания ее языка.

Но затем она остановилась.

Сев прямо, она выпустила свой захват. Мое сердце еле билось в груди, когда она встала и пошла в сторону кровати, туда, где я разместил кожаный манжет.

Подняв его вверх, она сказала:

— Я собираюсь пристегнуть тебя к нему. Я хочу доставить тебе удовольствие, но откажусь, если не смогу сдержать тебя. — Ее голос колебался, ее тело вспыхнуло похотью, так же как и мое. Ее глаза опустились на мой вставший член, который стоял твердый и горячий, прося ее рот. Связь между нами пульсировала правильностью. Что бы мы ни делали — это было идеально. Чтобы она ни делала — это сработает. Я исцелюсь.

Я кивнул.

Без слов, она приковала меня к металлическим витиеватым трубкам на изголовье кровати. Она делала все, что могла, чтобы не касаться меня, пока прикрепляла к кожаному манжету; я рисковал всем, наклонившись вперед и поцеловав темнеющий синяк на ее шее.

— Мне жаль, — прошептал я, вдыхая ее запах ландыша.

Она отстранилась.

— Я знаю. — Исчезнув в моей гардеробной, она вернулась с ремнем. Ее бровь приподнялась, когда она посмотрела на мою другую руку. Я сжал ладонь, скрыв вытатуированную «III» в центре.

Я послушно поместил запястья у изголовья кровати, зашипев, когда она оседлала меня, намеренно потеревшись своей киской, облаченной в джинсы, об мой очень твердый член.

Она затянула ремень, прежде чем снова встала на колени между моих раздвинутых ног. Ее горячее дыхание щекотала верхнюю часть моих бедер, я и не знал, как долго смогу продержаться.

Я хотел ее рот. Безумно.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — сказала она мягко.

Я покачал головой. Это было одно — принять то, что она хотела дать, но я не мог сказать ей чего хочу. Не после всего. Я должен ей больше, чем я когда-либо смогу вернуть.

— Я хочу услышать, как ты скажешь это. — Ее глаза вспыхнули, и ее пальцы сжали меня в предупреждении.

Вспышка тепла окрасила мои щеки. После жизни, когда мне говорили забыть о сексе, сейчас она хотела, чтобы я нырнул и принял его. Тяжело сглотнув, я прорычал:

— Я хочу ощутить твой рот вокруг своего члена. Я хочу ощутить твое тепло и услышать твой стон от моего вкуса.

Бл*дь. Я мог кончить, только говоря грязные словечки. Это возбуждало меня — фейерверки взрывались в моем члене.

Зел улыбнулась.

— Как пожелаешь.

Сохраняя зрительный контакт, она наклонилась и без всякого предупреждения, опустила свой горячий, влажный, совершенный рот на кончик моей эрекции.

Мой мир превратился из черного в разноцветный. Я никогда не чувствовал себя таким удивленным, таким свободным, такую глубину первобытного счастья. Мое сердце увеличилось, мои конечности онемели. Я не мог сфокусироваться ни на чем кроме нее. Ее. Ее.

Я застонал от благодарности и признательности, и радости. Ее чертовски изумительный рот всосал мою длину глубоко внутрь. Водоворот ее скользкого языка облизывал и поклонялся, не давая мне никаких шансов остаться в здравом уме. Я потерял себя в Зел. Я охотно отдавал ей все

— Нравится это? — она дышала на нижнюю часть моего живота. — Ты наслаждаешься, как мой язык облизывает тебя, доставляя тебе удовольствие? — она продолжала целовать основание головки, не прекращая поглаживать.

Я застонал, дрожа от смеси ярости и райского наслаждения.

— Да. Черт, да. Не останавливайся.

Она мягко рассмеялась и снова опустилась. Ее рука скользила вверх и вниз, смазанная слюной, одаряя меня запредельными ощущениями. Костер разгорался глубоко в моих яйцах.

Я вздрогнул, когда Зел обхватила меня, массируя чувствительную плоть. Я не мог следить за ее ртом, ее пальцами и ее прикосновением.

Мой мозг пытался вернуться в режим Призрака. Мои мышцы вздрогнули от приказов — это никогда не будет возможным полностью игнорировать.

Затем Зел заглотила мою длину глубже и замурлыкала. Вибрации обрушились на мой условный рефлекс, смели мои мысли, и я деградировал до простого существа. Мужчина в первый раз получающий удовольствие. Животное с единственным намерением кончить в горло этой прекрасной нимфы.

Кровать звякнула и покачнулась, когда я боролся с тем, что удерживало меня. Я хотел

касаться ее, запустить пальцы в ее волосы и вбиваться в ее рот. Я хотел дать ей все.

Но манжеты и ремень держали меня в плену, оставляя меня полностью на милость Зел.

Ее рот всосал сильнее, разжигая все больше и больше огня у меня в паху. Мой позвоночник покалывало от потребности, мои глаза закрылись.

Зел была волшебной. Она была ведьмой. Я хотел кончать всегда.

Последнее что приближало момент уничтожения — это были ее шелковистые волосы, каскадом ниспадающие на мое бедро. Щекочущее чувство усиливало мое осознание ее горячего, скользкого рта, и ее язык кружил сильнее, отправляя меня мчаться к краю быстрее.

У меня не было выбора, кроме того, чтобы отпустить.

Я практически забыл, кем я был и все несчастья своей жизни, и обрушил все стены вокруг своей души.

Я кончал как гребаный садовый шланг.

Струя за струей, я кончал в ее хватке. Она упивалась каждым толчком, сглотив каждую каплю. Никакое количество прозы или литературы не могло описать интенсивность, величие моего освобождения.

Это изменило меня. Это дало мне теплоту в первый раз. Это дало мне чертову надежду.

Я открыл глаза, когда она высунула язык, очищая меня от остатков самого интенсивного оргазма в моей жизни. Она взяла часть меня себе. Она завершила связь, которую я чувствовал с тех пор, как заметил ее.

Никто не заставлял меня чувствовать себя так, как заставила Зел. Никто не держал меня заложником как Зел.

За десять минут она с успехом сделала то, что я пытался сделать десять лет.

Она вернула меня к жизни.

Хейзел

У жизни есть способ вводить ни о чем не подозревающих жертв в ложное чувство безопасности. Предоставляя ответы на проблемы, что кажутся слишком сложными, чтобы решать. Даря любовь, чтобы бороться с одиночеством. Посылая добрые слова в моменты сомнений.

Но это те моменты, что делают тебя слабым, и то, когда твоя жизнь ударяет по тебе сильнее.

Из-за своей наивности я думала, что нашла способ помочь Фоксу. Что я сделала невозможное и добилась прогресса с таким психически сломленным мужчиной. Я думала, что нашла исцеление для Клары, благодаря деньгам Фокса. Я думала о таких счастливых, обнадеживающих вещах.

Но, так же как и во всем.

Я ошибалась.

Прошла неделя поле нашей борьбы и несчастного случая, когда Фокс пытался задушить меня. После того как я увидела его голые ноги и накладывала швы на рану, которую нанесла, я надеялась, что он покончит со своей проблемой одежды и наготы.

Но я больше ни разу не увидела его ног снова или груди, или рук. Я поймала себя за наблюдением за ним, отслеживанием его мышц под его черной рубашкой, желая, чтобы я могла потрогать и попробовать.

Чем больше он оставался неуловимым, тем больше мой разум сходил с ума от желания узнать, что же он прячет. Что, если он так сильно изуродован под одеждой, что я расплачусь, скорбя о маленьком мальчике, которому было не на кого положиться, ни в дружбе, ни в любви? Что, если он прячет что-то более зловещее?

Утром после нашей борьбы — после того как я разрушила его на части своим ртом — все изменилось между нами. Он принял мою необходимость возвращаться домой вечерами. И мы безмолвно согласились начать с нуля.

Мы никогда не обсуждали соглашение — нам было это не нужно. Поскольку я была заинтересована — соглашение было аннулировано. То, что случилось, дало нам что-то больше, чем просто кусок бумаги. Фокс все еще будет платить мне, и я все еще буду принимать это ради моей дочери, но мы продвинулись дальше, чем просто обмен одного товара на другой.

Мы стали друзьями.

Через несколько дней после инцидента, я пыталась сменить бинт, чтобы проверить как там наложенные швы, но он категорически отказал мне и двигался так, как будто не был ранен. Он был мастером скрывать боль.

Каким бы странным это не казалось, мы понимали друг друга, и время двигалось вперед. Фокс знал, что я не приму насилия, и я знала, что он не потерпит прикосновений.

Это был целый новый мир полный желаний и страхов.

В течение дня я оставалась с Фоксом. Мы исследовали его дом или ходили гулять в полудикий сад вокруг его собственности. Он показал мне, как помочь с бумажной работой в «Обсидиане», и большую часть дня я сидела рядом с ним за его столом, заполняя квитанции, отправляя ежемесячные счета за членство, и предлагала варианты того, как увеличить продуктивность.

Вместо того чтобы быть собственником компании и просить не лезть ни в свое дело, Фокс слушал внимательно, кивая во время советов и мягко отвечая на вопросы о легальной стороне клуба.

Наши умы нашли основу, закладывая фундамент для перевернутой с ног на голову дружбы, что кипела химией и потребностью, но не переходила ни во что большее.

Фокс открыл мне свою жизнь — каждый аспект своего бизнеса, каждый счет и пароль на своем компьютере, — но никогда не позволял мне прикасаться к себе или спрашивать о своем прошлом.

Его улыбки были с оттенком тени, в смехе отражалось одиночество. Мое сердце кричало ему, чтобы он осознал подарок, который я хотела дать ему. Я хотела исцелить его. Я хотела принести ему истинное счастье.

Но это не казалось возможным.

Я ловила его, когда он наблюдал за мной, когда я склонялась над его книгами или молча шла рядом с ним. Его дымчатые глаза были чертовски выразительными, что слова были не нужны.

Послание было громким и четким.

«Почему ты все еще здесь?»

«Зачем тратишь свое время на меня?»

«Я только разрушу тебя».

Я игнорировала эти послания. Так же как я игнорировала свои мысли.

Лежа в кровати ночью, слушая тихое дыхание Клары, я обдумывала свои чувства к нему.

Я сказал ему, что не прощу его за синяки или ужасный страх, что он внушил мне. Хоть и я жила опасным прошлым, сталкиваясь с болью и последствиями не всегда правильного выбора, я не была такой окаменевшей прежде. Мысли, которые мчались в моей голове, когда его пальцы сжимали мое горло, были наполнены Klarой. Она никогда не узнает, как сильно я любила ее. Она никогда не поймет, что я сделаю для нее все что угодно.

Но затем чувство благодарности прибавилось в довершении к ужасу. Благодарность, что я умру до того, как умрет моя дочь — я не увижу, как она будет чахнуть и умолять о том, что я не могу ей дать.

Фокс заставил меня оценить каждую часть моей жизни, и я ненавидела его за это. Я не думаю, что когда-либо действительно приму то, что он сделал, но в то же время, он был самым настоящим и не прибегающим к оправданиям человеком, которого я когда-либо встречала.

Фокс не рассказывал мне, где он был в ту ночь, когда взял меня, но синяки вокруг его глаза и скулы стали мутно-желтыми. Первое время я думала, что никогда не привыкну к хрусту его суставов и спины во время движения, когда он вставал из сидячего положения. Он звучал как старый оловянный солдатик, остро нуждающийся в смазке маслом.

В пять вечера я ловила такси от дома Фокса до своего. Он дал мне сто тысяч долларов наличными, как и обещал, и я могла себе позволить еще один пробный ингалятор для Клары. Он пытался отвезти меня, но я отказывалась. Хоть я и признала, что у меня были чувства к нему, ненасытная потребность исправить его и физическая тяга к нему, я все еще боялась, на что он способен. Он был неразорвавшейся гранатой, и у меня не было намерения позволить ему быть рядом с Klarой. У него были свои секреты, а у меня свои. Все было так, как должно быть.

Kлара прижималась своим теплым, извивающимся телом ко мне, когда мы ели вместе, смотрели телевизор, делали ее домашнюю работу, затем смеялись и разговаривали в темноте, пока она не засыпала. Я копила эти моменты, как золотой песок, оставляя каждое воспоминание в безопасности моего разума, зная, что каждое из них будет мучительным для меня, когда она уйдет.

Каждое утро я просыпалась с надеждой, что диагноз докторов ошибочен. Клара казалась полностью здоровой и живой — ее волосы блестели, яркие глаза и пытливый ум.

В десять утра каждый день я возвращалась к Фоксу и забиралась в его кровать. Он просыпался, улыбался, затем снова засыпал, заставляя меня загорать в ярком солнечном свете, дежуря до полудня, пока он не проснется.

В течение недели я идеально сочетала две свои жизни, я начала думать, что это может сработать.

Но конечно, жизни нравилось доказывать мне, что я была права.

— Святое дерьмо, ты напугал меня, — сказала я, сильнее прижимая папки к своей груди. Это было начало второй половины дня, и я работала над заказом большой поставки для бойцов «Обсидиана». Фокс ушел час назад, сказав, что вернется.

Я не ожидала, что он будет молчать и скрываться в черных стенах своего офиса — полностью незаметный, пока не задвигался.

Его губы дернулись, но он не улыбнулся полностью. Он никогда не улыбался. Хотя бы раз я бы хотела увидеть, чтобы он все отпустил и был счастливым.

Если знал как, конечно.

— Извини. Я ждал тебя. — Он двинулся вперед и взял у меня тяжелые папки, положив их на стол. Я была внизу на этаже бойцов вместе с Оскаром, записывая, что нужно заказать.

Он попросил еще больше шлюх, и я шутливо толкнула его. Так же сильно, как я не хотела это признавать — мне нравился Оскар. Он назвал меня шлюхой и схватил за грудь, но под дерзким внешним видом, скрывался веселый серфер, чьи голубые глаза немного заставляли мой желудок трепетать.

Он так отличался от Фокса. Свет и тьма. Счастливый и мрачный. Но я не сбивалась — не то чтобы я имела какие-то обязательство в отношениях перед Фоксом кроме денежной сделки, — но мои чувства изменились от похоти к чему-то другому.

Я больше не думала о нашем времени вместе только в течение месяца. Я останусь, пока Фокс не улыбнется своей душой. Я останусь, пока он не займется со мной любовью, как я хотела его.

«А если он снова причинит тебе боль?»

Я уйду и никогда не вернусь. У меня были чувства к нему, но у меня не было желания умереть.

— Я хочу выйти наружу. Мне нужно немного солнечного света, — сказал Фокс, перестав раскладывать документы на столе. — Ты пойдешь со мной?

Такая простая просьба. Прогуляться по его собственности на солнце.

Я улыбнулась.

— Ты зовешь меня на свидание? — постучав пальцем по губам, я сказала: — Можно ли это считать, как попытку исправить устоявшуюся у нас традицию похищать меня при помощи ножа?

Внезапно он схватил меня за локоть, потащив вперед. Он сохранил небольшое расстояние между нами, но его дыхание изменилось от расслабленного до неровного.

— Ты знаешь, почему я избегал тебя неделю? Почему я не просил твой рот или не тащил тебя в мою постель? — его серебристые глаза опаляли меня еле сдерживаемой похотью.

Я закусила нижнюю губу, когда волна желания распространилась как лесной пожар. Я стала влажной от воспоминаний того, как сосала его: его соленый, темный вкус, то, как он развалился на части, кончив, в моих руках. Я любила силу, которая была у меня над ним. Я любила, как его тело сотрясается от оргазма. Но на прошлой неделе я ходила по лезвию ножа. Мое тело хотело Фокса каждую секунду каждого дня и невозможность касаться его — чтобы дать ему знать, что я хочу его — была мучением.

— Почему? — пробормотала я, загипнотизированная, его нижней губой.

— Потому что я хочу подарить тебе то, что ты подарила мне. Я хочу, чтобы ты кончила так чертовски сильно, чтобы упала в мои руки. Я хочу быть в состоянии поймать тебя и рассказать тебе все, что ты хочешь знать.

Я качнулась вперед.

— Тогда сделай это. — Мое сердце мчалось как кролик.

Он наклонил голову и его губы были в соблазнительной близости от моих.

— Я бы хотел, чтобы я мог это сделать. Но у меня нет силы. Я хожу по лезвию бритвы между моим прошлым и будущим, которого я хочу. И я так чертовски напуган снова обидеть тебя. — Его пальцы сжали мой локоть крепче. — Я просто хочу быть спокойным внутри. Я хочу нормально мыслить и иметь роскошь просто обнимать тебя.

Фокс отличался от любого человека, которого я знала. Я не могла ненавидеть его. Не с его гигантским сердцем и сладостью, скрывающейся в его насилии. Но я ненавидела, что он говорил правду. Это не была игра, в которую он играл. Он правда не мог контролировать что бы ни жило внутри него, и моя жизнь будет окончена, если он потеряет контроль.

Наши глаза встретились друг с другом: зеленые с серыми. Я встала на цыпочки, чтобы поцеловать его.

Он замер, когда мои губы двинулись к его, и я ждала, что он оттолкнет меня. Я не была глупой. После того что случилось до этого, сейчас я носила нож в своих волосах и заднем кармане. Я исполню свою угрозу, если Фокс снова нападет на меня, и я должна буду выбрать, кто будет жить, а кто умрет.

Его рот приоткрылся под моим, он простонал низко и глубоко, когда я высунула язык и коснулась его нижней губы.

Мои руки не хотели ничего больше, кроме того, чтобы сжать его в объятиях и прижаться к

нему. Я хотела трения между нами. Я хотела его руки на каждом сантиметре моего тела.

Его голова наклонилась, чтобы углубить поцелуй, следуя моей инициативе его языком. Это было противоречие, что заставило меня стать влажной из-за него. Властный мужчина во всех отношениях, в теле которого жил мужчина, который хотел только одобрения. Мужчина, который никогда не привязывался или любил, или просто не целовался.

И это разрушило мое чертово сердце.

Он отстранился, заглянув глубоко в мои глаза.

— Прогуляешься со мной?

Я кивнула.

Покинув кабинет, мы спустились по лестнице, через боевой ринг к парадной двери. Только два бойца прибыли на утреннюю тренировку, и никто не помешал нам.

Фокс не остановился, когда мы вышли наружу. Он поднял лицо и нежился под золотистым теплом. Его облаченное в черное тело выглядело неуместной тенью, когда мы прошли по гравийной дорожке к траве.

Он ждал, что я пойду рядом с ним и послал мне небольшую улыбку.

— Моя жизнь была намного легче, если бы солнце светило двадцать четыре часа в сутки.

Я теребила свои пальцы, избавляясь от потребности схватить его за руку. Я ненавидела то, что не могу касаться его. Интимность между нами только и ждала, чтобы утвердиться, но без прикосновений, она исчезала, оставляя след неловкости.

— Если ты так сильно ненавидишь темноту, почему надеваешь все черное?

Его челюсть сжалась, но он продолжил идти.

— Это глупая причина и даже не имеет смысла для меня. Я должен бы надевать желтое и белое — полностью избегая черное, но я не могу.

— Расскажи мне, — я прошептала.

Он остановился и повернулся лицом к дому. Глядя на огромные горгульи, украшающие особняк, он зарычал:

— Я свободен. Так почему же я строю дом точную копию того, где был ад, и происходило зло? Почему я одеваюсь в единственный цвет, который был нам позволен? — его взгляд встретился с моим. — Потому что это все, что я знаю. Единственное место и цвет, которым я доверяю, что они сохранят меня в безопасности. Все остальное ужасает меня, потому что я не достоин забыть свое прошлое.

Мое сердце расколосось, осколки протыкали мои легкие.

— Ты достоин. Каждый день, что я провожу с тобой, ты совершенствуешься.

Он мрачно рассмеялся.

— Только потому, что я сохраняю дистанцию и не трогаю тебя. Поверь мне, если бы ты узнала мои мысли, ты бы сбежала.

— Ты хочешь, чтобы я сбежала?

Он сощурил глаза.

— Ты должна.

— Но ты хочешь, чтобы я это сделала? — я сделала шаг вперед, проклиная неспособность схватить его за руку и держать его. — Сосредоточься на том, что чувствуешь.

Он покачал головой, шагая по направлению к саду.

— То, чего я хочу, не имеет значения. Этого никогда не случится.

Я последовала за ним, желая, чтобы я могла вскрыть его и вытянуть каждую плохую мысль из его головы. Мы не заговорили снова, пока он не повел меня к огромной теплице в задней части его огромной собственности. Большая каменная стена баррикадировала доступ в пространство, и солнце блестело от стеклянных стен и крыши, согревая растения.

Фокс открыл дверь, и огромный порыв тепла ударил мне в лицо.

— Входи. Есть несколько вещей, что я хочу показать тебе. — Его голос был грубым, заставляя мой желудок ухнуть вниз.

Войдя в огромную теплицу, я оглядела рассаду и экзотические цветы. Она была разделена на два прохода, с огромным креслом в конце, там же располагались овощи, травы и бонсай. Яркосиние и фиолетовые орхидеи висели на длинных стволах. От томатов в помещении был едкий запах.

Фокс пошел по правому проходу и остановился перед поддоном с белыми цветами — маленькие, как снежинки, висящие на зеленых стеблях.

— Ты знаешь, что это?

Я подошла ближе. Конечно, я знала, что это. Как мать я тщательно отмечала каждое растение, бытовую химию, или яд, что могли навредить Кларе. Я также брызгалась этим запахом каждое утро. Моя единственная роскошь.

— Это ландыши. — Уставившись на небольшие невинные растения, я пробормотала: — Почему ты выращиваешь их среди нетоксичных растений?

Фокс расправил плечи.

— Мы раньше по очереди ухаживали за теплицами на огороженной территории для посадки растений. Ландыши, белладонна, наперстянка — все растения, что могут быть превращены в оружие.

Я замерла, представив убийц, выращивающих такие нежные создания, все с намерением, чтобы убивать.

Фокс внезапно схватил меня за руку и потащил по проходу к одиноко стоящему большому креслу.

— Ты приходишь сюда часто? — спросила я, заметив несколько выброшенных бутылок воды.

— Да. Я прихожу сюда, чтобы посидеть на солнце. Тепло наказывает, но также спасает. Это так отличается от того, откуда я родом. Я никогда не хочу снова мерзнуть.

Отпустив меня, он полез в карман и достал еще одну цепочку.

Мое сердце ухнуло в желудок. Он хотел сдержать меня, и была единственная причина почему. Он хотел секса.

Его плечи напряглись.

— Это усовершенствованная версия. Вытяни руки.

Я не хотела, но подчинилась. Его руки слегка касались моей кожи. Сначала мое правое запястье, закрепив отдельный браслет, затем то же самое с левым.

Как только они были застегнуты, я подняла руки, чтобы посмотреть. Мое сердце сжалось от свисающей серебряной звезды на обоих.

— Почему ты делаешь это? — я подняла взгляд в ярости. Я не хотела, чтобы драгоценное ожерелье со звездой, которое я делила с Кларой, находилось рядом с чем-то из мира Фокса.

Его глаза потемнели.

— Потому что это значит многое для тебя, и я тоже хочу этого. — Захватив мои щеки, он держал меня крепко, когда приник к моим губам в поцелуе.

В одно мгновение я хотела укусить его. Я хотела спорить с ним и сказать, что все не в порядке, что он нарушает границы моего личного пространства больше чем своего, но его язык раздвинул мои губы, и я потеряла последовательность мыслей.

Каждая частичка похоти, что была во мне, пробудилась к жизни, и я не сопротивлялась, когда он потянул меня вперед. Он сел на кресло, потянув меня, пока я не стояла над ним.

Разорвав поцелуй, он пробормотал:

— Ты нужна мне, Зел, и я хочу тебя быстро. Я не прошу. Я говорю. Я плачу за услугу и хочу, чтобы ты сидела на моем члене.

Я должна была отбиваться, но не делала этого. Моя кожа гудела от сексуальной потребности, мое тело закипало в жаре теплицы.

Фокс вытянул руку вперед и потянул мою белую рубашку немного вверх. Отдельной толстой цепочкой, он закрепил ее вокруг украшения, находящегося у меня спереди, и пристегнул к запястьям. Как только мои руки были обездвижены при помощи цепочки, его пальцы потянулись к его пряжке.

Мой рот стал сухим, когда я наблюдала, как он раздевается. Я сделала шумный вдох, когда он качнул бедрами и потянул свои брюки вниз.

Мои глаза не могли насладиться этим зрелищем такое короткое время. Фокс не носил нижнее белье, и его твердая длина высвободилось. Множество серебристых шрамов покрывали верхнюю часть его ног. Все в нем привлекало меня. Я никогда не была так голодна или

физически привлечена кому-то как к нему.

— Подойди ближе, — приказал он.

Я сделала, как он просил, переместившись между его раздвинутыми ногами. Я подавила стон, когда его пальцы начали ласкать нижнюю часть его живота и опустились, чтобы коснуться моего бедра. Скользя рукой под мою легкую бирюзовую юбку, он не разрывал зрительного контакта.

Я сдалась его снежному взгляду; мурашки покрыли всю мою кожу, пока его прикосновения опускались все ниже и ниже, пока он не задел мою голую ногу. Его рука достигла моей коленной чашечки, развернувшись, чтобы направиться в противоположном направлении.

Каждое его прикосновением было одновременно и пыткой, и наслаждением. Его пальцы были сильными и властно касались внутренней стороны бедра, подбираясь все выше и выше, и выше.

Я тяжело дышала, к тому времени как его костяшки коснулись моей киски. Его рука обхватила меня, держала меня крепко. Я тряслась в его хватке.

Он сделал тяжелый вдох, его глаза расширились, когда он почувствовал какая я влажная.

— Бл*дь, ты не перестаешь удивлять меня, Зел. Мне никогда не будет достаточно тебя. Все о чем я могу думать это то, как ты трахнешь меня — твой рот вокруг моего члена снова.

Его другая рука исчезла под моей юбкой, чтобы спустить мои трусики по ногам. Он быстро избавился от них, его движения ускорились от силы его потребности. В мгновение, когда они достигли моих щиколоток, я отбросила их в сторону, дрожа от теплого воздуха, ласкающего мою наготу.

Подавшись вперед, Фокс схватил одной рукой мое бедро, пока другая снова исчезла под моей юбкой. Без каких-либо колебаний он потянулся к моей киске. Стиснув зубы, он толкнулся в меня одним длинным, восхитительным пальцем.

Я хотела свернуться у его ног. Он двигал пальцем, поглаживая мои внутренние стеночки.

Я вздрогнула, не в состоянии держать глаза открытыми. Все на чем я могла концентрироваться — это его восхитительные прикосновения внутри меня. Он немного переместил палец, и мое влагалище сжалось вокруг него, умоляя о большем.

Он замер.

— Бля*дь, сделай это снова.

Я подняла взгляд, мой рот подергивало от улыбки.

— Сделать что? — я напряглась вокруг его пальцы, в восторге от его резкого вдоха и широко открытых глаз. Он мог лгать обо всем, что хотел, но то, как он удивительно трахал меня пальцем, сказало мне, что это было впервые для него. Мое сердце забило от мысли, чему я могу научить его — чему мы можем научиться вместе. Как мог быть мужчина как Фокс, таким сексуально невинным? Как будто он был отшельником всю жизнь.

— Покажи мне. Скажи мне что делать, — его голос был странным шепотом. — Я хочу, чтобы ты кончила на моих пальцах.

Мои руки взлетели, когда я в отчаянии желала обхватить его лицо и целовать его до одури. Но цепь зазвенела, удерживая меня в плену.

Фокс усмехнулся.

— Видишь? Твоя натура хочет трогать. Ты думала, что можешь избежать желания касаться, пока мои пальцы находятся внутри тебя? Это единственный способ. — Его палец погрузился глубже, и я застонала. — Скажи мне. Дай мне знать, как довести тебя до края.

Я тяжело сглотнула, мои щеки покраснели от волнения и нервозности. Я никогда не объясняла, что нужно делать в сексе. Я сама едва знала механизм, но я обучила свое тело. Я доводила себя до взрыва в темноте под своими одеялами.

— Введи в меня еще один палец, — прошептала я.

Его рука сильнее сжала мое бедро, и я решилась взглянуть на его член. Он стоял гордо, такой твердый между его ногами. В моем рту образовалась слюна от желания снова его облизать.

Медленно, он убрал палец и коснулся моего клитора, когда прижал два пальца вместе. Я качнулась, когда он очень осторожно и дразняще толкнул два пальца глубже. Я была возбуждена больше, чем когда-либо в своей жизни.

— Дерьмо, ты самая прекрасная женщина, которую я видел, — зарычал Фокс, когда его пальцы были во мне, погружаясь внутрь и выскальзывая наружу в идеальном ритме.

Видал.

Ох, боже.

Я подняла взгляд, раздраженная.

— Стекло. Кто-нибудь может увидеть нас. — Я извивалась, пытаюсь освободить себя, но он держал меня крепко. — Отпусти меня. Я согласилась спать с тобой, а не устраивать мировое шоу.

Он рассмеялся.

— Мы слишком далеко от дома, чтобы кто-то увидел через окна и здесь много травы, которую надо пересечь, прежде чем они получают великолепное зрелище.

Его пальцы погрузились глубже и собственнически, заставив меня перевести внимание на него.

— Теперь расскажи мне, как заставить тебя кончить.

Везде где он касался, я сгорала до дыма. Мои бедра начали медленный танец, покачиваясь на его руке. Мне не нужно было думать, только слушать то, в чем я нуждалась. По правде говоря, я не знала смогу ли кончить стоя и давая инструкции мужчине, который снес мои мысли, но он хотел попробовать, я хотела сдать ему.

— Продолжай толкаться своими пальцами и покружи большим пальцем по моему клитору

Фокс немедленно подчинился. Его большой палец прижался к чувствительному месту, и я дернулась в его хватке. Его лоб был нахмурен, когда он концентрировался на своем идеальном

ритме. Толчок, его пальцы порхают по клитору, толчок, порхают по клитору.

С каждым поглаживанием я забывала, где мы были, какими странными были отношения — я забыла свое собственное имя, когда тепло собралось и промчалось между моими ногами.

Мои колени тряслись, желая обрушиться на землю.

— Нравится? — спросил Фокс, его голос такой глубокий от похоти, я едва могла разобрать.

Я больше не могла говорить и опустила себя на его руку в ответ.

— Бл*дь, — он застонал. Его собственные бедра начали слегка толкаться, от естественного желания присоединиться. — Что еще? Что еще я должен сделать? — его рука отпустила мое бедро и поднялась, чтобы схватить меня за грудь. Его пальцы сжали мои соски, и все мое тело задрожало.

— Да... вот так. Уммм... хмм. — Мое зрение потемнело, когда все мои чувства были обращены внутрь, концентрируясь там, где он касался меня.

Его рука усилила давление, пока он не закачался возле моего клитора.

— Кончи для меня, Хейзел. Черт побери, кончи на моих пальцах.

Его грубая команда отправила еще одну волну через меня, и он застонал. Мастерство его легких толчков прекратилось, и он схватил мои бедра, чтобы удержать меня на месте.

— Ты кончишь, черт побери. — Он толкался в меня сильнее и глубже. Я закричала, когда уровень интенсивности изменился от горячего до палящего. — Кончи для меня. Кончи для меня. Черт побери, кончи для меня. — Он не переставал приказывать, и каждое прикосновение делало меня туже и туже, пока я больше не могла терпеть.

Его рот приоткрылся, и я откинула голову назад, когда трахнула руку Фокса. Первая волна освобождения разрушила меня, как он и хотел. Он низко зарычал, когда я сильнее обхватила его пальцы.

— Черт, — он рявкнул, усилив давления и вознося мой оргазм на новый всепоглощающий уровень. Я потеряла всю свою подвижность, и не могла ничего больше делать, кроме того, что взрываться как фейерверк.

Волна за волной удовольствие накатывало на меня. Я никогда так не кончала.

В момент, когда мой оргазм утих, Фокс высунул свои пальцы из меня и быстро развернул меня, притянув к себе.

Я низко и протяжно застонала, когда его член толкнулся и проник в меня одним быстрым вторжением.

Мне было не за что держаться, а мои руки были прицеплены к моему животу, и я не могла бороться или крутиться. Фокс контролировал каждый сантиметр, когда брал меня, и он украл даже мое право смотреть на него.

Его тело было твердым и теплым позади меня, когда он дернулся вверх, взяв меня безжалостно. Я была такой влажной. Его вторжение мягко скользило в мое лоно и неспешно ласкало изнутри, отправляя еще одну волну через меня.

Я подпрыгивала на его коленях, наш единственный контакт — его эрекция во мне и его руки на моих бедрах. Дернув меня навстречу своим толчкам, он тяжело задышал.

— Черт побери, это как рай — быть внутри тебя. Я не хочу никогда. Черт побери. Покидать тебя. — Он толкался с каждым словом, раскачивая кресло, пока оно не закрипело по полу.

— Ох, черт, — застонал он. — Я сейчас кончу. Я не могу... я хотел. Бл*дь.

Он звучал как волк, намеревающийся истерзать свою добычу живьем, когда горячие струи заполнили меня. Его толчки стали дикими, как будто он хотел расколоть меня надвое, приближая себя к разрядке так быстро, как только мог.

Когда последняя часть его освобождения излилась в меня, он снова сгорбился в кресле. Его член дернулся внутри, и не хотела ничего, кроме того, чтобы лечь, и чтобы он обнял меня своими огромными сильными руками.

Мы не двигались. Единственным звуком было наше дыхание, когда мы задышали в жаре теплицы.

Через минуту Фокс похлопал меня по спине, пробормотав:

— Спасибо тебе.

Я сдержалась, чтобы не рассмеяться. Такое формальное прикосновение и выражение. Ничего общего с тем, что он только что сделал. Мы только что принадлежали друг другу во время траха, а он уже ушел в себя.

Не было приятных чувств или нежных объятий.

Вместо того чтобы чувствовать, что мне причинили боль, я улыбнулась.

Как бы странно это не закончилось, он был нетерпеливым любовником и не пытался меня убить.

Прогресс.

Спустя два дня, я развалилась на кровати Фокса, смотря телевизор.

В эпизоде показывали, как сексуальный, загорелый мужчина спорит с симпатичной рыжеволосой. Неоспоримое напряжение на экране стимулировало мою собственную потребность, пока мое лоно не стало влажным. Быть рядом с таким мужчиной как Фокс без разрешения касаться его — было ежедневной агонией безответного удовольствия.

Он не подходил ко мне близко после произошедшего в теплице, и мы не сказали ни слова насчет этого. Той ночью, когда я вернулась домой к Кларе, у нее был приступ кашля, и я держала ее — это было все, что я могла сделать, чтобы не сломаться и кричать на каждое существо, из-за которого она заболела.

Каждый день я испытывала все больше и больше вины. Вины за то живу другой жизнью отдельно от нее. Вины за то, что нахожу небольшие кусочки счастья, благодаря Фоксу. Я чувствовала себя предательницей и сукой.

Кларе становилось хуже, несмотря на новые таблетки, которые я заставляла ее принимать каждое утро, и очень дорогой препарат в ее ингаляторе.

Фокс подкрался ко мне, вытирая лицо черным полотенцем, потный и задыхающийся, после своего занятия в тренажерном зале.

Он не только занимался своим разрушенным телом боями и долгими часами работы, он также всегда тренировался каждое утро как просыпался. Надевая те же самые черные брюки и рубашку с длинным рукавом, он возвращался весь в поту.

— Я только приму душ, и мы пойдем. Мы не покидали «Обсидиан» с тех пор как познакомились, а мне нужно раздать некоторые поручения. Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Не дождавшись моего ответа, он исчез в ванной и закрыл дверь. Я ждала, как включится душ, представляя Фокса голым и мокрым.

В моем животе запорхали бабочки от этой мысли. Очистив свой разум от Клары, отделяя свои две жизни, я спрыгнула с кровати и на цыпочках отправилась в ванную.

«Что, если он поймает тебя?»

Мое сердце подпрыгнуло до горла, когда я повернула дверную ручку. Я ожидала, что она не повернется, в конце концов, Фокс так оберегал свое уединение, и я думала, что он запрет дверь, но она открылась.

Я задержала дыхание, когда немного приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

Фокс стоял весь в напряжении и, дрожа в центре душа, пока горячая вода с шипением обжигала и стекала по его коже. Он стоял в профиль, скрывая свою спину и грудь — те две части, которые я так хотела увидеть. Одной рукой он держал бритву и сильно прижимал лезвие к коже на внутренней стороне бедра.

Его брови плотно сошлись вместе, когда небольшой ручеек крови потек из его раны, стекая по ноге, смешиваясь с горячей водой из душа.

Я хотела подбежать и остановить его, но он снова себя порезал — еще одна идеальная линия. Отбросив лезвие в сторону, он переключил воду с обжигающей на ледяную, и напряжение, которое пронзало его мышцы, пошло на убыль.

Прислонившись головой к плитке, он застонал от каждой печальной и испорченной эмоции внутри.

Я больше не могла смотреть.

Закрыв дверь, я в оцепенении вернулась к кровати. Я чувствовала себя так, как будто он провел лезвием по моему сердцу, вместо своей ноги.

«Ты такая глупая, Зел. Ты думала, что ты пробилась. Ты думала, что он на пути к исцелению».

Я была идиоткой, надеясь, что он больше не будет наносить себе сам повреждения. Я искала

доказательств, но не видела ни одного. Теперь я знала, почему.

Внутренняя поверхность его бедер, вся была в отметках и порезах, украшая уже заполненные шрамами ноги. Он даже вырезал стежки на бедре и голени, в результате чего рана немного открылась и не полностью зажила.

Черт.

Я потерла рукой грудь, пытаюсь избавиться от ноющей боли. Я ненавидела видеть, что кому-то больно. Я ненавидела, когда не могла помочь.

Не было никакой помощи человеку с таким извращенным разумом как у Фокса.

Вода в душе выключилась несколько минут спустя, и Фокс вошел в комнату, как и обычно одетый во все черное.

Его глаза сузились, руками он пробежал по своим мокрым волосам. Пряди, отражавшие солнечный свет, выглядели бронзовыми, светло-коричневыми, черными и золотыми. Сиднейское солнце прыгало на больших окнах, превращая черный интерьер в наполненный светом рай.

— Какого черта, Зел? Ты выглядишь, как будто только что стала свидетелем убийства. — Нахмурившись, он направился в гардеробную и вернулся с черным пиджаком.

Я моргнула, отгоняя плохие мысли прочь.

— Ничего. Просто грустная программа по телевизору.

Он опустил руки, пиджак болтался с боку.

— Не смей лгать. — Его глаза светились белым, оглядывая комнату, ища какую-то подсказку, что могло изменить мое настроение.

— Расскажи мне. Что ты делала?

— Я ничего не делала. Это ты делал!

Дерьмо.

Он бросился вперед, затем остановился, сохраняя расстояние. Воздух вокруг него трещал, как будто спокойствие, которого он добился, причиняя себе ущерб в душе, распалось.

Моя кожа покрылась мурашками, мое лоно пульсировало — глупое тело, которое возбуждалось от его злости.

На мгновение все, что мы делали — это смотрели друг на друга, затем понимание отразилось во взгляде Фокса.

— Ты смотрела. — Он бросил пиджак через комнату. — Ты, черт побери, смотрела!

Мои мышцы напряглись в страхе, прежде чем взорваться адреналином. Я подскочила с кровати, удерживая это чувство между нами.

Его глаза не покидали мои, руки сжаты от ярости.

— Что ты хотела увидеть, doбуcha? — он подошел ближе к кровати. — Возможно, ты искала отметины? Может, ты в конце концов поняла кто я, — фыркнув, добавил он. — Ты слишком чертовски умная, чтобы сейчас не догадаться кто я.

Я понятия не имела, кем он был, но на этот раз я знала, что должна подтолкнуть его. Я должна вытолкнуть его как можно дальше из его зоны комфорта, чтобы я могла сломать еще одну маленькую часть его, чтобы сделать его цельным снова.

Потянув за край своей футболки, я сняла ее через голову, стоя во весь рост в своих джинсовых шортах и лифчике.

Фокс оказался в тупике.

— Что, черт побери, ты делаешь?

Мои руки дрожали, когда я вытащила маленький нож из кармана и бросила его на матрас, но так, чтобы можно было легко дотянуться до него. Мое сердце гремело в ушах, когда Фокс размял свои плечи, его глаза были сосредоточены на моей открытой плоти.

Солнце отскочило от моей цепочки, сверкая серебристый путь от ключицы до талии.

— Я закончила с тем, чтобы танцевать вокруг тебя, как будто ты драгоценный кусочек цепочки. Что хорошего в том, чтобы быть купленной для секса, если ты никогда не получаешь освобождения? — мой голос был наполнен трепетом, а также нарастающей похотью. — Ты дразнишь меня, никогда не прикасаясь. Ты делаешь меня влажной, но никогда не позволяешь мне кончить. Ты сам наносишь себе повреждения, вместо того, чтобы обратиться к другим. Ты умираешь внутри, когда я пытаюсь помочь тебе жить

Положив руки на бедра, я сказала со злостью:

— Ты всегда думаешь о себе, но не обо мне.

Его рот открылся, когда его глаза сузились в серебристые щелки.

— Я забираю свои слова обратно — ты не умная, ты чертова самоубийца. Не подталкивай меня снова, Зел. Помнишь, что случилось в последний раз? — он сделал один шаг ко мне, сокращая расстояние между нами. Он сжал руки в кулаки. — Ты знаешь, почему я не касаюсь тебя! Прекрати, черт побери, подталкивать меня.

— Нет, не прекращу! Все что ты говоришь мне — пустяки. Секреты, которые основаны и держатся на скрытых мыслях, которые возвышаются над множеством полуправдивых доводов. Почему ты не можешь прикасаться ко мне, Фокс? Кто сделал тебя таким? Кто украл все основные права у тебя? — мои пальцы дрожали, когда я завела руку за спину и растегнула бюстгальтер. Я застонала, когда материал зашуршал, лаская мои соски, прежде чем упасть на пол. Я никогда не чувствовала себя такой обнаженной и раскрепощенной. Раздеваясь для мужчины, который даже не хотел меня. Который не мог кончить в метре от меня без того чтобы не сжать челюсть и толкаться с убийственной яростью.

— Ты хочешь умереть? Вот чего ты пытаешься добиться? — зарычал Фокс. Его рука опустилась и обхватила себя между ног. — Ты хочешь этого так чертовски сильно, что готова умереть за это?

— Нет, я не готова умереть за это. Я думаю, что доказала это. — Мои глаза опустились туда,

где я вонзила в него нож. — Я никогда не прощу тебя за боль, что ты причинил мне. Я никогда не забуду сумасшествие, что живет внутри тебя. Я с удовольствием убью тебя, если ты снова попытаешься что-то сделать мне, но мне нужна человеческая связь, Фокс. А ты не даешь ее мне. Ты должен покончить со своими проблемами. Забыть свое прошлое, чтобы ты мог касаться меня. Заняться со мной любовью.

Это раздражало тратить так много времени на кого-то, кому я так отчаянно пыталась помочь. Любой незначительный прогресс, которого мы добивались, был затянут обратно в его глубоко скрытые проблемы. Для кого-то, кто жил, чтобы спасти других — это надоедало, и я отказывалась продолжать мучиться.

Фокс фыркнул.

— Заняться любовью. Я даже не знаю, что это значит. Как я должен делать что-то, что я никогда не пойму?

«Я заставлю тебя понять».

Мои глаза распахнулись. Каким-то образом моя потребность помочь ему запуталась с желанием заставить его влюбиться в меня. Чтобы удержать его, так чтобы я всегда была здесь, чтобы вернуть его из темноты.

Не имело значения, что я добавляла себе больше проблем, чем поддержки, или что я не хотела, чтобы он находился рядом с Кларой. Это была глупая фантазия.

Это не останавливало мою кожу гореть от его рта или мою киску становиться влажной от его члена. Я хотела. Я хотела. Я хотела.

Тем не менее, он не подошел ко мне.

Слезы злости застилали мои глаза.

— Если ты не можешь дать мне то, что нужно, тогда эта сделка расторгнута. Я говорила тебе, что согласилась с твоими условиями не только из-за денег, но и потому что я хотела тебя. Ну, пыталась хотеть того, кто не может дать ничего взамен.

Мои пальцы опустились от моих затвердевших сосков к моей кнопке и молнии на штанах. Избавившись от шорт, я оттолкнула их со злостью — ничего чувственного или соблазнительного. Я была чертовски злой, и мне нужно было избавиться от безумной потребности в моей крови.

Фокс издал шум в задней части своего горла.

— Прекрати это. Со мной не безопасно. Надень свою одежду обратно и дай мне время собрать свое дерьмо вместе.

Я должна была прислушаться к его предупреждению. Я знала, как он был опасен. Но это не остановило меня. Я фыркнула:

— Я хочу увидеть тебя голым. Я хочу провести пальцами по всему твоему телу. Я хочу облизать твою грудь и проследить поцелуями путь до твоего живота. Я хочу...

Фокс замер. Все его тело напряглось.

— Если ты думаешь, что можешь прикоснуться ко мне, как делала, когда накладывала швы мне на ногу, забудь это. Мне было больно — эта же самая боль помогала разрушить меня, пока ты глупо касалась и провоцировала меня.

— Провоцировала? Ты называешь сосать, пока ты взрываешься под моим ртом — провоцировать? — мое тело вспыхнуло. — Ты хотел, чтобы я касалась тебя. Ты желал мой язык и тепло, которое я могла предложить твоей замерзшей душе. Ты позволил мне владеть тобой в этот момент.

— Я был чертовски слаб и глуп. — Проведя рукой по лицу, он зарычал: — Ты счастливица, что я достаточно контролировал себя, чтобы подчиниться. Но я покончил с тем, чтобы подчиняться кому-либо. Я хочу подчиняться самому себе. Я не хочу, чтобы ты говорила мне что делать. — Он ударил себя в грудь. — Никогда больше, ты слышишь меня! Никаких больше приказов. Я покончил с этим.

Его тон изменился с взбешенного до агрессивного, как у ребенка, который разговаривает с авторитетной фигурой. Он не говорил о нашей борьбе, он говорил об еще одной проблеме в нем. Что-то, что я никогда не пойму.

— Я не прошу твоей уступчивости. Мне не нужно, чтобы ты подчинялся. Ты был достаточно сильным, чтобы просить об удовольствии. Ты был тем, кто контролировал меня в теплице. Твои пальцы, твои прикосновения, ты поглощал меня. Ты можешь сделать это снова.

Его пыл для борьбы немного поумерился, и он опустил плечи.

— Я, — он отвел взгляд, прежде чем стиснул зубы. — Я не доверяю себе, чтобы попытаться снова. Не имеет значения, как сильно я хочу. — Его глаза были на моих обнаженных грудях. — Бл*дь, как я хочу.

Мое сердце трепетало на тонких крыльях. Он хотел меня. Он хотел того, что я делала.

Он хотел меня и все время сохранял дистанцию, чтобы защитить меня. Мое сердце забилося сильнее, еще больше похоти разгорелось в моей крови.

Фокс стоял сердитый, с выпяченной грудью, передняя часть его брюк была натянута от возбуждения.

— Надень свою одежду обратно.

Я покачала головой.

— Я хочу трахнуть тебя, вот почему я сняла свою одежду. Ты должен попробовать. Это сделает весь опыт гораздо более приятным.

Подняв нож с покрывала, я намеренно порезала кружева на моих бедрах, позволив трусикам упасть на пол. Стоя голой перед ним, я пробормотала:

— Позволь мне раздеть тебя. Позволь мне касаться и целовать тебя. Позволь мне увидеть то, что ты прячешь под всей этой черной одеждой.

Он покачал головой.

— Это не случится. Твои синяки только исчезли. Что, если я убью тебя в следующий раз? Ты

простила мне так много. Не проси меня снова причинять тебе боль.

Раздражение преследовало мою потребность, и я опустилась перед ним на колени, ползя к нему.

— Я не простила тебя. Я никогда не прощу, что ты душил меня до полусмерти. Но мне плевать, потому что ты должен мне. Ты должен мне еще один оргазм. Ты должен позволить мне попытаться и помочь тебе.

Я достигла края его кровати, и он попятился. Я встала на ноги, продвинувшись вперед.

Сохраняя то же самое расстояние между нами, Фокс пятился, направляясь к зоне отдыха у окна.

Пока мы танцевали по комнате, я принялась за свой глупый план. Мои ноги двигались к нему, когда я начала свое идиотское соблазнение.

— Работать рядом с тобой заставляет мое сердце колотиться... — я приложила палец на груди, прямо на сердце, — здесь.

Еще один шаг к нему.

— Говорить с тобой заставляет мое дыхание учащаться, вдыхать твой запах в мои легкие... — я прижала палец к своему солнечному сплетению, — сюда.

Фокс вел бой, на его лице отражались тысячи мыслей. С каждым шагом, что я делала к нему, я боялась, что он расвярепееет и убьет меня, но не останавливалась.

— Смотреть на твои губы заставляет меня фантазировать о том, как ты целуешь меня. — Я провела пальцем по своему приоткрытому рту. — Сюда. — Каждая часть меня искрилась и шипела, и колола от потребности.

Фокс покачал головой, в его глазах скрывались желания, которые я не понимала.

Опустив пальцы, я потянулась к своей штанге на соске.

— Я хочу твой рот здесь. — Моя рука опускалась ниже, проходясь по цепи, мимо шрама от кесарева сечения после родов Клары, и смело направляясь между ног. — Я хочу твой язык здесь, — я ахнула, когда мои пальцы кружили по клитору.

Фокс врезался в кресло задней частью коленей. Его рука почти бессознательно сжалась на его эрекции, его взгляд жадно изучал меня.

Мое видение потемнело от похоти и разрушительного желания.

— Я хочу почувствовать тебя внутри меня. Я хочу услышать, как ты стонешь и задыхаешься, когда погружаешься все глубже.

Он тяжело сглотнул.

— Я... ты, трахни меня, Хейзел. — Его снежные глаза превратились в темно-серые, разжигая еще больше потребности в моем животе. — Я хочу тебя так чертовски сильно. Ты знаешь, как тяжело держать тебя на расстоянии, а затем ты приходишь и практически умоляешь меня погрузиться в тебя? У меня есть самоконтроль, но я не святой.

От его признания я стала еще более влажной, мое сердце взорвалось надеждой.

— Пожалуйста, Фокс. Я умоляю. Мне нужно, чтобы ты снова заставил меня кончить.

В считанные секунды он расстегнул брюки и его блестящая, твердая как скала эрекция высвободилась, только чтобы сразу оказаться в грубой, безжалостной руке.

Он сжимал себя яростно, его глаза дикие.

— Трогай себя. Заставь себя кончить.

Мои пальцы сильнее вонзились в мою кожу, принимая ту же самую боль, что причинял себя Фокс

— Я сделаю все, что ты хочешь, если это значит, что ты будешь голым и займешься со мной любовью.

Он застонал, его рука замедлилась до дразнящих поглаживаний его твердого ствола.

— Я не могу.

Закусив губу, я скользнула двумя пальцами себе между ног. Мои глаза были наполнены страстью, я выдохнула.

— Тебе нужно раздеться на какое-то время. Таков уж секс, Фокс. Соединение между двумя телами. Наслаждение от того, чтобы исследовать друг друга, касаться, гладить, лизать, пробовать...

Он прервал меня:

— Мне не нужно быть голым. — Его взгляд упал на колени. — Только здесь. — Его лицо потемнело, когда его рука демонстративно гладила. Блеск в его глазах выглядел, как будто он ожидал, что я остановлю его удовлетворение самого себя. Наклон его подбородка говорил о напускной храбрости того, как он потирал шелковистую, горячую плоть между ногами.

Я не могла отвести глаз от его члена, который уже блестел бусинками предэякулята.

— Представь, что твои пальцы — это мои пальцы. Что бы ты сделала?

Мои соски покалывало от власти в его голосе. Господство, пронизанное неопределенностью и грубым желанием.

Мои щеки покраснели от мысли о моих фантазиях. Он наблюдал за мной с таким пристальным вниманием. Мое тело не было идеальным. Я выносила ребенка. Я потеряла вес от стресса и не могла скрыть серебристые линии от растяжек снизу моего живота. Список моих уязвимых мест промчался в моей голове, накрывая меня волной возбуждения.

— Перестань думать и делай. — Фокс провел большим пальцем по головке члена, намеренно дразня меня, размазывая капли влаги.

Я двинулась вперед, пока мои колени почти не коснулись его. Мои глаза опустились к моей плоти, на его лице отпечаталось напряжение.

— Ты толкаешь два пальца, тебе нравится мое тепло, ты любишь мою влажность, —

прошептала я. — Ты делаешь со мной то же самое, что и в теплице. Ты трогаешь меня так искусно. Я хочу, чтобы ты сделал это снова.

Он сглотнул. Его тело напряглось, член дернулся в его руке.

Я не могла дышать. Я не могла двигаться. Я стояла замороженная, не отрывая глаз от того, как он медленно касался своей эрекции, очаровываясь тем, как он оставил небольшую частичку контроля своей властной натуры.

Я чувствовала опасность, но также моя потребность в нем увеличивалась. Если я коснусь его сейчас, я сомневаюсь, что мои крошечные ножи защитят меня от него. Подчиниться ему было вопросом жизни и смерти.

— Что еще? — пробормотал он. — Что еще я бы сделал?

Мое тело было возбуждено, соски болезненно затвердели.

— Ты бы лизал мой клитор и пробовал, какая я влажная. Ты бы поцеловал и укусил кожу на внутренней поверхности моего бедра. — Я ущипнула свой клитор, очень-очень близко, чтобы поддаться оргазму, пульсирующему у меня в крови.

— Я хочу посмотреть, как ты рассыпаешься на части. Я хочу видеть, как ты задыхаешься и дрожишь. Я хочу, чтобы ты представила, как я погружаюсь глубоко внутрь. Жестко и быстро, принимая все от тебя. — Его голос охрип, звуча как чистый секс.

Беззастенчиво я обхватила свои груди, перекатывая свои твердые соски. Я забыла о том, что была матерью или была ответственной. Я концентрировалась только на сексуальном опасном мужчине, как будто я могла разрушить его одним словом.

Я отдала себя ему.

Я потеряла себя в грехе.

— Бл*дь, ты удивительная. Сладкая и полностью чертовски идеальная, — прохрипел Фокс, работая своим членом сильнее.

В моей крови промчалось пламя, сжигая мое лоно.

Мои глаза закрылись по своему собственному желанию. Фокс успешно опьянил меня — сделав меня захмелевшей от желания к нему. Чувствуя головокружение, я качнулась вперед, страстно желая его руки на себе.

Я любила держать все его внимание. Слишком часто его глаза были наполнены призраками и демонами, никогда полностью не сконцентрированные в настоящем.

Все с чем я согласилось, все кем я была — исчезло. Это были только я и он — мир замер. Связь между нами росла.

Дружба.

Компаньонство.

Но я хотела большего. Намного большего.

Проводя своими пальцами от груди до своего влагалища, я закричала, когда Фокс внезапно выпрямился. Его тяжелые руки опустились на мои бедра, держа меня. То, как он пожирал меня взглядом, заставляло меня потерять сознание. Он доверял мне. Он дополнял меня.

Его глаза светились белым, когда без колебаний он развел мои ноги в стороны и толкнулся пальцем глубоко в меня. Я громко застонала, дрожа от потребности.

— Кончи для меня. Трахни мою руку, Зел. Трахни ее, — Фокс добавил еще один палец, и со своей хваткой у меня на боку, заставил меня объездить его руку.

Я не знала, что делать. Я хотела упасть на его колени. Я хотела, чтобы он заполнил меня, но все что я могла делать — это стоять и подготавливать себя к чуду разрядки и пытаться проконтролировать себя, чтобы не коснуться его для сохранения его хрупкого баланса. Я наслаждалась тем, что он дал мне в теплице, но я хотела больше чем это. Я хотела полный контакт телами. Я страстно желала его.

Но он не дал мне выбора.

Его пальцы повернулись внутри меня, сосредоточившись на очень чувствительном месте. Его большой палец нажал и покружил на моем клиторе, и каждый атом в моем теле взорвался. Он быстро учился, и оргазм прошел через меня, разбивая мое сердце, захватывая мои мышцы, разрывая мою плоть от каждой пульсации освобождения

Снова и снова он трахал меня пальцами, пока последняя волна наслаждения не сделала мое тело обессиленным. Я забыла о том, где была. Я забыла, кем была. Я упала вперед в его руки и коснулась его.

В одно мгновение жизнь превратилась из ада в рай.

Фокс бросил меня на пол, вырывая пальцы из меня. Я отпрыгнула от ковра, мои глаза расширились, когда он замаячил надо мной.

Похоть и потребность, и мягкость ушли, и им на замену пришла чистая дрожь от ярости. Холодный расчет наполнил его глаза, пока он не стал слеп ко всему остальному, кроме желания убивать.

— Фокс. Подожди. — Я попыталась отползти назад к своему отброшенному ножу.

Он упал на колени и сильными руками перевернул меня на четвереньки. Надавив на мои лопатки, он прижал меня щекой к коврику и захватил мои руки сзади. Я корчилась, пытаюсь освободиться, но это было невозможно.

— Фокс. Прекрати. Пожалуйста.

— Заткнись. Если тебе наносят удар — значит надо нанести в ответ. — Его голос был как у программы, робота. — Я должен подчиниться. Я должен...

Мое сердце забилося сильнее от ужаса и трепета. Его тон был по военному холодным, отстраненным и безэмоциональным. Он снова впал в то состояние, и не было ничего, что я могла сделать.

Слезы брызнули из моих глаз, я умоляла:

— Пожалуйста...

Затем он трахнул меня.

Его твердый член погрузился внутрь, наполняя меня, извращая меня. Влажность от моего оргазма предотвратила жгучую боль, но от ярости каждого толчка, мне стало больно до мгновенных синяков.

Он рычал как чертово животное. Его пальцы погрузились глубоко в мои бедра, дергая меня назад, чтобы встретить каждый его толчок.

Я не хотела его таким. Не снова. Это было как ужасное воспоминание первого раза. Насилие, то, как он, казалось, ненавидел свою потребность во мне — ненавидя слабость от желания соединиться.

Моя спина сгибалась, когда он толкался глубже и глубже. Слезы брызнули из глаз, приумножая обжигающее жжение на потертую кожу щек от жесткого ворса ковра. Я ненавидела его. Ненавидела уязвимость внутри него.

— Я говорил тебе. Я предупреждал тебя. Ты бл*дь не слушала... Сейчас смотри, что ты заставила меня сделать. Я не могу остановить это. Черт побери, я не могу остановиться. — Он вбивался в меня как монстр. Он был большой. Слишком большой. Это не было эротично или весело. Это было настоящее наказание и ничего больше. Мое сердце разбилось, ненавидя его холодность. Ненавидя его за то, что дал мне надежду, что он может быть исцелен.

Фокс ругался на иностранном языке. Его бедренные кости врезались в мою задницу быстрее и быстрее.

Я сморгнула слезы и закалила свое сердце. Я была неправа, думая, что между нами было что-то особенное. Фокс красноречиво показал мне, какой глупой я на самом деле была. Это был конец. Все закончено. Это будет последний раз, когда он причинил мне боль.

Отключив эмоции, я позволила ему трахать меня. Я отключила каждое ощущение и ждала, когда это закончится. Я предпочитала игнорировать то, что случилось и притворялось, что ничего из этого не существовало.

«Ты сама довела до этого».

Я сказала себе заткнуться. Я сделала только то, что думала могло сработать. Я приложила все свои усилия, чтобы в итоге быть отвергнутой самым худшим способом.

Его бедра вдавливались жестче и вместо того, чтобы отстраниться, я толкнулась назад, намеренно пронзая его сильнее.

Он тяжело дышал.

— Бл*дь. Бл*дь. О, боже.

Желая, чтобы это закончилось, я сжала свои внутренние мышцы вокруг него, качнувшись назад, отдавая ему все, что у меня осталось.

Его дыхание участилось, стало грубее, когда он вдавливался снова и снова. Он был жестоким и грубым, каждый удар больше измерялся болью, чем удовольствием. Он ударился о верхнюю

часть моей киски, делая мне очень больно.

Свернувшись возле меня, он погрузил зубы глубоко в мою шею. Я закричала, когда он снова толкнулся, полностью наполняя меня.

Затем он кончил.

Горячие, влажные струи потоком хлынули внутрь меня. Все дальше и дальше.

Его руки на моих бедрах сжались сильнее, а затем он прикусил сухожилие между моей шеей и ключицей.

И затем это закончилось, и его рваные стоны превратились в мучительные проклятия.

— Бл*дь.

Он отстранился, в спешке споткнувшись. Звук, застегивающихся ремня и молнии, был единственным шумом, помимо нашего тяжелого дыхания. Все болело. Синяки пульсировали.

— Бл*дь! — зарычал он, ходя вокруг меня с не застегнутыми штанами и опустошенностью в своем голосе. Я не смела пошевелиться, но упала на бок и свернулась в клубок. Пряча свою наготу, скрывая свой позор.

Фокс упал на колени передо мной. На его шее выделились вены, когда он тяжело дышал через широкие ноздри. Он вытянул руку, чтобы дотронуться до меня, но затем остановился. Его стон содержал всю печаль и сожаление мира.

— Мне так чертовски жаль, Хейзел.

Я не сказал ни слова. Мне нечего было сказать.

Я закончила.

Фокс встал и пошел от меня. Глядя ему в спину, я без сомнения знала, что он найдет способ, чтобы причинить себе боль. Он выглядел потерянным и испуганным. Он выглядел как человек, готовый умереть.

Я пыталась заставить себя, чтобы мне было не плевать. Я пыталась найти сочувствие глубоко внутри себя, но я была пустой.

Я уже отдала ему все и ничего не осталось.

Фокс вошел в ванную и закрыл дверь за собой.

В момент, когда он ушел, я села и позволила потоку слез хлынуть по моим щекам.

Собрав свою разбросанную одежду, я оделась, и последний раз повернулась спиной к Обсидиану Фоксу.

Роан

Никто не знал.

Никто.

Ни мой куратор, ни знакомые.

Но это было то, что даровало мне свободу.

Природа сломила хищника. Жизнь дала мне второй шанс.

Это не произошло в одночасье, а было медленно, постепенно, как будто зверства, что я совершал, запятали мои глаза до того, что они больше не хотели быть свидетелями моих грехов.

Потребовалась одна жертва, чтобы раскрыть мою слабость. И я буду всегда благодарен ей.

Я завалил миссию, и моя цель показала мне, что я страдаю от физического недостатка.

От того, что я даже не замечал.

Новости распространились, и мои кураторы записали меня на лазерный кератомилез (прим. пер. — коррекция зрения) и другие предполагаемые чудесные исцеления. Но это не потребовалось. Доктора сказали, что в физическом плане со мной все в порядке. Это было связано с психикой.

Я слепну.

Я бился головой о дверь ванной, отгоняя бездушные извращенные приказы, игнорируя, затмевающие всё, желания, которым я никогда не дам свободу.

Бл*дь.

Бл*дь.

Бл*дь.

Мой мозг не переставал проигрывать изображение Хейзел на коленях, пока я яростно вбиваюсь в нее. Красная отметина на ее щеке из-за того, что я прижимал ее лицо к коврику. Звук ее криков и мольбы.

Я ублюдок. Нет, я хуже. Я бездушная машина.

Сегодня нехороший день. Я проснулся с сильным побуждением условного рефлекса. Первое число каждого месяца было особенным, днем подведения итогов для агентов. День, когда мы укрепляли нашу подготовку с еще большей абсурдностью.

Я предупреждал ее!

Я, черт побери, предупреждал ее сохранять дистанцию и, тем не менее, она продолжила подталкивать и подталкивать, и подталкивать.

Я развернулся и ударил кулаком в дверь. Стиснув зубы от боли в костяшках, я посмотрел в

зеркало.

Я был чертовым дикарем. Потерявшим контроль. Бродяжным агентом, который должен был принять таблетку еще два года назад и закончить свое жалкое существование. Шрам на моей щеке зудел от воспоминания, унося меня туда, в место, в которое я никогда не хотел возвращаться.

— *Держите его.*

Мое двадцатиоднолетнее сердце разрывало себя на кусочки, когда мой куратор поднял короткое лезвие в форме полумесяца. Я заковал его. Я превратил сталь в предмет. В нашем обществе я был известным, одним из лучших мастеров по металлу. И сейчас мое творение будет использовано против меня.

— *Я подчинился. Я сделал то, что вы сказали.*

Мой куратор остановился рядом со мной, глядя на меня без эмоций.

— *И все-таки нет, Фокс. Ты думаешь, что можешь пренебрегать правилами. Ты не можешь. Ты принадлежишь нам, и ты убьешь, кого мы тебе скажем убить.*

Два мужчины держали мои плечи прижатыми к столу, ворча, пока я боролся. Но это было без толку.

Острый кончик ножа вонзился рядом с моим ртом, двигаясь по мягкой гладкости моей щеки.

— *Каждый раз, когда ты будешь смотреть в зеркало, будешь видеть, что случается, когда ты пытаешься бороться за контроль.*

Боль взорвалась в каждой клеточке моего тела. Я закричал и подавился собственной кровью, когда моя щека была поделена надвое.

Я ненавижу его. Я хотел, черт побери, убить его и каждого Призрака здесь.

Бросив нож на пол, он приказал:

— *Наложу ему швы. Никакого морфия.*

Комната кружилась вокруг меня, фантомная боль ныла в моей щеке. Привкус у меня во рту был грубым и незнакомым. Агрессивное воздействие после воспаления превратило аккуратную линию стежков в рваный беспорядок.

Я забыл о сообщении, которым они напугали меня. Модели моего мышления не были моими собственными, мое тело не подчинялось ничему, кроме запрограммированных правил и команд.

Почему я вообще думал, что у меня есть шанс? Я бы хотел перемотать время и никогда не взглянуть на Зел. Я бы хотел стереть себя и всю боль, что причинил ей, из ее жизни.

Мои белые глаза встретились с моим отражением.

«Как ты мог причинить ей боль»

«Ты такой слабый».

«Ты потерял ее».

«Ты не заслуживаешь ее».

Я тяжело вздохнул, опустив голову.

Я не хотел видеть Зел снова — не после того, как так сильно обидел ее. Каждый раз, когда она приходила ко мне, я был основой всего плохого, что случилось с ней.

Это было несправедливо. Я не буду больше этого делать.

Я хотел, чтобы она ушла.

Весь прогресс, которого она добилась в ту ночь, когда ударила меня ножом, исчез. Что бы мы не нашли в теплице, все это распалось. Я надеялся, что она пробьется и направит меня на путь исцеления, но это было на одно мгновение. Одно хрупкое мгновение, которое было разрушено, и теперь все кончено.

Она превратила меня из убийцы в мужчину — так сладко облизав меня, подарив мне кое-что, что я никогда не получал прежде, и все что я сделал в ответ — вернулся в шкуру бесполезного, несчастного агента, без шансов жить нигде, кроме ада.

Я больше не мог ничего просить у нее. Я не мог ждать, что она останется. Не после всего, что было.

Минуты шли. Я хотел выйти, но не мог рисковать вернуться в спальню.

Схватив небольшой молоток с туалетного столика, я зашел в душевую кабину. Опустившись на колени, я нащупал стык спрятанного люка, который соорудил. Я бы никогда не вошел в комнату только с одним выходом. После жизни в клетке я знал ценность двух путей для выхода. Это означало разницу между выживанием и смертью.

Изготовленное на заказ сиденье выглядело так, как будто оно было покрыто кафелем, но благодаря нескольким ударам молотка, ад разверзся, разрушив поддельную перегородку.

Спасательная дыра привела меня только к следующему шкафу в комнате, но это дало мне свободу, в которой я нуждался.

В мгновение, когда я прополз маленькое пространство, я встал и застегнул штаны.

Мой член все еще пульсировал от спадающего оргазма. Я проклинал чувствительность моих яиц, ненавидя покалывания от того ощущения, когда находишься внутри женщины, которой я не мог помочь, а мог только разрушить.

Она никогда не простит меня, что хорошо, потому, что я никогда не прощу себя.

Открыв дверь в коридор, я проверил, была ли Зел поблизости, прежде чем отправиться в другой конец «Обсидиана».

Я не хотел, чтобы у меня был шанс побежать за Зел. Сбежав вниз по лестнице, я оказался в части дома, которую ей не показывал.

Большая часть вестибюля состояла из моих творений. Птицы и лошади и каждое существо, что я когда-либо встречал в сибирских лесах матушки России. Это был зоопарк, созданный из бронзы и меди.

Когда я потерял зрение, то больше всего скучал по скульптурам, по тому, как давать жизнь животным, хоть они и никогда не сделают вдоха.

Контракт, который я подписал, был расторгнут, когда была обнаружена моя слепота.

Было только два способа покинуть Ведомство.

Смерть.

Инвалидность.

Уходя, агент обещал никогда не рассказывать о Ведомстве кому-либо в какое-либо время и по какой-либо причине. Они давали торжественную клятву никогда не говорить о миссии, деталях и истории. Они должны привести свои дела в порядок и выполнить последние инструкции долга перед отставкой.

Обмен секретами не допускался, и Ведомство не колебалось, чтобы выполнить приказы и уничтожить бывшего агента и человека, который обладает личными знаниями о Ведомстве.

У агента было ровно пять недель, чтобы убраться оттуда, исполнить последнюю поставленную задачу.

Если ты не подчинялся, у Ведомства было полное право охотиться, допрашивать и убивать.

Мы всегда наблюдали.

Невидимые, непроницаемые, непобедимые.

Как гребное ничтожество, которым я был, я подписал это. Я хотел уйти. Мне нужно было уйти. Каждый день мое зрение все ухудшалось, пока я не стал опираться на трость, чтобы передвигаться. Я уже жил в аду, но теперь жил в полнейшей темноте. Я ненавидел каждое мгновение этого.

Каждый день я умолял о свободе — и судьба, наконец, прислушалась, забрав мое зрение, пока я не стал бесполезен для них.

Я подписал это.

Я научился читать шрифт Брайля (прим. пер. — рельефно-точечный тактильный шрифт, предназначенный для письма и чтения незрячими людьми).

Я ушел и никогда не оглядывался.

Два года я существовал жизнью отшельника, сторонясь людей. Я открыл «Обсидиан» и нанял Оскара присматривать за ним. Используя наследство от своей семьи, которую безжалостно убил, я начал новую жизнь. Я работал ночью и спал, пока солнце защищало меня, грея мою кожу в тепле и в безопасности, пока мои глаза не могли видеть.

И медленно мое зрение возвращалось.

Давление моего прошлого перестало обрушиваться на меня. Я поверил в иллюзию, что был свободен — независимо от факта, что я должен был усыпить себя как собаку. У меня было все, что я когда-либо хотел, кроме привилегии быть с другим человеком. Я думал, что не хотел этого, что я был выше таких легкомысленных желаний, но это было не так.

Я хотел Зел, так же, как я хотел свой следующий вдох. Я умирал, как хотел коснуться ее. Я бы снова отказался от своего зрения, если бы это значило, что я мог целовать, обнимать ее, и быть уверенным, что никогда снова не обижу ее.

Я бы прошел любую операцию или терапию, если бы это означало, что я буду нормальным. Единственное, что я хотел — открыться и заботиться о женщине, которая отдала мне всю себя. Я не дал ничего взамен, я устал от того, что только забираю. Устал от своих неприятностей. Устал от каждой гребаной проблемы.

Я хотел быть мужчиной для нее. Чтобы защищать ее, заботиться о ней... научиться любить ее.

Ты чертов идиот.

Сейчас я просто доказал, насколько грустными и фантастичными были такие мечты. Я взял Зел силой только за то, что она слегка коснулась меня.

«Ты не заслуживаешь ее».

Черт возьми, я не заслуживал. Я не заслуживал ничего большего, чем дыру в гребаной земле.

Что-то внутри щелкнуло и заглушило все остальное. Мне нанесли вред, поэтому я наносил в ответ. Просто. Сильно. Сокрушительно.

Перемещаясь по дому, я не знал, куда иду. Я сомневался, что Пойсон Оакс так скоро утолит мои потребности. Я бы прибегнул к более примитивным методам и снова скрылся в переулке.

Предвкушение того, чтобы получить кулаком в челюсть, дало мне силу, чтобы продолжить идти, а не удариться головой о статуэтку кролика на столе.

Дернув и открыв дверь, я вдохнул ранний воздух начала дня. Глотая свежесть, я запрокинул свою голову назад для солнца.

Солнце.

Дерьмо. Ни один клуб не открыт для боев в это время. Ни одна аллея не будет достаточно темна. Мне было некуда пойти, чтобы освободить свое тело и наказать себя. Мне нужно было физическое освобождение, а не просто провести несколько раз лезвием по коже. Даже инструменты в моей мастерской не дадут мне того, что мне нужно.

Куда я могу пойти, чтобы найти искупление?

Мой мозг снова был заполнен изображениями Зел, когда я обошел дом и пошел к гаражу, где был мой черный Порше.

Ее прекрасная упругая задница, когда я вбивался в нее. Ее великолепные волосы, которые ниспадали каскадом по спине, и лицо в форме сердца. То как она смотрела на меня, после того как сказала, чего она хочет.

Ее глаза кричали правду: я был порождением дьявола. Я был не пригоден, чтобы находиться

среди других. И определенно не был достоин находиться рядом с ней.

Я никогда не прощу себя за то, что так убийственно вдалбливался в нее, как будто она была врагом, которого мне нужно было убить.

Прищурившись, я остановился.

Дерьмо, я так сильно ненавижу то, что делал, мое зрение было нарушено. Небольшая пелена накрыла глаза. Я загрязнил себя ужасными действиями по отношению к женщине, которая заслуживала королевства.

Мне нужно было остановить это. Я не хотел смотреть, как она уходит. Я разорвал связь между нами, и не было ничего, кроме хладнокровного господства условного рефлекса.

Все кончено.

Я хотел так много узнать о ней. Она видела правду через всю мою херню и знала обо мне намного больше, чем я о ней. Секреты, которые она хранила, были спрятаны так глубоко внутри, что у меня не было шанса раскрыть их.

Я только знал, что ее движущей силой во всем было то, что в ней жило горе.

Печаль, душевная боль, отчаяние.

Я ненавижу видеть ее такой несчастливой, и когда нет никого, чтобы опереться.

— Эм, здравствуйте. — Мягкий, высокий голос привлек мое внимание. Я огляделся, осматривая большое пространство дороги. Я нахмурился. В спешке, я не заметил белую машину, которая была припаркована перед «Обсидианом».

Все машины членов клуба парковались с другой стороны. У кого, черт побери, была дерзость, припарковаться перед моей резиденцией, как будто они владели этим местом? Я двинулся вперед, задаваясь вопросом, какого черта происходит.

— Эм, мистер? У вас есть ключ от большой двери? Моя тетя и ее друг оставили меня, чтобы поговорить с моей мамочкой, но я не хочу ждать. Я сказала, что буду послушной и посижу в машине, потому что маленькие дети не ходят внутрь, но я хочу увидеть ее.

Я резко развернулся на гравии.

Передо мной стояла идеальная копия Хейзел.

Ребенок.

Девочка.

Дочь.

Бл*дь.

Воспоминание вцепилось в меня своими грубыми пальцами, утаскивая глубоко в темноту.

— Поздравляю с твоим повышением. Расскажи мне снова, сколько членов семьи у тебя было.

Я ненавидел эту часть. Игры разума. Постоянное психическое мучение. Он знал, сколько членов семьи у меня было, потому что он заставил меня убить их всех.

— У меня была мать Вера Аверина. Она была шлюхой, предательницей и воровкой и заслужила умереть. У меня был отец. Алекс Аверин. Он был бабником, изменщиком и лжецом и заслужил умереть. У меня был брат, Василий Аверин. Он был порождением сатаны, язычник, в нем жило только зло, и он заслужил умереть.

В момент, когда мерзкая ложь была сказана, я поспешно подумал о правде. Мысленно, я исправил те отвратительные слова, что сказал. Вера, моя мать, была доброй и великодушной. Она не заслуживала умереть. Алекс, мой отец, был хорошим кормильцем и защитником. Он не заслуживал умереть. Василий...

Мое сердце перестало биться, пока горе не накрыло меня. Василий, мой брат, был искусным художником, добрым и умным. Он не заслуживал умереть.

— Хорошо. А ты знал, что у тебя была сестра?

Мои кишки сжались, угрожая взорваться. Сестра? Нет. Нет, пожалуйста, нет. Я не выдержу убить еще одного родственника. Девочку. Невинную, чья единственная вина была в том, что она делила одну кровь со мной.

— Ты убил ее тоже. Ты не помнишь?

Я моргнул. В моих ушах образовался шум, заглушая мою панику.

— Точно, сэр. Я не помню эту миссию. — Как и многое другое, я стер это воспоминание из своей памяти. Я не был удивлен, что не помню убийства еще одного родственника. Я бы скорее вытащил свой мозг через уши, чем помнил это.

— Да. Твоя мать была беременна девочкой. Двойное убийство, и ты даже не помнишь. — Похлопывание по плечу произошло вместе с зарядом электрического тока. Каждая мышца была захвачена, когда ток прошел через мое тело.

— Что ты говоришь? — спросил куратор, когда отпустил меня.

Мой разум кричал: «Умри, ублюдок». Мой рот сказал:

— Спасибо вам, сэр.

Я вернулся в настоящее, словно от удара, спотыкаясь, когда вертиго сильно ударило по мне.

Черт побери. Я чертовски ненавидел их. Ненавидел. Ненавидел. Ненавидел. Я желал, чтобы я мог приложить электрошокер к своей голове и умертвить свое тело. Воспоминания были худшими за очень долгое время, вызванные стрессом, из-за того, что я обидел женщину, о которой должен был заботиться.

Зел.

Ее дочь.

Я без сомнения знал, что девочка, стоящая передо мной — была ее. Здесь не могло быть ошибки, длинные темные волосы, идеальные скулы, форма подбородка. Единственным различием был цвет глаз. Зеленые уступали проникновенно карим, что смотрели прямо в мою

гребаную душу.

Мое дыхание участилось, мое сердце билось как сумасшедшее. Я попятился назад, так быстро, как мои ноги могли двигаться.

Не подходи ко мне близко. Я не смогу сделать это. Я не выдержу еще больше крови на своих руках. Ее крови. Маленькое наследие Зел.

Гравий под моими ногами скользил так, что я чувствовал себя серфингистом, пытаюсь убежать. Мне нужно было уйти далеко, далеко, от этой миниатюрной копии Хейзел. Прежде чем я причиню ей боль.

Ее темные глаза встретились с моими, и я потерял связь с реальностью.

— Третий и последний раз, убей его!

— Нет! — на моих восемнадцатилетних щеках была влажность, и у меня заняло некоторое время, чтобы понять, что это слезы. До этого я никогда не плакал. Даже когда убил свою мать и отца. Но это... я не мог сделать это.

— Вы заставили меня заботиться о нем! Вы оставили его со мной! Я думал, что вы хотели, чтобы я обучил его быть как мы! — мой голос надломился, когда я посмотрел на своего девятилетнего брата Василия. Его щеки все еще были по-детски пухлыми, в его голубых глазах стоял ужас. Темное пятно спереди его джинсов говорило о страхе, что захватил его мочевой пузырь.

Три месяца мы спали в одной комнате, ели вместе, смеялись вместе. Я думал, что мой куратор наградил меня за хорошее поведение и подарил мне друга. Подарил мне брата, чтобы обучать и ввести в новый образ жизни.

Я никогда не подозревал этого.

— Роан. П-пожалуйста, помоги мне. Не убивай меня. Пожалуйста? — из-за сопрано Василия мои глаза наполнились слезами, мое тело отяжелело, борясь против многих лет следования условному рефлексу и против гнева моего куратора.

— Я. Не. Сделаю. Это, — огрызнулся я, сделав большой глоток воздуха. Я отказался убить моего последнего кровного родственника. Мальчика, о котором я заботился больше, чем о ком-либо в этом мире.

— Нет, сделаешь, агент Фокс. В противном случае, мы будем мучить его, пока он не умрет, затем искалечим тебя, что ты больше не сможешь двигаться.

Я не мог больше стоять.

Мой куратор схватил Василия за шею, перемещая его ближе ко мне.

— Сделай это.

Рвота вырвалась из моего рта, выливаясь на бетонный пол.

Мой брат перестал плакать, вырываясь из захвата куратора. Вместо того чтобы бежать от мужчины, призванного убить его, он прибежал ко мне и обнял меня своими костлявыми руками.

— Мистер? Эй, мистер? — то, что кто-то потянул меня за рукав, выдернуло меня из ужасного воспоминания, вернув в реальность. — Вы в порядке? — высокий, мелодичный голос, пронзил мой пульсирующий мозг.

Я отстранился, разрывая ее хватку на своей рубашке.

— Не трогай меня.

Маленькая девочка опустила взгляд и стала ковырять своим блестящим, черным ботинком землю.

— Ох. Извините. — Ее глаза снова встретили мои, широко открытые и обеспокоенные. — Вы в порядке? Вы бормотали что-то, что я не могла понять. — Она наклонила голову. — На каком языке это было? Моя учительница говорит, что мы должны изучать иностранный язык. Я бы хотела выучить, но не знаю какой. Может, я могу выучить тот, на котором вы только что говорили. — Она шагнула вперед, ее маленькие губы не переставали шевелиться. — Можете вы научить меня? Я люблю учиться, и мама будет по-настоящему гордиться мной. Вы научите меня, пожалуйста? — она захлопала ресницами, и мое гребаное сердце раскололось на кусочки.

Я задержал дыхание, напрягая мышцы, вызывая ко всему самообладанию, которым обладал. Если я когда-нибудь и нуждался в полной и абсолютной дисциплине, то это сейчас. Я избегал детей с тех пор как потерял Василия. Я не мог смотреть на них или слушать их, или даже смотреть на них по телевизору.

Для меня дети были воплощением того, что я пытался оберегать: невинность, хрупкость, доверие и безоговорочное принятие.

Я не заслуживал ничего из этого, поэтому не имел права находиться рядом с ними.

Маленькая девочка подошла еще ближе, вторгаясь в мое пространство. Я не знал, как вели себя большинство детей, но она была дерзкой — такая чертовски смелая и любопытная. Разве она не должна быть робкой и кроткой? Бояться разговаривать со странным незнакомцем?

— Вы выглядите напуганным. Что случилось? Вы можете рассказать мне. Я никому не скажу. — Она жестом скрестила пальцы на уровне сердца, таким образом давая обещание, что никому не скажет. — Я обещаю. У меня иногда бывают ночные кошмары. А у вас?

Все в ней гипнотизировало меня, и я не мог сдвинуться ни на дюйм. Она сделала еще один шаг.

— Вы не похожи на других взрослых. Вы выглядите, как они, но я не думала, что взрослые могут бояться. Вы не должны бояться. Моя мама учила меня не бояться ничего.

Ее крошечные пальчики коснулись ее губ.

— Упс. Она говорила, что мне нельзя говорить с незнакомцами. Эм, вы ведь не разговариваете со мной? Она по-настоящему злится, когда я разговариваю с людьми. Я не знаю почему. Я знаю, когда они плохие, а вы не плохой. Мама еще расстраивается, когда я кашляю, это так глупо. — Ее взгляд встретился с моим. — У вас есть мама, которая говорит вам не дружить с незнакомцами?

Она шла, пока не оказалась прямо передо мной. Мое тело дрожало. Воспоминания о Василии и моем прошлом продолжали громить меня, пока этот идеальный ангел болтал, смотря глубоко в

мою черную душу, дальше, чем она даже имела право.

— Оу. Что случилось с вашей щекой? — ее маленькая ручка указала вперед, глаза сощурились из-за солнца позади меня. — Выглядит так, как будто плохой человек обидел вас. — Ее глаза сузились. — Плохой человек обидел вас? Я надеюсь, что вы заставили его заплатить. Этим людям нельзя позволять ходить и делать других людей уродливыми.

Каждое слово оставляло на мне зазубрины, как будто я большое дерево, которое рубили топором. Каждый слог рушил уже треснутый фундамент, и мои корни начали ломаться

Моя левая нога обессилила, и я закачался прямо на гравии. Моя правая нога присоединилась к ней, пока я не стоял на коленях перед единственным созданием в мире, с которым я не мог бороться.

Я повалился на землю перед ней, погубленный ее нетронутой невинностью.

Каждый орган выл против условного рефлекса, каждая кость взревела в агонии — мой отказ нанести больше боли принес приказы, которые заставили меня оцепенеть, и усиливались, разъяренные моим неповиновением.

Мне больше не нужны кулаки, чтобы найти искупление. Я нашел наказание, просто глядя в глаза кого-то настолько чистого.

— Вы понимаете по-английски? — спросила девочка, перемещаясь, чтобы встать прямо передо мной. Ее глаза были чуть выше моих, заставляя меня чувствовать себя, будто я должен подчиниться ей, повиноваться, поклоняться ей.

Я не знал, что заставило меня ответить, но я не мог остановить себя.

— Да, я понимаю по-английски.

Она улыбнулась, хлопая своими маленькими ручками.

— Здорово. Я подумала, поняли ли вы, когда сказали мне не трогать вас. На каком языке вы только что говорили?

— Русском.

— И ваша щека. Плохой человек сделал это?

— Да.

Ее улыбка увеличилась и вспышка гнева, которой не должно быть на лице маленькой девочки, перекосила ее лицо.

— Вы убили его? Я бы убила его.

Кем был этот ребенок? Этот идеальный, умный, храбрый, маленький ребенок.

Я опустил голову.

— Нет. Он все еще жив.

Она цыкнула.

— Ну, я убью его. — Перекинув волосы на одно плечо, она произнесла: — Вы мне нравитесь. — Ее лицо озарилось, как будто я прошел ее тест, на способность нравиться людям, и она протянула руку. — Я — Клара. Как ваше имя?

Деревья по периметру территории шелестели из-за ленивого, теплого ветра. Я таращился на маленькую девочку, одетую в фиолетовый свитер и черные легинсы. Ее волосы были распущены, пряди развевались на ветру. Одинокая фиолетовая лента струилась вокруг ее подбородка.

Мое зрение размылось по краям.

Эта девочка была всем, в чем я нуждался. Все, от чего я бежал и к чему бежал, даже не зная об этом.

Ее милое бесстрашие поймало мое сердце, и в считанные минуты она заняла все мои мысли.

Моя сила притяжения сдвинулась.

Я безумно, черт побери, влюбился.

Я знал, что не должен был делать этого.

Я знал, что должен бежать не оглядываясь.

Но я не мог.

Вытянув руку, я застонал, когда маленькие пальчики сжались вокруг меня. Слезы появились на моих глазах от ошеломляющей благодарности. Благодарности за то, что я смог сохранить самообладание и благодарности за это идеальное создание.

Ее прикосновение разбило меня.

Ее прикосновение разбудило меня.

Ее прикосновение разрушило меня.

— Привет, Клара. — Я посмотрел в ее глаза. — Я Роан.

Хейзел

Я всегда знала, что у жизни есть свои любимчики. Как и у родителей иногда есть любимчики среди детей, жизнь щедро одаривала вниманием и подарками тех, кого любила. Другие ее не волновали, были забыты. Им было позволено выжить, но к ним не было никакого особенного отношения.

Я была из тех, кому позволено выжить — я пробивала свой собственный путь без какой-либо помощи.

Но Фокс, он был совершенно другим.

Он был ребенком, которого все родители ненавидели. Тем, кого не понимали и притворялись, что он не существовал.

Не потому, что он был злым, неуклюжим или жестоким, а потому что он был испорчен и

нуждался в слишком большом количестве помощи, чтобы исправиться, чтобы стать подходящим для общества.

Игнорирование и ненависть толкнули этого ребенка во тьму.

Я хотела ненавидеть его.

Я хотела презирать его.

Он причинил мне боль.

Он использовал меня.

Снова и снова.

Но в конце концов я поняла его.

Я простила его.

Но я никогда не буду в состоянии спасти его.

Три события, изменившие мою жизнь, произошли в быстрой последовательности.

Первое случилось, когда Клу ввалилась через двери «Обсидиана» на этаж бойцов и почти сбила меня с ног. Я собиралась уходить, чтобы покинуть мир Фокса навсегда, когда она ворвалась из ниоткуда.

Я завертелась и начала падать назад, но была поймана Штопором, появившимся рядом с ней.

Один взгляд на ее опухшие от слез глаза, и я знала.

Что-то случилось с Кларой.

— Она в порядке? Скажи мне! — паника вспыхнула в моей крови, сдирая с меня кожу живьем.

— Скажи мне, Клу! Сейчас же! — сценарии моих ночных кошмаров всплыли в моей голове.

Клара умерла.

Клара в коме.

Клара ушла навсегда.

Мои глаза расширились, сердце застучало сильнее.

— Она ум-умерла?

Пальцы Штопора впились в мой локоть, пока он держал меня, чтобы я могла сохранять равновесие, когда Клу обхватила мои щеки руками и покачала головой. Ее миндалевидные глаза были красными от слез, но она казалась спокойной.

— Нет! Она в порядке.

Она в порядке. Спасибо, Господи.

Паника сменилась на чистый гнев.

— Ты довела меня почти до сердечного приступа, чтобы прийти и сказать, что она в порядке? — я сбросила руку Штопора, положив свою руку на быстро колотящееся сердце. — Я не понимаю.

Клу бросила взгляд на свою поддержку. Бен был тем, кто сглотнул и сказал:

— Она упала в обморок в школе. — Его голос был мягкий и гладкий, сохраняя меня спокойной, даже когда появилось ощущение, что мое тело разрывается на части. — У нее был приступ в течение трех минут. В школе позвонили в скорую, и они отвезли ее пункт первой помощи.

Моя голова закружилась. Мои худшие ночные кошмары становились явью. Слишком рано. Слишком рано!

Ее приступ кашля прошлой ночью и теперь это? Ее симптомы стремительно усиливались.

Я должна была попросить Фокса о деньгах прямо сейчас. Я должна придумать историю, чтобы заставить его дать мне еще сто тысяч долларов.

Клу погладила меня по плечу, ее тепло и поддержка помогли собрать мои разрозненные мысли.

— Она в порядке. Врачи не знают, что послужило причиной этого...

Я зарычала.

— Конечно, они не знают, что было причиной. Чертовы идиоты не обнаружили это раньше. — Я схватилась за грудь, так как огромный шар боли образовался в моей груди. — Они не обнаружили это, Клу. Из-за их ошибки моя дочь приговорена к смерти.

Я всегда держала в узде свое горе, но в эту секунду хотела взорваться. Я хотела крушить мир как беспощадный тайфун, и разрушить так много, как это возможно.

Я хотела уничтожить докторов, которые сломали мою жизнь и жизнь моей малышки.

Я не хотела больше ничего терпеть. Фокс причинил мне боль. Жизнь залепила мне пощечину. Мое прошлое почти разрушило меня. Я просто хотела отключиться.

Я недостаточно сильная!

Рыдание почти вырвалось из моей груди, и я наклонилась, чтобы сделать несколько долгих вдохов.

Если ты начнешь плакать сейчас, ты не остановишься.

— Все в порядке, Зел. Все будет в порядке. — Клу гладила мою спину и бормотала: — Это хреновая ситуация, но она в порядке. Честно говоря, если подумать, то больше похоже, как будто она симулировала это, чтобы сбежать из школы. Ты не должна волноваться.

Я подбросила руки в воздух.

— Я не должна волноваться? — слезы отделились волной неприятного покалывания по позвоночнику. — Как ты можешь говорить так? Каждую ночь я лежу в постели и считаю ее вдохи, чтобы убедиться, что она все еще со мной. Настанет день, когда она перестанет дышать, Клу! Тогда что? Что, черт побери, я буду делать со своей жизнью?

Сожаление и ненависть к самой себе обрушились волной на меня. Где я была, пока Клу забирала мою дочь из пункта первой помощи? Вместо того чтобы быть со своей дочерью, я была с мужчиной, который трахал меня, с мужчиной, которого я уже и не надеюсь спасти.

«Твои приоритеты все испортили».

Я ненавидела себя.

Я никогда не прощу себя.

Все, что случилось с Фоксом, казалось ничтожным. Что, если он ранит меня? Что, если у меня был какой-то гребанный «синдром-спасителя»? (прим. пер. «синдромом спасителя» обладают люди, которые постоянно испытывают необходимость кого-то спасать). Что, если это моя вина, что он слетел с катушек?

Я толкнула его за пределы его контроля, и за последствия могла винить только себя. Он не хотел обидеть меня — под всем этим запугиванием он был обычным человеком, который пытался найти выход из положения, — так же, как и я.

Его проблемы были вампирическими: он высасывал мою душу и энергию, пока я не оставалась полностью опустошенной и бесполезной и не находилась на самом пределе своих эмоциональных возможностей.

У меня не осталось ничего, чтобы дать ему, но я должна продолжить. У меня не было такой роскоши, чтобы забыть или предаться слезам.

Клара была единственной, кто мне нужен.

Она была всем, что имело значение.

Всхлип покинул мое горло, и Штопор обнял меня своими большими руками. Тепло его тела помогало мне сжечь некоторые мои бесполезные мысли, мгновенно приводя меня в ясное сознание.

Они с Клу едва знали друг друга, но он стал огромной частью наших жизней. Каждую ночь я возвращалась домой, и он был там. Невероятный повар, тактичный гость и полностью одурманенный Клу.

Его глубокий голос вибрировал в его груди.

— Все в порядке. Мы будем с тобой, если это когда-нибудь произойдет. А сейчас... Клу. Расскажи ей.

Перестав сутулиться, я снова стала натянута как струна от нервов.

— Рассказать мне, что?

Клу сделала шаг назад.

— После пункта первой помощи, мы отправились домой, но Клара устроила огромную истерику и заставила нас приехать к тебе. Она отказывается ехать домой без тебя. Я никогда не видела ее такой расстроенной и упрямой. Она вела себя как маленькая злючка.

В моих ушах зазвенели громкие, ужасные колокола. Пожалуйста, только не говори...

Бен прочистил горло.

— Я знаю, это не лучшая идея, привезти ребенка в нелегальный клуб, но... она здесь.

— Что? — завизжала я, привлекая внимание двух здоровенных мужчин, разогревающихся на боксерском ринге.

Они привезли мою умирающую дочь в дом монстра!

— Она ждет тебя в машине. Штопор пошел со мной в клуб. Я подумала, что мы могли бы поехать домой вместе. — Клу гладила меня по руке, пытаясь успокоить. — Все в порядке, Зел. У нас будет спокойная ночь — только мы трое, как в старые добрые времена.

Я не слушала то, что она говорила.

— Вы оставили мою дочь в машине перед нелегальным клубом. Как вы могли быть такими глупыми?

Мое тело умирало изнутри от мысли, что Клара была так близка к дьяволу внутри Фокса. Две части моей жизни, которые я так старалась держать подальше друг от друга. Две части, которые никогда не должны были встретиться.

— Это был единственный выход. Мы не могли привести ее сюда, — сказала Клу.

Ничто не могло сдержать меня. Я задымилась от злости.

Прорвавшись через огромные, металлические двери, я быстро бежала по коридору к выходу.

Пожалуйста, пусть его не будет с ней поблизости. Я сжала руки, молясь, чтобы Фокс все еще был в своей ванной, делая, Бог знает что, чтобы взять себя в руки.

Я не могла переварить мысль, что он был рядом с таким драгоценным, хрупким созданием.

Если он даже просто смотрел на нее.

Ярость бурлила в моей крови. Мои материнские инстинкты включились в полную силу.

Во второй раз моя жизнь изменилась, когда я выбежала через двери.

Мое сердце ухнуло в желудок, когда я вышла наружу и резко остановилась.

О боже мой.

Нет, пожалуйста. Пусть это будет галлюцинацией.

Это не могло быть правдой. Не могло.

Клу остановилась рядом со мной как раз, когда Бен вылетел из помещения, натолкнувшись на нее.

— Какого черта? — пробормотала Клу. — Потрудись объяснить, что...

Я сглотнула крик и была готова броситься в атаку как кавалерия из ста человек. Мои руки и ноги были оружием. Мой голос был грубой, издающей звук предупреждения врага о его скорой смерти.

— Отойди от нее!

Фокс поднял взгляд, его белые глаза расширились, когда я остановилась. Он не сдвинулся ни на сантиметр, когда я оскалила зубы, как дикая кошка, и крикнула отойти от нее.

Их руки повисли в воздухе, и Клара сделала шаг, наткнувшись на мое тело.

— Оу!

Я никогда не чувствовала себя настолько плохо, не чувствовала такого сильнейшего желания к насилию, чтобы пустить чью-то кровь. Тяжело дыша, я отодвинула ее за себя, ограждая ее крошечное тельце своим. Я стояла лицом к мужчине, о котором я думала, что могу позаботиться, к мужчине, которого я тайно желала, что могу полюбить, и на кого выплеснула всю свою враждебность и перевернутые с ног на голову эмоции.

— Не смей прикасаться к ней! О чем ты думал? Только потому, что ты смог причинить мне боль, ты думаешь, что можешь причинить боль моей дочери? Как тебе не стыдно!

Фокс вздрогнул, как будто я ударила его, и склонил голову.

Клара извивалась, вырываясь из моей хватки, чтобы встать перед ним. Мои глаза метались между ней и Фоксом, считая расстояние между ними — оценивая риск, может ли он попытаться опрокинуть и прижать ее к земле.

Ее яркие, наполненные огнем глаза, вперились в мои. Страх и замешательство окрасили ее щеки.

— Что ты делаешь, мамочка? Он не причинит мне боль! Мы — друзья. Мы пожали друг другу руки, как новые друзья. Помнишь? Ты учила меня. — Ее маленькие ножки затопали по гравию. — Он не сделал ничего плохого. Оставь его в покое!

Ее нрав был живым и здоровым. В этот момент я оценивала цвет ее кожи, то, как она дышит, выискивала любой признак, что она была более близка к смерти, чем к жизни. Но она практически сияла, ее щеки были окрашены в розовый цвет, и она источала силу.

Она никогда не была обычным ребенком. Всегда была очень смелой во всем — бесконечные вопросы и никакого страха, когда ей приходилось с кем-нибудь разговаривать.

Поверх ее головы я посмотрела на Фокса. Он не двигался. Не имело значения, как много раз я моргнула, я не могла избавиться от картины: маленькую ручку Клары поглотила огромная рука Фокса. Та же самая рука, что душила меня и крепко держала, пока он неистово трахал меня. Та же самая рука, что была вся в шрамах, и бесчисленное количество раз делала вещи, с которыми он не мог жить.

Игнорируя Клару, я прошипела:

— Фокс. Ты слышал меня. Не подходи к ней близко снова. Это не было частью соглашения.

Его глаза медленно поднимались, как будто сила его злодеяний обрушилась на его плечи тяжким грузом.

— Мне жаль. — Он моргнул, покачав головой. Осознание заполнило его серебристый взгляд. — Я ничего не мог поделать. Я... — его глаза взметнулись к Кларе. В это же мгновение они заискрились обожанием и благоговением. Мое сердце остановилось от того, как он смотрел на нее — совсем по-другому, нежели на других. Он превратился из злого бойца в доброго гиганта, который зависел от каждого слова ребенка перед ним. — Она совершенство, Зел.

Медленно, с хрустом костей, он поднялся в вертикальное положение и провел рукой по волосам. Он встряхнулся, как будто был медведем, который вышел из спячки.

— Ты никогда не поймешь, как сильно я ненавижу себя за то, что случилось между нами сегодня. Никакое количество извинений не искупит того, что я сделал, но, пожалуйста, поверь мне, когда я говорю, что никогда не причиню боль твоему ребенку. — Его рот скривился, и он ударил себя в грудь. — Я даю тебе свою клятву.

Клара вырвалась из моих рук, бросившись к Фоксу. Мое сердце перестало биться, когда она обернула свои крошечные пальчики вокруг его чудовищных.

— Ты слышишь? Ему грустно. Ты отругала его, теперь прости его. Так ведь работает наказание, верно? Когда я делаю что-то плохое, ты кричишь и затем обнимаешь меня. — Она ступила вперед, безуспешно пытаясь потянуть Фокса ко мне. — Обними его, чтобы он почувствовал себя лучше.

И Фокс, и я одновременно рванули назад, оставив Клару стоять между нами. Наши голоса слились в громкую комбинацию:

— Нет.

Мы стояли уставившись, пока Клара уверенно стояла на гравийной насыпи.

— Он мой. Я представилась, и мы теперь друзья. Он нравится мне, и ты глупая, если думаешь, что он обидит меня. Он не сделает этого, мамочка. Он не плохой незнакомец, поэтому перестань так себя вести.

Их моего рта вырвался звук полусмеха, полупаники. Как я вырастила такого красноречивого тирана? Такую упрямую и взрослую не по годам.

Появилась Клу, остановившись рядом со мной. Ее тело было готово к бою, глаза метались между Фоксом и мной.

— Все в порядке?

Штопор появился позади нее, его темная кожа поглощала солнечный свет, как черный мрамор.

— Мистер Обсидиан. Все в порядке?

Фокс посмотрел на него, прочистив горло.

— Да. В порядке. Все в порядке. — В его голосе не было ни единого признака, что что-то случилось, или признака боли, которую я слышала, когда он клялся, что не причинит Кларе боль.

Его глаза вернулись к Кларе, снова наполнившись изумлением, граничащим с одержимостью. Мое сердце пропустило удар. Почти бессознательно я двинулась вперед и одной рукой приобняла Клару за плечи, сильнее притягивая ее к себе.

Она вырывалась. Ее сила заставила меня покачнуться на ногах, и мое внимание сконцентрировалось на ней. Ее щеки были розовыми, губы красными, а глаза горели огнем. Единственным признаком ее приступа была более бледная, чем обычно кожа.

Она была готова начать войну за покрытого шрамами незнакомца, которого только что встретила.

Она такая же, как и я.

Эта мысль одновременно и приводила в восторг, и ужасала. В детстве я была такой же упрямой. Я хотела взмахнуть волшебной палочкой и сделать всех счастливыми: спасти котят, помочь бездомным детям. Обнять щенков и обеспечить мир во всем мире. Я была такой глупой, думая, что обладаю силой изменить чью-либо жизнь. А Клара не проживет достаточно долго, чтобы выучить этот урок.

Нуждаясь в том, чтобы прикоснуться к ней и напомнить себе, что она в безопасности и невредима, я нагнулась. Разгладив ее любимый фиолетовый джемпер, я спросила:

— Ты в порядке? Тетя Клу рассказала мне о том, что случилось в школе.

Она посмотрела на Фокса, подарив ему небольшую улыбку. Казалось, что он находился в трансе, не вернув улыбку в ответ, и как будто даже не признавая никого вокруг себя.

Она целиком и полностью вскружила ему голову.

Я ненавидела это напряжение. Искреннюю связь, что возникла у него с моей дочерью. Это выводило меня из себя, но также наполняло небольшим триумфом надежды. В первый раз я увидела стремление в его взгляде.

Стремление быть лучше. Тоску по чему-то, чего я не знаю.

— Я в порядке, — огрызнулась она, ее яркие глаза встретились с моими, прежде чем вернуться к Фоксу. — Я просто немного устала от кашля, это все. Я задремала, а в этой тупой школе позвонили в больницу.

— Клара. Ты знаешь, что тебе нельзя использовать слово «тупой». — Я постучала по кончику ее носа. — Используй «глупый» или не используй его совсем.

Она вздохнула, глаза вспыхнули.

— Не смущай меня, мамочка. Мне уже не пять лет.

Мое сердце забилось с новой силой, от воспоминаний о том, какой деспотичной она была в пять лет, с этими шелковистыми каштановыми волосами и энергией больше, чем у мегаваттной батареи.

Клу шагнула вперед, положив руку мне на плечо. Я встала прямо, не отходя от Клары.

Фокс не пошевелил и мускулом. Его глаза были наполнены воспоминаниями, которые я не понимала, его челюсть была расслаблена, тело сгорблено, как будто Клара забирала жизнь из него.

Несмотря на то, что случилось между нами, я ненавидела отчаяние в его взгляде — потерянность и печаль.

Отодвинув Клару за себя еще раз, я шагнула вперед и махнула рукой перед его глазами.

— Фокс.

Это заняло секунду, но он моргнул и сфокусировался, вырывая себя из какой-то темноты. Его плечи распрямились.

— Извини. Кое о ком задумался.

Кое о ком? О ком?

Сжав кулаки, он не сводил с меня взгляд, не смотря на Клару.

— Слушайте, я должен идти. Работать. Я забыл — срочное дело.

Мой желудок сжался от его очевидного страдания. Счета были в порядке, все материалы заказаны и доставлены. Клуб откроется только через шесть часов.

Он убежал.

Меня заполнили две противоположные эмоции. Я хотела, чтобы он убежал. Я хотела, чтобы он был как можно дальше от Клары. Но мое сердце плакало от мысли, что он будет один. Убежит от маленькой девочки, которая уже покорила его. Убежит от женщины, которая проявила вспышку гнева, а сейчас чувствовала бесконечную печаль.

Печаль по нему.

Печаль по нам.

Просто печаль.

Я хотела обвинить его в том, как он повел себя прежде — еще раз доказать, что он не был нормальным и не мог быть усмирным. Но если бы я обвинила его, я бы запятнала себя. Он бы никогда не причинил мне боль, если бы я не подтолкнула его. Он предупредил меня, а я не послушалась.

Несмотря на то, что произошло, с момента нашей первой встречи в его поведении был виден заметный прогресс. Разница была в том, что он хотел измениться, в то время как я не думала, что он обладает достаточными возможностями, чтобы совершить это.

Этого просто было недостаточно.

Он был слишком опасным — полностью непредсказуемым, — и я не могла позволить ему находиться в этой части моей жизни. Если я предложу ему еще один шанс, он может причинить мне боль, или хуже, причинить боль Кларе.

Моим первым обязательством была моя дочь, и я не смогу совместить их вместе — это не сработает. Нежная и опасный. Хрупкая и пугающий. Нет, я не позволю этому произойти.

— Да. Хорошая идея. Тебе лучше уйти. — Я не хотела больше крови на своих руках, а я знала, что в конечном итоге убью его, если он даже посмотрит на Клару как-то не так.

Фокс сделал шаг назад с тяжелым кивком.

Штопор двинулся вперед.

— Эй, тебе нужна помощь? Я собирался на тренировку, прежде чем Клу сказала мне, что уезжает, но я буду более чем счастлив помочь, если тебе нужно что-нибудь, — его темные глаза метнулись к Клу.

Она кивнула с легкой улыбкой. Казалось, что мы втроем объединились для одной операции: «Держать Фокса подальше от дочери Зел».

Клу сказала:

— Это хорошая идея, Бен. Я вернусь и заберу тебя, когда отвезу Зели и Клару домой.

Маленькие руки Клары легли мне на бедра, и она перегородила мне путь.

— Я еще не хочу уходить. Мне здесь нравится. — Ее губы были надуты, и она указала на Фокса.
— Я хочу узнать больше о плохом человеке. Он напугал моего нового друга, мне это не нравится.

Прежде чем я смогла схватить ее, она пересекла небольшое расстояние и встала очень близко к Фоксу. Слишком близко. Опасно близко.

Мое сердце взлетело до горла, когда она положила руку на бедро Фокса, просунув пальцы через петлю ремня.

Фокс закрыл глаза и сделал огромный вдох во всю силу своих легких.

Все замерли.

Клу и Бен понятия не имели, какой риск собой представлял Фокс, но, казалось, что они чувствовали. Они увидели мою панику, и все мы одновременно начали двигаться.

Подо мной захрустел гравий, когда я бросилась вперед и схватила Клару за руку, дернув ее назад.

— Нет! — она вцепилась в петлю ремня Фокса. — Я хочу остаться.

За всю свою жизнь она никогда не устраивала истерик. Никогда. Она знала, к чему это может привести, так что, черт побери, она делала? Второй раз за день.

— Клара Хантер, ты слушаешь меня прямо сейчас. — Я уперла руки в бока, сердито глядя на своего непослушного ребенка. Того же ребенка, что держался за монстра, как будто она нашла нового питомца.

Фокс внезапно упал — за секунду из стоячего положения он упал на колени. В то же положение, в котором я и нашла его, когда он пытался прикоснуться к моей дочери. То же

положение, что позволяло ему быть чуть ниже полного роста Клары.

Его холодные глаза открылись, глядя на Клару.

— Ты должна слушать свою маму. Она хочет, чтобы ты ушла.

Клара поджала губы, ее щеки покраснелись.

— Я не хочу уходить. У тебя есть истории. Я хочу их услышать. Я хочу услышать о плохих людях. Я хочу остаться. — Ее большие карие глаза наполнились слезами.

Несколько раз в прошлом Клара использовала притворные слезы, чтобы обвести меня вокруг пальца. У меня был иммунитет к ее хитрым уловкам, но у Фокса... не было.

Он застонал и опустил голову, обхватив ее руками. Я никогда не думала, что такой представляющий угрозу мужчина, будет разбит из-за нескольких слезинок ребенка.

Клара внезапно остановилась и сделала то, что почти заставило меня поседеть.

Ее маленькие ручки обхватили его голову, притянув к ее крошечной, хрупкой, такой уязвимой груди.

— Нет! — я рванула вперед, но Клу отдернула меня.

— Зелли, ты напугаешь ее. Все в порядке. Бен здесь, если что-то пойдет не так.

Она не знала, на что способен Фокс. Она не знала!

Я вырывалась из хватки Клу, слезы брызнули у меня из глаз, когда Фокс медленно оттолкнул мою дочь. Каждое движение было деликатным, он держал себя под контролем, источая дисциплину и строгость.

У Клары не оставалось и шанса, чтобы держаться за него. Своей большой рукой, которую он положил ей на живот, он оттолкнул ее, пока они не стояли на расстоянии вытянутой руки.

Ее руки больше не держали его за голову, и она стояла с широко открытыми глазами, наполненными болью.

— Тебе не нравится, когда тебя обнимают? Я люблю, когда меня обнимают, если я чувствую себя нехорошо или когда меня обидели, — говорила она беспокойно, не отводя взгляда от Фокса. — Тебя обидели, поэтому я хочу обнять тебя. Я сделаю так, что ты будешь чувствовать себя лучше. Обещаю.

Мои ноги дрожали. Я понятия не имела, как все еще умудрялась стоять.

Фокс смотрел на нее так, как будто кроме нее в мире ничего не существовало. Все его тело дрожало, а руки крепко сжимали его бедра, сильно врезаясь в мышцы.

— Для меня объятия значат не то же самое, что и для других людей, Клара.

Она снова подошла ближе к нему.

— Так... как ты заставляешь чувствовать себя лучше?

Глаза Фокса взметнулись к моим. Сила его взгляда ослабила контроль над моими эмоциями, и небольшой стон вырвался из моего рта.

— Ну, мне немного помогает твоя мама. — Он улыбнулся, и когда снова посмотрел на Клару, его глаза выглядели больше как мягкий снег, чем суровая снежная буря. — Она восхитительная. Ты счастливица, что она у тебя есть.

Клара посмотрела на меня и пожала плечами.

— Она нормальная, я думаю. — Небольшой смешок покинул ее рот.

Бен рассмеялся, и мои ноги не выдержали. У меня не было выбора, кроме как упасть на землю и встать на колени, как Фокс. Мы оба уставились друг на друга, стоя на коленях на гравии, и моя дочь между нами.

Его глаза кричали безмолвные обещания.

«Я обещаю, что не причиню ей боль».

«Я даю тебе мое слово».

«Пожалуйста....»

Я не знала, сломает ли меня его мольба, поэтому закрыла глаза, заблокировав его. Я никогда не знала человека, который мог расстраивать меня, вселять в меня ужас и выбивать меня из колеи в одно и то же время.

Мое разодранное, благодаря Фоксу, в ключья сердце, сбросило броню, которую я нацепила против него. В закаленной оболочке появилась трещина, и что-то дернулось глубоко внутри.

Я была не в состоянии помочь Фоксу.

Но моя дочь могла.

Моя маленькая умирающая дочь, по которой я буду скучать всю оставшуюся жизнь.

Мои глаза открылись, готовые ответить его безмолвным мольбам. Он хотел разрешения быть рядом с Klarой. Я могла позволить это на несколько часов, и затем я смогу забрать ее и запереть под замок. Было так много заманчивой опасности, с которой мне было по силам справиться. Ты причинишь ей боль, и я убью тебя.

«Ты причинишь ей боль, и я убью тебя».

«Я сделаю это, не колеблясь».

«Но ладно...»

Он расправил свои большие плечи, и слабая улыбка появилась на его губах.

— Klyanus' svoey zhizn'u ya ne prichinu yey bol'.

Клу встала рядом со мной, скрестив свои стройные руки.

— Эм, потрудись повторить на английском?

Фокс покачал головой, его глаза открылись шире.

— Извини. Я не понял, что перешел на другой язык. Я сказал, что клянусь своей жизнью, я не причиню ей боль. — Его ответ был для Клу, но его взгляд не покидал мой. Его глаза светились правдой. Я по-настоящему поверила, что он быстрее убьет себя, чем позволит чему-то безумному внутри него причинить боль Кларе.

Маленькая капелька беспокойства испарилась, и я кивнула.

Фокс на мгновение закрыл глаза, светясь благодарностью.

Бен ступил вперед, его брови сошлись вместе.

— Подождите, что ты имеешь в виду под «я не причиню ей боль»? — его тон был резким. — Конечно, не причинишь. Кто, черт побери, говорит что-то подобное?

Напряжение возросло в нашей небольшой группке, из-за чего моя кожа покрылась мурашками.

— Все в порядке, Штопор. Я знаю, что он имел в виду. — Бен посмотрел на меня с беспокойством на лице. — Все в порядке. Правда.

Клара прыгала в своих пыльных черных туфлях.

— Я знаю, что он имеет в виду. Я знаю. Знаю.

Мое сердце замерло в ожидании ее слов. Фокс, казалось, также забеспокоился, и неловко заерзал на своих коленях.

— Он имеет в виду, что ему не нравится, когда его обнимают или прикасаются. Я думаю, это вина плохого человека, потому что плохому человеку не нравится любовь. Все плохие люди злые и холодные, я не люблю их. — Ее широко раскрытые глаза смотрели на Фокса. — Я права? Ты на самом деле хочешь, чтобы мамочка обняла тебя, хоть она и сердится, и кричит на тебя, но ты не знаешь, как это делать. На самом деле, это очень просто. Все что тебе нужно, это обернуть руки вокруг нее.

Прошла целая вечность, прежде чем Фокс побеждено кивнул.

— Ты права, крошка.

От мягкости его голоса в моей крови разгорелся огонь. Я позволила ему провести с Кларой всего несколько часов, не вечность. Я не могу позволить ему привязаться к ней. Она не принадлежала ему, чтобы он мог к ней что-то испытывать.

Я резко поднялась на ноги.

— Нет, Фокс.

Его глаза встретили мои, и он нахмурился.

— Что «нет»?

Я сердито посмотрела, надеясь, что он поймет мое безмолвное сообщение. *«Не смей привязываться к ней. Она не твоя, чтобы привязываться».*

Он тоже встал и сделал шаг назад. Он не сказал ни слова.

Клара повернулась ко мне лицом, ее руки на бедрах, она выглядела слишком упрямой для столь юного возраста.

— Если он хочет, чтобы его называли как животное, то я тоже хочу. Называй меня Пони... нет, подожди, называй меня Лошадка. — Ее нос сморщился. — Они не такие красивые как лисички. — Она повернулась к нему лицом. — Почему моя мама называет тебя так?

Фокс посмотрел на меня, прежде чем очень ловко сменить тему.

— Почему ты хочешь, чтобы тебя называли «Лошадка» или «Пони»? Я думаю, что Клара — очень красивое имя.

Клара захихикала, снова подходя к нему, как если бы он был огромным подсолнухом, а она голодным шмелем.

— Это потому, что я люблю лошадей. Мое самое любимое в мире шоу «Flick the pony», и когда я вырасту, я заведу много-много лошадей и стану жокеем. — От ее радостного, наполненного надеждой голоса, я захотела разрыдаться.

У нее была одержимость лошадьми. Это могла быть мечта, воплощенная в реальность — позволить ей ее собственную лошадь или даже уроки верховой езды. В другой жизни, может быть. В других условиях, где над ее головой не было бы смертного приговора.

Фокс улыбнулся.

— Я тоже люблю лошадей. Всех животных. Я делаю их, ты хочешь их увидеть?

Солнце скрылось за облаком, и над нами нависла тень. Мое тело напряглось, ощущая предзнаменование, предчувствуя что-то страшное. Я не хотела, чтобы Клара находилась рядом с его домом. Я никогда не заберу ее отсюда с этими приводящими в восхищение статуями. Я согласилась позволить Фоксу поговорить с ней, но я не соглашалась ни на что большее, кроме краткого знакомства.

Клу подошла ближе, прошептал в мое ухо:

— Я никогда прежде не видела, чтобы ребенок так вскружил голову мужчине. Не удивительно, что тебе нравится работать с ним. Под устрашающей внешностью, он был огромным добряком.

Я фыркнула. Фокс. Добряк? Я была единственной, кто сквозь этот серовато-синий шрам и его угрюмость видел... его душу? Его темную и испорченную душу?

Нет, я не была единственной.

Клара тоже видела, но вместо того чтобы бояться его, она страдала тем же недугом, что и я. Она хотела исправить его. Она наивно полагала, что немного клея и скрепок починят его. Но когда она поймет, что это невозможно, это разобьет ей сердце. Но как я могу предостеречь ее от попытки?

— У тебя есть лошади и пони... и овцы? Ох, я люблю овец. — Клара сделала еще один шаг к Фоксу и оказалась слишком близко.

Он предвидел, что она прикоснется к нему, и сделал шаг назад.

— У меня много животных, но нет овец.

Задумавшись, Клара жевала внутреннюю часть своей щеки, как будто это был решающий момент сделки. Ее глаза засияли.

— Ты можешь сделать овцу?

Фокс мягко улыбнулся.

— Я могу сделать овцу, если ты хочешь.

Она кивнула.

— Боже, да, я хочу.

Фокс сделал небольшой шаг, его тело было напряжено и угрюмо. Он выглядел так, как будто запас его сил истощался. Как долго он сможет держать себя под контролем?

Стремительно шагнув вперед, я схватила Клару и прижала ее к своим ногам, удерживая, обвив руками ее шею. Она завизжала, но позволила мне ограничить ее передвижения.

Третье и последнее событие, изменившее жизнь, произошло из-за невинного вопроса Клары.

— Мамочка, я хочу увидеть коллекцию животных Роана. Не забирай меня еще домой, хорошо?

Роан?

Роан.

Его настоящее имя.

Мои глаза, широко раскрытые и изумленные, вперились в глаза Фокса, в них было немного боли. Он сказал моей дочери, которая знала его десять минут, его настоящее имя. Он не предоставил мне эту честь. Он брал все, что я давала, и не давал мне ни единой частички себя.

Фокс стиснул челюсть, узнавая мой гнев, но, не признавая его. Вместо этого, он спросил:

— Это из-за Клары ты уходишь каждую ночь? Поэтому ты не остаешься?

Клу втянула воздух рядом со мной, наконец ощутив искры и энергию между нами. Я не ответила ему. Это было не его дело.

Он опустил глаза к Кларе.

— Твоя мама приходит домой каждую ночь? Ты будешь скучать, если она не придет?

Клара, счастливая быть включенной во взрослый разговор, быстро и без остановки выдала слишком много информации.

— Да. Она уходит на работу и затем возвращается домой, проводя время со мной и тетей Клу, и Бенном. Мы смотрим телевизор. Она заставляет меня делать домашнее задание. — Ее носик сморщился. — Гадость. — Затем ее маленькая ручка сжала мою ногу.

Мое сердце сжалось от всепоглощающей любви.

— Но затем мы лежим в темноте и болтаем о том, чего хотим больше всего, как например, огромный холодильник, наполненный шоколадным мороженым, и когда она рассказывает мне множество чудесных историй, я засыпаю. Она на самом деле невероятная. — Она подняла голову, на ее маленьком носике отражался солнечный луч, пробивающийся сквозь облака. — Я люблю ее. Я буду скучать по ней, если она не придет домой, потому что она мой самый лучший друг в целом мире.

Она резко двинулась, бросившись к Фоксу, и взяла его за руку.

Он замер, превратившись из мужчины в статую. Его ноги задрожали, но он удержался на ногах.

— Вот почему тебе нравится моя мамочка? Она рассказывает тебе истории и помогает делать домашнюю работу?

Клу и Бен задержали дыхание, чувствуя мой страх. Я не смела двигаться, в случае, если стану спусковым крючком для агрессивной реакции Фокса. Бен осторожно придвинулся к нему, чтобы он мог схватить его в любой момент.

Я послала ему благодарную улыбку. Спасибо Господу, что он здесь. Мне нужен был постоянный телохранитель рядом с Фоксом. И я ненавидела, как печально это было.

Мы когда-нибудь найдем равновесие? Безмятежное мгновение, в котором мы сможем прикоснуться друг к другу, смеяться и ласкать друг друга, как нормальная пара?

Мы не пара.

Отношениями между нами были сложными, но сейчас они превратились в Кубик Рубика с тысячами различных последовательностей цветов, когда Клара пересекла черту в царство тайн Фокса.

Фокс не выпускал руки Клары, и мое сердце подскочило до горла, когда он пригнулся, чтобы быть на одном уровне с ней.

— Она помогает мне с домашней работой, но никогда не рассказывает историй. Думаешь, ты можешь рассказать мне какую-нибудь из тех, что она рассказывала тебе?

О господи.

Что может быть еще хуже? Каждая история, которую я рассказывала Кларе, несла в себе жизненные уроки, которые я получила на своей шкуре. Мои испытания были мифическими существами, мои поражения — злыми ведьмами, но каждая история, в конце концов, заканчивалась счастливым концом.

Фокс поймет — он узнает мои секреты через мою дочь, как через открытую книгу. Ничего от моего прошлого не утаится от него.

Клара кивнула, счастье сверкало в ее карих глазах.

— Я могу. Ты расскажешь мне что-нибудь в ответ? Ты знаешь какие-нибудь хорошие истории? Держу пари, что знаешь. Готова поспорить, что ты получил шрам, сражаясь с драконом, спасая красивую принцессу. — Она потянула его за руку, ее юное тело источало сильное волнение.

Фокс кивнул.

— У меня есть несколько историй, которыми я могу поделиться. — Он немного наклонился и прошептал ей в ухо: — Я их никогда никому не рассказывал, поэтому ты должна будешь сказать мне, хороши ли мои истории.

Клара сияла, радость плескалась в ее глазах.

— Я скажу тебе. Хотя я уверена, что они великолепны. Можем мы сейчас пойти увидеть лошадей?

Фокс посмотрел на меня. Я посмотрела на Клу. Клу посмотрела на Бена. Бен посмотрел на Клару.

Существовал лишь единственный ответ, который я могла дать, но он не был тем, которого я хотела. Я желала, чтобы Фокс никогда не встречался с Кларой, так как я сомневалась, что теперь смогу разделить их.

— Да, ты можешь пойти. Но я тоже пойду.

Фокс подарил мне душераздирающую улыбку, прежде чем шагнул к дому.

С тяжелым сердцем и рукой, сжимающей нож в моем кармане, я последовала за убийцей, чья рука держала руку моей дочери.

Роан

Все люди коллекционируют воспоминания. Это когда-то было моим любимым времяпровождением: спрашивать братьев новобранцев, об их любимом воспоминании. Где был их разум, когда их избивали или отдавали приказы на убийство?

Их счастливые мысли варьировались от мягких игрушек и хорошеньких девушек до их любимой еды. Ни разу мы не упоминали наши семьи.

Это приводило еще к большим неприятностям.

Я нарушил правило, думая о Василии.

Три месяца, что мы делили пространство — были самыми худшими и лучшими в моей жизни. Я был ответственен за его еду, воду и кров. Я был его защитником. Его братом и другом. Знать, что он полагается на меня, давало мне цель. Он давал мне причину продолжать идти. Продолжать надеяться.

День, когда они заставили меня убить его, разрушил все, что осталось внутри меня. Надежда угасла, все шансы на счастье были уничтожены. Все следы кем я был, были стерты — то, как они и планировали.

Почти десять лет я прожил в немом гонении, пока стены не рухнули, солнце не засветило, и боль нахлынула с новой силой.

Ребенок был моим исцелением.

Дочь женщины, которую я пытался убить.

Пришло время встретиться лицом к лицу с моим темным прошлым и сказать: «Да пошло ты».

Настало время создать новые воспоминания.

Оно обжигало.

Как оно обжигало.

Каждое ее прикосновение сдирало плоть с моих костей, опалая меня, помогая забыть мое прошлое.

Каждый ее взгляд очищал мои преступления, не предлагая ни суда, ни сострадания.

Ее смех уничтожал мое отчаяние, укрепляя мое желание бороться.

Но затем появлялся условный рефлекс.

На вершине ее чудодейственного эффекта я боролся со своей привычной жизнью приказов, яростно бегущих в моей крови.

— *Убей ее.*

— *Уничтожь ее.*

— *Мы не будем приказывать снова.*

— *Сделай это.*

Приказы были постоянным потоком грязи в моей голове.

Я потел и дрожал, и изнывал от боли с быстро растущим желанием, усиливающимся отказом.

Находиться в присутствии Клары давало мне все то, в чем я нуждался, когда наносил себе повреждения. Никогда снова мне не будет нужно подносить лезвие к своей коже и наблюдать, как течет моя кровь. Так долго как она будет рядом со мной, у меня будет удовольствие и боль, надежда и проклятие, слабость и сила.

Я никогда бы и не подумал, что моей Ахиллесовой пятой станет оживленная, маленькая девочка. Но каждый раз, когда я смотрел на нее, чувствовал, что изменяюсь, развиваюсь, исправляюсь к лучшему. Мое тело боролось против целой жизни в дисциплине, разрушая старые навыки и испорченность.

Трансформация подарила мне гребаные крылья, но также давило на меня. Что, если Зел была права? Что, если я не смогу сдержать свою клятву и причину Кларе боль, так же как ее маме?

Я не хотел того, что произошло сегодня. Я пытался остановить это, когда трахал ее. Я просто не был достаточно силен, и это убивало меня знать, каким сломленным меня оставили мои кураторы.

«Это было неправильно. Скажи ей уходить. Бежать. Никогда не возвращаться».

Опустив взгляд на ореол каштановых волос, окружающих кого-то такого невинного, я знал, что никогда не смогу быть мучеником и прогнать ее. Это могло быть смертным приговором, я был эгоистом — таким невероятным эгоистом — хотел заполнить обеих, мать и дочь.

Мои глаза взметнулись к Зел, наблюдая яростный взгляд в ее зеленых глазах. Чувствуя, что я не могу держать взаперти, разрушающее мои стены, переполняющее чувствами мою грудь, понимание, что связь, существующая между нами это не то, от чего я могу отказаться.

В первый раз я позволил себе признать, как сильно увлечен ею, как сильно мое тело изнывает от того, чтобы заняться с ней любовью, а не оскорбительным страхом. Я хотел, чтобы она была моей первой — моей первой настоящей связью.

Я хотел, чтобы она прикасалась ко мне.

Осознание надрало мне задницу. Прямо тогда я дал себе клятву, что исправлю себя. Что буду оставаться сильным и перестану быть такой жалкой киской. Я не остановлюсь, пока не исцелюсь достаточно для Зел, чтобы она могла прикоснуться к каждому сантиметру моего тела. Я не успокоюсь, пока не стану достаточно сильным, чтобы обнимать ее и прижимать ближе.

Я жаждал воплотить мечту в реальность.

Мой член затвердел от мысли, что снова окажется в ее рту, от ее пальчиков, путешествующих по моей коже. Я хотел отдать ей всё, кем я был — включая мои шрамы и татуировки. Я хотел, чтобы она поняла меня, чтобы она больше не боялась меня.

Открыв дверь, Клара бросилась вперед.

— Вау! — ее яркий радостный голос зазвенел по фойе.

Мое сердце сжалось от смеси мучения и обожания. В одном я был уверен: Клара будет тем, кто меня уничтожит. Она уже сорвала чеку, чтобы полностью разрушить меня.

И мне было плевать, даже если она сделает это. Я бы лучше был уничтожен ею, чем жил всю оставшуюся жизнь, сражаясь с условным рефлексом. Я не мог продолжать так жить — это не было жизнью. Я хотел большего. Я хотел ее. Я хотел Зел.

Я никогда не отпущу ее.

Она — моя.

Ее мать — моя.

Моя. Моя. Черт побери, моя.

Клара пританцовывала по моему дому, ее маленькие пальчики касались каждой статуи, что я сделал. Так же, как ее маме — ей нужно было прикасаться.

Она обернула свои ручки вокруг фигуры детеныша-медведя, протолкнула свои маленькие ручки в пасть волка, похлопала сов по головам и поцеловала верхушки голов пони.

В ее глазах теплилось изумление, и я хотел отдать ей все.

Меня не волновало, что она управляла мной. Меня не волновало, как безумно и неуравновешенно быть настолько одержимым ребенком, которого только что встретил. Никто не в состоянии понять истинную свободу, которую я чувствовал после двадцати двух лет жизни во тьме.

Клара была ходячим солнцем, и я был готов следовать за ней через все восходы и закаты.

Мое сердце расколослось на куски, звеня надеждой. Прежде чем я мог остановить себя, я пробормотал:

— Они все твои. Все до единого.

Зел замерла рядом со мной.

— Что? — ее глаза вперились в мои. В них вспыхнуло изумление, за которым последовало раздражение, смутнение. — Ты не можешь. Нам негде хранить их. — Она опустила взгляд, ее плечи поднимались и опадали, когда ее дыхание ускорилося. Я не винил ее за то, что она была выбита из колеи — была в состоянии повышенной готовности, наблюдая за каждым моим шагом. У нее не было причин доверять мне, и она понятия не имела, что я осознал, что быстрее засуну пистолет себе в рот и пущу пулю, чем причину боль Кларе.

Я не подчинюсь. Василий был последним ребенком, которого я убил.

Зел выпрямила спину, ее выражение лица было отстраненным.

— Это очень щедро с твоей стороны, но мы не можем взять их.

Клара резко затормозила передо мной, едва остановившись, прежде чем врезаться в мои ноги.

— Я люблю их. Люблю. Люблю. Люблю.

Мое лицо и уши все еще горели там, где она держала меня за голову, когда обнимала. Когда ее ручки обхватили мое лицо, мои внутренности вспенились, а мозг был готов взорваться. Меня почти вырвало на подъездной дорожке, когда я боролся со своим условным рефлексом. Воображение забрасывало меня образами смерти и расчленения. Я окаменел и не мог открыть глаза на тот случай, если найду ее порванной на кусочки на земле.

Но я сумею оттолкнуть ее.

Я буду держаться твердо.

Я спасусь, и она будет жить.

Я стиснул зубы, понимая, что мне придется контролировать себя, каждый раз, когда она подходит близко. Я никогда не был рядом с кем-то, кто касался меня так непринужденно.

— Поблагодари мистера Обсидиана за предложение, Клара, но ты знаешь, что у нас нет места,
— Зел положила руки на голову Клара, проводя пальцами по ее каштановым волосам.

Клара надулась, взглянув на меня, а затем на Зел.

— Но... Я люблю их. Я хочу их всех в свою комнату. — Ее красивые карие глаза перемещались между нами, сверкая разочарованием. — Все они живые внутри. Им нужен дом. Им нужен кто-то, кто будет любить их и гладить их, и кормить, — громкий кашель прервал ее, вынуждая

прижать руку ко рту и развернуться к Зел.

Тело Зел оцепенело. Она вцепилась в плечи Клары. Ужас, что отразился в глазах Зел, разбивал мне сердце. Это был просто кашель... разве не так?

— Дыши. Вот так. Тебе нужно...

Кашель остановился так же внезапно, как и начался, и Клара покачала головой. Вытерев рот задней части руки, она топнула ножкой.

— Я ненавижу кашлять. Это больно.

Зел прижала ее к себе, обнимая.

— Я знаю. Мы найдем способ остановить это. Скоро.

Я любил наблюдать за их взаимодействием вместе — такая естественная любовь. Семейная связь, которую я потерял навсегда. Зависть заполнила меня. Мое тело изнывало от желания занять место Клары — наслаждаться комфортом и безопасностью чьих-то объятий.

— Ты страдаешь от сенной лихорадки, Клара? — спросил я, привлекая внимание Зел ко мне. В ее глазах было нечитаемое выражение, защищая ее проклятые секреты.

Оживленность в Кларе немного увяла, но медленно пламя возвращалось. Она покачала головой.

— Я не знаю, что это. Это заболевание, которым лошади заражаются от сена?

Зел выпустила тяжелый вдох, затем рассмеялась.

— Нет, но оно имеет много значений. Сенная лихорадка — это когда у тебя аллергия на пыльцу или другие раздражители в воздухе.

Я ожидал, что Клара будет задавать сотни вопросов, но ее взгляд был серьезным, она кивнула.

— Понятно.

Повернувшись ко мне, она произнесла:

— У меня аллергия на воздух.

Зел издала небольшой удушающий звук, и я не мог объяснить, почему мой желудок решил бороться с моим сердцем в таком болезненном танго.

— У тебя аллергия на воздух?

Она подошла к статуе барсука, ее дыхание было немного хриплым.

— Должно быть, да, потому что я много кашляю, а я дышу только воздухом, а не пы-пыльцой.

Зел крепче обхватила себя руками, ее глаза прикованы к своей дочери.

Что-то было не так.

Мои инстинкты охотника пытались разгадать ее секреты, но она внезапно разомкнула руки и

хлопнула в ладоши.

— Почему бы тебе не подарить Кларе одну из статуй? — она повысила голос, когда обратилась к Кларе. — Как насчет того, что ты выберешь одну? У нас есть комната для гостей.

Клара оживилась и просияла.

— Ладно. — Покружившись на месте, ее улыбка увяла. — Но их так много. Как мне выбрать?

Я не мог сдержать укол боли от того, чтобы заставить выбирать. Я не мог сделать это — не тогда, когда я хотел, чтобы она забрала каждую чертову вещь в моем доме. Они не значили ничего для меня. Если я мог поделиться ими и получить улыбку или две в ответ — это делало меня богаче, чем все состояние моей семьи.

Сделав шаг ближе к Зел, я пробормотал:

— Они все ее. Все до единой.

Зел напряглась, и все чего я хотел — это прикоснуться к ней, предложить какое-то подобие комфорта. Что-то тяготило ее, и я хотел оказать поддержку — даже если она не доверяла мне.

Коснувшись ее щеки, я ожидал натиска условного рефлекса. Я был готов к боли и приказам, но вместо того, чтобы мучиться, была только пульсация и дрожь.

Терпимо.

Мои глаза расширились. Это был ключик? Подтолкнуть себя к границе своей выносливости — постоянное давление через боль, пока мой мозг либо адаптируется, либо взбесится?

— Почему ты делаешь это? — прошептала Зел, так чтобы Клара не услышала. — Почему тебя это заботит? Ты снова причинил мне боль, Фокс. Ты должен понять, как тяжело это для меня. Я не хотела, чтобы ты встретил ее.

Вспышка ярости и боли захватила меня врасплох.

— Ты думаешь, что мне плевать? Что я монстр, единственная цель которого — причинить тебе боль? — я ненавижу, что ее оценка меня была такой низкой. Какого черта?

— Нет. Я знаю, что нет. Я знаю, что ты пытаешься держать себя в руках, но это недостаточно хорошо. Ты не можешь ожидать, что я подвергну свою дочь опасности, только потому, что ты внезапно захотел ребенка в своей жизни.

Наклонившись вперед, я прошипел:

— Я не хочу ребенка в свою жизнь. Я провел всю свою жизнь, избегая их. Я не просил тебя приводить ее сюда. Я не могу изменить того, что случилось так же, как и ты. Никто не может предугадать, как я отреагирую, так почему бы тебе не прекратить бороться и, черт побери, довериться мне. — Мои глаза взметнулись к Кларе, которая не обращала внимания на наше обсуждение, поглаживая статую енота.

Ноздри Зел раздулись, и какое-то время мы сердито смотрели друг на друга. Она была той, кто в конце концов отступила. Ее глаза опустились.

— Мне не комфортно с этим, Фокс. Я знаю, что это была моя вина, что ты сорвался сегодня, но

это не была моя вина до этого, или когда ты украл меня, угрожая ножом. Не думаю, что между нами все хорошо, потому что это не так.

Сделав шаг назад, она украла мой шанс на опровержение.

Я без сомнения знал, что если позволю ей сегодня выйти за дверь, то никогда не увижу ни ее, ни Клару снова.

Этот вариант даже не рассматривался.

Я нуждался в еще одном подкупе — еще одном контракте, чтобы привязать Зел к себе, — чтобы дать себе время исправить всё, что я разрушил между нами, и что более важно — исправить себя.

Сглотнув свою раздражительность, я сказал громко:

— Тебе не нужно выбирать, Клара. Они все твои. И тебе не нужно беспокоиться о том, где хранить их, потому что ты можешь держать их здесь. Вы с твоей мамой приглашены, чтобы остаться со мной насколько вы хотите. В действительности, я был бы счастлив, если бы вы переехали сегодня.

Клара завизжала и бросилась ко мне.

Страх и ярость промчались по моему телу, когда ее маленькие ручки обернулись вокруг моей ноги и сжали. Святое дерьмо. Не теряй контроль. Нет. Мир поплыл перед глазами. Пламя вспыхнуло. Кровь ударила по моим венам крошечными кинжалами.

— *Убей ее.*

— *Заставь ее истекать кровью.*

— *Сделай это, агент Фокс.*

Зел схватила Клару и оторвала ее от меня, быстро отходя назад.

— Не касайся его, Клара. Никогда.

Хоть мое тело и ощущалось, как будто я был избит и изуродован, после тяжелого пресса приказов, я чувствовал себя легче чем когда-либо. Я был решительно оживлен, потому что сдержался.

Ребенок мог обнимать меня, и я не ломался. Она все еще была жива, и я доказал себе, что могу обрести свободу.

Черт побери, это было самое лучшее чувство в мире.

Клара пыталась освободиться от хватки Зел. Ее миленькое личико сияло.

— Ты это имеешь в виду? Я могу остаться с ночевкой? И ты сделаешь мне овцу?

Прежде чем я ответил, она бросилась к Зел, почти сбивая ее с ног.

— Мамочка, можно? Пожалуйста. Пожалуйста. Как дополнительный бонус?

Зел улыбнулась, убрав несколько непослушных прядей со лба Клары.

— Как насчет того, что взрослые поговорят между собой? Я думаю, что видела медведя дальше по коридору. Просто не уходи далеко.

— Ох, правда? Я хочу погладить его. — Вихрем фиолетового, Клара убежала за пределы слышимости нашего разговора.

Зел медленно выпрямилась, и я боролся с сильным желанием сделать шаг назад. Ее глаза горели зеленым огнем.

— Что, черт побери, думаешь, ты делаешь?

Она была такой чертовски сильной. Такой ожесточенной в защите своего отпрыска. Мое сердце увеличилось в десять раз нормального размера, задыхаясь в моей груди. Прошло только пару недель, но я всегда буду в долгу перед этой женщиной, за то, что вернула меня к жизни. И потому что я обязан ей своей жизнью, я никогда не позволю ей уйти.

— Я соблюдаю наше соглашение.

— Какое чертово соглашение? Я не помню, что подписывала, что моя дочь и я переедем в твой причудливый дом. Ты не можешь говорить такое перед ребенком. Теперь она будет расстроена и разочарована, и будет ненавидеть меня, когда я заберу ее домой сегодня. — Она сделала шаг вперед. — Потому что это и случится, Фокс. Мы. Не. Останемся.

Я сжал руки.

— Ради всего святого, я не прошу тебя выйти за меня или остаться навсегда. Если ты не захочешь, чтобы я был рядом с вами снова, я не буду. Всё, что я хочу — это право заботиться о вас. Дай мне цель. Позволь мне доказать тебе и быть здесь для тебя. Это все, о чем я прошу.

Нижняя губа Зел дрожала, но ее лицо потемнело от ярости.

— Ты думаешь, я не могу позаботиться о ней самостоятельно? Ты думаешь, что достаточно сильный, чтобы броситься и все исправить? — она запустила руки в волосы, едва сдерживая слезы, сверкающие в ее глазах. — Какая часть «я не хочу, чтобы ты был рядом с ней» тебе не понятна?

Я двинулся вперед, вынудив ее сделать шаг назад.

— Я прекрасно понимаю. Ты гребная лицемерка. Одно мгновение ты здесь для меня. Исцеляешь меня. Отдавая мне все, что у тебя есть, даже когда все, что я могу — это брать, а в следующее мгновение ты хочешь утаить все от меня и выставляешь меня дьяволом. Не думай, что я не заметил, как много ты простила мне. Ты чертовски святая, если даже просто говоришь со мной после всего, что я сделал. Но я предупредил тебя в самом начале, что чувствую то, что люди пытаются скрыть.

Схватив ее за локоть, я притянул ее ближе.

— Позволь мне рассказать тебе, что я понял. Ты утонула в печали. Ты смотришь на эту маленькую девочку, как будто она самый драгоценный бриллиант во всем мире, и ты ужасно боишься потерять ее. А этот кашель? Ты отреагировала так, как будто она сейчас умрет, и это не просто обычный недуг. Я думаю, что есть что-то большее, что ты не рассказываешь мне, и я

хочу знать.

— Отпусти меня, ублюдок. Ты думаешь, что такой умный, но ты ничего не знаешь. Ты не знаешь, каково это быть матерью-одиночкой. Быть только матерью и перестать быть человеком, который преследует свои цели и мечты. Ты не знаешь, каково это, когда твоя жизнь перевернулась с ног на голову после несчастного случая, и когда этот несчастный случай оказался лучшим, что когда-либо случалось в твоей жизни.

— Я не знаю? Ты слушала хоть что-нибудь из того, что я говорил? Я был чертовым заключенным, с тех пор как мне исполнилось шесть лет. Ты единственный человек с кем я был близок за всю свою жизнь. Это так неправильно для меня просить о большем? Просить, чтобы ты осталась со мной и придала смысл моей гребаной полной сожалений жизни?

Я оттолкнул ее. Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди, и мне нужно было подраться. Мне нужно было вонзить свой кулак в какую-то плоть и кость, и выпустить свою ярость.

Бл*дь!

Зел стояла, сердито смотря на меня, дыхание тяжелое. Ее глаза взметнулись в направлении коридора, где исчезла Клара. Я не беспокоился, что ее не было в пределах видимости. Там не было ничего кроме статуй для развлечения, и она не могла никуда уйти, не вернувшись сюда.

— Ты невозможен, — пробормотала она.

— Нет. Ты невозможна. Дерьмо, я отдам тебе оставшиеся сто тысяч прямо сейчас, если это поможет мне в том, чтобы вы остались сегодня. Черт, я утрою сумму, если вы останетесь. Я дам тебе все, что ты захочешь — просто согласились остаться, по крайней мере, на несколько дней.

Зел переступила с ноги на ногу, ее глаза осматривали пространство, ища ответы.

— Несколько дней?

Я хотел вздохнуть с облегчением. Я выиграл. Этот этап.

— Это все, о чем я прошу. — Это было не так, но ей не нужно было знать.

Зел сгорбилась, казалось, что вся борьба испарилась из ее тела.

— Чего ты пытаешься добиться, Фокс?

Я проигнорировал мягкое поражение в ее голосе.

— Я ничего не добиваюсь. Я просто хочу возможности общаться с твоей дочерью, даже если это будет на короткий промежуток времени.

Волна уязвимости накатила на меня, и я опустил голову. Я так устал. Так сильно устал.

— Пожалуйста. Она нужна мне в моей жизни. Ты нужна мне. — Тяжело сглотнув, я схватил ее за руку и немного расслабился, когда условный рефлекс, не проявился. — Пожалуйста. Хейзел. Я дам тебе все, что ты хочешь. Я заплачу любую сумму, какую ты хочешь. Просто останься. Дай мне еще один шанс.

В ее глазах расцвела свежая злость.

— Ты думаешь, что я мелочная? Что ты можешь швырнуть в меня деньгами и купить меня и Клару? — она фыркнула. — У нас нет гребаного ценника, идиот. Ты можешь предложить миллион, и я не останусь, если буду думать, что ты обидишь ее.

— Я клянусь своей жизнью, что даже пальцем ее не трону. У тебя есть мое слово.

Он покачала головой.

— Этого недостаточно. Ты не можешь обещать это. — Ее глаза были прикованы к моим, и я хотел вырвать свое сердце и протянуть ей его. Тогда она узнает, как сильно я нуждаюсь в ней и Кларе и манящем лучике надежды, что она предлагает.

Она провела руками по своим длинным волосам, ее идеальная грудь вздымалась и опадала от ярости.

— Что ты сделал со мной, Фокс... это... это неестественно. У тебя не должно быть такого сильного спускового крючка, что делает тебя опасным для всех, кто вступает с тобой в контакт. Что, если ты снова набросишься? Что, если меня не будет рядом, чтобы остановить тебя от того, чтобы задушить ее или разорвать на куски? Ты не доверяешь себе. Я не доверяю тебе, и я чертовски уверена, что не доверю тебе быть рядом с причиной моего существования. К тому же у нас есть жизнь, встречи на которые нужно ходить, обязанности, что нужно исполнять.

Ее злость питала меня, и я приветствовал тепло. Я проревел:

— Это очевидно, что ты не доверяешь мне ни в малейшей степени. Ты скрывала ее от меня. Ты держала каждую часть своей жизни в секрете от меня. — Мой нрав помог мне немного успокоить мое нестерпимое желание получить боль. — Ты знаешь обо мне больше, чем я знаю о тебе. Все насчет тебя — это тайна, и это чертовски больно думать, что я не заслуживаю услышать хотя бы немного о твоём прошлом, или кто ты настоящая.

Посмотрев туда, куда убежала Клара, я понизил голос и сделал шаг ближе к Зел.

— Ты сказала, что подписала соглашение, потому что хотела этого. Потому что чувствовала то же, что и я — ты была увлечена мной. И я принял, что связь и наслаждение, в конце концов, заслуживают твоего внимания, но не имеет значения, что я делаю, ты продолжаешь смотреть на меня как на любимый проект. Ты взорвала мой разум, когда сосала мой член, ты толкала меня, пока я не потерял контроль. И затем ты осуждаешь меня, когда я не отвечаю на твою сумасшедшую форму терапии. Мне нужно время. Я знаю, что нуждаюсь в помощи, но ты не заботишься обо мне... не так как я забочусь о тебе. — Я сжал губы вместе, ненавидя свой промах — я показал свою слабость.

Ее рот открылся.

— Ты думаешь, что я не забочусь о тебе? — ее глаза вспыхнули изумрудным огнем, прижавшись ближе, она заставила меня немного отпрянуть назад. — Ты такой же глупый, как и сломленный. Ответь мне на это. Почему тогда я продолжаю возвращаться? Какого черта я не могу ненавидеть тебя за то, что ты причиняешь мне боль? Не раз, не два, а три раза? Почему я просто не могу уйти и швырнуть твои гребаные деньги тебе в лицо?

Ее глаза блестели от накопившихся слез.

— Я расскажу тебе почему, придурок. Потому что, что бы ты ни чувствовал, я тоже это чувствую. И это — сводит нас вместе. Ты заставляешь мое сердце нестись галопом каждый раз,

когда выглядишь таким сломленным. Ты заставляешь меня чувствовать что-то более сильное и глубокое, чем я когда-либо чувствовала к кому-либо. Так что не говори мне, что я не забочусь о тебе!

Убрав волосы, которые лезли в глаза, она зарычала:

— Независимо от того, что существует между нами — это определенно уничтожит меня. Как я собиралась игнорировать что-то настолько сильное и явное? Это сводит меня с ума, так же как ты и твои проблемы сводят меня с ума. Все, что я хотела — это способ сохранить... — Она прервала себя, прежде чем прокричала шепотом: — Я хочу тебя так сильно, что моя кожа кричит, чтобы ты прикоснулся к ней, и мои пальцы изнывают от того, чтобы прикоснуться к тебе, но я хочу узнать тебя. Я толкнула тебя за край, чтобы разрушить, надеясь, что ты найдешь способ вернуться к нормальности. Но это не сработало, и ты в конечном итоге причинил мне боль. После всего, что я сделала, у тебя есть наглость сказать мне, что я не забочусь о тебе?

Она тяжело дышала, щеки окрасились красным.

Я никогда не был таким живым. Таким чертовски возбужденным. Ее страсть, ее признание сжали мое сердце, пока я не мог больше оставаться равнодушным к сказанному.

Каждое гневное слово отдавалось в моем члене, делая меня таким твердым, каким я не был никогда в своей жизни. Все мое тело кричало от потребности в ней. Мне нужно было заявить на нее права. Заклеймить ее. Укрепить то, что существовало между нами.

Меня не волновало, что Клара дальше по коридору поглощена моими бронзовыми творениями. Меня не волновало, что стресс от дня размыл остроту моего зрения, и мое тело ощущалось как до предела натянутая резинка.

Мне, черт побери, было плевать.

— Я больше не могу это делать. — Я приблизился к ней, толкнув ее к противоположной стене. Мое сердце рвалось наружу, когда мой рот обрушился на ее.

Это не было мило. Это не было запланировано. Это был гнев и жестокость, и все в чем я нуждался.

Мои руки обхватили ее щеки, крепко удерживая ее на месте. Мои губы напали на ее с голодом и требовательно.

Она ахнула от удивления, затем застонала от злости, пытаясь укусить меня, когда я протолкнул язык между ее губами, и погрузил его в ее рот.

Я, черт побери, целовал ее так, как хотел сотни раз прежде. Я целовал ее со всем тем, что у меня было, и я надеялся будет.

Ее тело было напряжено, дрожь возле моего. Мой мозг искрился и был перегружен слишком большим количеством ощущений, но в первый раз я был в состоянии собрать их вместе. Я прижал ее к стене, сдавив ее грудь своей, любя быстрый стук ее сердца возле моих ребер.

— Черт побери, целуй меня, — я прохрипел у ее рта. Я хотел сорвать ее одежду и взять ее у стены. Я хотел погрузиться глубоко в ее горячую влажность и доказать ей, как я могу дать ей все, что она хочет.

Это длилось бесконечно долго, но внезапно напряжение в теле Зел переключилось на страсть. Ее язык вступил в борьбу с моим.

Мы не целовались. Мы боролись. Мы выливали все, что не могли сказать, в этом действии.

Я застонал, запустив пальцы в ее волосы, схватив ее за затылок и притянув крепче к себе.

— Я хочу, чтобы ты прикасалась ко мне. Я хочу, чтобы ты разрушила меня. Я твой, Хейзел. Черт.

Она проглотила мое приглашение, целуя меня сильнее, сминая мои губы своими. Наши зубы столкнулись, и моя кожа вспыхнула, от потребности ее пальцев на мне.

Но ее руки оставались прижатыми к бокам.

Она застонала, когда я покинул царство рассудка и излил каждое извинение, каждое сожаление, что у меня было, в ее рот и дальше по ее горлу в ее сердце. Я хотел, чтобы она знала, что я принадлежу ей. Мне нужно было, чтобы она знала, как помогла мне — больше чем она предполагала. Больше чем кто-либо.

Я отдам ей все, я не могу допустить, чтобы она ушла. Это единственное, что я не сделаю. Я бы с удовольствием похитил ее и держал в плену, но она дала мне шанс на исцеления не в самой себе, а в ее идеальной, изумительной, изменяющей жизнь, дочери.

Хлопки ворвались в мои мысли, а затем хихиканье женского голоса. Я рухнул на землю и выругался про себя.

Дерьмо. Вряд ли это уместно для глаз ребенка.

Я оторвался, сделав большой глоток воздуха и осторожно поправляя свои брюки. Клара стояла там, выходящая как будто увидела, как принц заявлял права на свою чертову королеву. Мое сердце сжалось от мысли, как близка она была к правде. Мое семейное древо было королевским. Моя кровь, по общему мнению, голубая.

Это сделало «Обсидиан» моим царством, а Зел моим объектом, которого я страстно желала. И я желал забрать ее за закрытые двери и передать себя под любое лечение и терапию, которые она имела в виду.

— Ау, я знала, что тебе нравится моя мама. Она целует лучше всех, но не так. Этот поцелуй был мерзкий. — Она закатила глаза. — Ты безнадежен. Ты не знаешь, как обниматься и целоваться.

Зел поперхнулась от удивления, быстро расправив свою рубашку. Она ненавязчиво вытерла красные распухшие губы, убирая следы моего поцелуя.

— Ты права, Клара. Ему нужно многому научиться. — Она бросила в меня взгляд, и я не мог бороться с улыбкой, захватившей мои губы.

— Я видела мишку. Он изумительный. Но я хочу овцу. — Клара излучала счастье, и я рискнул всем, неуверенно положив свою руку на ее костлявое плечо.

Успокоив свое быстрое сердцебиение, я улыбнулся.

— Я начну ее сегодня вечером. Мы с твоей мамой заключили сделку. Ты остаешься на

несколько ночей, а затем отправляешься домой. Это подходит?

Ее улыбка немного увяла.

— Я полагаю, да. — Взглянув на свою маму, она добавила: — Но если я буду хорошо себя вести, могу я остаться на подольше?

Зел издала звук: хм, не сдвигаясь со своего места, прижатой к стене. Клара пошла к матери и уткнулась головой в ее талию. Зел обернула руки вокруг головы Клары, прижимая ее ближе. Она двигалась медленно, как будто ее тело было слишком тяжелым, слишком чувствительным. Я мог установить долгосрочную связь. Каждая часть моего тела ощущалась, как будто миллионы маленьких иголок танцуют по моей плоти — это одновременно приносило и удовольствие, и боль, возбуждая и сбивая с толку.

Клара внезапно засмушалась и прошептала Зел:

— Я голодна. Могу я получить куриные наггетсы? Я была в больнице сегодня, и ты обычно покупаешь мне их, за то, что я такая храбрая.

Больница? Какого черта?

Моя взгляд сверлили дыру в Зел, но она избегала зрительного контакта. Нагнувшись, чтобы быть на одном уровне с Кларой, она прижала губы к ее уху и сказала что-то, что я не мог слышать.

Мой желудок скрутило, в поисках признаков того, почему такая излучающая жизнь девочка, могла быть в больнице.

Зел наконец выпрямилась и встретила мой сердитый взгляд.

— Это была ее ежегодная прививка и все. Но она в порядке, я даю ей куриные наггетсы, когда она ходит на них. Как думаешь, мы можем раздобыть их для нее?

Прежде чем я в первый раз в жизни превратился в шеф-повара, мне нужно было знать. Я объявил это Кларе, но еще не договорился с Зел.

— Вы остаетесь?

Зел сморщила губы.

— Ты будешь сохранять дистанцию?

Да.

— Ладно. На одну ночь.

Я хотел поспорить о большем, но у меня было двадцать четыре часа, чтобы умолять и задобрить. Прямо сейчас, я должен был сделать самую домашнюю вещь в своей жизни, и я, черт побери, не мог дождаться.

Я скорее всего сожгу их, мы, вероятно, в конце концов сделаем заказ доставки на дом, но я не мог думать ни о чем другом, что бы предпочел сделать.

Улыбнувшись Кларе, я сказал:

— Пойдем посмотрим, что у меня есть в холодильнике. Я уверен, что там есть что-то восхитительно вкусное.

Клара просияла и отскочила от Зел.

— Ох, супер. И затем я хочу историю.

Никакое количество солнечного света не могло заставить меня чувствовать себя таким счастливым, как я чувствовал в этот момент. Жизнь внезапно стала казаться сносной — более чем сносной: радостной.

Я жестом показал Зел идти рядом со мной, желая, чтобы поскорее настал тот день, когда я смогу держать ее за руку и не бороться с желанием причинить ей боль.

Зел кивнула и шла в ногу со мной.

— Я не думаю, что истории Фокса подходят для твоих ушей, Клара. Как насчет того, что мы пойдем в библиотеку и выберем несколько там?

Клара развернулась, сморщив носик.

— Я не хочу истории из библиотеки. Я хочу настоящие истории. — Она пританцовывала на месте, вертя в руках свой свитер. — И, мамочка. Его имя не Фокс. А Роан.

Это было два дня назад.

Сорок восемь часов, что были раем и адом — бесконечное количество стресса и боли. Мои нервы были расшатаны, воспоминания о Василии подкрадывались ко мне в трудные моменты, и я находил себя истощенным, когда залезал в постель на рассвете.

Но я бы не изменил ни единой детали.

Самоповреждение сражалось с условным рефлексом каждый раз, когда Клара была рядом, и я пытался понять свои спусковые механизмы лучше — понять, что заставляет меня ломаться и снова превращаться в Призрака, и что позволяет мне оставаться в здравом уме.

В первую ночь, после того как сжег целый противень куриных наггетсов, я наконец научился пользоваться духовкой и сделал лучшую еду в своей жизни. Сидя за кухонным столом, за которым я никогда не сидел, используя навыки, которые никогда не имел, я предавался нормальной жизни.

Уставившись на Зел и Клару, которые ели такую простую еду, я проклинал своих кураторов снова и снова за то, что украли мою жизнь. За то, что окунули меня в мир, отрезанный от любви, смеха и нежности. Нам не было разрешено формировать привязанность. Наши клетки были отделены, мы ели отдельно. Нашей единственной целью было отдыхать как складное оружие, пока не появится новый контракт. Новый враг, чтобы убить или вендетта, которую нужно выполнить от лица неприлично богатых мужчин или женщин.

Это было хуже, чем тюремное заключение, и я чувствовал, что тюремная решетка наконец исчезла — я нашел способ, чтобы сделать себя свободным, и я никогда не позволю никому украсть это от меня снова.

Зел сохраняла дистанцию. В первую ночь, я дал ей комнату рядом с моей — в полной мере осознавая, что ей нужно собственное пространство с Кларой. Я не настаивал на еще одном поцелуе или времени наедине, чтобы поговорить. Я был доволен тем, что они просто были в моем доме. Я мог быть одержим Кларой, но знал, что действовать нужно осторожно. Чтобы не показать насколько я был трахнутым на бошку, и насколько нуждался в ней.

Каждая секунда в присутствии Клары, поднимала черное облако от моего сердца, и я обнаружил, что мои губы дергаются в улыбке, и желудок сжимается от новой эмоции счастья. Это наполняло меня солнечным светом и в первый раз с тех пор как они украли меня, я не боялся темноты в моей душе. Я имел кое-что другое, чем смерть вокруг меня. У меня была жизнь.

Клара не пошла в школу на следующий день. Вместо этого Зел позволила ее осмотреть мой дом, пока я спал до полудня. Я нашел их в теплице, когда проснулся, и шел за матерью и дочерью, впитывая их волшебство.

Я хотел Зел с того момента, как положил на нее глаз в «Обсидиане», но это было ничто по сравнению с горящей страстью, что тлела во мне сейчас. Каждый раз, когда она смеялась от острот Клары или перекидывала свои темные волосы через плечо, я понемногу был ближе к падению.

Я не знал, примет ли она меня или уйдет через несколько дней, и это будет конец, но она владела мной больше, чем кто-либо. Больше чем мои кураторы, больше чем я сам — я принадлежал ей целиком и полностью.

Я сделал правильный выбор — единственная правильная вещь в моей жизни — держать руки подальше от нее. Я не знал, как справиться. У моего члена был собственный разум, и мои глаза не были удовлетворены, пока она не попадала в центр их видения, но я отказывался снова причинить ей боль. Я это и имел в виду, когда согласился никогда снова не находиться рядом с ней, если это то, чего она желает.

Я игнорировал свои мысли о том, чтобы насильно взять ее и сохранить глубоко в себе это нежное и незапятнанное общение, что Зел и Клара давали мне.

В следующий раз, когда я возьму ее — если этот следующий раз случится — я хочу отдать ей все. Я хочу заняться с ней любовью. Я хочу постичь разницу. Я хочу, чтобы она поняла, что я принадлежу ей.

Время от времени Клара кашляла, и слезы наполняли ее глаза. Зел вставляла ей в рот ингалятор от астмы, и кашель прекращался. Каждый раз, когда я спрашивал, почему Клара кашляет, Зел сердилась и говорила мне, что это просто астма — ничего, о чем я должен беспокоиться.

Но я беспокоился. Сильно. Что-то было не так. От нее так и разлило ложью, утопающей в горе, и резкое покалывание страха не покидало мою спину.

Видеть то, с какой любовью Зел относится к своей дочери — почти поставило меня на колени. Я бы отдал все, чтобы она посмотрела на меня так же.

Хотя ее печаль пятнала все, что она делала, она думала, что я не замечал, она думала, что Клара не замечала. Но мы замечали. Часто Клара ловила мой взгляд через плечо Зел, когда они обнимались. Ее маленькие брови взлетали в вопросе.

У Зел внутри была печаль, тяжелая и причиняющая боль, и она не произнесла ни единого слова об этом.

Когда Зел и Клара шли спать, я наблюдал за порядком в «Обсидиане». Когда последний боец уходил в пять утра, я отправлялся в свой подвал и работал над просьбой Клары.

Второй день был потрачен на лужайке под открытым солнцем. Вместе с бутербродами с Нутеллой и шоколадным зефиром. Зел закатывала глаза от того, как легко я потворствовал прихотям ее восьмилетней дочери. Она не знала, что соблюдать приказы было в моем ДНК. Она также не знала, что я боролся со своими кураторами всю жизнь и, наконец, наслаждался выполнять такие простые, невинные просьбы от кого-то такого маленького.

Я убью за нее без вопросов. Я буду защищать ее ценой собственной жизни.

Когда ужин закончился, и Зел сказала Кларе, что пришло ее время ложиться спать, она надула губы и стонала, и согласилась, только когда я затащил три бронзовые статуи в ее спальню, медленно строя металлический зверинец дикой природы.

Я потворствовал ей. Я обожал ее.

Я никогда не был настолько поглощен одним человеком. Каждый раз, когда я смотрел на ее оживленность, мое сердце разрывалось за Василия и каждого ребенка как я, которые были уничтожены как личности, потому что не были достаточно хладнокровны для извращенных игр наших кураторов.

Клара не имела ничего общего с ним — у нее были темные волосы и перламутровая кожа, в то время как у Василия была темная кожа и светлые волосы. Глаза Василия были как мои — арктические, бело-голубые; я имел смутное воспоминание, что моя мать называла их айсбергами.

Не важно, что Клара не имела ничего общего с ним. Мой мозг не переставал тыкать в так и незажившую рану, обращаясь к боли, которую я думал, оставил позади.

Но боль не была сравнима с новизной и теплом, что я нашел. Если Клара была моим солнцем — исцеляющим и отбрасывающим мою тень, — Зел была моим гребаным космосом.

Она была всем, чего я хотел. Всем, в чем я нуждался. Всем, чего я думал, я не заслуживаю.

«Обсидиан» был моей одержимостью, но теперь я больше не заботился о бойцах, избивающих друг друга в моем доме, или об устойчивом притоке денег, страстно стремящихся в клуб клиентов.

Я покончил с этим.

Я просто надеялся, что это тоже покончило со мной.

Я проснулся, как обычно, в полдень и тренировался около часа, прежде чем направился в свой кабинет. Календарь на моем столе сообщил мне, что это воскресенье.

Большая ночь в «Обсидиане» и выходной. Никакой школы у Клары. Мое сердце забилося быстрее от мысли попросить Зел остаться на еще одну ночь.

Ранее она согласилась, не потому что хотела, а потому что Клара прыгала рядом как безумная и скрепила сделку без ее разрешения.

«Спроси ее снова перед Klarой».

Я знал, что это было коварно использовать восьмилетнего ребенка, чтобы удержать Зел здесь, но я не против играть грязно, если это означает, что она никогда не уйдет. Мои дни были ярче и темнее, легче и тяжелее, когда она была рядом, и я не был готов отказаться от этого.

— Можем мы пойти на пляж? Я хочу пойти на пляж. — Голос Клары предшествовал тому, что она зашла в мой кабинет, с идущей следом за ней Зел. Я не видел их с прошлой ночи, и мое гребаное сердце выскочило прямо из груди и упало у их ног.

Взгляд Зел встретился с моим, в ее зеленых глазах появилась нежность.

— Доброе утро.

— Доброе утро, — пробормотал я. Я не мог оторвать глаз от нее. Одета в белую юбку и розовый топ, она выглядела слишком молодо, чтобы быть матерью и слишком возбуждающе для моего и без того напряженного самоконтроля.

Клара прижала свои руки к моему столу и прыгала вверх и вниз.

— Доброе утро! Мы ходили на прогулку. Солнце вышло и уже жарко. Я хочу пойти поплавать.

Я откинулся на своем стуле, осматривая их.

— Я вижу, что у тебя была хорошая прогулка. — Я усмехнулся. В ее блестящих каштановых волосах были листья и кусочки свежескошенной травы.

Клара обошла мой стол, чтобы встать рядом со мной. Мою кожу покалывало, мышцы скручивало от предвкушения — ощущения того, как она будет касаться меня, и я готовился бороться с неизбежным желанием убивать.

— Да. Нравятся мои маргаритки? — она встряхнула волосами, показывая длинный венчик из маргариток, вплетенный в ее пряди.

— Они красивые, — я улыбнулся, так и не расслабившись.

Клара ухмыльнулась.

— Ты пойдешь на пляж. Я уже надела свой купальник. Тебе нужно взять свой, чтобы мы могли поплавать.

Мое горло сжалось. Идея пойти на пляж приводила меня в ужас. Как я мог объяснить, что от мысли быть полуголым на пляже, я покрывался холодным потом? Как я мог объяснить татуировку на моей спине и шрамы на груди?

Я не смогу.

— Шрамы и отметины — это гордость, агент Фокс. Они показывают, насколько ты успешен. Многие запросы на убийство поступают, основываясь на том, как много увечий вы получили и пережили.

В этом были все мы. Оценивались, насколько продуктивно мы истребили другие жизни — как идеально подчинялись приказам.

— Пожалуйста, скажи, что ты пойдешь, — голос Клары вырвал меня из воспоминания. Она подошла ближе. Руки вытянуты, глаза полны решимости.

Вся моя сила была заменена ледяным страхом. Отодвинув свое кресло назад, я сохранял дистанцию. Я не мог сделать это.

Зел издала звук в задней части своего горла, ринувшись вперед.

— Клара, не трогай Фокса прямо сейчас. Он чувствует себя плохо. — Его глаза встретились с моими, и я перестал дышать.

Ее зеленые глаза светились, губы приоткрылись, лицо вспыхнуло. Она так напряженно уставилась на меня, я мог поклясться, что она касалась меня, шептала по моему покрытому черным телу. Вся ее страсть и тревога в борьбе за благосостояние Клары в совокупности с эмоциями, что она чувствовала ко мне. Как будто она била меня всем, с чем она боролась: неуверенность, злость, печаль, похоть, дружба, предательство. Мое сердце с медленных ударов перешло на быстрые, перекачивая кровь во мне от потребности.

«Я хочу тебя. Так чертовски сильно». Я отправил сообщения так упорно как мог, надеясь, что она расшифрует мое безмолвное предложение.

Она втянула воздух, а я опустил взгляд к ее груди, покрытой розовым топом. Ее соски затвердели пот тканью, и потребовалась вся моя сила воли, чтобы остаться сидеть и не броситься через стол, чтобы схватить ее.

Клара перестала существовать, когда я смотрел на Зел. Ее взгляд отяжелел от похоти.

Она делала меня чертовым безумцем.

Я не мог долго управлять своим телом, и вся моя концентрация улетучилась. Все мысли обратились к ней, связанной ее серебряным украшением, и к тому, как я трахаю ее. Мне было недостаточно ее. Я скучал по ней.

Еще одна мысль посетила меня.

Может, я делал это неправильно. Может, единственный способ добиться успеха и не причинить ей боль — это связать себя? Мне всегда предназначалось быть животным, которое подходит только для оков?

Жизнь решила ответить на мой тупой вопрос в виде крошечной, хрупкой ручки, что нежно

легла на мою щеку со шрамом. Клара выбрала этот момент — момент, когда я не был сконцентрирован, — чтобы коснуться меня в самом неподходящем месте.

Жизнь перестала существовать.

Смерть заревела в моем мозгу.

Кулаки сжались. Тело напряглось. Зел закричала.

Ох, дерьмо. Ох, дерьмо.

Условный рефлекс понесся через меня, сея хаос в моем самоконтроле, напоминая мне, что я был сделан как оружие, не как человек, чтобы взаимодействовать с кем-то, так легко разрушаемым, как ребенок.

Я моргнул, в результате в мой фокус попала испуганная Клара и заплаканная рассвирепевшая Зел.

— Нет! — закричала она.

Мои руки сжались на плечах Клары, и потребовался весь остаток силы внутри, чтобы оттолкнуть ее. В момент, когда она упала на пол, Зел подняла ее и бросилась назад.

Я упал с кресла и схватился за голову, пытаюсь подавить непреодолимые приказы.

Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь.

Я поднял взгляд, ища нож для писем, который держал на своем столе. Мне нужно было оружие, чтобы успокоить себя — прежде чем я сделаю что-то, с чем потом не смогу жить.

— Клара, нет! — закричала Зел, звуча приглушенно из-за приказов в моей голове. — Держись подальше.

На удивления Клара восстала против условного рефлекса, и она была той, кто закончил его. Ее громкий, тонкий голосок закричал:

— Хватит!

И... это произошло.

Просто так. Внезапная тишина, оставившая меня дрожащим и пугающе пустым.

Я привел голову в вертикальное положение, тяжело дыша. Я встал на ноги, скрипнув суставами, которые не имели права двигаться, после жизни мучений.

— Ты в порядке? — мой голос был хриплым, напряженным. Глотая воздух ртом, я провел руками по своим лохматым волосам.

Чары похоти между мной и Зел испарились, сменившись явным ужасом в ее взгляде. Мое сердце было готово остановиться. Почему, черт побери, я не могу быть нормальным?

Я хотел разгромить свой офис и драться. Я разрушил все. Доказал Зел, что Клара не была в безопасности рядом со мной. Бл*дь!

— Хейзел, ты знаешь я... — Что я мог сказать? Что я добился больше прогресса за последние два дня, чем до этого, но этого было недостаточно. Этого никогда, черт побери, не будет достаточно, чтобы заслужить их.

Клара извивалась в хватке своей мамы. Зел была мертвенно-бледной от шока, ее выражение лица было каменным.

Освободившись, Клара шагнула вперед. Недостаточно близко, чтобы прикоснуться, но достаточно близко для меня, чтобы увидеть свирепость в ее темных глазах.

— Извини. Я забыла. Я не собиралась дотрагиваться до тебя. — Она опустила голову, в результате чего ее черные волосы накрыли ее лицо как занавес. — Не кричи на меня, ладно?

Мое сердце остановилось. Я чувствовал себя так, как будто был готов расплакаться. Ничего из этого не было справедливым. Ни для Клары, ни для Зел и даже для меня. Я был и всегда буду машиной, которая должна помнить свое место и оставаться в тени.

Клара была такой невинной. Такой чистой. Всё, чего во мне не было.

— Я не буду кричать на тебя, ребенок. Это не твоя вина. — Тяжело вздохнув, я оставался стоять, ссутулившись на полу, не отводя взгляда от нее. — Я думаю, что ты и твоя мама должны уйти.

Зел сделала хриплый вдох, жизнь снова наполнила ее тело. Я искал ее взгляд и, черт побери, умер, когда она кивнула.

— Да, Клара. Я думаю, что мистеру Фоксу нужно какое-то время побыть одному. Пойдем на пляж с тетей Клу и дядей Беном.

— Но я не хочу идти на пляж с ними. И прекрати называть его Фокс! — щеки Клары стали розовыми. — Это была моя вина. Не выгоняй нас, пожалуйста. Ты не рассказал мне ни одной истории. Ты не показал мне овцу. Я не хочу уходить.

Я не мог стоять и смотреть, как дрожит ее нижняя губа.

Прямо там. Прямо тогда. Моя жизнь раскололась на части, превращаясь в гребанный перекресток.

Я был одержим тем, чтобы найти искупление. Разрушенный любовью. Преследуемый надеждой. Уничтоженный прошлым, от которого я не мог избавиться. Мои глаза вперились в Зел. Настало время. Я не мог притворяться, что у меня не было багажа или вопросов, от которых я никогда не буду свободен, но прежде чем Зел уйдет от меня навсегда, я хотел, чтобы она узнала правду.

Я хотел узнать ее. Хотел заработать ее доверие. Хотел связь. Я не хотел, чтобы меня боялись или ненавидели. Я не хотел причинять беспокойство или быть тяжелым бременем.

Настало время сказать ей все, чтобы она могла решить сама.

Это был единственный путь вперед. И это значит, что я потеряю их обеих, потому что она никогда не позволит своей дочери находиться рядом со мной.

— Я думаю, что настало мне время рассказать тебе историю, Клара. — Мой голос звучал

тяжелым и мрачным. Я расскажу тебе то, что напугает тебя и воплотит в жизнь твои кошмары.

Зел фыркнула, выпрямив спину.

— Я не думаю, что это хорошая идея. — Она сделала шаг вперед, обняла Клару за плечи. Ее тело дрожало от эмоций, ее конечности дергались, глаза окрашены печалью. — Пожалуйста, Фокс. Ты продолжаешь забывать, что она ребенок. Ты не можешь рассказать ей то, что я думаю, ты хочешь. Ты не можешь облегчить свою ношу, за счет такого невинного разума. Я не позволю тебе.

— Я буду аккуратно подбирать выражения. Я превращу это в сказку. Я клянусь, что не поделюсь слишком многим, просто... пожалуйста... дай мне возможность рассказать кому-нибудь. Прежде чем вы уйдете.

Она прикусила губу, по ее глазам было видно, что она размышляет.

Я посмотрел на свои руки. Подняв их, я сказал:

— Я расскажу тебе историю о каждом шраме, каждом порезе, каждой отметине на моем теле. Я отвечу на любой вопрос, который ты хочешь, и затем ты сможешь вынести приговор. — Мои пальцы не были конечностями — они были безжалостным оружием и провели всю жизнь в горе. — Я оставлю детали для тебя, но дай мне шанс рассказать твоей дочери одну историю.

Посмотрев на Клару, я добавил:

— Я расскажу тебе о мальчике, который потерял свою жизнь, только чтобы одна маленькая девочка вернула ее ему.

Клара улыбнулась душераздирающе-нежно, ее темные глаза были широко раскрыты и наполнены прощением. Ее неукротимость заставила меня тосковать по другому ребенку... мальчику, который был такой же стойкий и идеальный.

— Мне нравится. Но я хочу больше чем одну.

Зел сдалась. Ее плечи поникли.

— Одна история, и затем мы едем домой.

Я кивнул. Я мог жить с этим. Я не мог ожидать ничего большего.

Клара улыбнулась, счастье осветило ее лицо.

— Теперь расскажи мне.

Хейзел

В день, когда я рассказала отцу моего ребенка о Кларе, я ушла, истекая кровью, и напуганная.

Вместо соблазнительного, льстивого поведения, что заставило меня раздвинуть ноги перед ним, он посмотрел на меня, как будто я была грязью.

Он назвал меня потаскухой, шлюхой, сучкой-золотоискательницей.

Я не знала, что у него были богатые родители, или что он должен был унаследовать

состоятельную империю. Мы познакомились на улице, тусуясь возле сети быстрого питания. Я думала, он был сиротой, как и я. Оказалось, он любил ошиваться на улице по ночам, прежде чем возвращался в свою идеальную кроватку. Я проследила за ним до его дома, чтобы узнать правду.

Его родители слышали наши крики; его отец вытолкнул меня за дверь, и я упала в большой цветочный горшок. Шипы розы врезались в нежную кожу ниже моего глаза.

Капающая кровь, пачкала мою единственную футболку, и я поняла, что не хочу иметь ничего общего с ними.

Малышка была моя.

Все время, с того самого дня, Клара была моей полностью. Я не была хороша в том, чтобы делиться, но Роан Фокс не оставил мне выбора.

Он влюбился в моего ребенка с искренней решимостью, что пугала меня больше, чем его темперамент и жестокость.

Он смотрел на Клару, как будто она была ключиком для решения всех его проблем.

Но он не знал.

Он не знал, что в один из дней, совсем скоро, она уйдет.

В день, когда это случится, его жизнь будет окончена, а мое сердце разбито, и я верну ему его голубую таблетку.

В день смерти Клары, она заберет нас обоих.

Это было неизбежно.

История.

Были хорошие истории, плохие истории, трагедии и идеальные «И жили они долго и счастливо». Что бы Фокс ни хотел рассказать Кларе, я сомневалась, что там будут пушистые единороги и веселье.

Я хотела покончить с этим — со всем этим. Я не могла вынести, что мое сердце разбивалось каждый чертов день. Я не могла вынести то, что постоянно лежу в кровати, думая о Фоксе и борясь с бесконечной войной ненависти к нему за то, что он заставляет меня чувствовать, и презрения к нему за то, что держит меня в заложниках.

Я была готова уйти. Я не могла приносить себя в жертву человеку, который страдал от больших демонов, чем сам дьявол. Я прошла через слишком многое, чтобы позволить ему снова обидеть меня.

Но затем он увидел Клару.

Он привязался к Кларе.

Он украл Клару, и она больше не была моей.

Медленный огонь ярости не покидал меня с тех пор, как он так одержимо влюбился в нее. Я хотела улизнуть в тот момент, когда он ушел спать, но когда взяла Клару за руку и потащила ее к подъездной дорожке, ощутила, как будто невидимая цепь привязала меня. Утягивая меня назад, заставляя остаться.

Это больше не были обязательства или деньги. Привязавшись к Кларе, он доказал, что у него есть сердце. Он доказал, что был человеком глубоко внутри, и так же сильно, как я хотела ненавидеть его, я не могла.

Не тогда, когда он души не чаял в моей плоти и крови, готовил ей еду, срезал корки с ее сэндвичей и подбегал к ней по каждому требованию. Он становился человеком в моих глазах, и это заставляло меня ненавидеть его еще больше.

Но ненависть была эмоцией, которая требовала безграничной энергии. Я потеряла желание подпитывать свою ярость и разжигать огонь своей злости. В конце концов, разве не все заслуживают счастья?

Даже люди, которые убивали. Если они покаялись и признали свои грехи, разве это не было моей сущностью как человека, помогать им на пути выздоровления?

Ценой Клары?

Нет, ценой его. Это Фокс будет страдать — не Клара. Она была слишком смелой, слишком любимой и сильной, слишком осведомленной о мире, чтобы перенять что-то от Фокса. Но он? Он не переживет ее потерю.

И это превращало мою ненависть в печаль, более тяжелую и всепоглощающую, чем прежде. Позволив им находиться так близко, я уничтожила их обоих.

Казалось, я не существовала ни для Фокса, ни для Клары, когда он встал с пола и зашагал к выходу. Он не вернулся, чтобы взять меня или предложить руку Кларе. Его тело было напряжено и неприкасаемо.

— Эй, подожди меня. — Клара вырвалась из моих рук и побежала за ним, как послушный щенок. С другой стороны, я же следовала за ними как зомби, чей мир только что взорвался.

Фокс вел нас по коридору, туда, где полуденное солнце сияло через стеклянный потолок. Тепло согревало мои плечи и макушку головы, когда мы спускались по лестнице в главное фойе. Мы направились вдоль длинного коридора к задней части собственности, прежде чем направиться дальше по лестнице, сменяя солнечный свет на тени.

Вся глупая надежда, что Фокс может преодолеть свою проблему того, что к нему нельзя прикасаться, разбилась в пух и прах благодаря тому, что произошло в его офисе. Он все еще был тем же самым. Все еще терзаемый призраками прошлого. Все еще разрушенный.

Я думала, что мое сердце никогда не найдет естественный баланс снова.

Мою кожу покалывало от мурашек, и я сделала поверхностный вдох. Я не была в этой части дома, и мои конечности дрожали от адреналина. Я продолжала внимательно следить за

Кларой, на всякий случай готовая схватить ее, если что-то пойдет не так.

Я хочу оружие.

Мысль пришла мне в голову, когда Фокс остановился у огромной двери с большим замком в стиле средневековья. Гравировка в дереве, выглядящая как будто кто-то взял острый нож и неаккуратно вырезал три линии — III.

Она не выглядела так, будто принадлежала этому столетию. Как будто дом был построен в ее стиле, в этом было что-то зловещее и дьявольское — что-то живое.

Волосы у меня на затылке встали дыбом, когда Фокс вставил ключ и открыл дверь. Единственная дверь без блокировки с клавиатурой.

Он оглянулся, его серо-белые глаза вперились в мои. *«Ты можешь уйти, если хочешь»*. Его взгляд кричал сообщение, сверкающее болью.

Я хотела принять его предложение. Я не была готова. Я не думала, что буду когда-нибудь готова для того, что он хотел показать мне.

Я не могла ответить ему — или молчанием или словесно. Мои мысли смешались друг с другом, пугаясь от понимания и ужаса того, что он хотел мне показать. Но в основном меня превратило в камень решение, которое я должна была принять.

Клара ринулась внутрь — никакого страха или остаточного шока от того, что случилось в его офисе. Краткий возглас удивления вырвался из нее, а затем последовало радостное хихиканье.

— Это как клетка. Нет, это как тюремная камера. — Она повернулась ко мне. — Помнишь? Эти картинки, что ты показывала мне, на которых были плохие люди в лондонском Тауэре, которые пытались украсть корону и все деньги королевы? Помнишь, мамочка, все эти штуки, что свисали со стен, и все ужасные предметы, что они использовали, чтобы заставить плохих людей говорить правду? Похоже на это.

Мое сердце перестало биться, когда я сделала шаг вперед, войдя в комнату. Клара была полностью права. Пространство выглядело как подzemелье — подходящее только для кровожадных воров и людей, кого ждала виселица.

Фокс фыркнул, прежде чем пошел дальше, чтобы включить ряд светильников, что висели над рабочими столами, скамейками инструментов и принадлежностей. Свет помог развеять первое впечатление о клетке, но стены были отсыревшие, пол — недоделанный и уложенный землей.

Резкий металлический запах бронзы и безжизненного металла ударил мне в нос. Смесь старого дыма от большого пожара и холодной грязи вокруг нас — запах напоминающий Фокса.

Он принадлежал этому месту больше, чем принадлежал черным комнатам наверху. Я не могла перевернуть мысль, что он мог жить в подобных условиях. Выносил жизнь в такой окружающей среде.

Клара бродила по комнате, пристально изучая старомодные кузнечные мехи и рассматривая две огромных наковальни. Плоскогубцы валялись вместе с молотками и странными кусками выброшенного металла.

Мой взгляд упал на серебряную цепочку, свисающую с края стола. Фокс повернулся, чтобы

встретиться со мной взглядом. Он кивнул.

— Та же самая толщина, что я использовал на тебе. Сейчас это кажется глупым. — Его взгляд упал на сверкающее серебро вокруг моего горла. Я все еще носила наручники со звездами, что он сделал мне. Центральная часть, которая крепилась от моих запястий к цепочке на животе — исчезла в его кармане, и я не видела ее больше.

— Ты никогда не была опасной. Это я. Я тот, кто должен надевать это. Не ты. — Его глаза опустились на мое горло, прослеживая металл под моей одеждой.

— Надевать что? — Клара встала сбоку от меня, ее глаза были расширены от интереса. Она мягко кашлянула, отчего мое сердце сжалось.

— Ничего.

— Ты всегда говоришь это, — фыркнув в раздражении, Клара умчалась и исчезла через щель в задней части рабочей комнаты.

— Клара! — я бросилась вперед, очень обеспокоенная тем, как много острых инструментов и опасного было в этом месте. Какого черта мы спустились сюда? Фокс мог рассказать ей историю в любом другом месте. Сад, в котором ярко светит солнце, был бы гораздо более лучшим местом, чем гребаный подвал. — Выходи оттуда.

— Дерьмо, я думал, эта дверь закрыта. — Фокс сделал шаг вперед, легко паря как тень на стене, а не человек. Что-то в нем изменилось, как будто он принял ту сторону себя, что собирался выставить напоказ. Он не прятался здесь — он соответствовал.

Я сдерживалась, позволяя ему открыть тяжелую дверь похожую на банковский сейф. Исчезнув внутри, он посмотрела через плечо.

— Там безопасно. Я уверяю. Это мое хобби — и все.

Я нахмурилась, входя в небольшое пространство. От пола до потолка были ряды полок.

О боже мой. Мое сердце сильно билось о грудную клетку, когда я осматривала все, что было на полках. Как это возможно? Я прошла сквозь время или попала на съемочную площадку.

— Ничего себе, это удивительно, — сказала Клара, кружась по сокровищнице оружия.

Фокс с осторожностью смотрел на нее, но его тело было повернуто ко мне, готовый принять, что бы я ни сказала. Я сердито посмотрела на него, не в состоянии поверить, что он думал — это умно привести ребенка в подобное место.

Но также сильно, как я хотела закричать, я не могла отрицать, что он вел себя как защищающий отец, готовый схватить любую опасность, что устремлялась к ней.

— Святое дерьмо. — Я двинулась вперед, мои глаза расширились от огромного арсенала, спрятанного под домом Фокса. Тайная комната полная тайных вещей. Вещи из прошлого. То, что никто не должен видеть. Тут был каждый предмет смерти от кортиков, мечей, серпов, штыков до сабель, топоров, длинных луков и нунчаков.

— Как я и сказал, я не использовал их. Ни один. Я просто сделал их. Я делал это раньше с... и я нахожу это своего рода терапией — работать с тем, что знаю. — От его тела исходило

напряжение, наполняя небольшое пространство мужественной энергией.

На моем лице было нечитаемое выражение, когда я бродила по комнате, впитывая вид оружия и приборов для убийств, вдыхая аромат бронзы и железа, металлических и острых предметов.

Клара запищала, проведя своими хрупкими пальчиками, по выглядящей устрашающе, булаве с шипами. У меня почти случился сердечный приступ, прежде чем Фокс осторожно убрал ее руки и расположил их у нее по бокам.

— Ты сделал это? — ее невинный голосок звенел по комнате — полное несоответствие чистоты в сравнении с варварством того, что она коснулась. — Ты собираешься на войну? С кем ты борешься? — она замера, прикусив нижнюю губу. — Ох, я поняла. Так ты получил свой шрам? Ты был на войне.

Мое сердце сияло за мою храбрую маленькую девочку.

— Перестань задавать такие пытливые вопросы, Клара. Его шрам — это личное, и я сомневаюсь, что это история, которую он может легко рассказать.

Я посмотрела на Фокса, и он бессознательно поглаживал сморщенную кожу на противоположной стороне своего восхитительного идеального лица. У него была легкая щетина, что была необычна для него, и не было волос, где кожа была повреждена.

Он моргнул, стряхнув воспоминания, что преследовали его.

— Я, возможно, расскажу тебе эту историю в другой раз, ребенок, но не сегодня.

Пригнувшись, чтобы быть на одном с ней уровне, он добавил:

— Я не был на войне, но я отслужил свой срок и подчинялся приказам, которых не желал.

Лицо Клары поникло.

— Мне жаль.

Губы Фокса дернулись в небольшой улыбке.

— Это не твоя вина. — Его лицо помрачнело. — Если ты хочешь услышать мою историю, Клара, ты должна пообещать мне, что не расстроишься. Это не о феях или русалках, это о маленьком мальчике, у которого была семья, и он сделал плохие вещи с ними. Это о подростке, который делал кое-что, от чего никогда не освободится, и это о мужчине, который желает, чтобы он мог перемотать прошлое и начать все сначала.

Клара кивнула, моргнув большими, проникновенными глазами.

— Я обещаю. Я знаю, что плохое случается. Я достаточно большая, чтобы услышать.

Он поднял взгляд, серые глаза уставились в мои.

— Я буду следить за цензурой, но это все равно будет сложно рассказать. — Он встал, подошел ко мне, но не вытянул руку. — Все в порядке?

В порядке? Не совсем. Мне не нравилась мысль, что голова Клары будет забита печалью, или тем, что может обеспечить ей ночные кошмары. Я не была в восторге, что Фокс выбрал мою

дочь, чтобы поделиться прошлым, но также я...

Дерьмо, я доверяла ему.

Я доверяла, что он не пойдет далеко. Что он будет подбирать выражения, что Клара поверит, что это что-то причудливое и фантазийное. Что-то отпустило меня, злость, которую я чувствовала — исчезла, и я обнаружила, что снова влюбляюсь в поврежденного мужчину передо мной.

— Я доверяю тебе. — Три простых слова, но они созвучны новому началу. Так или иначе, я снова его простила. Я простила ему то, что он украл мою дочь и перевернул мою жизнь с ног на голову.

Он сделал глубокий вдох, его глаза вперились в мои. Ему ничего не нужно было говорить, я могла читать его как открытую книгу. Он источал благодарность.

— Просто... будь помягче, — прошептала я.

Он поморщился.

— Я чертовски сильно пытаюсь научиться воплощать это слово каждый день.

Клара подошла ближе к Фоксу, и я напряглась, надеясь, что она не прикоснется к нему. Она, должно быть, была под впечатлением того, что Фокс сделал в офисе, потому что держала свои маленькие ручки при себе.

— Почему тебе не нравится быть помягче? Разве у тебя не было домашних животных, чтобы научиться быть милым? Я могу научить тебя мягкости, это не так сложно.

Я тихо рассмеялась.

— Это не так легко научить человека игнорировать годы тренировок, Клара.

Ее лицо развернулось ко мне, печаль отражалась на нем.

Я поспешила добавить:

— Но я знаю, что ты очень сильно помогаешь Фоксу.

Клара нахмурилась, топнув ножкой по полу.

— Его имя Роан. Как много раз я должна повторять тебе?

Фокс рассмеялся, грустно улыбнувшись в моем направлении.

— Я никогда не говорил твоей маме своего имени. Она не привыкла так меня называть. — Его огромная рука двинулась, чтобы взлохматить ее волосы, но опустилась так же быстро. — Мое имя очень ценно для меня. Я никому не говорил, даже мужчинам, с которыми вырос. Ты первая, кому я рассказал.

Мое сердце готово было взорваться. Я никогда не думала, что имя может быть священным или сохраняться втайне. В прошлом я использовала разные имена, крада новую одежду, никогда не привязываясь ни к какому, всегда меняясь.

Фокс почувствовал направление моих мыслей и пробормотал:

— Мое имя было единственным, что осталось у меня от прошлого, прежде чем они все украли. Я держал его втайне, сначала как вызов, затем от отчаяния. Только мой младший брат, Василий, мог называть меня Роан. А теперь Клара. А теперь... ты.

Я тяжело сглотнула, представляя молодую версию пугающего мужчины напротив меня.

— Ты хочешь, чтобы я называла тебя Роан?

Он захватил мое сердце и душу своим взглядом.

— Да, это будет много значить для меня.

Внезапно Фокс двинулся вперед.

Я выпрямила спину, в моем животе порхали бабочки. Он был так близко, его бело-серые глаза скорбно смотрели в мои.

— Пожалуйста, прости меня за то, что я собираюсь рассказать тебе. Но если не сможешь... я пойму.

Покалывание, наполненное горечью отчаяния, промчалось по моему позвоночнику, и я не могла говорить. Я кивнула, изнывая от желания обнять его, предложить утешение в моих руках. Два дня я сохраняла дистанцию, укрываясь своим гневом, не желая быть слабой, когда моей первой обязанностью была Клара, но это было бесполезно. Я хотела помочь этому мужчине. Я не могла остановиться — так же как не могла остановить свои чувства к нему.

Ноздри Фокса раздулись, его губы приоткрылись, и каждая часть меня волновалась за каждую часть его. Даже хотя Клара никогда не будет рядом с ним в безопасности, мне с трудом приходилось игнорировать целесообразность в пользу желаний моего сердца.

А мое сердце хотело Роана.

Отчаянно.

Я хотела его не только физически, я хотела морально, эмоционально, духовно. Я хотела владеть каждой частью его и дать ему жизнь взамен моей.

Клара разрушила наш момент неловким подходящим вопросом.

— У тебя так много оружия. Ты использовал его? — она погладила огромный меч, который выглядел так, будто должен был застрять в скале в одном из мифов. Ее голос был тихим, но вопрос превратил Фокса в статую. — Ты убивал людей прежде? Они заслужили это?

Каждый вопрос вонзал кинжал в мое сердце. Кто бы мог подумать, что ребенок, не имеющий жизненного опыта, может быть таким проникательным? Она читала каждого как книгу с картинками. Все наши грехи и секреты, как будто они были вытатуированы у нас на лбах.

Фокс закрыл глаза, выражение глубокого сожаления и боли отразилось на его лице. Наконец, он снова их открыл.

— Я бы хотел, чтобы у меня не было ответа на твой вопрос, но я обещал себе, что расскажу правду. — Вздохнув, он добавил: — Я забирал жизни раньше. Некоторые плохие. Некоторые

заслуживающие. Но большинство были добрыми и нежными, и не заслужили умереть. — Он поднял глаза, замораживая меня своим взглядом. — Но я не делал это охотно. Ты должна поверить мне.

Я не могла нормально дышать. Комната наступала, мечи и кинжалы маячили как ночные кошмары, наполняя мою голову ужасами.

Клара подошла ближе к Фоксу, и пока она не положила руку на его ногу, я не заметила, что она сжимает небольшой кинжал с инкрустированными драгоценными камнями на рукоятке. Фокс втянул воздух на ее прикосновение, но не двигался.

Я попятилась к полке, вслепую схватив нож на всякий случай.

С легкостью и мягкостью, он разжал пальцы Клары вокруг кинжала, прежде чем вернуть его на полку.

— Я не думаю, что твоя мама хотела бы, чтобы ты играла с кинжалами. — Он стрельнул в меня взглядом. — Как насчет того, что мы уйдем отсюда? Вы увидели достаточно.

Клара покачала головой, ее глаза не покидали красивый, инкрустированный рубинами, кинжал.

— Я не хочу играть с ними. Я хочу, чтобы они были у меня. Они такие красивые и блестящие, и я хочу узнать, как ими пользоваться. Можешь показать мне? Пожалуйста? Можно мне этот? — она указала на нож.

— У тебя не будет кинжала, Клара. Неважно, как сильно ты будешь просить. — Я посмотрела на нее своим сердитым не-спорь-со-мною взглядом.

Фокс не улыбнулся. Его лицо оставалось серьезным, когда он говорил:

— Может, когда ты станешь старше, я смогу научить тебя. Ты должна пользоваться ножом лишь в том случае, если знаешь, как с ним обращаться. Это опасно владеть чем-то, в чем ты не разбираешься.

Я сжала руки, борясь с болезненным давлением в сердце от мысли, что Клара станет старше. Я хочу, чтобы это произошло. Так сильно.

Клара пошла в другую часть комнаты, проведя пальчиками по особенному мечу, который был отполирован так, пока не выглядел словно зеркало. Ее тонкие черты исказились от формы металла.

— Я думаю, что смогу подождать. Но не слишком долго. — Ее глаза осмотрелись вокруг, затем метнулись ко мне со смышленостью, не соответствующей ее возрасту. — Иметь аллергию на воздух сложно. Я не думаю, что у меня много времени.

Мои колени подогнулись, и тяжелая пелена слабости почти украла мой рассудок.

Станный звук прозвучал низко в моей груди, и Фокс сердито посмотрел на меня. Как она узнала? Она чувствует, что ее жизнь будет короче, чем у большинства?

Откуда она знает?

Слезы заполнили мои глаза от мысли, что она лежит в своей кровати напуганная и одинокая.

Она никогда не спрашивала о своем кашле, атаках астмы или постоянных инфекциях легких, ни разу не задавала вопрос, что это значит, и почему она отличается от других.

Игнорируя сердитый и непонимающий взгляд Фокса, я вытянула руку, чтобы Клара подошла ко мне. Опустившись, чтобы быть на одном уровне с ней, я прошептала ей на ушко:

— Я люблю тебя так невероятно сильно. Ты расскажешь мне, если что-то будет беспокоить тебя. Расскажешь?

Она кивнула, закатив глаза.

— Конечно. Но со мной все в порядке. Теперь Роан может рассказать свою историю?

Я хотела закричать. Приказать ей рассказать мне, почему она думает, что у нее осталось мало времени. Я хотела знать каждую ее мысль и умозаключение, но я заставила свои пальцы разжаться вокруг ее плеч и сделала глубокий вдох.

Я не могла подавить ее энтузиазм, но не знала, есть ли у меня силы слушать такую темную и, наполненную печалью, историю Фокса. Не сейчас.

Фокс кипел от гнева, его глаза буравили дырки во мне. Энергия маленькой комнаты была наполнена вопросами. Он услышал правду в загадочном комментарии Клары. Его восприятие были слишком хорошо настроено. После того как увидела его мастерскую, оружие и узнала, что он убивал людей, он превратился больше в охотника, чем в человека в моих глазах. Конечно, у него были инстинкты настоящего хищника — в конце концов, они полагались на свои инстинкты, чтобы выжить.

Я подняла взгляд. Качая головой. *«Я расскажу тебе, но не сейчас».*

Я надеялась избегать этой темы, чтобы не делиться с ним. Я надеялась избегать ее, потому что не была достаточно сильной, чтобы озвучить это. Если я расскажу другому человеку, это станет реальным. А я не хотела этого.

Фокс нахмурился и сделал шаг ко мне. Схватив меня за локоть, он опустил свою голову к моей. Его дыхание посылало мурашки по моей спине, когда он хрипло прошептал:

— Будь готова поговорить после этого, Хейзел. Я закончил с тем, чтобы быть в неведении. Я хочу знать. И ты расскажешь мне каждый свой секрет.

Прежде чем я смогла ответить, он покинул хранилище и исчез.

Мое сердце не успокаивалось от яростных ноток в его голосе. Он был взбешен, а я, черт побери, не смогу справиться с взбешенным Фоксом.

Мы с Klarой последовали за ним, стоя в стороне, пока Фокс перетаскивал кожаные кресла к центральному камину. Схватив кочергу, он злобно ударил по углям, пока желтые и оранжевые языки пламени не ожили.

Ущипнув переносицу, он сделал глубокий вдох, прежде чем сознательно усмирил свой гнев и перестроил себя на нужный лад общения.

Вытянув руку, он приказал:

— Подойдите сюда.

Мое сердце не могло справиться, я волочила ноги следом за Кларой к одному из кресел и тяжело опустилась на мягкую, пружинистую подушку. Клара потеряла свою яростную независимость и вместо того, чтобы занять соседнее кресло, шлепнулась на мои колени и прижалась ко мне. Вместе мы утопали в коже, смотря на Фокса. На его поврежденной щеке танцевал свет от камина, его тело излучало боль. Боль склоняла его к прошлому. Боль склоняло его к тому, чтобы говорить правду.

Его глаза уставились в мои, и я не знала, что он ищет. Принятие, понимание, готовность выслушать и не судить до конца? Я не знала, но, по крайней мере, он больше не смотрел так, как будто хотел разорвать меня на части за то, что хранила от него секреты. Сейчас надвигающаяся кончина Клары была в безопасности.

Он вытянул руки, как в позе инспектора дорожного движения, показывая мясистые ладони и мозолистые пальцы.

— Видите это? Отметины прямо по середине? — он наклонился вперед, так что его руки были только в паре сантиметров от наших лиц.

Клара заметила зеленовато-серые линии раньше меня.

— Да. Они блеклые. Они что-то значат?

Ее голос был робким, и я прижала ее ближе.

Фокс сморщил губы, снова привлекая свои руки к себе, смотря на них с ненавистью.

— Невидимый, непроницаемый, непобедимый.

Волосы у меня на затылке встали дыбом, когда он добавил низким голосом:

— Nevidimyy, nepronitsayemyy, nepobedimyy.

Он поднял взгляд, глаза сверкали ненавистью.

— Три черты, которыми должен обладать Призрак. Я скреб руки наждачкой, проводил часы, чистя их песком, чтобы избавиться от следов, чтобы забыть, но они не исчезали, так же как условный рефлекс, никогда не исчезнет.

Его голос был обращен внутрь, полный воспоминаний, звеня агонией.

— Это были мы. Призраки, чтобы выполнять их волю и повиноваться каждому приказу. Нам говорили убить, и мы делали это. Нам говорили, что каждое убийство постепенно будет делать нас бессмертными, как богов. И так же, как у богов, у нас была власть. Мы были законом, и ничто не могло коснуться нас.

Он с остервенением потряс головой.

— Но все это было ложью. Мы были просто людьми, которых мучили, чтобы мы стали такими, как хотят они. Бессмысленная машина, чтобы сдавать напрокат. Наемники высшего порядка, которых можно купить, чтобы завершить задачу.

Его тело содрогнулось, он склонил голову. Его руки сжались, и каждое потрясение, что он чувствовал, набрасывалось на меня, спуская в один миг всю мою кровь. Он так сильно боролся, страдал, его затягивало назад, где правили ночные кошмары.

Прошли минуты, пока Фокс оставался неподвижным, только его губы беззвучно шевелились. Я видела нескольких человек, которые погружались в прошлое, когда их настоящее одолевали непреодолимые воспоминания. Клара извивалась у меня на коленях, ее тело напрягалось каждую минуту.

Так же внезапно, как воспоминание поглотили его, оно было закончено. Он моргнул, посмотрев на нас. Повел плечами.

— Извините.

Клара переместилась.

— О чем ты думал? — ее теплый, комфортный вес помогал сдержать мою панику, ослабляя мой внутренний ужас от боли, которую пережил Фокс.

— Я думал о маленьком мальчике. Ты так сильно напоминаешь мне его, Клара. Он был живой, забавный, смелый. Его звали Василий — это значит величественный, из царского рода. Ему было девять, когда он умер.

Клара вздохнула.

— Мне жаль. Мне нравится его имя. Что значит твое?

Фокс улыбнулся.

— Оно означает «рыжеволосый», хотя мои волосы стали темнее, когда я повзрослел. На самом деле выдуманное имя.

— Оно мне нравится больше, чем Призрак или Фокс. Я не верю в призраков, и ты не можешь видеть сквозь что-то или летать, поэтому это глупо. Эти плохие мужчины, что делали с тобой плохие вещи — ничего не знают.

Я подвила смешок. Я не хотела смеяться — напряжение в комнате не давало места для юмора, — но губы Фокса также изогнулись в улыбке. Немного напряжения покинуло его тело.

— Ты права. Я не Призрак. Больше нет. Я просто мужчина, который ищет способ снова стать человеком.

Мое сердце сжалось.

Клара откинулась на меня, ее темные глаза были прикованы к языкам пламени, танцующим на лице Фокса.

— Может, ты и убивал, но ты не плохой человек.

Фокс замер, утонув в ее глазах.

— Что заставляет тебя говорить это?

Она разорвала зрительный контакт, болтая ногами, глядя куда угодно, только не на него.

— Потому что, только плохой человек может быть одиноким, из-за того, что никто не любит его. — Ее маленькие легкие напряглись, втягивая смелость. Она выдохнула: — А я люблю тебя, поэтому ты не можешь быть плохим человеком, иначе, как бы я любила тебя? Я знаю. Я бы

сказала тебе, что ты непослушный, и я не хочу любить кого-то такого.

Фокс за считанные секунды изменился внешне от гордо стоящего и высокого в дряхлого и хрупкого. Он тяжело втянул воздух, и на краткое мгновение, влажность заполнила его глаза. Но затем это исчезло, и хрупкость снова заменилась силой.

Он тяжело сглотнул.

— Если все в порядке, то я снова начну историю. — Сжав подол своей рубашки, он сорвал ее через голову.

Что он делает?

Я сильно сжала Клару, когда она пискнула. Неделями я хотела увидеть Фокса обнаженным. Я хотела понять, что он прячет. Но сейчас он стоял передо мной, и я хотела закрыть глаза.

Ему не нужно было рассказывать свою историю с помощью слов. Она жила в его коже, выгравирована в мышцах и запечатлена в плоти.

Сняв рубашку, он отбросил ее в сторону.

Мои глаза были прикованы к его мышцам. Они были слишком очерченные, слишком зловещие, как будто в них не хватало питательных веществ и здорового слоя жира. Каждое сухожилие, каждая прожилка и гора мускул бурлили под тонкой оболочкой кожи.

Мои пальцы изнывали от желания прикоснуться к нему, пробежать по длинным шрамам на его грудной клетке и маленьким отметинам чуть ниже ключицы. Там были круглые шрамы и рубцы, квадратные шрамы, шрамы, которые выглядели, как будто еще сохраняют всю тяжесть и грязь, несмотря на то, как давно они были нанесены.

Его живот был настолько подтянут, каждое ребро выглядело слишком резким, слишком суровым, чтобы обнимать или спать рядом. Он не выглядел как человек. Он выглядел как камень. Кованый из гранита и мрамора, вырезанный из обсидиана и сланца.

— Фокс... я, — мой голос оставил меня. Пламя похоти и связи между нами превратилось в раскаленное возбуждение между нами. Фокс напрягся, подчеркивая еще больше шрамов в свете огня.

— Теперь ты знаешь, почему я не хочу, чтобы люди увидели.

Клара оставалась тихой на моих коленях, либо под впечатлением зрелища человеческой разбитости, или ошеломленная насилием, живущим на его коже. Я не должна была позволить это. Я должна была забрать ее, чтобы она не жила с такими зверствами в своем молодом разуме.

Но она знала то, чего не должна была знать. Она знала, что ее время ограничено. Она вела себя не по возрасту, тем не менее, она имела дело со всем этим с таким тонким чувством приличия и чувствительности.

Слезы тихо текли по моим щекам за Фокса и Клару. Два человека, которые были связаны и притягивались друг к другу, два человека, которые могли разрушить друг друга.

— Я не хочу, чтобы люди знали. Я не хочу, чтобы люди догадывались о моей истории или

представляли мои преступления. Каждый день я пытаюсь забыть, но каждый день помню, благодаря телу, с которого никак не стереть все это и не исцелить. Но если вы хотите знать, я расскажу вам историю за всеми этими шрамами и порезами. Я никогда не забывал — воспоминания яркие и никогда не покидали мою голову. — Его голос наполнен ненавистью к себе и мольбой.

Я покачала головой. Я никогда не хотела знать. Думала, что хотела. Думала, что хочу раскрыть его секреты, но не могла заставить его жить без прошлого, не тогда, когда оно так глубоко жило в его коже в настоящем.

У Клары не было таких колебаний.

Ее маленькая рука взметнулась вверх, указывая на шрам, выступающий на его бедренной кости.

— Он выглядит как шарм от ке-ке-кесарева. У мамы есть такой, и она говорит, что любит его, потому что он напоминает обо мне. — Она повернулась в моих объятиях, чтобы оставить поцелуй на моей щеке. — Знаешь, я не хотела напугать тебя.

Я прижала ее ближе, сильно сжимая.

— Я люблю этот шрам. Я благодарю Бога каждый день за него, потому что так ты появилась в моей жизни. — Она вздохнула и прижалась ближе, пока смотрела на Фокса.

Опустив глаза, он провел пальцами по шраму.

— Это от кинжала, похожего на тот, что выбрала ты. Это был тест — отсеив новобранцев, тех, кто мог справиться с сильной болью от тех, кто не мог.

Мои руки хотели накрыть уши Клары. Я послала Фоксу предупреждающий взгляд.

— Возможно, мы услышали достаточно для одного дня. — Я послала еще одно сообщение своими глазами. *«Прекрати. Ты напугаешь ее. Ей не нужно знать детали».*

Фокс кивнул.

— Теперь мы будем избегать шрамов. Я расскажу тебе историю этого. — Втянув воздух, он отвернулся от нас.

Мой рот открылся, челюсть обвисла в шоке. Если я думала, что его грудь была покрыта следами от прошлого, его спина была куском пергамента, на котором была написана вся история на каждом свободном сантиметре кожи.

Клара подпрыгнула на моих коленях, убрав мои руки от нее.

— Ничего себе. — Она пошла вперед, смотря на его татуированную спину. Золотистый оттенок языков пламени освещал хребты его мышц и мерцал над серебром его шрамов, как какое-то дорогое ювелирное украшение. — Что случилось с тобой? — Клара наклонилась, детское удивление светилось в ее глазах.

— Жизнь случилась со мной, малышка.

Я не знала, хочу смеяться или плакать. Одним движением Фокс отдал все, что у него было. Он обнажил свою душу, опустил каждый барьер, поэтому мы могли понять его лучше.

В этот момент я ненавидела себя, что так много скрывала от него. За то, что судила его. За то, что не понимала и не проявляла сочувствия.

Его тату не было чем-то, чем он гордился. Это не было достижением или чем-то, что он заработал. Это было ясное сообщение, говорящее о собственности. Каждый рисунок говорил о владении и контроле.

Мое сердце было переполнено чувствами за этого сломленного воина. Мои глаза жгло от слез.

Посмотрев через плечо, он пробормотал:

— Теперь готова для своей истории?

Клара кивнула, удивленная, ее глаза путешествовали по его разрисованной спине. Фокс согнул колени и рухнул на пол. Клара шагнула ближе, тяжело дыша.

— Могу я... я хочу...

Фокс сжал руки в кулаки, прижав их к бедрам.

— Ты можешь. Я расскажу тебе что трогать и расскажу тебе историю.

Огромная улыбка расплзлась на ее лице, затем она нахмурилась.

— Все печально? Я не знаю, хочу ли слушать что-то такое печальное.

Фокс мягко рассмеялся.

— В жизни всегда есть печаль, малышка. Жизнь полна страданий и горьковато-сладких надежд, но ты мой счастливый конец. Ты моя удача, поэтому запомни то, что я скажу тебе.

Клара вытянула руку, чтобы прикоснуться.

Мое горло пересохло, когда Фокс пробормотал:

— Будем действовать медленно. Начнем с самого верха.

Я была готова устремиться вперед и забрать свою дочь. Это было самое опасное место для нее, чтобы прикоснуться к нему. Оружие мелькало в каждом углу, пожар вздымался рядом со мной. Он мог ударить ее и сжечь все доказательства в считанные мгновения.

Клара кивнула, ее пальцы дрожали, когда она осторожно положила руку на основание его шеи, где был нарисован кельтский узел.

Фокс сказал:

— Это символ никогда не заканчивающейся войны. — Он остановился, прочистил горло. — Однажды мальчик, рожденный с королевской кровью, убежал слишком далеко от дома. Он не слушал предупреждения матери и думал, что знает лучше. Их замок был на краю волшебного леса, где медведи и волки играли в снегу. Маленький мальчик исследовал лес часами, искал их, но не нашел ни одного волка или медведя. Но он нашел кое-что другое.

Клара опустила руки к следующему тату, желая, чтобы Роан продолжал.

Роан.

Я задумалась и назвала его настоящим именем в своей голове.

Он вздрогнул, когда ее пальчики очертили образ девушки ангела, которая склонилась над карающим мечом, что лежал на ее коленях; в круге, где была тату, также были написаны три слова.

— Это отметка Призрака. Ангел смерти и наши три обещания: Невидимый, непроницаемый, непобедимый. Это было обещанием, проклятием и нашей судьбой.

Фокс втянул воздух и продолжил историю.

— Маленький мальчик нашел двух мужчин и подумал, что они проводят его назад домой. Поэтому он охотно пошел и не сопротивлялся, когда они затащили его в грузовик и проехали много миль в дикой местности. Они сказали мальчику, что его старая жизнь закончена, и чтобы выжить он должен следовать каждому приказу без вопросов.

Атмосфера в комнате сгустилась ожиданием. Я придвинулась вперед на кресле, ближе, мою кожу покалывало.

Клара высунула язык в своей сосредоточенности, опуская руку к следующему символу. Он изображал не заканчивающуюся зловещую воронку.

— Этот олицетворяет зло. Мы были оружием справедливости. Нашей единственной целью было подчиняться нашим господам — если мы делали, как было приказано, мы были защищены от зла. — Его спина напряглась, когда он продолжил: — Прошли годы, и мальчик вырос из ребенка в подростка. Когда он завершил этапы обучения, экзамены были сданы, и он должен был причинить боль своей красивой маме, храброму отцу и талантливому маленькому брату. Мальчику промывали мозги каждый день. Ему говорили, что он больше не человек, а Призрак, в чьи обязанности входило уничтожать вредителей. Из пятидесяти мальчиков и девочек, которые жили с ним в одном доме, только тринадцать смогли окончить обучение. Остальные исчезли, украдены снегом и их никогда больше не видели.

Я вздрогнула, когда мои ногти вонзились в ладони до крови. Мое сердце билось тяжелой болью за всех детей, кого заставили убивать. За всех детей, которые были убиты больными и извращенными людьми, которые похищали и мучили молодую невинность.

Клара грустно покачала головой. Мое сердце готово было выскочить из груди от мысли, как она обнимает его и сжимает. Чем больше Фокс рассказывал свою историю, тем дальше его голос звучал — поглощенный прошлым. Он потерял свою напряженность, звуча мягким гипнотическим тоном.

Клара опустила пальцы, проследившая красивую снежинку на спине Фокса.

Он зарычал, руки сжались. Клара немного потеряла равновесие, перед тем как выровнялась.

— Это тату, его я ненавижу сильнее всего. Это было наказанием. Если мы не были в состоянии сделать в точности то, что они хотели, они заставляли нас проводить ночи в одиночестве в лесу. Тогда мистические медведи и волки, которых я хотел найти, превратились в моих врагов в темноте. Голодные и ищущие вкусный перекус, — он прервал себя, прежде чем продолжил: — Маленький мальчик провел свой восьмой день рождения в яме. Худшее место, куда тебя могут отправить, если ты разочаровал своих кураторов. День и ночь без укрытия. Никакого тепла от

припорашивающего снега, или покрывал, чтобы остановить обморожение и превращение твоих конечностей в лед. Маленький мальчик ненавидел яму, и его самый глубокий страх темноты вытекал из тех ночей. Бесконечная чернота только со слабым проблеском луны и горящими желтыми глазами волков.

Клара обогнула римскую цифру III и направилась прямо к пламени с наковальней.

Фокс вздохнул, выпуская один из своих страхов из воспоминаний.

— Когда маленький мальчик подчинялся приказам, ему позволяли работать в кузнице. Он любил жар и яркость огня, и его навыки улучшались. Он ушел с головой в превращение кусков металла в оружие уничтожения — это было его счастливое место. Несмотря на ежедневные труды и ужасные задачи, что ему давали, мальчик никогда не забывал, кем он был на самом деле, и всегда помнил правду. Они разрушали его снова и снова, но в своем сердце он знал, что он не тот, кем они сказали ему быть. Это было до того, пока фея-крестная не подарила ему потерю зрения, так что он был в состоянии обрести свободу.

Что? Фокс был слепой?

Клара прошептала:

— Последнее тату лисы. Это ты?

Фокс улыбнулся.

— Да, когда маленький мальчик закончил, ему сказали выбрать кодовое имя. Иногда он будет носить его с честью за свои достижения. Ему нравилось думать, что он умный достаточно, чтобы выиграть в конце — хитрый и коварный, как маленький рыжий лис. Это напоминало маленькому мальчику о рыжих волосах его мамы и густых усах отца.

Клара наклонилась назад в ожидании окончания истории.

— В момент, когда маленький мальчик был свободен, он дал новое обещание. Никогда снова не убивать, и что он найдет способ справиться с промывкой мозгов и искупит свои грехи. Но этого не случилось, пока маленькая девочка с длинными темными волосами не вошла в его жизнь, и он, наконец, смог поверить, что сможет сдержать свое обещание. — Фокс посмотрел через плечо, его серые глаза уставились в мои. — Теперь жизнь стала хорошей для маленького мальчика, и он, наконец, начал оставлять прошлое позади. Каждый день он стремится к прощению, изучает незнакомые эмоции. У него есть кое-что, за что можно бороться.

— Что это? — прошептала Клара. Ее лицо осветилось огнем.

Фокс развернулся, спрятав свою спину от рассмотрения. Его губы изогнулись в мягкой улыбке, вызвав рой бабочек в моем животе.

— Семья.

Я не думала, что способна чувствовать себя так ужасно и так надеяться в одно и то же время. Он не украл Клару у меня. Он украл мое сердце. Я хотела бросить к нему на руки и сказать, что сделаю все, чтобы воплотить его мечты в жизнь.

Затем мое сердце пропустило удар. Что будет, когда я расскажу ему о Кларе?

От этой мысли хотелось убежать и никогда не возвращаться.

Фокс внезапно встал и направился к столу под ярким галогеном. Он спрятал что-то под руку и вернулся. Положив подарок, завернутый в грязную тряпку, у ног Клары, он сорвал материал. На полу лежала жирная, покрытая шерстью, идеально сделанная из металла овца, которую я когда-либо видела.

Мое сердце треснуло, расколосось, разрушилось в груди. И я без сомнения знала, что буду любить Роан до последнего вздоха.

Глаза Клары расширились, а рот растянулся в огромной улыбке.

— Моя овечка!

Фокс кивнул.

— Твоя овечка.

Ночью, после тяжелого дневного размышления об истории Фокса, я уложила Клару в кровать. Крепко ее обняв, я вдохнула ее свежий яблочный аромат, молясь всей душой, несмотря на прогнозы врачей, чтобы она выжила. Чтобы она не покинула меня.

Выслушав историю Фокса, я хотела рассказать ему свою. Я хотела быть честной и открытой, но в то же время не хотела. У меня не было счастливого конца, чтобы предложить ему. Я не хотела разбивать сердце маленького мальчика и убивать его так скоро, после того как он только нашел путь к свободе.

Клара тихо закашляла, привлекая мое внимание. В ее красивых глазах отражался прикроватный свет.

— Что-то не так со мной. Не так ли, мамочка? — ее высокий, лиричный голос был хриплым, почти как будто она не хотела говорить это громко.

Мой мир почти остановился, но вместо того, чтобы плакать и проклинать жизнь за такую несправедливость, я сделала невозмутимый вид и спрятала слезы. Сила, которой я не знала, наполнила мои конечности, сохраняя мой голос спокойным.

Внутри я чувствовала себя как треснутая фарфоровая кукла, куски которой никогда не соберутся воедино, но снаружи я была сильной матерью, которая будет со своей дочерью до конца.

Проведя руками по ее волосам, я пробормотала:

— С тобой все в порядке, Клара. Ты идеальная во всем. — Я втянула воздух. — И вот поэтому ты скоро покинешь меня. Ты слишком идеальная для этого мира. Слишком драгоценная. Ты отправишься куда-то, где намного лучше, чем здесь. — Я сжала губы, когда волна горя обрушилась на меня, угрожая сломить меня. — Тебе нечего бояться. Обещай, что не будешь бояться. — Она посмотрела на меня, ее большие темные глаза выглядели как затмение,

закрывающее свет.

— Почему я должна уйти? Я не хочу покидать тебя.

У меня не было ответа для нее. Мой разум был пустой и бесполезный.

— Мы никогда заранее не знаем, что жизнь припасла нам. Но мы не будем разделены долго.

— Я сделала что-то плохое? Поэтому я так много кашляю?

О боже.

— Ты не сделала ничего плохого. Ничего. Это все твои легкие, милая. Некоторые люди рождены с иными жизненными путями, но это не значит, что ты не будешь счастливой и здоровой. Ты просто отправишься туда, где лучше.

Она лежала в тишине некоторое время, прежде чем потянула меня за палец.

— Ты будешь в порядке? Когда я уйду, я имею в виду.

Я проиграла в борьбе со слезами, и нежно поцеловала ее в лоб.

— Я буду в порядке. Обещаю. Я буду говорить с тобой каждый день. Ты всегда будешь со мной.

Она вздохнула, прижав свое лицо к моему.

— Хотя я и должна уйти, я совсем не хочу покидать тебя, мамочка. Я найду способ вернуться и быть с тобой. Но ты должна пообещать, что не будешь одна. Я буду плакать, думая, что ты грустишь, потому что я оставила тебя.

Я не могла ответить.

Она выпрямилась, положила свои немного липкие руки мне на щеки, так же, как она делала Роану.

— Пообещай мне, что исправишь его, мамочка. Он нуждается в тебе.

Я не хотела обещать того, чего не смогу добиться, но смотря в ее настаивающие глаза, я обнаружила, что киваю и клянусь своей жизнью, что помогу мужчине, в которого влюбилась.

Только после того, как я рассказала Кларе историю и выпустила ее спящую фигуру из своих рук, я пошла в ванную и рыдала с кулаком, зажатым во рту. Без конца, волна за волной, печаль обрушивалась на меня.

Я иссушила себя, пока во мне не осталось жидкости.

Только когда мое тело успокоилось от рыданий, я встала и отыскала на дне мусорной корзины штуку, что припрятала там ранее, штуку, которая грозила стать еще одним осложнением.

Две розовые полоски на тесте на беременность насмехались надо мной. Всю свою жизнь я верила, что у меня нет шанса стать матерью. Что жестокое нападение в юности сделало меня бесплодной. Все доктора согласились, что я слишком сильно пострадала, чтобы снова забеременеть. Медсестры гладили мои руки и утешали меня. Мне предложили сеансы терапии, чтобы я пошла на них и смирилась, что никогда не подарю Кларе братика или сестренку.

В то время мне было плевать. Клара была ошибкой — чудесной радостной ошибкой, но той, что, вероятно, я не буду делать во второй раз, но прошло время, и я поняла, что опечалена тем, что никогда не принесу больше жизни и чуда в мир.

Но также, как и всегда, жизнь надрала мне задницу сюрпризом.

Зачать от сильного любовника и снесаемого демонами мужчины.

Сейчас я была беременна его будущим.

Роан

Говорят, что правда должна освободить тебя.

Это всё херня.

Правда сделала из меня монстра и поместила печаль и страх в тело маленькой девочки. Но она помогла с одним: она дала мне Зел. Взгляд, которым она смотрела на меня, изменился с настороженного до желающего, от испуганного до нуждающегося.

В ночь, когда я рассказал историю, Зел пришла ко мне и сломала мои стены. Она разрушила мой условный рефлекс, и я надеялся, что жизнь навсегда изменилась к лучшему.

Я надеялся, что был исцелен.

Но надежда — переменчива. Она заставляет будущее выглядеть ярким и чистым, когда на самом деле, в нем нет ничего, кроме замаскированной темноты и грязной правды.

Правды, что Зел скрывала от меня.

Правды, что разрушила мою надежду.

Правды, которая уничтожила мой прогресс и снова превратила меня из человека в оружие.

Этой ночью, когда Зел отправилась с Кларой спать, я провел несколько часов, контролируя «Обсидиан».

Часы только пробили полночь, и клуб наполнился нетерпеливыми бойцами. Мужчины разбивались на группы, обсуждали стратегии, делились ранами, на их лицах было рвение, чтобы превзойти всех в бою. Девушки ходили по кругу между толпой, разнося напитки и предлагая себя ради развлечения, а у частных комнат был высокий спрос.

Еще один занятый день в офисе.

Я не мог перестать думать о том, как Зел смотрела на меня, или о потребности, пульсирующей в моей крови. Потребовалась вся моя сила, чтобы остаться здесь, а не броситься в комнату Зел и вытащить ее из кровати, чтобы взять ее. Я никогда так сильно не нуждался в сексе, никогда не нуждался в подтверждении того, что не разрушил наш шанс быть вместе.

«Ты мог рассказать ей правду сегодня, но она скрывает что-то от тебя».

Мои руки сильнее сжали перила. Ее секреты сводили меня с ума — особенно видеть, как они вертятся вокруг Клары. Я хотел знать. Я заслуживал знать.

— Ты в порядке, Фокс? — Оскар появился наверху лестницы. Его светлые волосы были уложены гелем. Его загар стал сильнее, коричневее, как будто он потратил день на волнах, под палящим солнцем.

— Да. Я в порядке. — Несмотря ни на что, я в порядке. Я выжил, рассказав правду. Это не было так ужасно, как я представлял — не то чтобы я вдавался в детали. Когда я говорил об этом, воспоминания заполнили мой мозг, выталкивая все остальное, чтобы отвоевать себе дополнительное пространство. Это было тяжело игнорировать, с тех пор как я пригласил прошлое назад в свою жизнь.

Я оглянулся вокруг, фокусируясь на двух мужчинах, жестко избивающих друг друга на боксерском ринге. Сильное желание подраться росло у меня в желудке. Прошли дни, с тех пор как я развлекался мыслями о поединке. Я скучал по этому.

То, что я находился рядом с Klarой, дало мне силу игнорировать большую часть условного рефлекса и небольшое самоповреждение, которое я делал в душе, дало мне дополнительное преимущество, в котором я нуждался. Но я хотел радости от моего первого удара во что-то твердое. Я хотел чувствовать возбуждение от уничтожения кого-то. Я не хотел стыдиться того, что я как киска режу себя от зависимости.

«Ты никогда не будешь полностью свободен».

Я никогда не буду укрощенным, нежным или мягким. Жестокость по большей части в моем ДНК, так же как мой брат и прошлое. Бесполезно притворяться другим.

— Я не думал, что ты будешь работать сегодня. С тех пор, как появилась эта маленькая девочка, ты был отвлеченным. — Отвлеченным шансом на лучшую жизнь. Сфокусированным на других вещах, что превращали меня в более лучшего человека.

Я послал ему полуулыбку. Я хотел проигнорировать его. Я был не в настроении общаться, после того как раскрыл историю своей жизни Кларе и Зел. Все мое тело было в ранах, мой мозг истекал кровью от воспоминаний, мое горло болело от разговоров о таких злодеяниях.

— Да, мне было о чем подумать в последнее время.

Оскар подошел и встал рядом со мной, осторожно осматривая мужчин под нами.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Я зарычал:

— Тебе какое дело?

Он повернулся ко мне, отдавая мне все свое внимание. Его яркие голубые глаза приковали меня к месту.

— Ты не кажешься собой. Ты, откровенно говоря, ошеломил меня. В один момент тебя нельзя трогать, и ты слегка сумасшедший, в другой, ты встаешь на чертовы колени перед ребенком —

и не просто любимым ребенком, а ребенком, принадлежащем женщине, в которую ты влюблен. — Он вздохнул, проведя рукой по лицу. — Я знаю, это не мое дело, ты в самом деле в порядке?

Я оскалил зубы.

— Я в порядке. Перестань! — я вернул свое внимание к двум диким бойцам, которые оставили этикет позади и устроили огромный шум в клетке смешанных боевых искусств. Толпа истекала слюной от жестких ударов и первых капель крови.

Тоска и любовь к боли просачивались в мое тело, питая мою усталость бесполезной яростью.

Оскар пробормотал себе под нос:

— Она влюблена в тебя, не так ли?

Я сжал руки в кулаки, игнорируя его. Я ненавижу делиться своей частной жизнью. Это не его или чье-либо еще дело.

Когда я ничего не сказал, он добавил:

— Она хороша для тебя, Фокс. Я был неправ, когда ты в первый раз привел ее. Я думал, что она была очередной шлюхой, которой нужны только твои деньги, но она сильная. — Его голубые глаза перестали читать меня и вернулись к этажу бойцов. — В ее венах течет железо, и вместо ногтей у нее лезвия.

Несмотря ни на что, я был заинтригован.

— Что заставляет тебя говорить это? — в ту секунду, когда я встретил ее, я знал, что она сильная. Ее смелость была причиной, почему я погнался за ней. Ее сила была причиной, почему я был в таком беспорядке. Одержимый ребенком, и влюбленный в женщину, которую я не мог прочесть. В одно мгновение я думал, что она заботится так же, как и я, в следующее, думал иначе.

Оскар приподнял брови.

— Ну, во-первых, она не мирится с твоим дерьмом. Спасибо ей за помощь в бумажной работе, она увеличила рентабельность, и клуб работает лучше, чем когда-либо. — Он улыбнулся. — Она держит свой рот на замке насчет некоторых, не таких уж легальных вещей, и она предана тебе. Если ты думаешь, что она та самая, тогда я согласен — она идеальная.

Я искал его взгляд, задаваясь вопросом, говорила ли Зел с Оскаром обо мне. Казалось, что он изменил свой настрой с первой ночи. Я никогда не видел их вместе, но это не значило, что у них не было времени поболтать. Помимо враждебности в начале, Оскар был добр и приветлив с Хейзел. Даже улыбался, когда Клара периодически появлялась в моем офисе в течение дня.

Оскар ухмыльнулся.

— Я счастлив за тебя. — Он пожал плечами. — В любом случае, она чертовски умная. Я бы наблюдал за ней, если бы был тобой.

Секреты, что она скрывала, снова наполнили меня досадой.

Моя спина напряглась.

— Наблюдал за ней, почему? — подозрение росло. Может, они разговаривали за моей спиной. Мои руки сжались.

— Потому что тихони всегда на шаг впереди вас. Они все знают наперед, при этом проводя всю свою жизнь, прикрываясь своей добродетелью и благородными помыслами. — В его глазах появился задумчивый взгляд, возможно, он вспоминал кого-то из прошлого. — В тихом омуте черти водятся, и не имеет значения, как сильно ты думаешь, что знаешь их — ты никогда по-настоящему их не узнаешь.

Его слова поразили меня. Он прав. Не имело значение, как я хотел другого, Зел никогда не отдаст мне всю себя. Она оставалась в стороне, загадочная, слишком закрытая. И я покончил с тем, чтобы оставаться в темноте.

Я хотел солнца, ответов и правды.

Я хотел знать все.

Я был правдивым, настало ее время оказать мне ту же самую любезность. Мои глаза сканировали этаж для бойцов, прежде чем я оттолкнулся от перил.

— Я ухожу.

Оскар кивнул.

— Я так и подумал. Увидимся позже. Я прослежу за всем.

Не оглядываясь, я направился в свою спальню. Мое сердце тяжело билось, когда я открыл дверь и вошел. Мои мысли были наполнены кулаками и побоями, я раздумывал, мог бы я еще раз появиться в «Стрекозе».

— Привет.

Мой рот открылся, впитывая видение на моей кровати. Вся злость, кровожадная потребность направились на юг. Мой член дернулся и затвердел.

Обнаженная кожа. Обнаженная грудь. Обнаженное всё.

Мои ноги двинулись вперед, вынуждая идти к женщине, которую я хотел больше всего на свете.

— Что ты здесь делаешь? — мой голос был хриплым и резким от ранее обуревавшего меня гнева, наполненный взорвавшейся похотью, протекающей в моей крови.

Я прочистил горло, сделав еще один шаг.

Взгляд Зел был прикован ко мне. Сидя чопорно как гребаная принцесса в середине моей кровати, она выглядела непокоренной и полностью царственной. Ее длинные, темные волосы каскадом спадали по ее плечам, дразня меня.

Обнаженная.

Восхитительно чертовски обнаженная. Единственное, что было на ней — серебряная штанга в правом соске и ожерелье со звездой. Цепи, что я сделал, не было вместе со специально сделанными браслетами. Мои глаза сощурились, ища пропавшее украшение.

Я взбесился оттого, что она сняла ее. Я надел ее на нее — я пометил ее как свою. Она не имела права ее снимать без моего разрешения. Это было пренебрежение мной, как будто она больше не хотела меня.

— Где серебро? — я пересек комнату, прокрадываясь к теплому блеску свечения рядом с кроватью. — Почему ты сняла цепь? — и почему ты здесь? Она должна быть в кровати со своей дочерью, забаррикадировать дверь, чтобы я не мог причинить им боль.

Зел села выше на коленях.

— Я сняла ее. Это не я должна быть закована. А ты.

Хотя я и пришел к тому же самому заключению, это не устраивало меня. Я не мог переварить мысль — быть пленным против своей воли, так же как все эти дни в России. Я покачал головой.

— Я покончил с тем, чтобы быть связанным и подчиняться.

Зел опустила голову, мягкие волосы упали ей на лицо.

— Сегодня будет последний раз. Я обещаю. — Сделав вдох, она пробормотала: — Если ты сделаешь, что я скажу, я смогу помочь.

Отодвинувшись в сторону, она собрала длинную цепь с одеяла вокруг своих ног. Я не мог понять, где она подсмотрела, как расстегнуть звенья цепочки, но стоял замороженный, когда она ползла ко мне на четвереньках. Ее груди эротично качались, и тихий звон металла отправил предупреждение в мои мышцы. Она так легко меня околдовала. Я не хотел быть связанным, но знал, что должен сказать: «Да». Какая бы сила у меня ни была, я был беспомощным перед этой женщиной.

Мои мышцы напряглись, когда Зел достигла края кровати, сев на пятки.

— Я видела твою спину и грудь, поэтому тебе больше не нужно прятаться. Ты позволил Кларе прикасаться к тебе. Будет справедливо, если ты позволишь мне тоже самое. Я разрушу тебя, Фокс. Я собираюсь касаться и гладить каждый сантиметр тебя. Я собираюсь взять тебя и показать, как любить меня правильно, и я не приму «нет» за ответ.

Она тяжело сглотнула, намекая на страх, который она заперла под замок.

Напряжение в комнате увеличилось, пока я не сделал глубокий вдох, заполняя свои легкие так необходимым мне кислородом.

— А если я не соглашусь?

Она пожала плечами, привлекая мои глаза к ее обнаженной идеальной груди.

— Тогда ты не получишь то, чего хочешь.

— И чего я хочу?

— Счастья.

Она не могла свалить на меня любое другое слово. Счастье. Единственное, чего я жаждал, и единственное, чего не думал, что достигну. Даже с ней и Кларой — это все еще чувствовалось мимолетным, как будто я проснусь одним утром, и это окажется сном. С отнятой и сожженной

надеждой, оставляя меня на пепелище и в скорби.

Несмотря на все это, я мог поверить ей, если бы не было этого грустного блеска в ее глазах. Мой желудок скрутило, я пробормотал:

— Я знаю, ты что-то скрываешь от меня. Клара тоже это знает. Она чувствует то, что ты пытаешься спрятать, и я покончил с тем, чтобы ждать, что ты расскажешь мне. Я, черт побери, хочу знать.

Она покачала головой, волосы касались ее идеальной кожи.

— Есть что-то, что ты должен знать. На самом деле две вещи. И я обещаю, что расскажу тебе. Но не сегодня. — Ее глаза нашли мои, наполненные потребностью. — Не прямо сейчас. Сегодня — для нас. Для тебя. Для нашего будущего. — Страсть наполняла ее голос, привлекая меня ближе, притягивая меня, пока всё, что я видел — была она.

Я не знал, что двигался, пока мои колени не коснулись края кровати. Я кивнул, позволяя ей еще одну ночь секретности.

Неровно дыша, Зел подобралась ближе. Ее тепло ударило меня вместе с ее сладким, экзотическим ароматом. Ее рот был в миллиметре от моего, дыхание касалось моих губ.

— Я хочу поцеловать тебя, но сначала мне нужно связать тебя. Я не хочу подвергаться риску, чтобы повторилось то, что случилось тогда.

Я застонал, сжимая руки в кулаки, чтобы остановить их от того, чтобы потянуться и схватить ее.

Ее глаза путешествовали по передней части моего тела, обжигая меня огнем.

— Раздевайся.

Команда заставила меня задрожать, заставила меня опьянеть от предвкушения секса. Я таранился на ее наготу, упиваясь ее плоским животиком и идеальной по форме грудью. Ее соски затвердели, реагируя на мой взгляд. Мой рот наполнился слюной от желания всосать их. Я хотел полностью облизать ее, покрыть поцелуями, укусить. Я хотел доставить ей то же самое удовольствие, что она доставила мне в прошлый раз.

Я зарычал:

— И если я соглашусь отдать тебе контроль, что тогда? Ты не дашь мне прикасаться к тебе? Будешь препятствовать тому, чтобы я трахнул тебя? Заявил на тебя права и сделал тебя своей? — я наклонился вперед, очень-очень близко, почти целуя ее пухлые губы. — Я мечтал о том, чтобы быть внутри тебя, Хейзел. Независимо от того, какие ограничения ты поставишь мне, это не остановит меня от того, чтобы взять то, что я хочу, чтобы погрузиться глубоко и жестко, лаская тебя своим членом, пока ты не распадешься вокруг меня.

Зел часто задышала, ее руки дернулись по бокам. Она втянула воздух.

— Если ты докажешь мне, что я смогу прикоснуться к тебе без того, что ты убьешь меня, ты сможешь брать меня, когда тебе захочется. — Она подняла дрожащую руку, на ее пальцах болталась серебряная цепочка. — Но сейчас... я собираюсь заняться с тобой любовью. Я собираюсь показать тебе разницу. — Она говорила с таким контролем и силой, отправляя

конфликт противоречия через меня.

Я любил, что она была смелой достаточно, чтобы не бояться меня, чтобы позволить мне приблизиться к ней, чтобы быть уязвимой рядом со мной, но мне было некомфортно оттого, что весь контроль окажется у нее. Это было так похоже на мое прошлое. Мой желудок скрутило от мысли быть скованным цепью в лодыжках, на руках и на горле.

— Видишь этот ошейник, Фокс? — мой куратор потянул за поводок, прикрепленный к кожаному манжету вокруг моего горла.

— Да, сэр.

— Он для того, чтобы ты знал, кому принадлежишь. Ты выполнил свое задание прошлой ночью, но оно заняло у тебя на два часа больше. В следующий раз, если ты не вернешься вовремя, я надену один из них на тебя и привяжу до гребаного потолка. Понял?

Мое сердце ёкнуло, но был только один ответ, который я мог дать.

— Да, сэр.

Я покачал головой, рассеивая короткое воспоминание.

— Ты можешь связать мои запястья, это все.

Она сощурила глаза, опустив их, чтобы сфокусироваться на моих руках по бокам. Неуверенность и страх наполнили ее взгляд. Она из своего опыта знала, какими смертельными могут быть мои пальцы.

Я проклинал себя за то, что у меня не было силы сдержаться и не причинять ей боль, но не имело значения, о чем она просила меня — я не мог отдать ей свое полностью обездвиженное тело. Это могло убить меня.

— Я обещаю, что буду держаться в этот раз. Просто... не толкай меня слишком далеко.

Она покачала головой.

— Но в этом весь смысл. Мне нужно толкнуть тебя, чтобы помочь пройти все барьеры в твоей голове. — Она снова посмотрела на мои руки.

Она не знала, что я могу убить человека своими ногами, локтями, лодыжками, даже черепом. Каждая часть моего тела была смертельной. Я не хотел, чтобы она знала это. Я позволю ей связать мои руки, но по-настоящему связан я буду только добровольно, полагаясь на самого себя. Только моя сила воли может остановить меня от того, чтобы убить ее. Веревки и ограничения не сработают, если я захочу лишить ее жизни.

Но я не хотел.

Никогда.

Хейзел была моей.

После длинной паузы, Зел кивнула.

— Ладно. Я свяжу только твои запястья. — Ее взгляд упал на твердую выпуклость в моих

штанах. — Теперь раздевайся. — Она облизала губы, вспышка страсти отражалась в ее глазах. — Я влажная для тебя.

Мой член дернулся, проклиная ограничение в виде моих брюк. Я хотел скользнуть в нее в эту чертову секунду.

Мои руки дрожали, стягивая рубашку. В мгновение, когда материал упал на пол, я напрягся, ненавидя свою кожу, шрамы, воспоминания. Хотя я и стоял перед ней и Кларой, и позволил им увидеть то, что я прячу от мира — это по-прежнему не останавливало всепоглощающее желание прикрыться.

Непринятие и ненависть к себе были дружественными эмоциями, когда Зел осматривала меня, задерживаясь на некоторых местах, быстро просматривая другие.

— Ты так прекрасен, — прошептала она.

Мой желудок перевернулся, и сердце больше не билось — оно звучало для нее. Только для нее. Тяжело дыша, я поднял руки, чтобы расстегнуть ремень. Ее губы приоткрылись, когда глаза следовали за каждым моим движением. Я опустил молнию, чувствуя, как воздух целует мою голую плоть. Сбросив ботинки и носки, я позволил материалу упасть на пол.

Мой член тяжело болтался между бедер, умоляя о прикосновении. Он ощущался живым от желания, заполненный почти болезненной потребностью полностью войти в нее. Я хотел, чтобы мой запах был на ней — увидеть мои отметки на ее белой груди и ее мягкие кудри между ногами.

— Черт побери, Зел, ты понятия не имеешь, как сильно возбуждаешь меня. — Моя рука проследовала по рельефному животу, я обхватил себя, немного ослабляя напряжение, пульсирующее во мне.

Она втянула воздух.

— Вытяни свои руки.

Тепло и небольшое пламя паники промчались по моей крови, когда я медленно разжал пальцы вокруг своего члена. Я подчинился.

Сводя локти вместе, я закалил себя от ее нежных прикосновений, когда она обернула всю длину цепи вокруг моих запястий. Не одна, не две, а три петли, прежде чем она взяла замок, который лежал на черном покрывале, и закрепила меня.

Я проверил прочность, уже чувствуя боль в желудке, и сражение остаточных воспоминаний о том, чтобы быть связанным.

Это не было хорошей идеей. Не тогда, когда мне нужно было бороться с условным рефлексом, но сейчас я сражался с воспоминаниями о том, чтобы быть под контролем и связанным. Я покачал головой, когда мои мышцы сгруппировались и задрожали. Что, если я недостаточно сильный?

Мои легкие словно сжались, когда она выдохнула маленький вздох облегчения. Она боялась меня так сильно? Она не выглядела возбужденной, связывая меня, больше готовой вылететь за дверь.

«Ты делаешь это для нее».

— Заберись на кровать. Ляг на живот.

Мои глаза распахнулись.

— Почему на живот? Важная часть моего тела не будет полезной, если, конечно, ты не собираешься меня научить, как трахнуть матрас подо мной. — Я пытался пошутить, чтобы освободить немного напряженной неловкости между нами, но губы Зел только дернулись. Я ошибся, испытал облегчение, когда она закрепила замок, она совсем не расслабилась, дрожа от напряжения.

— Я хочу сделать кое-что. Ты позволил это Кларе. Теперь мой черед.

Черт. Она хотела коснуться моей спины. Она хотела получше рассмотреть татуировки, увидеть под чернилами отметки от плетей и бесчисленное количество других шрамов, спрятанных под украшением Призрака.

Я покачал головой, собираясь отказаться, но Зел наклонилась назад, случайно сверкнув нежной розовой плотью между своих ног.

Все мысли вылетели из головы. Я поддался как влюбленный подросток, мой рот наполнился слюной, так чертовски сильно желая попробовать ее.

Я никогда не целовал женщину там внизу. Никогда не приводил ее к оргазму или наслаждался привилегией бедер, дрожащих возле моих ушей.

Я хотел ее. На моем лице, моем рту.

Мой уже твердый член болезненно дернулся.

— Я лягу на живот, только если ты сделаешь кое-что для меня в ответ.

Бартерная система.

Что-то от нее в ответ на что-то от меня. И я точно знал, о чем попрошу.

Зел передвинулась на край, когда я неловко взобрался на кровать. Мои руки были соединены вместе, я упал на спину.

Зел нахмурилась.

— Чего ты хочешь? — ее щеки немного покраснели, губы стали розовее.

Вместо ответа мои глаза опустились ниже по ее телу, остановившись между ее ног. Я подавил стон, заметив первую полоску блестящей влажности на внутренней стороне ее бедра.

Бл*дь.

Она хотела меня так же сильно, как и я ее, и ожидание сводило нас обоих с ума.

Мне потребовалось бы только один раз хорошо дернуть руками, чтобы разрушить три петли цепи. Мои руки напряглись, готовясь освободить себя, чтобы я мог прижать ее под собой. Зел верила, что была в безопасности, и это в свою очередь позволило мне делать больше вещей с

ней, чем, если бы она боялась за свою жизнь все время.

Я знал, что не имело значения, что случится, я скорее убью себя, чем ее. Мой самоконтроль одержит победу. Он должен.

Подняв глаза, чтобы встретиться с ее, я пробормотал:

— Я хочу вылизать тебя.

Ее глаза расширились, загорелый животик напрягся.

Когда она не сдвинулась, я наклонил голову.

— Позволь мне попробовать тебя, и я с радостью позволю тебе коснуться моей спины. Но я не собираюсь ничего делать, пока ты не подчинишься мне. Подойди сюда.

Она покачала головой, краснота покрыла ее щеки.

— Я не могу, как ты...

Логика казалась простой для меня.

— Ты должна сесть мне на лицо, Зел. — Я не мог остановить небольшую улыбку и восторг в моем желудке от мысли о том, как она преподнесет себя мне. Ей придется выставить себя мне напоказ и держаться на месте, пока я буду удовлетворять ее.

— Двигайся. Сейчас же. Я не буду просить снова.

Приказной тон моего голоса заставил ее медленно проползти по кровати, в ее глазах была застенчивость. Тепло ее тела опалило меня, но она с осторожностью избегала всех контактов. Когда ее колени были параллельны моим плечам, она посмотрела на меня.

— Я не могу. Это просто... слишком интимно.

— Ты хочешь коснуться меня. Я хочу попробовать тебя. Оседлай мое лицо, Хейзел.

Ее глаза закрылись, пока ее нога нерешительно вытянулась, и она расположила себя на мне.

Она возвышалась надо мной, выглядя как мой правитель, моя королева. Ее груди стояли дерзко и идеально, к тому времени как очертания ее живота вели меня к самой красивой киске, которую я видел.

Мой голос охрип, а член дернулся, небольшая капля семени появилась на кончике, отчаянно нуждаясь в большем.

— Ты выглядишь чертовски потрясающе, — я не мог оторвать глаз от ее розовой плоти и ее загорелых бедер, находящихся совсем близко от моего рта, но все еще вне досягаемости.

Ее кожа покраснела, и она отпрыгнула, когда я потянулся и расположил свои связанные руки над ее головой, а затем опустил их, так что они оказались за ее спиной, мои руки лежали на ее бедрах, лишая ее свободы.

Ее глаза вспыхнули тревогой, когда она попятилась, готовая к бою.

Я надавил, заставив ее ноги расширяться и приблизиться ближе к моему лицу.

Это заняло мгновение, но ее ноги расслабились, и глаза закрылись. Подчинилась, но не поверила.

Я облизал губы, увеличив давление на ее бедрах своими руками. Она позволила мне опустить себя. Ниже и ниже, пока ее ноги не раздвинулись достаточно, чтобы ее влажность оказалась на моем языке.

В момент, когда ее тепло коснулось моего рта, я забыл, кем я, черт побери, был. Я забыл свое имя, свою семью, свое прошлое, свои испытания. Я был полностью ее во всех отношениях.

Не имело значения, что я не знал, что делать, в мгновение, когда мой язык прошелся по складочкам Зел, она изогнула спину и ее руки уперлись в бронзовое изголовье кровати позади меня. Стон вырвался из ее горла, почти заставив меня кончить без какого-либо стимулирования.

Ее мускусный сладкий вкус опьянял меня, и я хотел большего. Я щелкнул языком по ее клитору, от чего она еще больше застонала.

Я обожаю то, что заставлял ее дрожать. Я любил каждую секунду того, как доставляю ей удовольствие. Условный рефлекс был на том уровне, когда я мог его терпеть, благодаря тому, что ее руки были на изголовье кровати.

— Бл*дь, — зарычал я, когда провел языком вниз и вошел в нее. Влажность ее лона ударила по моему сознанию, пока я не мог перестать увеличивать свой ритм. Я трахал ее языком без сожаления, постанывая, толкаясь своими бедрами. Я жаждал ее каждым дюймом своего тела.

Мой мир был заполнен совершенно новым ощущением. Я никогда не пробовал ничего подобного. Никогда не чувствовал желания превратиться в грубого, но милого. Я снова провел языком по всей длине и закружил по ее клитору.

Все ее тело дернулось. Она превратилась из напряженной от стресса в дрожащую от потребности.

— Я собираюсь коснуться тебя, Фокс. Я ничего не могу с собой поделать, — задыхалась она.

Я покачал головой, потираясь своими небритыми щеками о внутреннюю поверхность ее нежных бедер. Я ущипнул ее чувствительную плоть, приходя в восторг от низкого хныканья, что она издала.

— Я должна. Пожалуйста, — она громко застонала, когда я снова вошел в нее языком, погружаясь в нее глубже и жестче.

Оторвавшись, я посмотрел вверх, мое зрение заволочла похоть. Мой голос был едва узнаваем, когда я простонал:

— Я не говорил тебе не трогать меня. Ты можешь. Я говорил не называть меня Фокс.

Ее глаза открылись, и я утонул в ее зеленом совершенстве. Замешательство и вопросы металась в ее взгляде.

Я прижал ее к своему рту и жадно и зверски всосал.

Мой язык погрузился глубоко в нее, и мой член дернулся — изнывая от желания трахнуть ее. Я хотел оказаться внутри этой женщины и никогда, черт побери, не выходить.

Ее бедра дрожали, когда я страстно ущипнул ее клитор. Она запрокинула голову назад, застонав.

— Я сейчас кончу. О боже мой, я сейчас-я сейчас, я кончаю.

Напрягая мышцы живота, я подался вперед, жестче прижимаясь к ней. Мой язык погружался в ее восхитительный вкус. Первое сокращение мышц застало меня врасплох, но затем ее руки опустились мне на голову, сильно вцепившись в мои волосы, потянув и дергая, когда ее бедра объезжали мой рот.

Белый шум засвистел у меня в ушах. Мои мышцы горели от потребности подчиняться.

Мои глаза закрылись, когда рев условного рефлекса держал меня в заложниках. Мое тело скрутилось, готовое отбросить ее в сторону, но я сражался против этого. Я концентрировался на других вещах — лучших вещах. Я сконцентрировался на том, что ее оргазм в моих руках, как стекала ее влажность, пока я целовал ее и поклонялся ей. Казалось, что освобождение перешло от нее ко мне, заставив меня сильнее запульсировать, желая того же самого взрыва, что получила она.

Одна за одной ее мышцы сокращались вокруг моего языка. Только когда финальная дрожь сотрясла ее тело, она открыла глаза.

— Ничего себе, — прошептала она. Ее глаза были заполнены страстью.

Я улыбнулся, мне нравилось ощущение ее влажности на моем языке и подбородке.

— Я был твоим должником. То, что ты подарила мне в ночь, когда сосала меня, было чертовски восхитительно. Я надеюсь, что вернул одолжение в нормальном размере.

Она рассмеялась.

— Это было больше чем нормально.

С ноющими плечами, я поднял свои руки по ее спине и над головой, освобождая ее, но ее пальцы не покидали моих волос. Она массировала подушечками пальцев мою кожу головы, посылая мурашки по моей спине.

В этот раз я использовал энергию и силу условного рефлекса для своей собственной цели. Движением, слишком быстрым для Зел, чтобы бороться, я опустил ее по моему телу до бедер, захватив ее лицо в свои связанные руки.

Она выпустила шокированный вдох, когда мой рот обрушился на нее, и мы оба слились в беспощадном поцелуе.

Мой язык проник в ее рот с яростным голодом. Ее тело превратилось из жесткого и готового к борьбе в мягкое и податливое.

Я укусил ее, заставляя сдаться. С содроганием, она растянулась на мне, оседлав своими бедрами мои.

Мы оба замерли, когда ее влажность коснулась моего твердого как скала члена.

Наши взгляды встретились. Я больше не мог ждать.

— К черту это. — Я толкнулся вперед, заполняя ее одним движением. Мои глаза потеряли способность видеть, когда я глубоко погрузился в ее тело. Моя голова гудела от давления, мое тело напряглось, поглощенное желанием.

Она закричала, опустив свой лоб на мое плечо. Все ее тело лежало поверх меня. Белый шум становился громче, наполняясь криками приказов. Мои ноги дернулись, когда я пытался игнорировать.

Нет.

Мои руки разжались и сжались, отчаянно желая обхватить ее горло. Я был готов оттолкнуть ее, чтобы убить.

Но ее острые зубы вонзились в мое плечо, когда ее бедра стали покачиваться. Она вернула меня к себе — она вернула меня с темного места и дала мне гребаный свет в виде связи и приятного ощущения.

Я сфокусировался на ее жаре вокруг моего члена и ее вкусе внутри моего рта. Я оставался здесь. Я оставался с ней.

— Черт, Фокс. Да. О боже. — Глаза Зел были крепко закрыты, она яростно объезжала меня, пока я вбивался в нее. Мы оба преследовали цель, намереваясь добраться до долгожданного оргазма так быстро и бурно, как это возможно.

— Называй меня Роан, черт побери. Я хочу, чтобы ты называла меня Роан.

Ее глаза открылись, на губах танцевала улыбка. Ее руки снова погрузились в мои волосы, удерживая меня на месте, чтобы поцеловать меня так же жадно, как я целовал ее.

— Роан, — она прошептала у моего рта.

Мой член дернулся, когда трещина на моем сердце широко разошлась, и я предоставил себя ей на гребаном золотом блюдечке, чтобы она взяла меня. Ничего не осталось. Я был ее.

— Роан, боже, ох...

Мое сердце застучало быстрее, мне нравилось, как она произносила мое имя. Это чувствовалось так, будто она открыла еще одну часть меня, и на мгновение я забыл, что не был исцелен. Я не был нормальным, не был в безопасности.

Мои руки дернулись, разрушая связь.

Я открыл глаза, в ужасе, что зашел слишком далеко. Я заставил беспокойное состояние перейти в подчинение. Зел села прямо, положив руки мне на грудь. Давление от ее прикосновений, отправляло мой мозг в темноту, но я стиснул зубы, заставляя себя оставаться с ней.

— Сконцентрируйся на мне. На нас. Не покидай меня, Роан. Не покидай меня. — Ее бедра покачивались сильнее, ее киска поглаживала всю мою длину.

— Я с тобой, — застонал я, запрокинув голову назад, когда первая струя жара желания выстрелила из моего члена и брызнула в Зел. Зел разгадала мгновение, когда я начал кончать.

Волна силы вспыхнула в моих мышцах, и я отдернул свои запястья друг от друга. Серебряные узы натянулись, борясь с моей мощью, но я не оставил им и шанса.

С тихим звуком, цепь ослабла и скользнула по моим запястьям.

— Нет, подожди. — Зел замерла.

Схватив ее за талию яростными пальцами, я прижал ее сильнее, погружаясь в нее жестче.

— Я в порядке. Правда. Не останавливайся. Не останавливайся, черт побери, Зел.

На ее лице сражались два желания: желание продолжить и желание бежать. В конечном итоге желание продолжить одержало победу, и она позволила мне раскачивать ее бедра, погружаясь вверх.

Вместе мы вбивались и принимали друг друга, беря, отдавая и трахая. Последняя капля освобождения дала мне что-то новое. Ушло яростное желание заполнить ее, сейчас я хотел заключить ее в объятия и защищать от всего. Я чувствовал себя почти невесомым, легким.

Цельным.

Я привлек ее в нежное объятие, с которым мог справиться.

Ее руки обернулись вокруг моей шеи, ее грудь прижалась к моей. Мое сердце взрывалось от нежности. Я никогда не думал, что смогу получить такой дар.

Такой простой жест, но он изменил мой мир.

В первый раз я обнимал кого-то со времен Василия.

Первый раз, когда я позволил кому-либо обнимать меня в ответ.

— Расскажи мне, почему ты голый, агент.

Я повесил голову, избегая смотреть на свой висящий член.

— Потому что я спал без одежды, сэр.

— А сейчас ты отправишься на миссию без защиты, пока твоя белая задница будет сверкать, чтобы твоя жертва увидела. Ты основная мишень. Я сомневаюсь, что ты вернешься живым сегодня.

— Есть, сэр. Извините, сэр.

Остальные кадеты смотрели на меня со смесью самодовольства и жалости. Шестеро из нас были отобраны для сегодняшней миссии. Все были одеты в черное. Все, кроме меня.

Командир предоставил нам наши обычные охотничьи ножи, лезвия в форме полумесяца и

пистолеты с глушителем. Он указал на ожидающий грузовик, готовый отвезти нас на место назначения.

Я возился с тремя оружиями. У меня не было места, чтобы его положить, я должен был найти способ держать его.

Мой куратор усмехнулся.

— Ты всегда был слишком смелым, Фокс. Сегодня ты научишься на своих ошибках.

И он был прав.

В ту ночь мне подстрелили задницу, когда я бежал от охраны дипломата, которого убил. Его кровь покрывала мою обнаженную кожу, смешиваясь с моей собственной от пулевой раны.

Василий был тем, кто помог мне очистить рану. Ему было всего восемь, но он уже знал, как оказывать помощь раненым.

Никогда снова я не спал голым. Я никогда не повторял эту ошибку дважды.

Я резко сел, моргая, в панике.

Нет света.

Ничего, кроме сдавливающей, удушающей темноты.

Мои глаза взлетели к окну, где звезды и луна насмехались надо мной. Ты уснул до того, как взошло солнце, чтобы защитить тебя. Теперь наша очередь заставить тебя страдать.

Я упал назад, закричав от воспоминания убийства моего брата — единственного, которого я так упорно пытался избежать, — обрушившегося на меня с приливной волной горя.

— Роан. Пожалуйста. — Лицо Василия было в слезах. Мой куратор шел рядом со мной, держа электрошокер, пока я тащил своего брата, удерживая крепкую хватку на его шее.

— Отпусти меня. Я обещаю, что ничего не расскажу. Я обещаю, Роан.

Мое черное сердце умерло в тренировочном лагере, и мои глаза были сухие как кости.

Я знал, куда мы направляемся, и знал, что умру рядом со своим братом — или сегодня, или завтра, или в любой другой день. Не имело значения. Мы оба были обречены.

В мгновение, когда мы прибыли к яме, мой куратор нажал на курок и отправил огромный поток электричества через мое тело. Мои пальцы непроизвольно сильнее сжались вокруг шеи Василия, и мы упали в трехметровую яму.

Вес моего тела обрушился на ногу Василия, сломав ее в двух местах. Его вопли и крики испугали волков далеко от нашей могилы.

Они оставили нас там на три дня.

Голодные, замерзшие, сбившиеся в кучу для тепла и ловящие снежинки ртом, чтобы получить хоть какую-то жидкость. Василию становилось хуже с каждым днем. Его легкие

гремели кашлем от пневмонии.

Даже если бы каким-то чудом я нашел выход, он бы в любом случае умер.

Я сделал единственное, что мог для своего брата.

Я расцеловал его щеки и попробовал его слезы, и мы обнялись на прощание, пообещав найти друг друга в другой жизни.

И затем я свернул ему шею.

После треска его позвоночника появился мой куратор, как будто все это время ждал рядом.

Он вытащил меня, похлопал по спине и повел как героя.

— Фокс! Фокс! Роан! Просыпайся!

Я снова вскочил, втянув огромный глоток кислорода. Мое сердце билось, как будто я тонул, мои глаза были широко раскрыты, когда я осматривал комнату. Зел включила фальшивое солнце в виде прикроватного света.

Я сделал две вещи, которые клялся никогда не делать: уснул голым и спал без солнечного света.

По моей коже ползли мурашки, и я рванул назад, вжимая подушки в изголовье кровати.

Зел вытянула руку, страх и печаль смешались в ее глазах.

Я посмотрел на ее руку и покачал головой.

— Не прикасайся ко мне. Я не могу гарантировать тебе безопасность. — Мой голос был хриплым, как будто я кричал во сне.

Ее рука опустилась, и она схватила простыню, покрывающую мои ноги. Ее грудь сияла теплым блеском от маленького прикроватного света.

Мне нужна была тишина, мне нужно было время. Время, чтобы взять себя в руки.

Я ненавидел то, что Зел видела меня слабым. Видела, какой по-настоящему испорченной была моя голова. Я нахмурился, когда паника сжала мое сердце.

— Я ничего не говорил?

Она никогда не будет доверять мне, находиться рядом с Кларой, если узнает, что я сделал Василию.

Она покачала головой.

— Ты невнятно говорил по-русски. Все что я слышала — это имя твоего брата, но это все.

Сжав руки в кулаки, я заставил свое тело расслабиться. Она не знала худшего — она никогда не узнает, сколько детей я был вынужден убить. Я заберу этот секрет с собой в могилу.

Минуты шли, пока мы оставались на противоположных сторонах кровати. Зел не сказала ни

слова, но ее глаза кричали невысказанный вопрос в моем направлении. Каждая часть моего тела хотела подняться, пнуть что-то, драться.

Мои глаза опустились на мое покрытое шрамами туловище. Каждый ожог, каждое наказание глумилось надо мной, и я больше не мог оставаться голым. Я чувствовал себя слишком открытым, слишком уязвимым, слишком слабым.

Темнота. Мне нужна темнота.

Свесив ноги с кровати, я хотел встать, но Зел пробормотала:

— Подожди. Я помогу тебе. — Она подползла ко мне, не обращая внимания на простыню, скрученную у ее ног. — Ляг на живот.

Мое сердце взорвалось.

— Ты думаешь, что можешь прикоснуться ко мне? — я яростно покачал головой. — Этого не случится.

Зел приближалась.

— Ты близок к тому, чтобы сломаться. Позволь мне подтолкнуть тебя. Ложись, Роан. — В ее голосе мешались уговоры и команды.

Я не хотел подчиняться. Я не хотел знать, как много смогу стерпеть, но если она была права, это означало, что я могу быть свободен.

Когда я не сдвинулся, ее лицо исказилось печалью. Ее руки упали к животу в защитном жесте, взгляд устремился внутрь меня. На один безумный, дикий момент, я представил ее вынашивающей моего ребенка. Дарящей мне спасение в форме новой жизни. Гарантирующей мне бессмертие в форме моего собственного создания. Ее голос был едва слышнее шепота:

— Это важно. Тебе нужно сделать это.

Жестокая честность ударила по моей силе воли, и я пробормотал:

— Я разорвал цепь. — Мои глаза искали порванную цепочку, сверкающую на черном покрывале.

Без слов, Зел встала, и голая медленно пошла к краю кровати. Схватив мои брюки, она вытащила из них ремень и подняла его. Он выглядел как змея — змея, которая собирается вонзить клыки в мою плоть и отравить меня до смерти.

Мое дыхание участилось, когда она подошла ко мне.

— Я знаю, что тебе нужно это, но у меня нет силы. Не проси меня сделать это.

Ее лоб был нахмурен, и суровый блеск отражался в ее глазах.

— Ты обещал мне, что Кларе будет безопасно находиться рядом с тобой, но ты почти потерял контроль в своем кабинете. Мне нужно быть уверенной, что этого не случится снова. — Держа ремень двумя руками, она показала мне тугую лину. — Сложи руки вместе.

Сценарии того, как я толкаю ее, ударяю и выбегаю за дверь, заполнили мой мозг. Я не хотел

упасть за край. Я не хотел поддаваться ярости и боли условного рефлекса. Я не знал, чего ожидать на другой стороне. Что, если мой разум взорвется — что, если я не смогу справиться?

Что, если я убью ее?

«В один день ты сделаешь это, если не разрушишь свой рефлекс».

Мысль заставила мои руки вытянуться вперед, и я положил свои соединенные запястья на петлю ремня. Без слов, Зел дважды обернула кожу вокруг моих запястий, прежде чем плотно затянуть.

Наклонившись, она очень нежно поцеловала меня в уголок рта.

— Ложись. Сфокусируйся на мне.

Я подчинился. Нерешительно прижал свою грудь к простыням. В мгновение, когда я был в горизонтальном положении со связанными над головой руками, я хотел реветь от ярости. Я ненавидел, что она поставила меня в такую компрометирующую позу. Ненавидел, что снова был в чьей-то милости.

Тихо, Зел взобралась на кровать рядом со мной и перебросила ногу через мое бедро, чтобы оседлать меня. Мягкость ее задницы напротив моей спины была первым шоком для моей системы. Мои руки сжались в привычном побуждении, которое зарождалось во мне.

Ее руки опустились на мои плечи, сильно сжимая, вдавливаясь в мышцы.

Желание распространилось на мои зубы и подбородок, и позвоночник. Я превратился из замерзшего в дрожащего, с глубокоседающей агрессией.

Убей. Разорви. Уничтожь.

Я застонал, сильнее вжимая лицо в матрас.

— Я не причиню тебе боль. Я с тобой, — пробормотала Зел, в то время пока массажировала мои плечи, раскалывающими разум прикосновениями.

Промывание мозгов быстро распространилось по всему моему телу, пока каждый мускул не был напряжен, наполненный потребностью подчиниться простому приказу, чтобы убить.

— Закрой глаза, — приказала она.

Она сошла с ума?

— Я не могу. Все что я вижу — это смерть и увечья. Если я закрою глаза, буду поглощен темнотой. Мне нужно фокусироваться. Мне нужно фокусироваться на стене и тебе в этой комнате.

Зел ничего не сказала, когда провела руками от моих плеч к центру моей спины.

— Ты должен отдать себя мне, чтобы это сработало. Ты должен быть полностью в моей милости. Не сдерживаясь. Если это будет слишком тяжело вынести, скажи мне, и я добавлю ограничений. — Ее голос дрожал, но потом стал тверже. — Ты должен сказать мне, если будет чересчур. Я не позволю тебе снова причинить мне боль.

Я кивнул, звук шуршания покрывал гремел у меня в ушах. Боль неповиновения стрельнула через мое тело. Стиснув зубы, я преодолел ее, стараясь делать так, как сказала Зел.

Обрушилось молчание с голосами моих кураторов.

Почему ты не подчиняешься прямому приказу, агент?

Она причиняет тебе боль, поэтому ты должен причинить боль в ответ.

Пот выступил на моем лбу, когда руки Зел опустились дальше. Ее руки опустились мне на задницу, и моя спина изогнулась от шока.

— Прекрати, — полупростонал-полупрорычал я, мою кожу обожгло от неотмщенных приказов.

— Нет, — прошептала она. Тщательно, она провела пальцем по щели между моими ягодицами, двигаясь вверх к основанию позвоночника. Сознательно дразня меня смесью жестких и ласковых прикосновений, запретного и дозволенного.

— Ты раскрыл несколько своих секретов сегодня. Мне понравилось слышать больше о тебе, хоть твое прошлое и печальное. Сосредоточься на моем голосе, когда я касаюсь тебя. Постарайся и расслабься. Пытайся не бороться, и я расскажу тебе кое-что о себе. — Ее рука легла на мою спину, массируя измученные мышцы.

Головная боль увеличивалась, пульсируя вместе с моим колотящимся сердцем.

Убей ее, Фокс.

Мы не будем командовать снова.

Ее пальцы порхали над татуировкой лисы на основании моего позвоночника.

— Я начну со своего ожерелья. Я видела, что ты смотрел на него — на звезду. Одинокая серебряная звезда. — Ее голос стал задумчивым, наполненным счастливыми воспоминаниями. — Я купила два ожерелья на свои скудные сбережения, когда Кларе исполнилось четыре. Она была одержима галактикой и звездами на всех предметах, что она могла получить.

Ее пальцы продолжали свое яростное нападение, вызывая больше условного рефлекса, больше боли. Я сжал губы и еле слышно выдохнул, претерпевая боль.

— Я купила ожерелья ей на день рождения. Ее лицо осветилось, как будто она проглотила луну. Ее маленькие ручки щекотали мою шею, когда мы по очереди застегивали их друг на друге. В тот момент, когда оно было надето, она объявила, что никогда его не снимет. Она моя звездочка. — Она вздохнула, ее голос стал печальным. — Также я купила ожерелья по еще одной причине. Но это не история для сегодняшнего вечера.

Мой мозг разрывался между ее голосом и внутренними командами, что мог слышать только я. Потребовалась вся моя сила воли, чтобы сфокусироваться на настоящем и оставаться лежать.

Перевернуть ее будет так легко.

Ты легко свернёшь ей шею, если обернешь ноги вокруг ее горла.

Зел продолжила, кончики пальцев глубже погружались в никогда не массируемую плоть.

— У меня было так много работ, что я не помню их все — большинство из них не были легальны. Я перепрыгивала из одной приемной семьи в другую, всегда изгой. Я думала, что вселенная ненавидит меня — что я всегда буду одна, но потом узнала, что могу создать жизнь, которую хотела, обманывая.

Она поменяла положение ног — оседлав меня выше, чтобы сильнее массировать мои плечи.

— У меня есть подлинно выглядящие документы из колледжей по всей стране. Но ни один из них не настоящий. Я подделала прошлое, превратившись из беглянки неудачницы в честолюбивую мать.

— Я никогда не раскаивалась в том, что лгала и крала, потому что это был единственный способ выжить. Это позволило мне дать Кларе жизнь лучше. — Ее голос сорвался, прежде чем она продолжила свою плавную колыбельную. Чем больше я слушал, тем больше она завораживала меня, и тем больше условный рефлекс переставал преобладать надо мной.

Каждое прикосновение было мучением — ласковые поглаживания измотанных мышц продлевали безумие грохота приказов в моей голове, но это не одержало надо мной верх.

Ее руки переместились выше, большие пальцы впились в мышцы по обе стороны моего позвоночника.

— На моих руках кровь. Я забрала две жизни.

Моя спина согнулась, когда шок от ее признания вытолкнул условный рефлекс из моей головы, оставив меня на мгновение здравомыслящим.

— Что? Как это случилось?

Ее руки последовали выше, превращаясь из терапевтического массажа в нежный петтинг. Мое дыхание стало тяжелым и хриплым, мои кулаки болели от того, как сильно я их сжимал. Условный рефлекс вернулся, кипя в задней части моего мозга.

— Мне было двенадцать, когда я первый раз превратила человека в мертвеца.

Такая чертовски молодая. Как и я.

Связь, которую я чувствовал к Зел, сжала мое сердце, укрепляя мою волю игнорировать условный рефлекс.

— Я металась между приемными родителями. До этого я находилась в приличной семье: доброй и щедрой, но я все испортила и не позволила им помочь мне. Но эти... они были другими. Я не была готова к тому, что веселый дядюшка будет приходить ко мне в комнату, когда все лягут спать. Я не была готова к прозвищу «куколка», что внушало такой нерациональный страх, когда он шептал мне его. Я не была готова к тому, чтобы смотреть, как он раздевается, или к его нелепой эрекции между ног. Но я была готова защищаться. Я не была невинной, даже подростком. Я украла нож с кухни предыдущей семьи и выжидала время, когда он заберется ко мне в постель. Его пивное дыхание заполнило темноту, в то время как его грязные руки пытались лапать меня.

— Он успел сделать одно прикосновение, прежде чем я воткнула нож ему в пах. Это был чистая удача, что я попала в бедренную артерию. Он потерял слишком много крови, прежде чем приехала скорая.

Руки Зел не прекращали свои неумолимые поглаживания. Ее прикосновения взрывали мою голову от потребности и желаний, в то время пока я пытался сконцентрироваться на ее истории. Мое тело искрилось чувствительностью. Щекочущее чувство от того, как ее тело было надо мной — сводило меня с ума.

— Второй раз я убила, когда мне исполнилось двадцать один. Я перерезала горло мужчине, который пытался изнасиловать Клу. Я даже не думала. Я не была нечувствительной к боли людей — я избегала ее, как только могла, — но видеть, как он причиняет боль кому-то, кто в два раз меньше его, я перестала думать и среагировала. Я никогда не жалела, что спасла ее. Она спасла меня в ответ.

Ее голос затих, когда она наклонилась вперед, потирая меня руками, заполняя ароматом ландыша. Каждая часть моего тела изнывала от борьбы и невидимой войны, ожидание усиливало мои чувства, пока я мог сосредоточиться только на повышенном сердцебиении и чудовищном любопытстве к жизни женщины надо мной.

Передвинувшись вперед, Зел взобралась на мое тело выше, пока не села на пятках над моими ребрами. Ее руки гладили мои лопатки, потирая с нежным давлением.

То, что я слушал ее, помогало мне оставаться в здравом уме, в то время как тишина снова засасывала меня в темноту. Моя головная боль выходила из-под контроля, и я сделал единственное, чтобы избежать падения в яму. Чтобы избежать подчинения и того, чтобы ранить ее.

Я закончил с тем, чтобы быть у нее под контролем. Теперь мой черед.

Одним резким движением я переместил Зел с моей спины и перевернулся. Ремень на моих запястьях не был неминуемой преградой, но мне было все равно. Я лег на ее тело, прижимая ее под собой.

Ее глаза расширились, и паника отразилась на лице.

— Не беспокойся, я не причиню тебе боль. Я все еще под контролем.

Едва.

Я хотел лизать, кусать и щипать. Я хотел провести руками по ее телу и касаться его так же, как она прикасалась ко мне. Мне нужно было погрузиться глубоко в нее, чтобы игнорировать сильное желание и более интенсивные приказы.

Она пыталась приучить мое тело к более нежным прикосновениям — перепрограммировать мой мозг с двадцатилетним обучением одним сеансом массажа. Я не хотел разбивать ее надежду. Она помогла, но недостаточно. Единственное, что удерживало меня от того, чтобы убить ее, была крошечная, единственная оставшаяся ниточка моего самоконтроля.

Я гордился своей силой, но и одновременно был разочарован.

В конечном итоге я сломаюсь. И я не хочу, чтобы она прикасалась ко мне, когда это произойдет.

Я проверил запястья, морщась, когда кожа врезалась в мою плоть. Зел так прочно меня связала, что оставались синяки.

— Отпусти меня. Нам нужно закончить, — приказала она.

Вместо того чтобы подчиниться, я обернул свои связанные запястья вокруг нее и изогнул спину, нежно толкаясь, в поисках ее.

Я застонал, когда нашел ее влажное тепло.

— Ты прикасалась ко мне, и я подчинился, но теперь мне нужно трахнуть тебя. Не отказывай мне, Зел.

Ее задница пошевелилась, пытаясь вытеснить меня. Ее грудь вздымалась и опускалась у моей груди, когда я продвинулся глубже между складочек ее киски.

— Но это не сработало. Я надеялась исправить тебя. Я не закончила. — Ее глаза искали мои, даже когда она раздвинула ноги, давая мне пространство, чтобы погрузиться между ними.

Мои глаза закрылись, когда я прижался к ее теплу. Глубже и глубже. Я задрожал, когда ее киска приняла меня.

— Это сработало достаточно. — Открыв глаза, я улыбнулся. — Ты должна мне награду за то, что я вел себя хорошо.

Она фыркнула.

— Вел себя хорошо, ты это имеешь в виду, не убил меня.

— В точности. — Я опустил голову, чтобы поцеловать ее. Ее рот открылся, язык встретился с моим, и мы начали двигаться. Уткнувшись локтями в матрас по обе стороны от ее лица, я вбивался сильнее и одержимее, претендуя на нее медленно, не спеша.

Ее руки опустились на мою задницу. Мгновенно головная боль затопила меня, почти одерживая верх над моим контролем. Мое тело замерло, пока я фокусировался на том, какая она нежная, какая хрупкая, и как я не хочу убить ее.

— Нет, — прошептал я. — Перестань трогать меня.

Мгновенно ее руки опустились.

Отклонившись назад, смотря в ее глаза, я сказал:

— Я дам тебе свое слово, что не причиню тебе боль, но мне правда нужно трахнуть тебя, Хейзел. Дай мне свои руки, — я толкнулся вперед.

Она подняла руки над головой, позволяя мне захватить ее запястья в плен моих пальцев. В момент, когда ее руки были закреплены, я сломал один барьер в своей голове. Я вонзился в нее, укрощая ничтожный привкус насилия.

Она закричал от грубых толчков, задыхаясь, когда я погружался в нее. Мое сердце барабанило от злости условного рефлекса, борющегося с сексуальной потребностью.

Ее ноги приподнялись, обхватывая меня за бедра, притягивая меня глубже.

Я зарычал, когда свежая вспышка желания промчалась по моей крови, почти забирая меня из реальности. Но я сдержался. Сфокусировался. Сконцентрировался. Я никогда не вернусь к

призраку.

— Боже, ты ощущаешься так хорошо. Такая узкая. Такая идеальная. — Я качнулся жестче, заполняя ее всем, что у меня было. Она была моей, и я хотел пометить ее, чтобы доказать это.

Выпустив ее запястья, я опустил руки и засунул палец ей в рот.

— Соси его, — приказал я.

Ее глаза вспыхнули, а губы обхватили меня, вбирая в рот. Влажность и тепло сводили меня с ума. Я толкался сильнее и сильнее.

— Ты чувствуешь меня? — зарычал я, мне нравился искрящийся оргазм, зарождающийся в моих яйцах.

Она кивнула, всосав мой палец, прикусив его острыми маленькими зубками. Мышцы ее ног сокращались вокруг моих бедер.

— Ты на вкус как металл и сигареты. Ты чувствуешь чертовски восхитительно, Фокс.

Я застонал. Я не мог больше сдерживаться.

Искрящееся освобождение взорвалось в моем животе, и я кончил, заполняя ее всем, что осталось во мне.

Она напряглась подо мной, запрокинув голову назад, когда ее внутренние мышцы сокращались, сжимая мой ствол с восхитительной силой.

Ее тело, из натянутого как струна, превратилось в мягкое и податливое, и небольшая улыбка тронула ее губы.

Проклятая головную боль и все еще настойчивый условный рефлекс, я поцеловал Зел в кончик носа.

— Как мне заставить тебя запомнить?

Она нахмурилась. Ее щеки покраснели от удовлетворения.

— Запомнить что?

Опустив голову, я прикусил ее шею.

— Называть меня Роан.

Хейзел

Счастье.

Такой фарс.

Я была счастлива — ослепляюще счастлива — только два раза в своей жизни.

Первый раз был, когда я держала Клару, когда она только родилась. Она открыла мне новые эмоции и в том числе радость, о существовании которой я никогда не знала.

Второй, когда я получила работу в престижной компании, благодаря поддельному резюме. Возможно, я и получила работу, солгав, но я заработала бонус в первый месяц, благодаря своему отношению к труду.

Оба события улучшили мою жизнь, оба намекали на удовольствие в будущем.

Затем я встретила Фокса и посмела надеяться, что это был третий момент счастья.

Но также, как и всегда, это был краткий перерыв перед главным событием.

Эпицентром бури.

Началом конца.

Я беременна.

Не то чтобы я была глупой и забыла использовать контрацепцию. Не то чтобы я была больной или не использовала другие меры предосторожности, пока была на таблетках. Не то чтобы моя спираль не сработала или порвался презерватив, или я забыла утром принять таблетки.

Ничего из этого.

Нет, наша жизнь способна создать что-то из ничего, создав чудо внутри матки, которая была навсегда признана бесплодной.

Я не верила в чудо, но верила во второй шанс.

И этот шанс был от Фокса.

Роана.

Три дня я вынашивала новости. Я просыпалась ночью, проводила рукой по волосам Клары, представляя будущее, где она выжила и растет вместе с младшей сестрой или братиком. Я рисовала сказку, где к Фоксу можно было прикоснуться, и мы создали замечательную семью из очень неблагополучного начала.

Я хотела рассказать ему. Я проиграла в голове каждый сценарий, как преподнести новость.

Каждый раз, когда он смотрел на Клару с очарованными глазами, слова, что я ношу его ребенка, вертелись у меня на языке, готовые вырваться.

Но я держала новость в полной секретности.

«Ты избегаешь этого, потому что не знаешь, что чувствуешь по этому поводу».

Мои руки упали на мой плоский живот. Я никогда не прерву беременность, но мне сложно поддавалось пониманию, как это — иметь другого ребенка. Любить другого ребенка.

Казалось, будто я предаю Клару. Я чувствовала себя непригодной и недостойной, и это разрывало меня изнутри. Я не могла любить еще одного ребенка с ангельскими щечками — это было предательством к ней.

Не так ли?

Меня вырвало дважды — не от утреннего недомогания, а от вины. Вины за то, что буду любить другого ребенка так же сильно, как любила Клару. Вины за то, чтобы заменить ее.

Это было моей настоящей проблемой.

Мой первый ребенок будет мертв, но у меня будет другой. У меня не будет времени, чтобы оплакать ее, или роскоши, чтобы забыть о жизни. У меня не будет привилегии разрушить свой собственный мир, как только Клара покинет меня.

Мне нужно будет продолжать выживать, улыбаться, жить для ребенка, которого я никогда не думала иметь.

И это делало меня чертовски злой.

Злой, чтобы признать, насколько слабой я была — понимая, что буду любить этого ребенка всей своей сущностью, что было чертовски несправедливо по отношению к Кларе. Она завладела моим сердцем, телом и душой, и она будет мертва.

У меня кружилась голова, меня тошнило, я устала, пытаюсь примириться с обретением новой жизни, прежде чем я потеряю другую.

По иронии судьбы, я держала секрет из-за собственного сожаления, но Клара была той, кто заставил меня убедиться, что я никогда не расскажу ему о своей беременности.

Был вторник, и в клубе было тихо.

После похода в ванную, чтобы еще раз отчитать себя за то, что позволила страху укорениться во мне, я вошла в офис, где мы заканчивали кое-какую работу с бумагами.

Фокс сидел за своим столом, одетый в черное, окруженный черным.

Клара лежала на животе, ее маленькие ножки болтались в воздухе, руки обхватили подбородок, когда она смотрела «Немо» на большом плоском экране.

Фокс поднял взгляд: небольшая улыбка украсила его губы.

— Я закончил здесь. Я подумал, что мы могли прогуляться все вместе, может, взять еду на вынос и посмотреть на закат? — он рассмеялся. — Только послушай меня, никогда не думал, что скажу что-то такое одомашненное.

Клара посмотрела через плечо, улыбнувшись.

— Я хочу рыбку и чипсы. Но я не хочу есть Немо, поэтому убедись, что рыбак не убил его.

Фокс покачал головой, его глаза сверкали любовью.

Он будет великолепным отцом.

Я вздрогнула, впитывая это домашнее блаженство передо мной. Несмотря на его проблему с прикосновениями, Фокс был идеальным. Достаточно сильным, чтобы защищать, достаточно богатым, чтобы обеспечить, достаточно стойким, чтобы любить все без прикрас.

Его снежные глаза встретили мои, и мой желудок сделал кульбит. Сообщение, которое он отправил — было наполнено похотью. Он хотел меня. Прошлые три ночи, я прокрадывалась к нему в спальню, как только Клара засыпала, и позволяла ему связать мои руки, прежде чем он отдавал мне всего себя. Он трахал меня, но и занимался со мной любовью. Он давал мне ласку и нежность, завернутую в грубую жестокость.

Мое сердце трепетало, отвечая на его безмолвный вопрос. Я тоже хотела его. Не только для сейчас, а навсегда.

Я хотела этого. Всего.

Навсегда.

Мое сердце из невесомого трепета упало как камень. Мои глаза опустились на Клару. Я ненавидела свои печальные мысли. Я презирала слабость и вечное горе.

Ничего не длится вечно. Мне нужно было пользоваться каждым моментом, которым могла, и подготовить себя к боли в конце. Я буду скучать по ней, как по своей собственной душе, но буду продолжать жить.

Я буду всем миром для другого ребенка, который нуждается во мне.

Беременность выбила мой мир из равновесия, и я не могла найти баланс в этом новом положении.

Фокс заслуживал знать о новой жизни во мне — возможно, этого хватит для него, чтобы сохранить свое здравомыслие, когда Клара уйдет.

«Ты знаешь, что это неправда».

Клара вырвет кусок из наших сердец, и мы никогда не будем прежними. Моя сияющая звездочка сгорит и оставит нас во тьме.

Роан встал, отодвинув свое кресло. Энергия в комнате увеличилась, когда он пошел ко мне. Моя кожа заискрилась в предвкушении его прикосновения, мое тело нагрелось, готовое к его владению.

А потом это разрушилось.

Клара закашляла. Ничего особенного, ничего пугающего или необычного. Я не думала об этом.

Но тишина после этого, отправила сосульки впиваться в мое тело. Мои глаза метнулись к ней, почти в замедленном движении.

Еще больше сосуллек впились в мои конечности, наполняя меня болью и ужасом.

Ноги Клары больше не болтались в воздухе, а растянулись на диване, ее маленькие локти свисали с дивана, а голова уткнулась в ковер.

— Нет!

Дерьмо.

Пробежав мимо Роана, я бросилась на ковер и обхватила ее неподвижную фигурку руками. Ее маленькое тельце было как доска из твердого дерева. Ее глаза закатились назад, белые и пустые. Ее губы приоткрылись и закрылись, бесполезно пытаясь притянуть кислород в ее легкие.

— Какого черта? — Фокс шлепнулся рядом со мной на пол, его большое присутствие притесняло меня, из-за чего у меня развивалась клаустрофобия.

— Отойди. Она не может дышать! — я подняла ее туловище в вертикальное положение, желая, чтобы она втянула воздух. — Давай, милая. Давай. Ты можешь сделать это. Пожалуйста. Еще рано. Давай. — Ее легкие захрипели, когда немного воздуха попало туда.

— Дай ее мне, — приказал Фокс, отодвинув меня в сторону, чтобы положить Клару на спину. Я повалилась на бок, слезы исказили мое зрение. — Звони 9-1-1.— Его пылающие метелью глаза встретились с моими. — Давай же!

Встав на ноги, я побежала в комнату, которую делила со своей быстро утасоющей дочерью, и опрокинула сумку, которую Клу упаковала для нас. Одежда, туалетные принадлежности и игрушки вылетели оттуда.

— Где он? Где он, черт побери?

С отчаянием я оттолкнула в сторону ненужные предметы, пока мои пальцы не нащупали ингалятор от астмы. Выпрямившись, я помчалась в кабинет.

Фокс одной рукой зажал ее нос и делал ей искусственное дыхание. Ее грудь поднималась, затем опадала, когда он наклонился и прижал руку к ее костлявой груди.

— Это не работает. Ей нужно это. Она нуждается в лекарстве. — Я толкнула его в плечо, ударяя, чтобы он сохранил стойкость. Его спина напряглась, когда он боролся со всеми желаниями, с которыми ему приходилось взаимодействовать.

Расположив руку на задней части ее шеи, я посмотрела в закатившиеся, паникующие глаза Клары.

— Вдохни, ладно? Ты знаешь, как делать это. — Мерцание жизни вернулось в ее взгляд, и я толкнула ингалятор мимо ее посиневших губ.

Фокс выглядел, словно всепоглощающая тьма располагалась рядом со мной, содрогаясь от ярости и страха.

— Что с ней происходит? — зарычал он.

Игнорируя его, я нажала на ингалятор, вводя облако лекарства в рот Клары. Она хрипела, глотая то, что могла.

Но этого было недостаточно.

Горячий обжигающий страх появился на месте моей крови, когда ее маленькая ручка вцепилась в горло. Ее губы из синих превратились в фиолетовые.

— Положи ее, — приказал Фокс.

— Так она не сможет дышать.

— Просто сделай это! — Фокс выдернул Клару из моих рук и снова уложил ее на спину. Положив свою огромную, покрытую шрамами руку, ей на грудь, он сильно надавил ею. Зарычав, он приказал: — Сделай это снова.

Трясущимися руками, я расположила ингалятор у губ Клары и снова нажала. Фокс медленно убрал давление с груди Клары, в результате с помощью силы лекарство оказалось в ее легких.

Секунды проходили за секундами.

— *Когда я вырасту, я хочу стать доктором, чтобы люди перестали кашлять как я.*

Воспоминание пришло и ушло так быстро, что я едва признала его. Но мое сердце умирало от ужаса — я не смогу отпустить ее. Нет!

Я не могла выдержать этого. Я должна дать ей еще одну дозу. Я должна спасти ее.

Затем тишина была разрушена тем, что она начала с жадность дышать, втягивая кислород в легкие и брызгая слюной. Она подскочила от ковра, как выживший утопающий, глотая воздух так быстро, как могла.

На меня нахлынуло огромное облегчение, затем вновь обрушились рыдания, когда ее крошечное тельце сотряс новый приступ кашля, напоминая мне, что она осталась жива. Но в следующий раз или следующий...

Не думай об этом.

Все что меня заботило, так это то, что она осталась жива и снова дышала. Мне нужно было оставаться сильной, а не фокусироваться на неизменном будущем.

Осознание заполнило глаза Клары, и навернулись слезы. Она потянулась ко мне, и я притянула ее к себе на колени.

— Мне не нравится это, мамочка. Когда это пройдет?

Мой желудок сжался. Я села, покачиваясь, обсыпая ее лоб поцелуями.

— Ты в порядке. Все хорошо. Дыши.

Дыхание Клары медленно изменялось от учащенного до более спокойного, и она положила свою тяжелую голову мне на плечо. Тепло ее тела успокаивало меня, напоминая мне, что я еще не потеряла ее.

Я не знала, сколько прошло времени, когда утопала в воспоминаниях о ней. Радость на ее лице, когда я разрисовала стены в нашей комнате фиолетовыми лошадьюми, то, как ее лицо скривилось, когда она украдкой попробовала глоток вина. Все воспоминания о ней были словно трехмерное изображение. И меня убивало наблюдать, как она увядает.

Одинокая слеза скатилась по моему лицу, когда я качнулась и посмотрела в прошлое. Я потеряла чувство реальности. Я потеряла взаимосвязь с Фоксом. Все на чем я была сфокусирована — моя дремлющая дочь, которую я крепко и нежно сжимала в руках.

Мои руки не могли держать ее достаточно сильно. Я желала, чтобы мое здоровье и сила могли

просочиться в нее. Я проклинала Господа за то, что не могла обменять свою жизнь на ее. Ком ужаса, что заменил мое сердце, висел тяжестью в моей груди и не бился.

Я подскочила, когда тень прокралась передо мной. Фокс провел руками по волосам, выхаживая с яростью, что искрилась во мраке вокруг него.

— Я дал тебе время. Я сидел здесь в течение часа, наблюдая, как ты раскачиваешь своего больного ребенка, чтобы она уснула. Я сказал себе уйти. Чтобы дать вам время наедине. Я сказал себе, что меня не должен так сильно заботить ребенок, которого я встретил совсем недавно. Я сказал себе так чертовски много всего...

Он остановился и повернулся ко мне с яростным выражением лица.

— Но затем я перестал говорить себе это и решил, что должен остаться. Я решил, что не имеет значения, что случилось, я принадлежу тебе и этой маленькой девочке, и у меня есть право знать, что, черт возьми, происходит.

Указывая на Клару, которая спала на моих руках, он зарычал:

— Начни говорить. Я знаю, что с ней что-то не так, и знаю, что ты скрываешь это от меня. Черт, Хейзел, даже ребенок знает, что она ограничена во времени, но, тем не менее, ты думаешь, что можешь скрыть это от меня?

Клара не сделала ни одного движения, чтобы проснуться, но я прижала руки к ее ушам.

— Понижь свой голос.

Он нахмурился.

— Она не услышит меня. Ты не можешь видеть разницу между обычным сном, и сном таким глубоким, что ты не услышишь и взрыва атомной бомбы? Нет? Ну, откуда тебе знать после своей идеальной жизни, а не когда ты пленник, где каждый твой сон — это желание умереть и мольба, чтобы ты никогда не проснулся.

Его злость проникала в меня, пока не просочилась в кровь из рваных ран. Он вырвал мою душу, так же как Клара вырвала мое тело.

— Не заставляй меня рассказывать тебе. Не с ней у меня на руках.

Пожалуйста.

Я знала, что это случится. Я знала, что это близко. Я пыталась подготовиться, чтобы быть сильной, когда столкнусь с концом и со следами горьковато-сладкого счастья при мысли, что она больше не будет терзаема болью. Но я не была достаточно сильной.

Втянув воздух, я пробормотала:

— Я расскажу тебе, но дай мне время.

Сохраняя голос пониженным, он полупрокричал-полупрошептал со сдерживаемой яростью.

— Больше никакого времени, *dobuscha*. Я хочу знать ответы. Сейчас.

Что я могла сказать? Я знала, что этот день придет, я надеялась, что смогу выбрать

возможность и обстоятельства, что было смехотворно, учитывая, что у Клары было так мало времени. Мне нужно было так много рассказать ему.

Время кончилось. Для всех нас. Это было несправедливо. Мужчина, которого я любила, возненавидит меня. Ребенок, которого я обожала, покинет меня. Я просто хотела лечь и погрязнуть в жалости к себе.

Он возненавидит меня.

Но он заслуживал знать. Я должна была рассказать ему в ту ночь, когда он поделился своей историей. Это было бы правильное решение.

Я ждала, что на меня обрушится вина, обрушится за то, что скрывала это от него, но вместо этого, холод, пробравшийся в мою кровь, предоставил жуткое умиротворение. Я оцепенела. Оцепенела для новой жизни внутри меня. Оцепенела к тому, что скажет Фокс.

Единственная вещь, что дополняла мое добровольное оцепенение, была злость и печаль о Кларе.

— *У меня будет своя лошадь, когда я вырасту. Множество лошадей. Включая Пегаса.* — Приятный голосок Клары раздавался в моей голове.

Я посмотрела в его глаза цвета снежной бури. Настало время для правды. Настало время разбить сердце Фоска.

Он наклонился надо мной, выглядя угрожающе и холодно. Его энергия ударила в меня кипящей злостью.

— Расскажи мне.

Прежде чем я смогла открыть рот, он отстранился и провел другой рукой по лицу.

— Послушай, я сожалею за то, что был так чертовски зол, и хочу утешить тебя и поддержать, но ты скрывала это от меня, и я взбешен. — Развернувшись, он повернулся ко мне как черный ураган. — Поэтому расскажи мне правду. Что, черт побери, с ней не так?

Я пыталась оставаться сильной, но слезы злости наполнили уголки моих глаз. Убедившись, что мои руки были крепко прижаты к ее ушам, и ее глаза оставались закрытыми, я сказала:

— У нее ПЛБ.

— И что это, черт побери? — зарычал Фокс.

«Не говори слово на «Р». Не говори. Это сделает его реальным. Притворись. Забудь».

— Это сокращенно от плеврорегочной бластомы (прим. пер. — редкий тип рака, развивающегося в легких, у детей). Она...

Фокс замер.

— Рак?

Я повесила голову, борясь со слезами, проклиная свое вздрагивающее тело. Сделав глубокий вдох, я выплюнула всю правду, историю, страх, так быстро как могла.

— Я рассказывала тебе, что подарила ей ожерелье со звездой на четвертый день рождения. Я не могла позволить себе его, но должна была купить. Это был первый день, когда она попала в больницу с таким кашлем. Она была так напугана. Так раздражена, после того как была выписана, я не могла ничего сделать, чтобы справиться с ужасом в ее глазах, оттого, что она почти задохнулась до смерти. В следующий раз это случилось несколько месяцев спустя. Она прошла путь от здорового малыша к активному ребенку, на которого внезапно обрушивались приступы кашля. Нам дали ингалятор и очиститель кислорода и сказали, какой еды избегать. И казалось, что на некоторое время это сработало.

— Прошло несколько лет со случайными эпизодами кашля и двумя поездками в пункт скорой помощи. Клара держалась молодцом. Никогда не жаловалась, у нее была сильная воля, и она была удивительно счастливой, учитывая, что у нее было масса таблеток и ингаляторов, чтобы принимать каждое утро.

Я остановилась. Моя губа дрожала, и я прикусила ее до крови, фокусируясь на боли. Она помогла замаскировать агонию от воспоминания того дня, месяц назад.

Он притянул руки к своим волосам.

— Продолжай. Не останавливайся. Я хочу знать все.

— Месяц назад Клара упала в обморок и обычный ингалятор не сработал. У нее была зафиксирована клиническая смерть в машине скорой помощи, когда мы мчались в больницу. Им удалось вернуть ее назад, но они украли ее от меня на четыре часа, чтобы взять анализы. Я понятия не имела, что они делали с ней. Я угрожала сжечь больницу до основания, если они не позволят мне увидеть ее.

Я покачала головой, вспоминая все, как будто это проигрывалось передо мной в мельчайших подробностях.

— Клара сидела на кровати, поедая красное желе. Она проснулась, ее щеки были розовыми, и она была счастлива. Все мои изнурительные страхи исчезли, и я почувствовала, как будто жизнь наконец-то дает мне хорошие новости. Я проводила бесконечное исследование насчет астмы у детей и многие из них выросли и выросли. Я по глупости думала, что всему будет положен конец, и она никогда не переживет подобное снова.

— Это было прежде, чем доктора отвели меня в другую комнату и рассказали, что моя дочь умирает. — Мои руки сжались и весь гнев, что я сдерживала, взорвался.

Я посмотрела на Фокса, не заботясь, что слезы текли по моим щекам. Я хотела пинаться, ударять и убивать.

— Это был день, когда они сказали, что поставили моему ребенку ошибочный диагноз. Что у нее была плеврoлегочная бластома, и опухоль стала настолько большой, что она будет задыхаться день за днем все больше и больше. Они сказали, что оперировать — не вариант, когда это распространится на другие части тела. Единственный выбор — это химиотерапия, и это продлит ее жизнь на несколько месяцев. Они сказали, что они, черт побери, сожалеют и предложили мне психологическую помощь. Они говорили о ней так, как будто она уже умерла!

Фокс не двигался. Его тело выглядело неподвижным, приклеенным к ковра. Его глаза вспыхнули такой злостью, что я испугалась, что он отследит тех врачей и убьет их.

— В этот день я умерла. Я согласилась на твой контракт из-за глупой фантастической мечты

пробного препарата в Америке. Того, у которого будет сила остановить рост лейкоцитов и рак от распространения. Но даже если это сработает, Клара уже пронизана им. Он живет в ее крови. Убивает ее каждую секунду. Вот почему я согласилась продать себя тебе. Вот почему продолжала возвращаться. И вот почему не хотела говорить тебе. Я не хотела признавать, что моя дочь умирает, и я не могу спасти ее. Независимо от того, на что надеюсь, ничего не выйдет.

Фокс оторвал свой взгляд от моего, подойдя к настенному рисунку черной лисы. Его руки сжались и разжались у бедер.

— Сколько?

Мое горло сжалось.

— *Мамочка, когда я буду достаточно взрослой, как думаешь, мы можем завести щенка?*

Все, чего Клара хотела — было в будущем. Когда она будет достаточно взрослой. Когда она вырастет. У меня никогда не было смелости сказать ей, что не будет Пегаса или щенка, или высшего образования.

Дерьмо. Я не могла сделать это. Я никогда не буду готова попроситься.

Он повернулся ко мне лицом.

— Сколько, черт побери, Зел?

Напрягая каждый мускул в своем теле, я высказала смертный приговор Клары.

— Несколько месяцев.

— Бл*дь! — Фокс отвернулся и ударил в стену так сильно, что его кулак исчез в картине. — И ты не рассказала мне? Ты не думала, что я, черт побери, должен знать? Ради всего святого! Я влюблен в эту девочку! Ты позволила мне по уши влюбиться, зная, что я потеряю то единственное, что исцеляет меня. Она ключик к моему гребному исцелению, и ты говоришь мне, что она умрет.

— Заткнись! — я закричала на него, почти задушив Клару в своих руках. — Достаточно!

Фокс проигнорировал меня. Стукнув в грудь, он закричал в мучении:

— Ты дала мне все, и я по-глупому решил, что это будущее. Гребаная семья. У меня было к чему стремиться. Что-то, за что бороться. Я бы сделал все для нее!

Он двинулся ко мне, предвестник смерти и разрушения.

Я была готова к его гневу. «Убей меня. Тогда мне не придется увидеть, как она умирает».

Он посмотрел на меня, выглядя таким сильным и непобедимым. Затем что-то треснуло внутри него. Он превратился из сломленного, мертвенно-бледного мужчины в бесчувственную, бездумную машину. Он охотно отдал себя безжалостному условному рефлексу своего прошлого, выключая эмоции, за которые так упорно боролся.

Легкость, с которой он превращался обратно, ужасала меня.

— Не уходи. Не сдавайся. Ты любишь ее. Не отказывайся от нее, когда она так сильно нуждается в тебе. — Не отказывайся от меня.

Фокс холодно рассмеялся.

— Ты думаешь, я отказываюсь от нее? Черт побери, я защищаю ее. Ты вырвала мое гребаное сердце. Как я должен доверять себе, чувствуя себя таким одиноким и пустым? Все повторяется как с Василием. Все, кого я люблю, умирают!

— Мамочка?

Мое сердце упало у моих ног, и я опустила взгляд, чтобы увидеть, как слабая Клара моргает в замешательстве.

— Почему твои руки на моих ушах?

Я рассмеялась через внезапный натиск слез.

— Просто так, милая. — Я убрала ладони и сжала пальцы вокруг тепла, что осталось после прикосновения к ней. Она выглядела изнуренной, бледной и слишком маленькой. Ее губы не теряли синий оттенок, и она ощущалась как хрупкая, бестелесная, будто ее душа уже начала путешествие, чтобы уйти.

Я замерла. Нет.

— *Когда я вырасту, я хочу сестру. Я хочу одевать ее, играть с ней и рассказывать ей о лошадях.*

Я не могла дышать, в моем горле застрял комок.

Карие глаза Клары взметнулись к Фоксу.

— Ты подрался?

Фокс немедленно сел на корточки, вытянув руку, чтобы взять ее крошечную.

— Нет, Клара.

Она втянула хриплый, неполный вдох. Еще один кашель атаковал ее маленькое тельце.

— Хорошо. Я не хочу, чтобы ты дрался. — Ее глаза снова закрылись, и мы замерли. Я надеялась, что она уснула, но ее маленькие губы приоткрылись, и темный оттенок синего вернулся.

Мое сердце разрывало само себя: вена за веной, артерия за артерией, когда мое тело закололо от плохого предчувствия. Она никогда не выглядела словно призрак, словно тень, словно...

«Ты не можешь забрать ее. Еще нет. Еще нет!» — я кричала в своей голове, желая, чтобы я могла столкнуться лицом к лицу с силой, которая забирала ее. Мне нужно больше времени. Я не готова.

Ее глазки вновь открылись.

— Мамочка?

Мучительный стон покинул мои губы, прежде чем я прочистила горло и заставила ужас уйти. Та часть меня, не связанная с землей — духовная часть — знала, что доктора снова неправильно определили продолжительность жизни моей дочери.

Не было больше месяцев. Не было больше дней.

— Когда я вырасту, я хочу быть как ты, мамочка. Ты мой самый лучший друг во веки веков.

Я не могла объяснить сокрушительный, изнурительный вес, что поселился в моей груди. Ужас прошел холодком по моей спине, и в глазах защипало.

— Да, милая. — Я поцеловала ее в лоб, угрожая пролить слезы на ее увядающее тело.

— Как ты думаешь, Роану понравится моя звездочка? Я не могу забрать ее с собой.

Ах, черт.

Нет. Нет. Нет.

Я прижала ее ближе, раскачиваясь, задыхаясь от безжалостных слез. В этот момент я ненавидела все. Каждого доктора. Каждую надежду. Я ненавидела жизнь.

— Ты сможешь отдать ее ему, когда хорошо отдохнешь ночью, Клара. Не волнуйся об этом сейчас. — Я снова поцеловала ее, вдыхая ее яблочный запах в свои легкие.

— Когда я вырасту, я буду заботиться о тебе, мамочка. Так же, как ты заботишься обо мне.

Ее глаза внезапно открылись шире, смотря таинственно, с совсем не детским умом. Она смотрела прямо на Роана, как будто видела больше, чем просто мужчину со шрамами, а сломленного мальчика из его истории.

Большой приступ кашля почти вырвал ее из моих рук. Когда он прошел, она ахнула:

— Не ругайся с ним, мамочка, хорошо? А ты можешь забрать мою звезду.

Роан прочистил горло, от его тела исходила печаль. Он стиснул челюсть, пока его глаза были пустыми, скрывая то, от чего он, возможно, страдает. Шрам на его щеке выделялся, серебряно-красный напротив бледности лица.

— Хорошо, малышка. — Его большая рука двинулась вперед и опустилась ей на голову.

Клара улыбнулась, и ее глаза уставились на Роана, прежде чем перешли ко мне. Что-то промелькнуло между нами — что-то более взрослое и таинственное, не характерное для девочки восьми лет. Я видела вечность в ее взгляде, и это разбивало меня на кусочки так же как гарантировало утешение. Она правда была звездой. Никогда не гаснущей звездой.

— Я люблю тебя, Клара. Очень-очень сильно, — прошептала я, целуя ее в лоб.

Она вздохнула.

— Я устала. Сейчас я собираюсь поспать. — Клара пошевелилась в моих руках, когда еще один приступ кашля украл ее последний поток воздуха.

— Когда я вырасту, я никогда не буду грустной, одинокой или голодной. И я постараюсь

убедиться, что никто не страдает этим.

Я никогда не держала ничего такого драгоценного, как моя дочь, когда ее душа покидала и оставляла позади тело, в котором была. Что-то глубоко во мне почувствовало тот самый момент, когда она ушла, и я захотела последовать за ней.

Моя собственная душа плакала и разрывала себя в пух и прах от мысли, что я больше никогда не услышу ее хихиканье или не увижу ее улыбку. Не будет больше разговоров о взрослении и планировании будущего, которое едва началось.

Казалось, будто свеча потухла. Снежинка растаяла. Бабочка упала на землю. Так много прекрасных вещей, и все гибнут и перестают существовать в одном катастрофическом беззвучном моменте.

Я не кричала. Не проклинала. Больше было не с чем бороться.

Все было кончено.

Моя дочь была мертва, а Фокс не повел и мускулом. Его тяжелая рука оставалась на ее голове, пальцы играли с прядью ее волос.

Тихие слезы текли по моим щекам. Я не переставала раскачиваться, удерживая последнее тепло тела моей дочери.

— *Мамочка, ты будешь грустить, если я уйду?* — воспоминание пришло из ниоткуда, и я свернулась комочком в душе от боли.

— *Да, милая. Я буду очень грустить. Но ты знаешь, как сделать так, чтобы я не грустила?*

Ее лобик нахмурился.

— *Как?*

Я сгребла ее в объятия и пощекотала ее животик.

— *Никогда не покидать меня.*

Я проследила каждую ее черточку, от лица в форме сердечка и полных щечек, до темных ресниц и голубых губ.

— Ты покинула меня, — прошептала я. — Это заставило меня грустить.

Фокс издал мучительный звук в своей груди и быстро встал. Шатаясь, он посмотрел на меня, как будто был готов упасть в обморок.

— Этого не могло случиться. Не могло.

Все его тело дрожало, руки сжимались и разжимались, глаза были расширенными и дикими. Он выглядел полностью разрушенным.

Ему нужно было утешение. Ему нужно было отпустить свое горе. Ему нужно было найти исцеление не только из-за смерти Клары, но и из-за своего прошлого. Но у меня не было сил, чтобы утешить его. У меня ничего не осталось, чтобы отдать.

Фокс посмотрел на Клару последний раз, и каждая унция человечности, каждый всплеск цвета, что Клара вызывала в нем, превратились в серый и черный.

— Это чертовски несправедливо. Это не должно было случиться. Не так скоро. Не так!

Его ярость обрушивалась на меня тяжелым вихрем, и я ничего не могла сделать. Мне нужно было оставаться в небольшом коконе безмятежности, где я могла попрощаться со своей прекрасной дочерью. Сгорбившись над телом Клары, я закрылась от его слов. Я открыла ворота для своего горя и позволила себе быть поглощенной слезами.

— *Я не хочу, чтобы ты грустила, мамочка. Потому я никогда-никогда не покину тебя.*

Воспоминание принесло цунами слез, и я потеряла всякий смысл в жизни, пытаюсь преследовать свою дочь в подземном мире. В моих ушах звенело от воя Фокса, и каждая хорошая и небезнадежная частичка в нем умерла.

Больше нечего было сказать. Я не могла ничего изменить.

Оказалось, что я не могла спасти ни одного из них.

— Я не могу сделать это. Я не могу, — закричал Фокс с яростью. Он ушел в вихре мрака и греха, оставив меня собирать обломки моей полностью разбитой жизни.

Роан

Я думал, что мое самое мрачное время было тогда, когда я убил своего брата. У них заняло несколько месяцев, чтобы сломить меня. Час за часом я выдерживал пытки, чтобы продлить жизнь моего брата.

Но в конце концов я сделал то, что они сказали — не для того, чтобы доказать свою хладнокровность и послушание, а потому что смерть была лучшим выходом для него. Отмороженный, страдающий пневмонией, он превратился из живого умного мальчика в мешок грохочущих костей.

Я избавил его от страданий, надеясь, что кто-нибудь сделает то же самое для меня.

Но я бы пережил этот день снова и снова, чтобы избежать смерти Клары.

Она украла мое желание жить.

Она украла мою человечность.

Я больше не хотел бороться.

Я хотел превратиться в призрака и забыть.

Обо всем.

Я нуждался в том, чтобы причинить кому-нибудь боль.

Я нуждался в том, чтобы причинили боль мне.

Я нуждался в сладком спасении агонии.

Я нуждался в гребаной смерти.

В чем угодно. Я принял бы все что угодно, чтобы избавиться от повторяющегося ужаса в моей голове.

Она умерла.

Все кончено.

Она, черт побери, не исцелила меня. Она разрушила меня. Она взяла каждую хорошую часть, оставшуюся внутри, и забрала ее, когда испустила последний вздох.

Я не мог смотреть, как Зел разваливается на части, обнимая свою дочь. Я бы не смог выдержать невыносимую агонию, которую испытал бы, если бы попытался ее утешить.

Бл*дь, этот условный рефлекс!

Каждая часть меня гудела от неразберихи. Я хотел драться. Но также я хотел обнимать Хейзел и вытирать ее слезы. Я хотел убивать. Но также я хотел сгрести тело Клары в охапку и разделить свою жизнь с ней. Я хотел чуда. Я хотел, черт побери, быть свободным, чтобы я мог быть здесь ради женщины, которую любил.

«Но ты машина. Любовь и прикосновения не разрешаются». Они никогда, черт побери, не будут разрешены.

Так же сильно, как я хотел упасть на колени и обернуть руки вокруг двух самых важных людей в моей жизни, я не мог. Одно прикосновение, и я убью. Мой разум не был достаточно сильным, чтобы преодолеть мое внушение. И это разрывало меня на кусочки, забирало всю мою надежду, и я стремительно падал во тьму.

Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь.

Гнев сжал мои мышцы, пока я не задрожал от потребности убивать. Я был рядом со смертью — это напоминало о моем прошлом и моей истинной личности.

Я схватился за голову. Я отказывался регрессировать. Я отказывался снова превращаться в Призрака.

— *Моя овечка!* — голос Клары возник у меня в голове, заставляя меня выть от моего большого горя. Она ушла. Она оставила меня. Она забрала весь мой прогресс, все мое счастье с собой.

Я был никем без нее. Никем.

Я пропустил стадию печали и погрузился прямо в ярость. Моя жизнь была гребаной шуткой. Наполненной несправедливостью и каждой лживой деталью. Снова и снова судьба играла со мной — предоставляя мне проблеск надежды, перед тем как разрушить все и оставить меня в отчаянии.

Я не мог перестать думать о Кларе. О ее потере сознания. Ее хрипах. Сладком невинном вкусе, когда я заставлял кислород вернуться в ее увядающие легкие.

Она разрушила мое сердце, смотря на меня с ужасом в глазах, умоляя помочь ей.

— *Пожалуйста, Роан. — Голубые глаза Василия встретились с моими, наполненные слезами и страхом. — Мне так холодно, брат.*

Воспоминание разрушилось, когда в моих ушах эхом отдавался звук того, как Клара кашляет и задыхается.

Она была яркостью в моей жизни, которой не хватало. Она плеснула в меня желтым и оранжевым, она превратила мою черную душу в переполох радуги. А сейчас ее свет ушел, снова оставив меня в темноте.

— *Вот и все, агент Фокс. Ты знаешь, кто ты. Больше не борись с нами.*

Хейзел.

После всего, что она дала мне, я не мог вернуться. Я не был достаточно сильным, чтобы пройти через шторм печали — я не мог быть там для нее.

Все, над чем я так упорно трудился, больше не имело значения. Какой был смысл, когда все хорошее, что было в моей жизни, ушло? Не имело значения, как сильно я пытался, я не мог исцелить болезнь или вернуть близкого человека к жизни.

Я не мог изменить прошлое, так же как не мог изменить будущее. Оно было выбито на камне, обрушено на мои кости, и я был обернут цепями, которые только начал сбрасывать.

— *Кто такой Призрак, агент Фокс? — мой куратор стоял надо мной, меряя шагами мою комнату.*

Я стиснул зубы. Я не хотел отвечать.

Он ударил меня, зарывав.

— *Отвечай мне. Кто такой Призрак? Какая у него единственная цель?*

Съежившись внутри, я ответил:

— *Убивать.*

— *Убивать кого?*

— *Кого угодно, кого клиент захочет убить.*

— *И это делает тебя?*

— *Убийцей.*

Мой куратор хлопнул руками передо мной.

— *Верно, агент Фокс. Ты высококвалифицированный, узконаправленный убийца. Твоя жизнь — наша. Твоя единственная задача выполнять приказы от правительства, индивидуальные*

заказы от достаточно богатых людей, которые в состоянии оплатить эту услугу. Ты безжалостный. Ты беспощадный. Мы сделали тебя таким. Ты Призрак.

Условный рефлекс, от которого я так упорно бежал, вернулся. Я как будто скользнул в поношенную одежду, которая была все еще теплая с того момента, как я сбросил ее. Я ненавидел то, как легко было вернуться. Как моя борьба не имела значения. Они были правы. Они, черт побери, владели мной. Всегда. Всегда будут.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Сильное желание убивать вернулось с удвоенной силой. Я ничего не мог сделать, чтобы предотвратить это. То, что я увидел, как умирала Клара, напомнило мне о цели. Моей единственной цели.

Мне нужно драться.

Мне нужна кровь.

Мне нужно убить.

Мне нужна жертва. Если я не убью и не приму наследие, я взорвусь на миллион частей, превратившись в дождь из крови и костей.

— Ты думал, что свободен?

Я посмотрел на стену в сырой яме, в которой провел последние два дня. Я пытался убежать как гребаная девчонка, но они поймали меня. Как, впрочем, и каждый раз.

— Ты знаешь, что отсюда нет выхода, Фокс. Чем раньше ты примешь это, тем легче будет твоя жизнь. — Он подкинул снег, валяющийся вокруг ямы, в результате чего тот опустился на мое замерзающее тело. — Скажи, что повинуешься и сможешь вернуться внутрь.

Мысль о тепле и еде почти сломила меня, но я был глупым, упрямым десятилеткой и не сдался.

Я повернулся спиной и не поднимал голову, когда он уходил.

Это была первая ночь, когда я провел острой палкой по своей руке, пытаясь найти свободу от невозможности своей жизни.

Воспоминание закончилось, и я задрожал.

Я не мог быть рядом с Хейзел. Я не мог держать себя под контролем. Она уже потеряла свою дочь, и я не хотел украсть ее жизнь.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Мой контроль ушел. Я был машиной. Призраком. Было глупо пытаться изменить свой жизненный путь. Мне нужно было очиститься. Мне нужна была боль. Мучение. Я не мог жить в теле, пока моя душа разрывала себя на кусочки.

Бросившись вниз по лестнице на этаж «Обсидиана», я искал тех, кто пришел пораньше.

«Ты не найдешь искупление здесь».

Мой разум метнулся в неизвестность, вскармливая меня альтернативами, о которых я не думал.

«Возвращайся. Ты принял, кто ты. Возвращайся. Поезжай домой».

Мои руки сжались от мысли вернуться в Матушку Россию. Вернуться в место, где моя жизнь была разрушена. Я отрекись от всего: отвернусь от Зел, признаю, что не могу быть исцелен. Никогда. Все, за что я так упорно боролся, было гребаной шуткой.

У Призрака не было семьи. Призрак не чувствовал боли.

Так почему мне так чертовски больно?

Мое зрение заволгло туманом. Я не мог ничего делать. Ненавидя себя за слабость, стгорая от стыда из-за своих потребностей, я вытащил ручку из кармана и вонзил себе в ладонь.

Боль окатила меня волной тепла, за которой последовал укол высвобождения. Это гарантировало небольшой проблеск рациональности в хаотичном шторме замешательства.

Я знал, что должен сделать.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Зел владела мной больше, чем кто-либо, и я не выживу без нее. Клара ушла. Хейзел, была всем, что у меня осталось. Я хранил от нее секреты. Так много гребаных секретов.

Я не был достоин ее. Я не был безопасен.

Но я мог изменить все это.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Мое сердце умерло в груди от мысли предать ее. Она будет нуждаться во мне. Она заслужила плечо, чтобы поплакать, и другого человека, чтобы разделить бремя горя. Но я не мог. Еще не мог. Не мог, пока я существовал на грани Призрака и здравомыслия. Я не мог обнять ее. Не мог утешить ее боль.

В момент, когда опущу свои щиты, я сверну ей шею.

Я не мог дать Зел то, что ей нужно. Я не был цельным.

А я хотел, черт побери, заслужить ее.

Мой гнев обратился наружу, фокусируясь на кураторах, что испортили мне жизнь.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Условный рефлекс, что пульсировал в моем мозгу, был прав. Мне нужно убить. И сейчас у меня была жертва. Я покончил с тем, чтобы быть изгоем. Я покончил с тем, чтобы быть ненормальным.

Я думал, что Клара была моим исцелением.

Я ошибался.

Гребаное исцеление все время было внутри меня. Я держал в себе ключик, чтобы излечить себя, вернувшись в свое прошлое и уничтожить их.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

— К черту это. — Я опустил все свои стены. Я приветствовал безжалостность условного рефлекса с распростертыми объятиями. Я улыбнулся льду, что заполнил мои конечности, и наполнил голову туманом. Я позволил своим мускулам вспомнить то, на что я был запрограммирован.

Я превратился в Призрака.

И потерял себя.

Матушка Россия.

Ежовые рукавицы прошлого, от которых я не мог сбежать. Холод, пустота и возвращение к пристанищу моих мучений.

Я только смутно помнил, как попал сюда. Я выкупил все билеты в первом классе, чтобы быть уверенным, что никто не коснется меня. Я запер себя в извращенной личности убийцы и никто, даже стюардессы, не подходили ко мне.

В момент, когда приземлился, я украл внедорожник, чтобы рассекать по снежной пустыне. Я никому не сказал: «Прощай». Просто исчез.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Условный рефлекс пульсировал все сильнее и сильнее, признавая свое место. Я вернулся к своим кураторам, и моя выучка была в гребаном восторге, чтобы принять машину, которой я был.

У меня не было никаких вещей кроме денег, паспорта и моих воспоминаний, но это было все, в чем я нуждался. Ведомство украло меня, когда у меня не было ничего, и я вернулся ни с чем.

И затем я заставлю их заплатить.

Снова и снова.

Я был готов пуститься во все тяжкие и танцевать в крови. Лед вернулся в мои вены, бушуя как сибирская зима. Я принял то, кем я по-настоящему был, кем они заставили меня стать.

— Ты не плохой человек. Я люблю тебя, поэтому ты не можешь быть плохим человеком, иначе, как бы я любила тебя. — Голос Клары доносился до меня с сибирским ветром.

Я потряс головой, когда свежая, парализующая волна горя угрожала затмить ярость. Я не мог

позволить себе скорбеть. Еще нет. Не когда мне нужно было так много сделать.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Сделав глубокий вдох, я сознательно вытолкнул Клару из своих мыслей.

Я стоял на территории Ведомства, спрятанный за деревьями. Надо мной гремел гром, за которым следовали молнии, освещая все вспышками белого.

Мурашки поползли под моим черным одеянием. Дом. Ад. Мое место превращения из ребенка в убийцу.

Снег бушевал как ледяные слезы, сверкая в глухую ночь, опадая мокрыми каплями дождя на землю и скрывая множество грехов. Россия была такой, как я ее помнил — холодная, безжалостная, непригодная для жилья.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Австралия, Хейзел, Клара — все это казалось сном. Я чувствовал себя так, будто никогда не покидал этот ужасный пустырь, и все внутри меня говорило бежать.

Под пульсацией условного рефлекса, я хотел лишь бежать, бежать как можно дальше и не оглядываться. Я не хотел быть здесь. Я хотел быть, черт побери, свободен от всего этого.

Мои мышцы напряглись. «Ты будешь свободен. Убьешь их всех. Заставишь их отдать тебе свободу, забрав их гребаные жизни».

Выпрямив спину, игнорируя вой ветра и кусачий мороз, я готовился к битве. Сегодня я выйду победителем. Заберу то, что было моим.

— Ты всегда был слабаком, Фокс. Надо выбить это сострадание из тебя.

Воспоминание пришло из ниоткуда, когда я уставился на горгулий, украшающих здание, так похожее на то, что я возвел дома.

— Ты больше ничей. Ты сирота, бродяга, неизвестный. Теперь мы твоя семья, твое убежище, твои хозяева. Никогда не забывай это.

Ряды окон, за которыми в клетках содержались новые и старые завербованные, светились в темноте. Мое сердце забилось сильнее от мысли, что они разрушили еще больше жизней, пока меня не было.

— Время работать, Фокс.

Я перевернулся, стиснув зубы из-за сломанной лучевой кости в левой руке. Я не мог вспомнить ничего.

Мой куратор рассмеялся.

— Пытаешься вспомнить, за что какой-то хрен поплатился прошлой ночью? Ты не вспомнишь, агент Фокс. Мы запрограммировали тебя забыть. Мы зомбировали тебя, у тебя кратковременная амнезия по завершению миссии. Таким образом, ты не сможешь подвергнуть риску нас или себя, если тебя поймают. Ты не сможешь лгать, если не помнишь.

Я обернул руки вокруг своей головы, пытаюсь выжать воспоминания из своих мыслей. Я не мог идти на войну со сниженным вниманием. Мне нужно было оставаться с ясной головой и быть полностью Призраком.

Внезапное изображение Клары поглотило меня, почти поставив на колени. Ее невинный запах, ее умные глаза — все ушло.

— Роан, не ругайся с моей мамочкой. Она нуждается в тебе.

Мой желудок зарычал, переключаясь с моим сердцем. Я был гребаном ублюдком, потому что покинул ее. Оставил ее, Хейзел, когда она так во мне нуждалась.

Я не мог дышать от мысли, что больше никогда не увижу Клару. Я никогда опять не смогу побороть стремление убить такую невинность, пока так же не полюблю ее больше жизни.

Хейзел заменила свою дочь, взяв меня в заложники. Ее слезы, ее горе заставляли сжиматься мое сердце, в то время как навязчивый звук ее страданий танцевал по ветру. Я ненавижу, что не был достаточно сильным мужчиной.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Моргнув, я отбросил их обеих из своих мыслей. Им не место здесь. Ничего другого не существовало кроме машины, которой я был, и кровопролития, которым я собирался заняться.

Сжав руки вместе, я сделал шаг из линии деревьев. Выставленный напоказ в очищенном от снега земляном рву вокруг дома, я забыл обо всем, кроме своей миссии. Я перестал быть Роаном. Я перестал быть человеком с разбитым сердцем из-за смерти маленькой девочки. Я перестал ненавидеть себя за то, что не был там для ее матери.

Для этой миссии я был безымянным.

Я был Кармой. Я был Судьбой.

Я побежал.

Мне преградили путь задняя дверь из железа, которую я помогал устанавливать и замок, что я сам создал. Обрывки одежды валялись на снегу, и следы крови уходили вдаль туда, где волки разодрали новобранцев, что не подошли.

Я почти ослеп на психологическом уровне, чтобы избежать еще большего ужаса, но остальные отключились. Ничего не могло дотянуться до них. Даже угроза смерти.

Подняв камень рядом с дверью, я со всей силы разбил петли. Я бы никогда не смог сломать замок, но петли были старыми и изношенными. Дерево раскололось и застонало, смешиваясь с воем ветра.

К тому времени, как дверь скрипнула, открывшись, мои руки были в крови, и я бесконтрольно дрожал от холода.

Я ворвался в место, из которого всегда пытался вырваться. Было темно, поздно и никого не было поблизости. Двигаясь, минуя ловушки и пытаюсь избежать датчиков сигнализации, я направился глубже в Ад.

Я проник так дерзко и высокомерно, как они никогда даже не предполагали, что кто-то из

своих придет покончить с ними. Они были настолько уверены в себе, полагая, что их человеческое оружие подчинено и верно им до конца.

Они ошибались.

Никто не хотел быть здесь.

Никто не хотел служить в чистилище.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Моей первой остановкой была оружейная. Ряды ножей, лезвий и другого оснащения лежали так же, как два года назад. Наковальня была той же самой. Вонь пота и металла та же самая. Но что-то было другим. Мастерство не такое тонкое, линии не такие прямые. Кузница была единственным местом, где я находил капельку мира.

«Я хочу тебя, Фокс. Я хочу прикоснуться к тебе», — голос Хейзел звенел у меня в ушах, заставляя мое сердце сжиматься. Я так чертовски сильно хотел, чтобы она прикасалась ко мне, чтобы не сталкивалась с этим дерьмом внутри моей головы.

Гребаные ублюдки должны умереть. Это мой единственный шанс освободить себя навсегда. Моя последняя надежда на исцеление. Мой последний шанс на счастье с женщиной, которую я отчаянно хочу обнимать и защищать.

Я стоял над кучей оружия, укрощая свое учащенное сердцебиение. Я хотел причинять боль. После всего я стал гребаным Призраком.

Я собрал лезвия полумесяцы, пистолеты с глушителями и молоток, который я так часто использовал, чтобы работать по металлу.

Это было все, в чем я нуждался.

Мое дыхание успокоилось, мои мышцы сгруппировались в предвкушении, и крадучись как демон, которым был, я пошел дальше по коридору. Никаких эмоций. Никакой человечности. Я стал льдом.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Глухая ночь принадлежала мне, и я пробрался в первую спальню, смешиваясь с темнотой. Я не знал, кто создал сообщество Призраков, или кто покупал наши услуги. Некоторые миссии заключались в убийстве политиков, некоторые в убийстве звезд кино. Не было разницы кого убивать, если у них были деньги, они могли купить нас. Мы были пушками напрокат, и настало время сжечь гребаное место до основания.

Первый мужчина, над которым я стоял, не был значительным. Я не был его приспешником. Он был привлекательным, хорошо сложенным, и спал как гребаный ангел. Но он был безжалостным диктатором, как и остальные — пользовался чужой болью и страданиями.

Я прижал одну руку к его рту.

Его глаза расширились, в них отражалось замешательство.

Он съежился, и его рука поднялась, чтобы коснуться меня.

Это было мгновенно. Причинить боль в ответ, если причиняют боль мне.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Я подчинился команде впервые за два чертовых года.

С точностью и эмоцией, которую можно описать как спокойствие, я провел острым лезвием по хрящу и сухожилиям его горла.

Мгновенно, теплая, с запахом меди кровь, полилась из его тела. Его глаза расширились еще больше, рот щелкнул под моей ладонью, и он начал метаться в агонии.

Его сердце ускоренно застучало, предчувствуя скорую кончину, и смрад, исходящий от его внутренностей, стал решающей песней на пути от жизни к поджидающей его смерти.

Я оставил его и вернулся к охоте. Охоте на дьявола. Он был первым, но определенно не последним. Я полностью отдал себя сладости убийства. Я ушел с головой в свою задачу, и все остальное перестало существовать. Время размылось, кровь пролилась, и люди умирали как гребанные мухи.

Комната за комнатой я входил и быстро расправлялся с ними. Пятерых пистолетом с глушителями. Шестерых ножами. Двоих молотком. Четверых голыми руками.

Ночь принадлежала смерти, и я был палачом.

Восемнадцатый куратор умер перед рассветом. Его последний крик прекратился, когда я закрыл ему рот рукой, и стоял прямо, разминая плечи.

Условный рефлекс пульсировал у меня в голове, и я едва мог чувствовать свои конечности. Мое тело стало орудием бойни, и я не фокусировался на брызгах крови или других человеческих частичках, покрывающих мою одежду.

Я шел дальше по коридору и точно знал, что не найду своего куратора в этом крыле. Он всегда спал один в противоположной стороне. Он был следующим в очереди на смерть. Он был моим последним трофеем.

Я наслаждался предвкушением и рыскал по жилищу, страдая от смеси воспоминаний об «Обсидиане» и этом месте. Каждый замок на двери был таким же, длина коридора такая же. Я продолжал ждать, что появится Оскар или Клара подбежит ко мне.

— Ты не плохой человек.

Клара была не права. Я был представителем худшего типа людей — я был убийцей.

Вместо того чтобы мчаться заканчивать миссию, я остановился посмотреть на клетки. Я не мог позволить им умереть за закрытыми дверями, когда я покончу с последним куратором. Я отправился в сердце дома, где располагались приборы сигналов тревоги и панель блокировки клеток.

Я вонзил лезвие в главный пульт и разорвал остальные соединения.

Мгновенно сработала сигнализация, крича предупреждением, нарушая тишину рассвета.

Помчавшись обратно наверх, я прошел мимо детей, подростков, взрослых, что выбегали из

своих клеток. Новобранцы и агенты, все на разных стадиях подготовки, смотрели с недоумением и небольшой искрой надежды в глазах.

Те, кто знали меня, кивали в тихом уважении, сбегая вниз по лестнице в морозную пустыню. Были те, кого уговаривали другие, чтобы уйти.

Заняло несколько минут, прежде чем все Ведомство стало пустым склепом.

И еще одна минута, пока человек, которого я хотел увидеть, нашел меня. Я не слышал его приближения, но почувствовал его.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Волосы у меня на затылке встали дыбом, когда я повернулся лицом к лицу к своему возмездию. Мой куратор стоял позади меня, руки на бедрах, его идеальное лицо выглядело как у безупречной скульптуры. Он был красивым блондином, но под его идеальностью таилась чернота души.

Мое сердце застучало, посылая страх по моей крови. Условный рефлекс вспыхнул и моментально сник, когда столкнулся с человеком, который был для меня царем.

— Неужели это агент Фокс. Я вижу, ты снова не подчинился приказам и не выполнил свою последнюю задачу. — Он наклонил голову. — Ты больше не слепой. Интересно.

Я ничего не сказал, сжав губы, проглотил свой ужас и стоял на своем.

Этот мужчина причинил мне боли больше, чем кто-либо, и условный рефлекс хрустел в моем позвоночнике, приказывая мне поклониться ему, унижаться ради прощения.

— *Я люблю тебя, поэтому ты не можешь быть плохим человеком.* — Приятный голос Клары прорвался через туман в моей голове, давая мне что-то, за что уцепиться. Я не позволю ему выиграть. Не в этот раз.

Он внезапно рассмеялся.

— Как ты проделал этот трюк? Должен сказать очень изобретательно.

Я сжал свои руки вокруг охотничьего ножа.

— Никакого трюка. Вы извратили мой разум настолько сильно, что мой мозг решил, что он больше не хочет такого подарка, как зрение. Вы свели многих из нас с ума тем, что заставляли нас делать.

Щелкнув языком, он покачал головой.

— Всегда такой драматичный. — Он сделал несколько шагов вперед, сокращая расстояние между нами. Вытянув руку, он зарычал:

— Отдай мне нож, агент Фокс. Немедленно вернись в свою клетку. Наказание обязательно последует после этого гнусного предательства.

Мои ноги дрожали от принуждения подчиниться. Я сделал шаг назад, не в состоянии игнорировать условный рефлекс, заставляющий меня направиться в мою старую клетку. Это заволочло мой разум, взяло мое тело в заложники. Это было как борьба с кукольным мастером,

который держал четыре мои конечности.

Закрыв глаза, я подумал об «Обсидиане» и человеке, которым я стал. Я внушал страх в сердца других, стал больше, чем просто агентом. Этот человек не боялся этого блондинистого мудака.

Я не боялся.

Я заставил свои ноги двигаться, одну за другой.

— Подчинись мне, Фокс. Уступи.

Я застонал, мой желудок сжался, когда тошнота накатила на меня. Подчинись. Подчинись. Подчинись. Снова условный рефлекс согнул мое тело, заставив меня стонать. Я принадлежал ему, и это больно — чертовски больно, — не подчиняться.

Сжав зубы, ненавидя белый смог, что заволок мое зрение, я сделал вперед еще один шаг.

— Не в этот раз.

С каждым движением мое сердце переставало биться в ужасе и билось в каком-то другом ритме. Том, что жаждало крови. Жестокость пробежалась по моим венам, и мои руки налились новым притоком жизненной силы. Он мог бить и пытаться меня, но в конечном счете он делал меня сильнее. Сильнее настолько, чтобы противостоять ему. Сильнее настолько, чтобы покончить с ним.

— Я, черт побери, предупреждал тебя, агент. Сделаешь еще один шаг, и я убью тебя на месте.

Условный рефлекс обрушился на меня как стая волков, разрывая мое тело на куски. Подчинись. Подчинись. Подчинись.

Я остался крепко стоять на ногах в одном положении. Борись. Сражайся. Выиграй.

Затем я сделал еще один шаг.

Мой куратор обнажил зубы, в его глазах плескался гнев.

— Еще один гребаный шаг, и я отдам тебя на съедение медведям.

Только шаг между нами. Мы были одного роста, наши тела — зеркальное отражение друг друга. Однако в отличие прошлого, я больше не был его рабом.

Он был моим.

Я напал на него.

Схватив его за шею, я сжал ее со всей силы, что осталась во мне.

— У тебя больше нет права говорить мне, что делать. У тебя никогда не было этого права. Ты гребаный дьявол, потому что заставил меня разрушить мою семью, и настало время тебе вернуться в ад.

С холодными глазами он взбрыкнул, и горячая волна боли взорвалась внизу в моем боку.

— Я не буду тем, кто умрет сегодня.

Я отпустил его, и он отпрянул назад. Перегруппировавшись, поменяв положение тела, низко пригнувшись, он обнажил нож, который все еще был красным от моей крови.

— У тебя нет шанса против меня. Я подчиню тебя. Сдайся и умри как предатель, которым ты являешься.

Я фыркнул:

— Никогда. — Двинувшись вперед, я отбросил свое оружие и набросился на него. Мы перекатывались и боролись, рыча и крича. Он дважды ударил своим ножом, отчего тепло разливалось на моем боку. Я не чувствовал боль. Я не признавал ничего, кроме объекта убийства.

— Жаль, что у тебя больше нет семьи, Фокс. Мы бы заставили их заплатить за твое неподчинение. — Он ударил меня в челюсть, когда мы перекатывались. Он одержал верх и ударил меня скулой об пол. Шепча в мое ухо, сказал: — Ты всегда был маленькой сучкой, Фокс. Может, я должен трахнуть тебя и напомнить тебе твое место.

Он шлепнул меня по заднице, и мой разум натянулся до предела.

Я потерял контроль.

Я ненавижу этого человека. Ненавижу. Чертовски ненавижу.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

В момент, когда встал выбор между забрать жизнь и мучить душу свободную от мертвого тела, я переключился из человека в машину. Я не хотел убивать его быстро. Я хотел заставить его заплатить. Заплатить за все, что он сделал мне, моим близким и бесчисленному количеству других жертв.

Он, черт побери, заплатит за свое беззаконие, и затем будет гореть в аду.

Мой разум отключился.

И я погряз в беспощадной мести.

Я наблюдал за ней.

С моего места в тени я наблюдал за женщиной, которую хотел больше, чем что-либо в жизни.

Я не хотел преследовать ее. Следовать за ней втайне и быть свидетелем ее личного горя, но не мог подойти к ней. Раз за разом я пытался передвигать ногами и подойти к ней, но я не доверял себе. Я хотел стереть ее слезы и поддержать ее. Хотел раскачивать и утешать ее, но хоть я и нашел надежду, но не нашел исцеление.

Моя челюсть была стиснута, а сердце забилось быстрее. Злость и раздражение были заменены льдистостью условного рефлекса. После того как закончил со своим куратором и с резней три

дня назад, я принял душ, переоделся и перевязал раны. Я сел на самолет и вернулся с мороза на солнце, надеясь, что все было кончено.

Как бы я не пытался вспомнить ту ночь, возвращались лишь фрагменты. Я не мог вспомнить деталей того, что случилось. Я помнил, как перешагивал через части тела и широко открыл дверь, чтобы местные мусорщики могли убрать тот беспорядок. Я помнил красные каскады крови, которые стекали по мне и смывались вместе с водой. Какая-то часть моей, но больше всего моего куратора. Я помнил запах страха от человека, который жестоко обращался со мной большую часть жизни. Я помнил его крики и блаженное облегчение, которое испытал, когда повинование моего прошлого медленно развязало свой узел вокруг меня.

Мой условный рефлекс ослаб в момент, когда он умер. Это было похоже на то, будто приказы в моей голове превратились из метели в мелкий падающий снег, предоставляя временную передышку от агонии льда.

Я хотел радоваться своей новообретенной свободе, но оплакивал, потому что вместо того, чтобы быть полностью свободным, я был свободен частично. Личность Призрака не ушла полностью. И я горевал из-за всего, что потеряю из-за этого.

Я никогда не стану нормальным. Я никогда не смогу полностью расслабиться и спокойно спать рядом с Хейзел. Я всегда буду контролировать свои мысли и действия.

Я был чертовски истощен, и в ближайшем будущем не было никакой передышки.

Прячась за солнцезащитными очками в кафе через дорогу, я наблюдал, как Хейзел и Клу исчезли в секунд-хенде. Я ненавижу терять ее из своей зоны видимости.

Три ночи и два дня я следовал за ней. Я спал снаружи ее квартиры в своей машине. У меня было бесчисленное количество разговоров с ней в моей голове. Я представлял, как подхожу к ней и извиняюсь. Но каждый сценарий не был хорош, и моя уверенность покидала меня.

Как я мог извиниться за свой уход, когда ее дочь умерла? Как я мог просить прощения за то, что я человек, который никогда не сможет поддержать ее?

Поэтому я оставался в тени и наблюдал, как протекает ее жизнь. Она едва покидала квартиру, и это давало мне уйму времени, чтобы разобраться в том, как кое-что сделать — не для Хейзел, а для Клары.

Я использовал ее любовь к лошадям, как вдохновение для ее последнего упокоения, и я позвонил одному человеку, который я знал, выполнит мой план безупречно.

Когда Клу ответила на звонок, я почти сломался и попросил поговорить с Зел, чтобы прошептать соболезнования и сказать, как себя чувствую, но остался сфокусированным на плане. Клу приняла мое предложение, она вытащила Зел из дома, чтобы подготовиться.

С быстро бьющимся сердцем, я перешел через улицу. Войдя в секунд-хенд, я убедился, что Хейзел не видит меня, и нырнул за стеллажи, переполненные разными безделушками. Мой нос сразу же наполнили пыль и запах старых вещей.

Клу и Зел были в конце магазина. Я двинулся ближе, оставаясь скрытым, чтобы мог слышать, что они говорили.

— Как насчет этой, Хейзел? — Клу подняла ярко-розовую пластмассовую пони с прозрачными

крыльями.

Хейзел мягко улыбнулась.

— Да. Она всегда хотела Пегаса.

Клу рассмеялась и вытянула руку, чтобы обнять ее.

— Это правда.

Они цеплялись друг за друга.

Мое сердце сжалось от ревности. Я проклинал несправедливость — испорченный разум, с которым я жил. Это я должен был поддерживать ее и делиться историями о маленькой девочке, которая ушла слишком рано, но также я был благодарен, что Клу была с ней.

Две женщины разделились, прежде чем начали рыться в ведре полном игрушек. Блестящие пони, ярко-голубые пони и пони цвета радуги — все это было вытащено и помещено в корзину.

— Ты знаешь, я уверена, что сейчас она наблюдает за нами и смеется.

Зел подняла голову, ее кожа потускнела от горя.

— Что ты имеешь в виду?

Клу улыбнулась.

— Ну, сейчас у нее, вероятно, есть настоящий пегас и единорог. И она будет смеяться, думая, как много мы упустили. Какие глупые эти пластиковые штуки. — Она щелкнула по хвосту одной из светящихся в темноте лошадей.

Зел опустила взгляд на желтую пони в ее руках.

— Мне нравится думать, что она окружена всем, что любит. — Она шмыгнула носом, на ее лице появилась улыбка со слезами. — Я знаю, у меня было время подготовиться к ее уходу. Доктора говорили мне, чего ожидать и через какие стадии горя я пройду, но ничего не может подготовить к этому.

Клу перестала копаться в игрушках и перевела все свое внимание на Зел.

— Я продолжаю думать, что она где-то рядом. Я вижу кончики ее волос, исчезающие за углом здания, или слышу ее голос на ветру. — В глазах Зел стояли слезы, и мое сердце разбилось. — Я продолжаю надеяться, что она придет домой из школы или оставит следы от мыльных пузырей на полу. — Она потеряла середину своей груди, когда ее голос стал слабым, наполненным печалью. — Я так чертовски сильно скучаю по ней, что это больно. Больно в моей голове, глазах, спине, в душе. Не имеет значения, что я знаю, что она в лучшем месте. И даже не становится легче от понимания того, что ей больше не больно.

Ее глаза встретились с глазами Клу, в них плескалась боль.

— Я не-не знаю, как двигаться дальше. — Она икнула, когда поток слез полился по щекам. — Это так чертовски тяжело. Так несправедливо остаться одной.

Клу быстро оказалась ближе и сгребла ее в крепкие объятия.

— Зел, все в порядке. — Она гладила ее волосы, раскачивая ее так же, как делала Зел, когда Клара умерла. Клу начала тихо плакать. И хоть она и плакала, она не переставала быть сильной ради своей подруги. — Ты должна дать себе разрешение.

— Разрешение? — Зел отстранилась, смахивая слезы с щек.

Клу кивнула.

— Причина, по которой тебе больно, — потому что ты цепляешься за прошлое. Ты не готова столкнуться лицом к лицу с будущим без нее. И это нормально. Это нормально скучать по ней, Зелли. Ты будешь скучать по ней каждый гребаный день, но ты также не можешь забыть о том, чтобы жить.

Она покачала головой.

— Клара бы не захотела, чтобы ты убивалась горем, и я тоже не хочу. Мы обе знали, что это случится. Тебе просто нужно найти признание и радоваться тем изменениям, что произошли в ее жизни, чем топить себя, желая другого исхода.

Зел моргнула, втянув воздух.

— Как ты справляешься? Ты такая сильная. Ты позволяешь мне так много на тебя опираться.

Клу отстранилась, потеряв руку Зел.

— У меня есть Бен, когда становится слишком невыносимо. Он изумительный. И даже хотя в моем сердце всегда будет дыра в том месте, где была Клара, я не могу возмущаться или кричать на жизнь за то, что забрала ее. Она научила меня многому. Черт, она даже научила многому этого придурка из «Обсидиана». Что-то такое восхитительное, как Клара, не может длиться долго. Ты должна принять это, иначе никогда не будешь счастлива снова.

Зел засопела, и гнев заполнил ее глаза, замещая печаль.

— Я не могу поверить, что он ушел. Он оставил меня плакать над моей умершей дочерью и даже не мог заставить себя остаться. — Зел сжала желтую лошадь в руках. — Клара, может, и умерла в тот день, но он доказал мне, что я не могу ни на кого полагаться. Я выживала сама по себе и была глупой, что впустила его. Он дал мне надежду. Он заставил меня положиться на него. Он сделал ее смерть в десять раз сложнее, потому что я думала, что смогу разделить ее с ним. Найти комфорт вместе. Но он оказался мягкотелым трусом.

Клу закусила губу.

— Не обвиняй, пока не узнаешь всю историю, Зел. У него могла быть уважительная причина.

Зел холодно рассмеялась.

— Конечно, у него уважительная причина. К нему нельзя прикасаться. И я не могу обвинять его. Но это не значит, что я смогу простить его. Я покончила с этим. Мне нужно попрощаться с Кларой и найти новое начало.

Я больше не мог слушать. Я попятился, чувствуя, будто мои вены открыты и из них льется кровь. Она содрала с меня кожу, оставив мое сердце биться незащищенным.

Она никогда не сможет простить меня.

— Ты не плохой человек. Я люблю тебя, поэтому ты не можешь быть плохим человеком.

Я заработал любовь восьмилетней девочки, но не смог заработать любовь женщины, за которую я, черт побери, был готов умереть.

Не имело значения, что я делал, никогда не будет достаточно исправить прошлое и дать ей то, в чем она так нуждалась: мужчину, который мог поддерживать ее и бороться в битвах от ее имени. Я был борцом. Убийцей и наемником. Я мог быть так много кем для нее. Мне просто нужно разобраться, как быть остальным.

— Перестань ругаться с моей мамочкой. Я не хочу этого.

Я поклялся жизнью Клары, что найду способ быть всем, в чем Зел нуждалась. Каждое прикосновение по-прежнему было мучительным. Объятие было почти мистической мечтой. Но это было возможно, потому что я не остановлюсь, пока не сделаю ее своей навсегда.

Я сделал все, что мог, чтобы «исправить» себя, но отказался встречаться лицом к лицу с реальностью. Промывка мозгов, которую они сделали, была слишком глубоко внутри меня. Слишком встроена в мою психику, чтобы отпустить меня. Но у меня появилось больше силы. Силы над самим собой. Силы над своими мыслями. Это было начало.

Я найду способ.

Я буду, черт побери, любить Хейзел, разделю с ней будущее и буду с ней всегда.

Фокс умер в ту ночь резни в России.

Роан возродился.

Зел хотела нового начала.

И я точно знал, что сделать, чтобы воплотить ее мечты в реальность.

Хейзел

Я думала, что в моем сердце есть место, чтобы любить двоих человек. Чтобы разделить мою жизнь с другим. Думала, что смогу полюбить другого ребенка, чтобы заменить того, которого потеряла.

Я думала, что Роан изменится, что Клара покажет ему способ, как быть человеком. Думала, что даже если случится трагедия, я смогу справиться.

Я так много о чем думала, и все в конечном итоге оказалось ерундой.

Это превратило мое сердце в неживое и небьющееся. Это превратило его в свинец, бетон и камень, обрекая никогда не любить другого или даже больше нормально не биться.

Часть меня умерла в тот день.

Я бы хотела умереть в тот день.

Но я не могла.

Поэтому я держалась.

Одна.

Похороны состоялись на большом участке земли недалеко от Сиднея. Я не знала, чья это была собственность. Я знала только то, что повсюду были лошади. Пейнтхорсы, пегие лошади, английские чистокровные, арабские. Их длинные носы и бархатные мягкие уши так сжимали мое сердце, что я не могла дышать. Клара бы полюбила их. Она бы обняла каждую лошадь, спала бы в открытом поле и умоляла бы никогда не уходить.

Это было идеально место.

Боже, я скучаю по тебе. Обжигающие слезы никогда не покидали мои глаза.

Дождь, что был постоянным спутником, прекратился, когда мы прибыли. Как будто весь траур был поставлен на паузу, чтобы восхвалить жизнь того, кого забрали такой молодой.

Всю неделю я существовала как в тумане. Я не хотела ворошить мучительные воспоминания того, как Оскар нашел меня, когда я все еще держала Клару, или о катафалке, что приехал забрать ее. Мне не нравилось вспоминать ту боль и слезы, когда я рассказывала Клу, что наше маленькое трио разрушено. Я боялась, что Клу снова начнет резать себя, чтобы найти освобождение, но я не учла утешительное присутствие Бена.

Клу была такой удивительно сильной. Она поддерживала меня, пока я распадалась на части. Она плакала и смеялась со мной. Она держала меня в здравом уме. И это все было потому, что Бен был ее опорой, питал ее силой, давал ей безопасность, в которой она нуждалась.

Бен делал для Клу то, что Фокс должен был делать для меня. У меня не было никого, чтобы спрятать себя или плакать, или спать на его руках. Я буду всегда любить Клу как сестру и не смогу жить без нее, но я нуждалась... в нем. Я нуждалась в его силе, в его борьбе. Я нуждалась в его злости и даже в его нездоровой склонности быть безумцем. Вместо этого он оставил меня в одиночестве и только доказал, какой он придурок.

Бен сохранял меня живой прошлую неделю. Он поддерживал нас, когда мы практически теряли сознание от слез. Он прижимал нас крепче и давал опору, за которую можно было зацепиться, в то время как горе угрожало смыть нас прочь из этого мира.

Он кормил нас, когда мы забывали есть, и начал нашу терапию на ранней стадии. Вместо того чтобы позволить нам утонуть в печали, он находил все рисунки, что когда-либо рисовала Клара, все ее фотографии, каждую поделку, что она делала в школе, и заставлял нас с Клу рассказывать ему истории о моей дочери.

Он напоминал нам, что она не уйдет так долго, пока она есть в наших мыслях, и мы должны помнить только хорошее. Мы должны продолжать жить ради нее.

Через несколько дней после смерти Клары, Клу получила телефонный звонок, который вернул ее к жизни. Она превратилась из вялой в вихрь продуктивности и направила все свои силы на организацию самых идеальных похорон, которые любая маленькая девочка могла бы хотеть.

Я смотрела на свою некровную сестру. Ветер трепал ее прямые волосы, и слезы блестели в ее глазах. Она кивнула, чувствуя ту же самую связь, ту же самую потребность напомнить себе, что мы были здесь друг для друга.

— Спасибо тебе, — прошептала я. — За это. За все.

— Не благодари меня. Есть кое-кто еще, кого ты тоже должна поблагодарить.

Я оглянулась через плечо на Бена. Он выглядел по-царски элегантно в черном костюме, черной рубашке и с обязательным значком «Моя маленькая пони» на сердце. Похороны были в честь Клары, а «Моя маленькая пони» ей очень нравилось.

Мое сердце забилося сильнее, угрожая мне потерей сознания.

Я не могу сделать это.

Я сильнее обхватила себя руками, сжимая черное траурное платье, которое было на мне, и держа разбитые кусочки своего сердца.

Не плачь.

Я выплакала столько слез за прошлую неделю, что должна была сморщиться в шелуху из-за такого количества потерянной жидкости. Но не имело значения, сколько я кричала и проклинала, я не чувствовала себя лучше. Слезы уходили, но моя печаль нет. Она сидела гнойником в моей душе, смешиваясь с одиночеством и медленно нарастающей ненавистью к мужчине, который оставил меня, когда я нуждалась в нем больше всего на свете.

После всего, что я пожертвовала для него. После всего, что я отдала ему, он даже не мог заставить себя появиться на похоронах Клары. Я потеряла не только свою дочь навсегда, но и его тоже. Я никогда не прощу его за то, что он оставил меня лицом к лицу с этим.

Я ни разу не подумала о ребенке внутри меня. Я ни разу не повернулась к Бену и Клу, чтобы рассказать им новости. Я хотела забыть. Я хотела не быть беременной. Хотела, чтобы жизнь остановилась и, черт побери, оставила меня в покое. Ничего не существовало, кроме смерти моей дочери.

— Не грусти, мамочка. Я не хочу, чтобы ты грустила.

Солнце внезапно показалось через серые облака, как огромный прожектор. Яркий луч упал на красивую лошадь с красным мехом и розовой гривой и хвостом. Рыже-чалая лошадь.

Мое сердце ухнуло в желудок, когда я подумала о маленьком рыжем мальчике, который потерял всю семью и наблюдал, как я теряю свою. Куда он ушел? Что, черт побери, он делает?

Что могло быть важнее, чем быть здесь, чтобы попрощаться?

Больше лучей солнца пробивалось сквозь облака, превращая покатый луг в сверкающие зеленые овальные участки, обдуваемые легким ветерком. Лошади сверкали как драгоценные камни, и я знала, что это подходящее место для Клары. Никакое другое не подошло бы.

Я не знала, как Клу смогла заполучить такое идеальное место. Я не побеспокоилась спросить ее об этом. Если бы Клу не помогла мне с организацией, я бы продолжала превращаться в мумию, лежа на кровати Клары и смотря в потолок.

— Пойдем, Зелли. Время начинать. — Она обняла меня за талию. Я послала ей грустную улыбку и позволила повести меня к маленькому полукругу из людей, одетых в черное.

У всех были аксессуары «Моя маленькая пони», и на земле стояли разноцветные пони, вокруг которых были разложены цветы. Некоторые — единороги, какие-то с крыльями, а какие-то блестящие и светящиеся в темноте.

Мы с Клу обошли все магазины игрушек и поддержанных товаров, чтобы найти так много игрушек «Моя маленькая пони», как это возможно. Их было так много, что я понятия не имела, что буду делать с ними после.

Преподобный начал говорить, и я отключилась. Игнорируя небольшую группу детей из школы Клары и нескольких учителей, что пришли попрощаться, я уставилась на лошадей. Такие мощные, но изящные. Такие сильные, но нежные.

Они гипнотизировали меня, пока преподобный бубнил свою речь. Мне не нужно было знать, какой чудесной была Клара. Я жила этим.

— *Я устала. Сейчас я буду спать.*

Наконец преподобный закончил, и меня атаковало множество рук. Я закрылась, фокусируясь только на животных, которых моя дочь любила больше, чем что-либо в мире. Я не могла вынести то, что люди прикасались ко мне и утешали меня.

Как только последний незнакомец обнял меня, и воздух заполнился тихими ожиданиями, я запаниковала.

Я не готова. Я не могу сделать это.

Я не готова!

Преподобный подошел ко мне, и я сделала шаг назад, покачав головой. Он нежно взял меня за руки и вложил, расписанную вручную, урну в мои руки.

Она была холодной и безжизненной, и моя маска рухнула. Одинокая слеза стекала по моей щеке, так как я понимала, что никогда снова не буду обнимать Клару. Никогда не увижу ее улыбку, не услышу ее смех и не увижу, как она вырастет.

— *Не злись на него, мамочка. Он нуждается в тебе.*

Печаль превратилась в агрессию. Он. Он сделал это. Мужчина, который так отчаянно любил мою дочь, он заставил часы тикать быстрее — он забрал ее быстрее, чем я хотела.

Мой разум пытался сказать мне, что это благо. Что она ушла прежде, чем прошла через госпитали и безжалостных врачей. Сейчас она была свободна. Но мать во мне не видела в этом ничего хорошего. Не имело значения, что она была в лучшем месте. Для меня имело значение только то, что она была мертва.

И Фокс сбежал.

Стоя под солнцем, обнимая урну с прахом моей дочери, я пыталась плакать. Я хотела, чтобы слезы лились на поле, как до этого дождь. Я хотела вывернуть душу, чтобы выпустить каждое ужасное событие, что произошло.

Но ничего не случилось. Я просто существовала в аду.

И изображение нового ребенка наполнило мой разум. Вместо маленькой девочки, я видела мальчика. Невинного младенца, который никогда не узнает свою сестру. Это изображение было мне как ножом по сердцу. Я не хотела его. Я не хотела любить кого-то больше, чем саму жизнь, и чтобы у меня был риск потерять его так же, как Клару.

Во мне не было силы. Моя жизнь превратилась в перемотку и воспроизведение, оставив меня снова в начале, с бесконечной болью, без будущего, и с ребенком, растущим внутри меня.

Лошадь взмахнула хвостом и понеслась вперед. Взрыв жизни откинул мою тревогу о будущем, и я ушла в себя. Я не была готова, но настало время попрощаться.

Закрыв глаза, я прошептала:

— Я бы хотела, чтобы ты не покидала меня. Я бы хотела, чтобы ты все еще была здесь. Я не могу жить дальше без тебя. Я не могу жить без тебя рядом. Как я должна двигаться дальше. Клара? Как я должна выжить?

Нарастающие эмоции обрушились на мою голову, пока я не поняла, что сейчас взорвусь. Открыв глаза, я погладила урну, проследив пальцем звездочки на глянцевом фарфоре.

— Я никогда не забуду твой идеальный смех или улыбающееся лицо. Я никогда не перестану любить твои глупые шутки или твои теплые объятия. Я всегда буду здесь для тебя, хоть ты и ушла. Пока мы не встретимся снова, пока моя жизнь не подойдет к концу.

Клу встала сбоку от меня, вернув меня в настоящее. Я посмотрела назад. Только Бен стоял как караул. Остальные люди ушли. Как я могла стоять здесь, обнимая последние останки своей дочери?

— *Не грусти, мамочка. Мне не нравится, когда ты грустишь.*

— Пришло время отпустить ее, Зелли. — Клу положила руку поверх моей. — Мы можем сделать это вместе.

Низкой стон сформировался в моей груди, но я позволила Клу разжать мои руки и поделилась с ней весом урны. Я хотела остановить ее. Я хотела лечь на землю и застыть как камень, свернувшись вокруг праха Клары, но Клу не оставила мне выбора.

Ее глаза встретились с моими, сверкая слезами.

— Она будет счастлива с лошадьми, Зел. Не заставляй ее оставаться в таком маленьком темном месте. — Она шмыгала носом, когда свежая волна слез стекала по ее красивому лицу. — Время пришло.

Потребовались все мои усилия, чтобы не сломаться. Чтобы не вырвать у нее сосуд, не запрыгнуть на лошадь и умчаться отсюда. Убежать от той реальности. Притвориться, что это неправда.

Положив руку на нижнюю часть урны, а другую, прижав сверху, я ждала, что Клу сделает то же самое. Она наклонилась и поцеловала меня в щеку, прежде чем кивнула.

Мое сердце перестало биться, когда вместе мы перевернули урну.

Серое облако падало как сахарная пудра, и мое сердце начало колотиться как сумасшедшее. Порыв ветра захватил мелкий прах, взметнув его вверх в изящном танце. Я прикусила губу, когда Клара приняла форму ветра и взлетела к лошадям. Ветерок пролетел между ног пегой лошади с белой гривой, прежде чем закрутился спиралью вверх в мини-торнадо и рассеялся во всех направлениях.

Клу сделала дрожащий вдох, и мы сжали друг друга, обе чувствуя больше благоговение, чем грусть. Благоговение, потому что на одну миллисекунду, я клялась, что слышала смех Клары.

— Ты слишком драгоценная для этого мира. Ты отправишься туда, где намного лучше, чем здесь.

Мое сердце сжалось бесконечной любовью за душу, которую я увижу снова только тогда, когда настанет мое время присоединиться к ней.

— Она будет счастлива здесь, — сказала Клу.

Я повернула свое лицо к солнцу, позволяя теплу растопить мое холодное и пораженное горем сердце. Лошадь заржала, и я нашла небольшую капельку умиротворения.

В первый раз с тех пор как она умерла на моих руках, боль больше так не давила на меня. Я могла дышать немного легче. Я могла справиться с жизнью, зная, что ее тело могло уйти, но ее доброта, справедливость и идеальная маленькая невинность всегда будет со мной.

— Я знаю, что будет.

Я не знала, как долго мы стояли там, но в конце концов солнце вернулось за облака, и холодный ветерок снова немного покусывал меня через платье.

Вместе, мы с Клу развернулись, чтобы пойти к машине.

Бен сгреб нас в объятия, когда мы подошли к нему. Его мужественный запах Олд-спайс причинял боль моему сердцу, когда я думала о другом мужчине. Мужчине, который не появился, чтобы попрощаться.

Как он мог? У меня оставалась надежда, что он появится. Что он отпихнет в сторону свои неправильности и проблемы и придет, чтобы отдать дань уважения жизни Клары.

Он никогда не был нормальным, и я влюбилась в преступника.

Бен поцеловал меня в щеку, прошептал:

— Он здесь. Он был здесь все время.

Я замерла, глядя в его темные глаза. Мое тело заискрилось, пульсируя энергией от недели застойности.

— Где?

Он склонил голову в сторону небольшого холма справа. Конечно, черное неровное пятно сломало идеальность зеленой широкой травы.

Мои руки сжались в кулаки, и я захотела рвануть к холму и ударить его. Я хотела, чтобы он тоже чувствовал боль. Нож, спрятанный в моих волосах, мог найти другой дом, попав в его

безжизненное сердце.

Я стиснула зубы.

— Я не хочу его видеть.

Клу покачала головой.

— Вам нужно поговорить.

— Здесь не о чем разговаривать.

— Ты должна выслушать его, Зел.

Я нахмурилась, рассердившись на нее.

— Почему ты внезапно оказалась на его стороне? Если я расскажу тебе, что он сделал...

— Может, я должна сказать тебе, что он сделал. — Клу схватила мою руку. — Зел, он был тем, кто нашел это место. Он был тем, кто позвонил мне и сказал, что заплатит за всю организацию, включая эксклюзивное использование этого поля.

Мое сердце перестало биться. Замешательство заставило меня почувствовать тошноту. Он вмешался. Он помогал с ее похоронами, и все без моего ведома. Я не могла понять, как чувствовала себя из-за этого.

— Что? Почему?

Она вздохнула.

— Я думала, что это очевидно. Он любит тебя.

Мои глаза расширились, когда резко шок ударил в мое сердце. Резкое сдавливание в груди, вспышка осознания напомнила мне, что я не могла жить с призраком моей дочери. Я не могла жить в мире слез и печали. Я принадлежала настоящему, и меня снова и снова убивало то, что нужно уйти от Клары и двигаться дальше без нее.

— *Он нуждается в тебе, мамочка. Не злись.*

Я покачала головой.

— Это невозможно. — Он не знал значения любви. Как мог человек, к которому даже нельзя было прикоснуться, понять значение безоговорочной любви? Он любил Клару. Я ненавидела, что сама себе противоречила. Он был способным, и под всеми проблемами был добрым и милым, и стремился угодить.

Дерьмо.

Огонь наполнил мое тело, заставляя меня выпускать пар от гнева за все, что я не могла изменить.

Клу нахмурилась, ее щеки покраснели.

— Ну, если ты точно знаешь это, ты должна попроситься. Закончить все правильно. Иначе это

будет преследовать тебя. И, по крайней мере, ты должна ему благодарность.

Бен схватил Клу, оттаскивая ее от меня.

— Нет причин расстраиваться, моя маленькая китайка. Я знаю, что тебе больно, но ты не можешь заставить Зел быть с кем-то только потому, что ты не хочешь, чтобы она была одна.

Мои глаза метнулись к Бену. Он послал мне небольшую улыбку. Я не знала, как реагировать. Я была рада, что он поддерживал меня, но мне не нравилось, что он видел мою слабость и необходимость в ком-то, чтобы «спасти» меня. Они думали, что я сделаю что-то глупое, после ухода Клары?

Я хотела закричать: «Я не могу делать ничего безрассудного. Я не могу потерять свою жизнь в печали, потому что я, черт побери, беременна».

Но я не могла. Я не хотела концентрироваться на этом изменении в своей жизни. Мои мысли принадлежали Кларе. Это было предательством думать и строить планы без нее. Я не могла делать это. Я не могла быть такой бессердечной и так быстро забыть ее.

Сжав губ в тонкую линию, я посмотрела Бену через плечо и вздрогнула.

Черное пятно на холме встало прямо и направилось к нам. Я проклинала бабочек в своем животе. Я пригрозила вырезать свое полное страсти сердце. Я не должна была любить того, кто убежал, когда был мне так сильно нужен. Я не могла мириться с его действиями. Я не буду жить с мужчиной, к которому нельзя прикоснуться. Ему нужна серьезная помощь, и я не буду той женщиной, что исцелит его. Я не была достаточно сильной.

Клу и Бен отошли, оставив меня незащищенную в ожидании прихода Фокса.

— *Не грусти, мамочка. Я не люблю, когда ты грустишь.*

Я хотела, чтобы голос Клары прекратился. Она звучала так мудро. Толкая меня к решению, которое я не была готова принять. Я хотела грустить. Я хотела плакать. Я хотела вернуть ее к жизни, чтобы я могла притвориться, что жизнь идеальная и не коварная.

Он остановился в шаге от меня, серо-белые глаза такие же холодные как метель.

— Я должен был прийти. Я должен был попрощаться с ней.

Я стояла молча, не доверяя себе, что смогу говорить, не крича и не плача.

Он сделал шаг вперед.

— Зел, мне так невероятно жаль. Я не могу выразить, как сильно я хочу отмотать время назад.

— Он выглядел как черная скала, изредка содрогающаяся от горя. — Я знаю, что ты не простишь меня, но мне нужно было увидеть тебя. Поговорить с тобой и объяснить.

Я изучала его. На его лице были следы от синяков, подбородок слегка припухший. Он был на еще одном бою — искал выход из этого ада. Его черный пиджак и брюки поглотили яркость дня. Он всегда выражал предпочтение черному, и теперь я знала почему. Он олицетворял смерть. Все к чему он прикасался, разрушалось.

Я вздрогнула, опустив взгляд. Я не могла смотреть на него.

— *Он нуждается в тебе. Не злись.*

Даже сейчас Клара сводила меня с ума.

Фокс шагнул вперед.

— Пожалуйста. Я знаю, как сложно довериться мне. Позволь мне объяснить.

Злость взорвалась во мне.

— Объяснить? Объяснить? — мое разбитое сердце собралось по кусочкам у меня в груди, сбросив меланхолию и искрясь раздражением и яростью. — Как насчет того, что я объясню? Ты. Оставил. Меня. Ты убежал, когда я больше всего в тебе нуждалась. — Я махнула рукой, желая ударить его. — Ты говорил, что мы нужны тебе, ты обещал работать, чтобы нас заслужить — все это была херня. Ты никогда не изменишься. Ты смотрел, как моя маленькая дочка умирает — та же самая девочка, которая ты наделся, исцелит тебя, — и ты убежал, потому что для тебя ничего не осталось.

Вся серость и печаль во мне внезапно взорвались золотыми искрами. Я толкнула его, уткнувшись пальцем ему в грудь.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала, Фокс? Что мне жаль, что тебе больно? Что мне жаль, что ты влюбился в нее, а она так скоро ушла? — я выбросила руки вверх. — Ты хочешь, чтобы я простила тебя за то, что оставил меня разбитую и одинокую в твоём офисе? Хочешь узнать, как меня чуть не сломало то, что я должна была плакать в руках Оскара или Бена, но не в твоих? Как насчет того, что не имеет значения, что ты обещаешь, ты всегда разрушаешь свои обещания! Ты никогда не сможешь дать мне то, в чем я нуждаюсь. Ты никогда не будешь в состоянии поддержать меня или даже спать рядом со мной.

Злость и безумие внутри меня внезапно утихли как ураган, который внезапно рассеялся в воздухе. Я тяжело вздохнула.

— Я не знаю, чего ты хочешь от меня, Фокс. И честно говоря, мне плевать.

— *Не ругайся с ним, мамочка. Ему больно. Так же, как и тебе.*

Я ненавидела, что голос Клары стал моей совестью. Я ненавидела то, что она говорила правду. И ненавидела то, что не имело значения, что я говорила или делала, я не могла игнорировать ее. Я никогда не смогу игнорировать свою дочь.

Изображение маленького мальчика снова вернулось, и я знала, что должна рассказать Фоксу о нем. Он заслуживал знать. Я не могла забрать от него еще одного члена семьи — я не была такой коварной. Он мог разрушить меня, но я не буду отвечать за его дальнейшее разрушение. Ему не нужна моя помощь в этом.

Фокс провел рукой по бронзовым волосам, глядя на холм, где я развеяла останки Клары.

— Черт, это все так неправильно. Я ненавижу себя за все, что сделал тебе. — Его челюсть сжалась, и влага блестела в глазах. — Если бы ты знала, как сильно я ненавижу себя. Как сильно хочу пожертвовать своей жизнью, чтобы ты никогда не чувствовала такую боль.

Его большое тело дрожало, стальные мышцы на плечах перекачивались, его жалкий вид превратил мою ярость в задумчивую тоску. Клара была права. Он страдал. Сильно.

Он был один — справлялся со смертью Клары без чьей-либо поддержки. Он сделал, один Бог знает что, чтобы найти хоть какое-то подобие мира, и я больше не могла злиться. Я не могла ненавидеть его за грехи, которые он вызвал, потому что в конечном итоге, он не был за это ответственен.

Прощение.

Это было как лекарство — согревающее и успокаивающее меня. Превратившее мою злость в неохотное принятие. Я знала, что если он потянется обнять меня, я прощу его. Если он сможет обернуть свои руки вокруг меня и даст мне убежище, чтобы поплакать, я прощу его за все.

Объятие дало бы мне надежду.

Объятие показало бы мне молчаливое обещание.

Но просить его обнять меня, было как просить луну. Это было невозможно, и он не мог быть тем, в ком я нуждалась. Порочный круг был завершен. Настало время поделиться новостями, которые я никому не рассказывала, и уйти. Если он захочет быть частью жизни ребенка, я не буду препятствовать ему. Но я больше не могла делиться ничем своим с Роаном Фоксом. Я не выдержу еще больше горя.

Выпрямив спину, я сказала:

— Фокс, я...

Фокс двинулся вперед, и я почувствовала его аромат дыма и металла. Еще он пах солью — слезами и печалью. Мое сердце сжалось в маленький шарик от мысли, что он скорбит в одиночестве.

Его глаза вспыхнули.

— Перестань называть меня так, черт побери, — зарычал он. — Как много раз мне нужно сказать тебе, чтобы ты называла меня Роан? Клара так делала. Она понимала, почему мне нужно, чтобы ко мне так обращались. — Он запустил свои руки в волосы, выглядя уставшим и изнуренным. — Черт побери, Зел. Фокс ушел. Он мертв. Я убил его три ночи назад, когда пытался изменить свое прошлое. Я больше никогда не хочу слышать, как ты называешь это имя снова.

Злость снова вернулась. Он проигнорировал мою сердечную исповедь и сфокусировался на том, что было нужно ему. Эгоистичный ублюдок.

— Чего ты хочешь? Что насчет того, что хочу я? — я резко засмеялась. — Ты оставил меня, когда я больше всего в тебе нуждалась. Ты. Сбежал. Ты не можешь прикасаться, не можешь любить, ты даже не можешь быть здесь для меня. Почему я должна помнить о том, что не нужно называть тебя Фоксом, когда у меня нет намерения, видеть тебя снова?

Он внезапно перешел в движение. Его огромные руки на моих плечах порождали ощущение власти на моей коже, прямо как в тот момент, когда мы впервые прикоснулись друг к другу. Место прикосновения трещало, горело — ощущение со свистом проносилось через мою нервную систему, оставляя меня запертой в его хватке.

Я втянула воздух, мое тело гудело от таких разных ощущений. Мой шокированный взгляд встретился с его, ледяным и преследуемым призраками. Его кожа была мертвенно-бледной, а

скулы составляли яркий контраст. Он выглядел так, как будто не спал несколько дней. Но под бледностью призрака он сиял связью. Он тоже это чувствовал. Горел так же, как и я.

— Чувствуешь это? Это судьба. Нам предназначено быть вместе. Пожалуйста, Зел. Ты не знаешь? Ты не знаешь, как я, черт побери, сильно забочусь о тебе? Как сильно скучаю по тебе? Я не убежал — я ушел, чтобы найти искупление. И я могу касаться. Я прикасаюсь к тебе. — Он сделал вдох, наклонившись ближе, отправляя еще большую дозу ярости по моей крови. — Я здесь. Для тебя. Навсегда, если ты примешь меня. Только, пожалуйста, прости меня.

— *Он не плохой человек. Я люблю его, поэтому он не плохой.*

Мои колени подогнулись, и мысли вылетели из головы. Я повела плечами под его хваткой, желая, чтобы он отошел. Я не могла справиться с тем, что он вызывал во мне. Я не могла поддаться этому еще раз. Он не был безопасным. Для моего спокойствия или моего рассудка.

— Как ты можешь говорить это? Ты правда считаешь, что я могу вернуться к тебе? Даже если я прощу тебя за побег, это не меняет факта, что ты не можешь дать мне то, в чем я нуждаюсь. Ты опасен для всех, кто подходит к тебе близко. Взрослого, ребенка, младенца — если они прикоснутся к тебе неправильно, ты убьешь их.

Я не могла сказать ему. Я не могла позволить ему быть рядом с его ребенком, так как я никогда не смогу доверять ему. Мое сердце билось о мои ребра в ужасе. «Я ношу твоего ребенка, но не могу сказать тебе, потому что не доверяю, что ты не убьешь его».

Его лицо исказилось, потемнев от гнева.

— Я не могу жить без тебя, *dobuscha*.

Мои глаза распахнулись шире.

— Не называй меня так. Я не твоя добыча. Я, черт побери, с тобой на равных и... — Я не знала, что еще сказать. Я повела плечами и пробормотала: — Даже если бы я захотела, — провела рукой по лицу, мне было так тяжело, я устала. — Ты разрушил меня Фокс, и сейчас я хочу, чтобы ты отпустил меня.

Как любовь могла быть такой неправильной?

Как могло это все быть зря?

Снова подняв голову, я закрылась в себе. Мне нужно было уйти от него, чтобы я могла вернуться к оплакиванию Клары.

— Оставь меня в покое, пожалуйста. Я не хочу обсуждать это. Сегодня день не для нас. Он для Клары. И у тебя нет уважения к ее памяти, раз ты заставляешь меня ругаться с тобой.

Фокс обнажил зубы, его руки сильнее вцепились в мои плечи. Я задрожала, когда еще одна волна напряжения и энергии зажгли меня изнутри.

— Уважения? Ты думаешь, что у меня нет уважения? У меня так много уважения к тебе, что это пугает меня. У тебя есть власть надо мной, о которой ты даже не знаешь. И сегодня идеальный день, чтобы положить конец недоразумениям, потому что Клара не хотела бы, чтобы мы ругались. Она бы хотела, чтобы мы были счастливы.

— Не смей использовать Клару против меня! — яростные слезы навернулись на моих глазах. Я не могла поверить в эту наглость.

Он покачал головой. Его большие пальцы потирали мои плечи, каждое прикосновение было как маленькая бомба, разрывающая мое сердце, так как напоминало мне, что он был слишком уникальным и особенным, чтобы разрушать.

Фокс прижал свое лицо к моему, не оставляя мне выбора, кроме как смотреть в душевную боль глубоко внутри него.

— Я никогда не буду в состоянии описать, как сильно я любил твою дочь, и как сильно она исцелила меня. Я никогда не буду в состоянии показать глубину моей ненависти к себе за то, что оставил тебя, когда ты нуждалась во мне больше всего. У меня никогда не будет достаточно слов, чтобы умолять тебя простить меня и быть достойным прощения. Но я нуждаюсь в тебе, Хейзел. Я думал, что могу уйти и отпустить тебя, но не могу. Я так чертовски сильно нуждаюсь в тебе. Ты заставляешь меня чувствовать себя живым. Ты заставляешь мое гребаное сердце биться как в первый раз, и я не собираюсь отказываться от этого. Не важно, как ты борешься со мной, я не остановлюсь. Каждый день я буду пытаться снова и снова. Каждый час я буду прикасаться к тебе, просто, чтобы доказать, что я хочу быть всем, в чем ты нуждаешься и заслуживаешь. Ты никогда не освободишься от меня, потому что я не могу провести и дня без тебя в моей гребаной жизни.

Я хотела.

Я желала.

Я хотела схватиться за него и позволить унести меня.

«Он убьет твоего нерожденного ребенка. Он убежал, когда Клара умерла. Ты не можешь сделать это».

Все мое тело вибрировало, я не могла контролировать себя. Запутавшись, я прошипела:

— Ты использовал нас. Ты купил меня и влюбился в Клару, но это все, только чтобы исцелить себя. Это все было для тебя. Черт побери, для тебя. Только ты, ты, ты. Все твои разговоры, что никогда не отпустишь меня. Все твои обещания, что ты можешь быть достойным. Это все еще о тебе! Что насчет меня и Клары — о том, что было нужно нам? Я отдала тебе все, включая мою дочь, и что это сделало со мной?

Я вырвалась из его хватки и ткнула пальцем ему в лицо.

— Я расскажу тебе, что это сделало со мной. Это показало мне, что мне лучше быть самой по себе. У тебя нет выбора в этом вопросе. Я не позволю тебе прикасаться ко мне или преследовать меня, или надеяться на второй шанс. Все кончено!

Образ маленького мальчика снова возник передо мной. Я чувствовала нутром, что вынашиваю сына. Его сына. Сына, которого я буду растить одна. Сына, которого он не будет знать, потому что он слишком непостоянный, слишком трахнутый на голову, чтобы доверять ему.

— С тобой не безопасно. Я больше не собираюсь подвергать себя риску. Я покончила с этим, Фокс. Ты должен забыть меня.

Я ненавидела каждое слово, половина меня верила в них, другая хотела вымыть мой рот. Я

ткала ложь как в прошлом, смешивая с правдой, так как пока не знала, чего хочу больше.

— Не ругайся, мамочка. Я не хочу, чтобы ты грустила.

Я почти сломалась пополам, когда мое сердце разрывало себя на куски.

— Черт, Хейзел, — Фокс сделал нервный вдох, проведя трясущимися руками по волосам. — Пожалуйста, позволь мне показать тебе. Я изменился. Позволь мне рассказать, где я был. Я никогда не обижу тебя снова. Просто, пожалуйста, не уходи и не дай мне потерять тебя. Я не выживу. А я пережил слишком много, чтобы позволить тебе отказаться от меня. Я, черт побери, не позволю тебе!

Мое сердце хотело поверить ему. Я хотела быть способной простить и доверять ему, но я была пустой. Он израсходовал все мои ресурсы. Спор иссушил меня. Все что я хотела — найти безопасное место и плакать, пока не усну. Ничего не осталось. Я не могла вернуться к старому образу жизни и продолжать надеяться, что смогу быть с ним без риска. Я не хотела жить в страхе, когда прикасаюсь к нему, или заниматься сексом связанной.

«Я беременна».

Я должна была думать о хрупкой жизни внутри меня, не только о его потребностях и о своих. Я должна быть сильной.

Выпрямив спину, я сказала:

— У тебя нет выбора. Ты потерял меня в тот момент, когда ушел.

Тяжело сглотнув, я посмотрела на него. Он выглядел так, будто ушел на войну и не вернулся назад. Со своими бронзовыми волосами и телом со шрамами, что говорили сами за себя, он был слишком сломлен, чтобы исправиться. Я не могла провести оставшуюся жизнь, пытаюсь собрать его кусочки вместе и никогда не закончить полную картину.

Безграничная скорбь сдавила меня.

«Перестань бороться. Прости его».

Фокс потерял налет бойца, позволив мне в первый раз увидеть себя настоящего. Под шрамами и злостью он был напуган, потерян и одинок. Мое сердце снова разбилось.

— Зел, пожалуйста. Скажи мне, как я могу исправить это.

Я больше не могла делать это. Он был как черная дыра, всасывающая мою энергию, пока я раскачивалась на ветру.

«Боже, Клара. Я так сильно по тебе скучаю. Ты нужна мне здесь. Мне нужно чтобы ты исправила беспорядок, который я наделала».

— Исправить это? Как ты можешь исправить это? Ты некромант и можешь вернуть мою дочь? Ты можешь собрать мое разбитое сердце? Ты можешь остановить этот ужасный беспорядок внутри меня?

Он повесил голову, стиснув зубы. Обернул свои мускулистые руки вокруг себя, крепко сжимая.

Мои пальцы хотели прикоснуться к нему, стереть одинокую слезу, что катилась по его лицу. Он

выглядел таким разбитым. Дрожа от мучения, живя с болью. Мы были двумя половинками расколовшегося круга. Микроскопические кусочки, что не могли выжить друг без друга. А я не выживу, если отдам все ему. Судьба снова нас поимеет.

Настало время закончить это раз и навсегда.

Трясущимися руками, я убрала в сторону свои длинные волосы и расстегнула ожерелье вокруг своей шеи. Звездочка Клары висела рядом с моей, звеня вместе, с тех пор как в морге мне отдали ее вещи.

— Как ты думаешь, Роану понравится моя звездочка? Я не могу забрать ее с собой.

Я втянула воздух, борясь со слезами. Она хотела, чтобы она была у Фокса. Я должна исполнить ее желание.

Положив серебро на свою ладонь, я вытянула руку.

— Вот. Она хотела, чтобы это было у тебя.

Глаза Фокса опустились на ожерелье и дикий, мучительный шум вырвался из его груди. Что-то взорвалось внутри него, и он бросился ко мне. Огромные руки обхватили мое тело, крепко меня сжимая.

Жизнь закончилась.

Затем снова началась.

Шум прекратился.

Затем снова начался.

Тепло замерзло.

Затем окутало снова.

Печаль исчезла.

Затем поселилась снова.

Я перестала быть Хейзел Хантер, когда его вторая рука прижала меня к нему. Я стала женщиной, которая обожает мужчину, который так глубоко разрушен, что никогда не будет идеален.

Каждая искра, которая существовала между нами, поджарила мой мозг, запустила мое сердце и захватила все мои чувства. Я вдохнула дым и металл. Прижалась к его мускулам и теплему телу. Я была его.

Его.

Его.

Только его.

Я была живой, желанной, обожаемой. Я поверила в его обещания. Он больше никогда не

убежит. Он будет сражаться рядом со мной и всегда любить меня.

Я сломалась.

Слезы, которые скатывались по щекам, в одно мгновение превратились в водопад душевной скорби. Я стояла немая и, замерев в его руках, когда Клара заполнила мои мысли.

— *Я не хочу, чтобы ты грустила. Я не люблю, когда ты грустишь.*

Ветер поднялся вокруг нас, я клянусь, что слышала ее шепот:

— *Я рада, что ты больше не ругаешься. Не ругайся, мамочка. Спаси его.*

— Обними меня в ответ, — пробормотал Фокс, прижимаясь в поцелуе к моему уху. Его губы отправили покаяние и любовь прямо в мое сердце. Это было неправильно чувствовать такое глубокое чувство любви в день похорон моей дочери. Приличие и горе пытались остановить меня от того, чтобы окунуться в будущее, где я могу узнать, каково это быть счастливой.

Фокс сжал меня сильнее, поцелуями снимая соленые слезы, текущие по моему лицу.

— Обними меня, черт побери. Мне нужно, чтобы ты прикасалась ко мне. Мне нужно показать тебе, что я могу быть тем, кого ты заслуживаешь. Мне нужно знать, что я все не разрушил.

— *Он нуждается в тебе, мамочка.*

С Кларой в моих мыслях я подняла руки и обвила ими его спину. В момент, когда я коснулась его, он напрягся.

Я замерла, борясь с надеждой и страхом внутри меня. Он сказал, что у меня была власть над ним: он мог сломать мой позвоночник и забрать мою жизнь, но в этот момент мне было бы плевать. Его руки были афродизиакром, пьянящим обещанием, что могло заставить меня с легкостью пожертвовать своей жизнью.

Тело Фокса задрожало вокруг моего, оно ощущалось как натянутая струна, готовая лопнуть.

— Обними меня крепче. Я могу вытерпеть это, — прошептал он. Он звучал удушающе, запыхавшись.

Когда я не подчинилась, он вцепился в меня сильнее.

— Сделай это, Зел.

Думая о Кларе, и как сильно я желала, чтобы это были ее объятия, я обернула свои руки крепче, связывая его как заключенного, которого заковыывают цепями вокруг талии. Если он убьет меня, по крайней мере, я буду с ней раньше, чем планировала. Я могла перестать бороться за все, что хотела, и просто отдохнуть.

Фокс задрожал, напрягся, дернулся, но он сдержал свое обещание и не причинил мне боль. Его бицепсы дергались возле моих рук, когда он притянул меня ближе, как будто мог скрепить нас вместе.

Мой разум затопила наша связь, мое тело искрилось везде, где он прикасался. Теперь я знала, как это ощущается, когда прикасаешься к своей идеальной, недостающей половинке.

Фокс уткнулся носом в мою шею, его горячее дыхание ласкало меня.

— Мне жаль, что меня не было там. Я ушел, потому что это было единственным выходом. Ты не была в безопасности со мной, я не мог дать тебе будущего. Я хотел заслужить тебя, Зел, и больше никогда не подвергать тебя риску. Я знаю, что никогда не заслужу тебя, но позволь мне служить тебе всю жизнь. Позволь провести каждый день, пытаюсь быть лучше, чтобы в однажды ты смогла полюбить меня.

Мои ноги угрожали подогнуться, когда слабость заполнила меня. Слабость из-за того, что он предложил. Слабость из-за то, что нужна ему.

«Я люблю его, и это волнует меня».

С помощью последних резервов сил, я пыталась остановить неизбежное.

— Ты должен был помочь мне спасти ее. Ты должен был спасти меня. — Я тяжело втянула воздух, расходуя кислород, когда горе еще раз овладело мной. — Ты-ты, — мой голос сломался, и мое сердце снова умерло. — Ты должен был спасти нас обеих, тем не менее, ты не спас. Она умерла, Роан. Она-она-она уш... — я не смогла закончить, так как огромное рыдание вырвалось из моих легких.

Неделю я плакала, но не могла найти комфорт в слезах. Я не могла найти утешение или покой, чтобы исцелиться.

Но сейчас нашла.

Это ощущалось исцеляюще и очищающе.

Волна за волной.

И я отпустила.

Мое сердце разбилось, и мои стены рухнули. Я позволила себе освободиться и залить слезами его черную рубашку.

Фокс держал меня, давая мне за что цепляться. Он гладил мои волосы и целовал щеки, и придавал мне силу, просто обнимая меня.

Он дал мне то, в чем я так долго нуждалась. Он развеял все мои сомнения, что он не мог дать мне то, чего я желала, и доказал, что любовь может изменить любого — независимо от того, насколько разрушенного.

— Все в порядке. Все в порядке. Я с тобой, — бормотал он. Он укачивал меня, пока мои ноги не подкосились, затем схватил меня в свои сильные руки.

Я едва заметила, что сменила положение из вертикального в горизонтальное, когда мой разум оплакивал все, что я потеряла. Фокс прижимал меня ближе, как я хотела и мечтала. Его сердцебиение было глухим и громким под моим ухом, давай мне якорь спасения, чтобы сосредоточиться.

— *Не грусти, мамочка, я не хочу, чтобы ты грустила.*

— Я здесь, и я не уйду. Тебе больше не нужно бороться одной, Зел. — Его голос грохотал в его груди, посылая ударные волны через мое тело.

Мои глаза наполнились огнем. Боль сжигала, ранила и разрывала, когда я все плакала и плакала. Вечность освобождения, что он предоставил, превратила меня из женщины в лужицу слез. Знание того, что моя битва была поделена пополам, что все взлеты и падения теперь будут разделены, отправило сквозь меня еще одну печаль.

Если бы я встретила его раньше. Если бы доктора обнаружили болезнь Клары раньше. Если бы... если бы.

— Я дам тебе все, Зел. Все, что у меня есть. — Он целовал мой подбородок, висок, мою щеку. Он поклонялся мне поцелуями. — Пожалуйста. Не заставляй меня умолять. Я не смогу сделать это. Я не могу быть вдали от тебя. Я не могу. Я так чертовски сильно нуждаюсь в тебе.

Моя спина изнывала от боли, каждая часть меня болела. Я была полностью разрушена.

Приподняв мой подбородок, Фокс прижал свои губы к моим, сцеловывая мои соленые слезы. Он пробормотал у моего рта:

— Ты моя, и я отказываюсь жить без тебя. — Он заставил меня проглотить каждое сожаление, каждую печаль, что жила в нем. — Ты моя, Хейзел Хантер. Я заберу тебя домой, чтобы исцелить.

— *Он нуждается в тебе, мамочка. Иди с ним. Не грусти.*

Все мое тело гудело от мощной смеси замешательства, злости и голода. Голода по нему. Голода по тому, что он обещал.

Он не ждал моего ответа. Его язык вторгся в мой рот, не оставляя мне выбора, кроме как поцеловать его в ответ. Он брал и давал, вытаскивая упирающееся желание из моей крови, пока оно не запульсировало в моем лоне. Он вернул меня к жизни, хотя я хотела продолжать утопать в своих слезах. Я была не готова столкнуться лицом к лицу с жизнью без Клары. Я не была готова попрощаться. Я не была готова принять мир, который он предлагал, или ребенка, растущего внутри меня.

«Я не готова».

— Пожалуйста, — прошептал он. Его дыхание щекотало мою щеку, и мое предательское тело запульсировало. Он помог мне заглушить боль от потери Клары. Он дал мне нечто, чтобы сфокусироваться.

Прости его. Прими его.

Я отстранилась.

Его глаза остекленели, а веки отяжелели. Его тело было обернуто вокруг меня, как будто он мог защитить меня от всех трагических событий. Почти каждая часть меня прикасалась к каждой части его. Как это было возможно?

Успокоив слезы, я спросила:

— Как ты выдерживаешь такую близость?

Он покачал головой.

— Я расскажу тебе, если ты поедешь домой со мной.

Я хотела сказать «нет». Я заслуживала жить в несчастье. Я не заслуживала еще одного шанса на счастье. Почему родитель переживает своего ребенка?

Но испытания в моей жизни научили меня тому, что ничего не длится вечно, и все лучшие события в нашей жизни мимолетны, поэтому следует наслаждаться ими, прежде чем они уйдут. Клара была слишком ценной, слишком идеальной, чтобы жить долго. Мне было предоставлено чудо, и оно ушло прежде, чем я была готова.

— Не грусти. Я не люблю, когда ты грустишь.

Я посмотрела через плечо Фокса на лошадей на поле. Они трясли своими гривами и рыли землю, приветствуя мою дочь и предоставляя ей бессмертие.

— Ладно, Клара. Ладно.

Клара научила меня ценным вещам, за которые стоило бороться. И призы в самом конце требовали платы, которая иногда казалась слишком высокой.

— Ладно, — прошептала я.

Фокс выглядел так, будто солнце наконец нашло свой путь в его душу.

— Ладно?

Я кивнула.

— Ладно. Я поеду домой с тобой. Ради Клары. Ради нас.

Это был мужчина, в которого я была влюблена.

Отец моего нерожденного ребенка.

Мужчина, от которого я не откажусь.

Оказалось, что Клу и Бен знали мое решение еще до меня. Они ушли, оставив меня в затруднительном положении и взбешенной из-за вопиющего пренебрежения к моему выбору. Клу не знала, на что был способен Фокс. Я сомневалась, что если бы они знали его, то так стремились бы бросить меня с человеком с таким запутанным прошлым.

Я сердито смотрела на невинный взгляд Фокса, когда он нес меня к своему Порше. Я не сомневалась, что он сделал что-то с Клу и Беном, чтобы не оставить сомнений в моей безопасности.

Затем мое сердце расплавилось от мысли, что он обеспечил такое удивительное место, чтобы Клара нашла покой. Он думал о ней, даже когда ушел.

— Спасибо тебе, — сказала я, когда Фокс так нежно расположил меня в дорогой машине и пристегнул ремнем. Меня захватил приятный запах шоколада от его волос, в моем желудке

запорхали бабочки от того, каким внимательным и заботливым он был.

— За что? — он выпрямился, серые облака обрамляли его одетое в черное тело.

— За это. — Я кивнула на поле и лошадей. — За то, что позаботился обо всем. Подарил ей кусочек себя.

Он повел плечами и хмыкнул. Избегая моего взгляда, он сказал:

— Я хотел воплотить ее мечты в жизнь. Я подумал, что если она будет здесь, она в конечном итоге станет частью лошадей, эволюционирует в... большее. Станет тем, кем больше всего хотела.

В моем горле застрял комок, и я опустила глаза. Кто был этот мужчина? Этот поврежденный, со шрамами, загадочный мужчина? Мне нравилась мысль, что Клара изменится — будет всегда счастливой. Мне нравились причины, почему он выбрал это место.

Я не отводила взгляда от Фокса, когда он спереди обошел машину и забрался на водительское сиденье. Он двигался с тяжелым покровом печали вокруг его плеч — приглушенным и мрачным.

Двигатель взревел, затем издал гул, когда он повернул ключ. Он посмотрел на меня.

— Готова?

Никогда.

Паника вернулась и потребовалась вся моя сила воли, чтобы остаться в машине.

Комок застрял в моем горле, но я кивнула.

— Настолько готова, насколько могу быть.

Лицо Фокса исказила гримаса, и он поставил машину на передачу.

Мы не сказали ни слова, когда он ехал по грязной дороге. С каждым метром мое сердце задыхалось все больше и больше. Я оставляла ее позади!

Черт, это было сложно. Очень сложно.

В конце поля Фокс вышел и открыл ворота. Его спина согнулась, когда он тащил заграждение по грязи. Вернувшись в машину, он поехал, закрыв большие ворота позади нас, и свернул налево на шоссе.

Слезы образовались в моих глазах, когда солнце снова показалось из-за облаков, освещая холм позади нас. Я не хотела уезжать. Никогда не хотела думать, что Клара останется одна в поле без убежища. Я должна была построить палатку, гробницу, что-то, чтобы обеспечить ее безопасность.

Она ни в чем не нуждается. Она ушла.

Слезы снова нахлынули. Так же, как это убивало меня — я должна была помнить, что она была выше физических потребностей. Она была свободна.

Фокс улыбался мне, но мы не проронили ни слова. Оба слишком чувствительные, нам было слишком больно осознавать, что маленькая душа, что свела нас вместе, больше не с нами.

Когда мы мчались в цивилизацию, я сжала свои руки и пыталась свести нервозность до минимума. С каждым километром я глубже и глубже погружалась в свое сиденье. Я не хотела возвращаться в «Обсидиан». Я не думала, что смогу ходить по дому, где Клара испустила свой последний вдох. Я больше и шагу не хотела делать в это место.

Напряжение в машине нарастало, и моя кожа была гиперчувствительной к его прикосновениям. После того как я посмотрела в лицо смерти, мне нужно было напоминание о жизни. Мне нужно было поверить, что Клу была права и что существовала такая штука как реинкарнация или лучшая жизнь. Мне было необходимо, чтобы Фокс напомнил мне, что я не могу сдать.

Фокс замедлился на светофоре. Его рука исчезла в его кармане и вытащила ожерелье Клары со звездочкой.

Я сделала глубокий вдох. Мое сердце забило сильнее, когда он благоговейно застегнул его вокруг шеи. Он погладил серебро, на его лице отражалась любовь и печаль.

Я посмотрела в сторону, не в состоянии вынести острые стрелы печали, что вонзились мне в душу. Боль от ее смерти была поделена — вторая половина досталась мужчине, который знал ее такой короткий срок. Мужчине, которого я все еще по-настоящему не знала.

Загорелся зеленый, и Фокс тяжело вздохнул. Поставив машину на передачу, он мчался по дороге и пригороду, который я не знала.

Километр за километром мы проводили в тишине. Либо слишком озабоченные смертью Клары, чтобы рисковать говорить, либо выяснять, исчерпан ли наш спор в достаточной мере, чтобы переходить к чему-то новому.

Он выглядел таким странным, таким сильным, когда носил серебряную цепочку. До этого момента, единственные украшения, которые он носил, были шрамы и татуировки, но глубоко в своем сердце я знала, что он никогда не снимет это. Каждый раз, когда я буду смотреть, как он носит ожерелье, это будет напоминать мне о ней. Я буду помнить ее. Так как это и должно быть.

— Куда ты ездил? — спросила я, когда мы ехали дальше по дороге через город.

Он посмотрел на меня, костяшки его пальцев побелели вокруг руля.

— Мне нужно было покончить с одним делом.

Из-за холода моя спина покрылась мурашками.

— Ты был на еще одной битве.

— Почему ты так думаешь?

Я пожала плечами. Я не могла объяснить изменения в нем, когда он дрался — легкость или освобождение от демонов, которыми он страдал. Да, в этот раз, казалось, что ему было легче — он был более стабильнее, чем когда-либо.

— Ты кажешься другим. — Он был... нежнее. Его серо-белые глаза не были населены призраками, как будто он решил оставить свое прошлое позади.

— Ты знаешь, почему я дрался? Ты можешь представить потребность найти выход от внутренней боли? — он быстро на меня посмотрел, прежде чем снова сфокусировался на дороге.

— Да. Я могу понять это.

— Ты понимаешь, когда я говорю, что бой для меня — это лекарство? Но эта боль мое спасение. Я наносю себе повреждения, потому что не могу найти другой способ освободить темноту внутри меня.

Он потянулся и взял мою правую руку, сильно сжимая.

— Я долгое время наносил себе повреждения. Это наполняло меня стыдом, но, несмотря на то, что я так сильно хотел остановиться, я не мог. Я не могу пообещать, что смогу отказаться от этого полностью, но с этого момента, я буду пытаться и найду другой способ. — Он улыбнулся.
— Клара помогла и с этим тоже.

— Как? — я едва шептала, слишком увлеченная тем, чтобы узнать больше того, что скрывалось под его маской.

— Потому что ее смерть обеспечила меня неограниченной болью. Мне только нужно подумать о ней, и желание калечить себя исчезает.

Я не знала, как ответить. Я ненавидела мысль, что он использует память о Кларе, чтобы избежать желания ранить себя. Он загрязнял память о ней, используя для таких эгоистичных целей? Но с другой стороны, я была рада, что она продолжала помогать, даже из могилы.

— *Не ругайся. Он нуждается в тебе.*

Мелодичный голос Клары приходил и уходил. Я спросила:

— Ты ходил туда не просто, чтобы драться, не так ли? — в нем произошла какое-то изменение. Появилось напряжение и едва найденный покой.

— Нет. Мне нужно было увидеть кое-кого. Попрощаться с прошлым, в котором я никогда не хотел жить. — Фокс сжал мои пальцы еще раз, прежде чем положил руку на руль. — Я возвращался в Россию.

Мое сердце забилося сильнее, когда разум наполнился изображениями снега и льда.

— Я убил людей, которые сделали меня таким. Я решил перестать полагаться на других, чтобы исправиться, и найти исцеление самостоятельно.

Он сделал то, на что я надеялась все это время? Что-то сломалось и покинуло его разум? Во мне пылала надежда, отгоняя черное облако печали в этот прекрасный момент.

— Вот почему ты можешь обнимать меня? К тебе можно прикасаться? — я игнорировала голос, который говорил мне, что он был напряжен и вибрировал энергией, когда я обнимала его в ответ. — Ты свободен?

Его плечи поникли, он грустно улыбнулся.

— Не свободен, но уже лучше.

Я ненавидела отчаяние в его глазах. Он выглядел виноватым, как будто сделал что-то неправильное, вернувшись ко мне лишь незначительно «исправившись». Он не мог быть далек от истины. Тот факт, что он пытался исцелиться, значил очень многое.

— Могу я прикоснуться к тебе?

Его глаза вперились в мои. Он стиснул челюсть, но кивнул.

Очень осторожно я положила ладонь на его левое накачанное бедро.

— Я так горжусь тобой. Знаю, что это звучит странно, но ты взял на себя контроль и должен праздновать свой прогресс, а не ненавидеть то, что исцелен не полностью.

Его глаза вспыхнули, когда он наклонился, чтобы прижаться в нежном поцелуе к моим губам.

— Я клянусь, что проживу тысячу лет и так и не смогу заслужить тебя. — Отстранившись, он повернул на подъездную дорожку к воротам дома на открытой местности Наррабеена. Окрестности впечатляли современной архитектурой, все было новым и сверкающим, и прямо через дорогу от пляжа.

Я моргнула, когда он нажал на пульт, и ворота открылись. Дом был двухэтажный белый и стеклянный. Океан разбивался позади нас, звуча как приглушенный гром, приглашая нас. Огромные двойные двери гаража открылись, предоставляя нам тень и огромный бетонный дом для Порше Фокса.

— Гд...где мы? — «Нортерн бичес» был на противоположной стороне города от «Обсидиана». Я потеряла все ориентиры, пока мы ехали по городу.

«Он владеет и этим тоже?»

Я бросила взгляд на человека, с которым согласилась вернуться домой. Как много я по-настоящему знала о нем?

Ничего.

Я не знала его любимые блюда или вредные привычки, и даже день рождения. Я не знала, была ли у него аллергия на что-то или сколькими активами он владел. Я отдала ему свою жизнь, потому что он доказал, что может так неудержимо любить.

«И я ношу его ребенка».

— Видишь, мамочка. Он нуждается в тебе. Ему нужен кто-то, чтобы любить.

Голос Клары снова заставил меня задыхаться. Она прочно обосновалась в моей голове, и я не хотела, чтобы она уходила. Даже если я сама говорила себе то, что мне нужно было услышать.

— Невероятно.

Фокс улыбнулся, остановившись в гараже.

— Это место очень отличается от «Обсидиана». Я больше не хочу видеть ни одну горгулью.

Я кивнула, полностью благодарная, что мне не нужно будет заходить туда, где умерла Клара. В этом месте не было никакого предвестника беды. Оно выглядело гостеприимным, чистым. Новое начало.

Выключив зажигание, Фокс сказал:

— Мы дома.

Я замерла на месте, когда меня наполнила радуга эмоций: счастье, душевная боль, надежда — все, омраченное горем. Клара никогда не увидит это. Никогда не узнает об огромном влиянии, которое оказала на этого мужчину.

Повернувшись к нему лицом, я прошептала:

— Я не понимаю.

Фокс подарил мне полуулыбку и выбрался из машины. Обойдя вокруг капота, он открыл мне дверь и помог выбраться.

— Есть много всего, чего ты не поймешь, пока я не найду в себе силы рассказать тебе. То, чем я поделился в своем подвале, не сравнится с запутанной историей, но с этого момента все, что тебе нужно знать — я купил это место два дня назад. В тот же момент, когда я нашел кусок земли для Клары, я нашел идеальный дом для нас. Я не могу вернуться в клуб. Мне нужно убежать от жестокости — постараться исправить себя раз и навсегда.

Он сделал так много — все тайно, пока я плакала в оцепенении.

— Что ты сделал с «Обсидианом»?

Он улыбнулся.

— Я продал его Оскару. Все равно он почти управлял им. Я продал его ему по минимальной цене. — Он рассмеялся. — Давай просто скажу, мы заключили сделку.

Мои глаза расширились на веселость, так странно исходящую от Фокса.

— Какую сделку?

Живость впервые мелькнула в его глазах.

— Я заставил его дать мне десять долларов и клятву, что он никогда не заговорит со мной об этом или снова упомянет имя Обсидиан Фокс, тогда клуб останется ему.

Я была в замешательстве. Как он мог сделать это? Насколько он был богат? Мои глаза сощурились, пытаясь расшифровать загадку передо мной.

— Просто скажи, кто ты?

Он пожал плечами.

— Ты хочешь длинную историю или короткую?

О боже. Я не знала, боюсь ли я или взволнованна, что раскрою еще один скелет в его шкафу.

— Пока что короткую.

— Я богат. Благодаря наследству. — Его подбородок дернулся — единственный признак того, что это была больная для него тема. — Я могу позаботиться о тебе. Я хочу позаботиться о тебе.

Я сглотнула.

Фокс вытянул руку и притянул меня ближе. Его рука обернулась вокруг моей талии, вынуждая мои руки опуститься на его грудь, чтобы удержать равновесие. Каждая часть меня замерла, мои пальцы зудели, чтобы схватиться за нож в моей заколке, просто на всякий случай.

Его ноздри раздулись, и лицо помрачнело, но он не отпугнул меня. Опустив голову, он прижался лбом к моему,

— Ты спросила меня, кто я. Меня зовут Роан Аверин. Забудь, что ты знала мужчину по имени Фокс. Он не был человеком. Он был продуктом прошлого, которое я ненавижу. Я никогда не думал, что снова буду в состоянии использовать свое полное имя, но я хочу этого. Я хочу новое начало. С тобой.

Мое сердце расколосось, и на нем выросли крылья.

— Роан Аверин. — Имя сладко звучало на моем языке. Совершенно отличаясь от Обсидиана Фокса. — Мне оно нравится.

Он фыркнул, его тело напряглось, когда я провела кончиками пальцев вверх от его груди к горлу.

— Могу я? — пробормотала я, осознавая, что каждый мускул напрягся в его груди.

Он сжал глаза, кивнув.

Медленно, я провела пальцами по его гладкой челюсти и обхватила его щеки. Он дрожал в моих руках. Стоя на цыпочках, я коснулась легкими поцелуями его губ. Он нахмурил лоб, его зубы стиснуты.

Невинный поцелуй напомнил мне, как нежен он был с Кларой, и я боролась с тем, чтобы оставаться в этом мгновение, где не мешало горе.

Я опустила руки и отстранилась от его хватки.

— Будет легче. Ты увидишь. Я помогу тебе.

Я говорила о тоске по Кларе или об условном рефлексе?

Он кивнул.

— Я знаю. Пока ты есть у меня, я могу становиться лучше. Только, пожалуйста, помни, что надо называть меня Роан. Это поможет.

Я знала, что это будет тяжело перестать называть его Фокс. Это было имя мужчины, в которого я влюбилась. Но я видела, что это важно для него. Фокс умер после того, что бы он там ни делал в России, и мне нужно было подчиниться его желанию, чтобы оставить прошлое там, где ему было самое место.

Мои глаза опустились на звездочку в ямочке между ключиц у основания горла.

— Она всегда могла видеть, кем ты был. Она настолько лучше, чем я. Всегда видела лучшее в людях. Такая доверчивая. Слишком доверчивая. — Я остановилась, когда в моем горле образовался ком, и мое сердце болезненно забилося.

Глаза Фокса заблестели.

— Ты была такой же. Я узнал то, что мне нужно в тебе, в ту секунду, когда увидел. Я не знал, что это было, но украсть твой нож и заставить пойти со мной было, черт побери, лучшим, что я сделал в своей жизни.

Я мягко рассмеялась, задрожав, когда он схватил мой подбородок.

— Ты никогда не потеряешь ее, Зел. Мы никогда не перестанем говорить о ней, или сохранять ее живой в наших мыслях.

Отстранившись, он засунул руку в карман и вытащил сложенный листок бумаги. Протянув его мне, он сказал:

— Видишь, как много я оставил в прошлом, чтобы начать новое. Это принадлежит тебе.

Я взяла, нахмурившись. Открыла, написанное от руки, соглашение между Обсидианом Фоксом и Хейзел Хантер. Мой сердце ухнуло в желудок, и я посмотрела на него.

Роан пробормотал:

— Разорви его. Этого мужчины больше не существует.

Он просил меня порвать его прошлое. Уйти от всего плохого, что случилось, и принять будущее вместе.

Трясущимися руками я подчинилась. Звук рвущейся бумаги эхом отразился от стен гаража.

Роан подошел взять меня за руку, но я отстранилась.

— Подожди.

Я прикусила губу, когда потянулась в карман платья и вытащила вещь, которую ужасно боялась. Вещь, что я украла у Фокса в день, когда ударила его по голове небольшой статуэткой волка с его серванта. Голубая таблетка, завернутая в бумагу.

Я не знала, что это было, но знала, что это яд. Я также понимала, что у Фокса были моменты слабости, когда он мог сделать что-то необратимое.

Я украла это, чтобы предотвратить то, что он сделает что-то безрассудно глупое.

— Вот. Это принадлежит тебе.

Схватив ее, он развернул таблетку для самоубийства. Его лицо помрачнело, глаза сощурились.

— Откуда, черт побери, у тебя это? — злость исказили черты его лица. — Ты знаешь, как это опасно? Какого хрена ты думала... — затем паника заменила его страх, его пальцы впились в мой локоть. — Ты не собиралась... пожалуйста, скажи мне, что ты не думала принять ее. Ради

всего святого, Зел. Что ты собиралась делать?

Я дернулась назад, мой горячий нрав проснулся от его ошибочного заключения.

— Ты думаешь, что я слаба достаточно, чтобы убить себя? Как ты мог подумать такое? Я потеряла свою дочь, но не потеряла свой разум!

— Тогда почему ты хранила это? — Роан сжал кулаки.

— Потому что я не хотела твоей смерти. Я ненавидела мысль, что ты не можешь вынести жизни и скоро совершишь самое большое предательство — убив себя. Я украла это у тебя, когда не хотела твоей смерти!

Он сделал шаг вперед, оттеснив меня.

— Это все еще не объясняет, что это делало в твоём гребаном кармане.

Я выплюнула прямо ему в лицо:

— С тех пор как я забрала ее, я была напугана. Я не знала, что делать. — Облегчение, что пришло с тем, что я больше не несу ответственность за такую опасную вещь, утихомирило мою злость. — Я держала ее приклеенной под кроватью, чтобы никто не мог найти ее по ошибке. Она преследовала меня, и я больше не хотела нести ответственность за нее. Я хотела, чтобы ты уничтожил ее.

Не сказав ни слова, Роан схватил меня за руку и потащил к двери, ведущей в дом. Он звякнул связкой ключей, пытаясь найти нужный, не отпуская мою руку. В мгновение, когда он открыл дверь, он потащил меня по коридору в ванную, что выглядела, как затемненный зал кинотеатра.

Ванная была безупречно чистой. Бирюзовые мягкие полотенца со сверкающими серебряными держателями были так не похожи на черную обстановку «Обсидиана».

— Не могу поверить, что ты ходила с ней в своем кармане. — Подняв крышку унитаза, он бросил бумажку и таблетку вниз. Смыв ее, он гневно отрезал: — Все. Ушло. Сейчас Фокс на самом деле мертв, и настало твое гребаное время познакомиться с Роаном.

Я завизжала, когда он подхватил меня и понес по широкой белой лестнице на второй этаж. Я почти ничего не видела, так как он быстро шел, но все, что замечала, было белым. Ни одного сантиметра черного.

Ударив дверь ногой, он зашел внутрь и дал мне всего одну секунду, чтобы оглядеться вокруг.

Белая огромная кровать, покрытая белыми шелковыми подушками, которые выглядели как чистые облака. Огромное пространство окна приветствовало песчаные дюны и море внутри. Пол был белым, прикроватные тумбочки и небольшая зона отдыха — белыми.

Все на что я смотрела было белым, белым, белым.

И затем все, что видела, было черным, когда Роан бросил меня на кровать и мягко прижался ко мне сверху. Я застонала, когда тепло его тела душило меня, и на один радостный момент я отпустила свою горе и думала только о нем. Этот мужчина перевернул мой мир вверх дном, задом наперед, наизнанку.

Его руки опустились на маленькие перламутровые пуговицы на моем платье и начали возиться с изящными петельками. Его дыхание участилось, и он зарычал в раздражении. Его прикосновения вывели меня из тумана горя, заставив вцепиться в жизнь.

Я схватила его сзади за шею, прошептав ему в ухо:

— Порви его. Я больше не собираюсь его надевать.

— Спасибо, Господи, — застонал он. Его руки схватились за материал и порвали его. Платье было разорвано напололам и лежало как смерть на белоснежном покрывале. Его глаза покосились на мое черное нижнее белье. — Ты чертовски великолепна.

Он наклонился, кусая холмики моей груди своими нежными зубами.

— Я буду любить тебя каждый день. Мне никогда не будет достаточно. — Он обхватил мои груди, поглаживая мои затвердевшие соски своими большими пальцами. — Мне никогда не будет достаточно этого. — Его правая рука опустилась по моему животу и обхватила местечко между моими ногами.

Я застонала, когда тепло его ладони вызвало мини-взрывы в моей крови.

Мое тело приветствовало энергию Роана, но мой разум устремился прочь. Это было неправильно фокусироваться на себе. Так неправильно радоваться жизни, когда у Клары ее больше не будет.

Я не могу сделать это.

Я замерла.

Роан убрал свою руку от меня и тяжело вздохнул.

— Черт. Я мудака.

— Нет, ты не мудака. — Я покачала головой, проклиная слезы в уголках моих глаз. Буду ли я когда-нибудь способна переварить мысль, что Клара больше нет в моей жизни?

Роан выпрямился и потянул меня за собой. Я встала на свое черное платье, и что-то острое врезалось в мою стопу.

Наклонившись, чтобы потереть стопу, я увидела значок «Моя маленькая пони» с похорон. Я подняла его, девчачий дизайн лошади вызвал еще больше слез.

Мои внутренности скрутило, когда я поняла, что больше не знала, как жить. Моему сердцу нужно было снова научиться биться. Моему разуму нужно было свыкнуться с потерей. Мое тело должно было подготовиться привнести новую жизнь в мир.

Это было чрезмерно. Слишком чувствительно. Жизнь протекала так быстро, прокладывая расстояние между мной и Klarой с каждой секундой.

Я посмотрела на Роана, умоляя его исправить это.

— Дерьмо, Зел. — Он схватил меня, прижал к себе и крепко сжал. Его тепло давало комфорт, но в то же самое время напоминало, что Клара больше не теплая. Я забрала ее тепло, когда она становилась холоднее в его офисе.

Мое сердце сжалось, пока я не могла дышать.

Как я могла двигаться дальше, когда чувство вины убивает меня.

Я не знала, как долго мы так стояли. Но Роан не переставал гладить мои волосы.

— Все в порядке. Ты не должна быть сильной. Отпусти. Я здесь. — Его голос успокаивал меня, грубый и мужественный. Он не отстранился, несмотря на то, что его рубашка становилась мокрой оттого, что он так крепко меня держал.

Наконец, когда мои молчаливые вздрагивания остановились, он исчез и вернулся с белым халатом из ванной. Плотно завернув меня, прикрыв мою полунаготу, он спросил:

— Могу я показать тебе кое-что? Это, возможно, сделает все немного легче. — Его голос был напряженным. — Или, возможно, это сделает все чертовски хуже. Я не знаю.

От чувства тревоги мою спину покалывало.

— Показать мне, что?

Отстранившись, он схватил меня за руку и потащил из комнаты. Мы прошли по короткому коридору, прежде чем он повернул дверную ручку и толкнул меня в мое прошлое. Как будто я попала в машину времени.

Клара

Повсюду.

Огромные полотна того, как она улыбается, бежит, танцует. Я не могла дышать. Я не была уверена, что мое сердце еще бьется. Это, должно быть, врата в рай.

Я умерла от печали?

Я могла чувствовать ее. Слышать ее смех. Ощущать ее яблочный запах.

Сильное присутствие Роана появилось справа от меня,

— Ты в порядке?

Я едва кивнула, слишком поглощенная фотографиями Клары. Она излучала такую заразительную улыбку, была очень наполненной энергией.

— К-Как?

— В «Обсидиане» были камеры слежения. Я отмотал назад отснятые кадры и сохранил несколько, чтобы напомнить тебе, что она всегда будет здесь. Даже если она ушла. — Он двинулся вперед к огромной фотографии, украшавшей стену. Это была фотография меня и Клары, прогуливающих рука об руку по саду. Ее фиолетовая ленточка была обернута вокруг моей руки, и мы смеялись, пытаясь распутать себя.

Весь воздух покинул мое тело, но вместо того, чтобы снова излить водопад слез, я вздохнула с тяжелой смесью умиротворения и тоски. Роан украл мою дочь, влюбившись в нее, но также он вернул ее ко мне.

— Я не знаю, что сказать. — Я схватилась за живот, сдерживая боль того, как скучала по ней.

Он улыбнулся. Его шрам выглядел менее пугающим, делая его мягче, более укрощенным.

— Не говори ничего. Когда все становится слишком интенсивным, приходи сюда и говори с ней. Она всегда будет с тобой. — Он наклонил голову, проведя пальцем по статуэтке лошади, которую я не заметила.

Я повертелась, осматривая детали комнаты. В каждом углу были бронзовые и медные лошади из коллекции Роана из «Обсидиана».

— Я знаю, это глупо, но я слышу ее. Здесь, — Роан постучал по виску, затем его рука опустилась на его сердце. — Я чувствую ее. Здесь.

О боже.

Печаль, боль и подавляющая горечь клокотали в моей груди. Взрываясь и шипя, пока мои внутренние чувства не были орошены блестящими слезами. Но мои глаза оставались сухими.

Я оставалась сильной, чтобы принять невероятный подарок, который Роан подарил мне.

— Я тоже слышу ее, — я двинулась вперед, проведя пальцем по красивому залитому солнцу фото, где Клара собирала ромашки. — Я думаю, что всегда буду слышать ее.

Я не могла поверить, что этот мужчина со шрамами передо мной, был тем же самым бойцом, что купил меня для секса. Он так сильно изменился, но тем не менее казался тем же самым.

Я нуждалась в нем. Мне нужно было показать ему, как я ему благодарна. Как много он дал мне.

— Отведи меня в спальню, — прошептала я.

Глаза Роана расширились.

— Ты не должна...

Я покачала головой.

— Я хочу. — Печаль внезапно отступила, оставив мне благословенный свет. Стоя в комнате, окруженной Кларой, я внезапно нашла силы отложить в сторону свои слезы и радоваться тому, что я получила, а не горевать по тому, что потеряла.

«Тебе нужно рассказать ему».

Мне нужно было сделать это официально и перестать прятаться от будущего, что мчалось ко мне. Мне нужно было рассказать ему о его сыне.

Роан медленно подошел ко мне. Его губы сжались в тонкую линию.

— Я хочу тебя, Зел. Бог знает, как сильно я хочу тебя. — Он опустил свой взгляд, глядя на сжатые кулаки. — Но я все еще борюсь внутри. Я хочу быть нежным. Чтобы обнимать тебя и заниматься с тобой любовью. Но... я не в состоянии и не хочу брать тебя жестко, не сегодня.

Биение моего сердца ускорилось. Я не ответила. Что я могла сказать? Я приняла это и все еще

хотела его. Я не просила его, чтобы он держал меня и укачивал, пока я сплю. Я просила помочь мне забыть, хотя бы на короткий срок.

Память о Кларе по-прежнему будет здесь, за что я всем сердцем благодарна Роану.

— Я понимаю. Я нуждаюсь в том, что ты дашь мне. Мне нужно напомнить о том, как бороться. Я устала от слез. — Даря ему один последний взгляд, я пошла к двери.

Я не ждала, что он последует. Пройдя по коридору, я вошла в белую спальню, уже чувствуя покаяние от тепла и сожаления. Могла ли я радоваться жизни и принимать все новое, что предлагала мне беременность? Могла ли отодвинуть в сторону свое горе только на мгновение, чтобы провести время с моим будущим, а не с прошлым?

Мои глаза упали на пушистую, идеально изготовленную овцу, лежащую на большом подоконнике.

Овечка Клары.

Солнечный свет блестел на бронзе, танцуя, как потускневшая радуга на белом ковре.

— *Не грусти, мамочка, я не хочу, чтобы ты грустила.*

Мое сердце умирало снова и снова, но в этот раз оно возродилось с проблеском надежды. Надежды, что я смогу выжить и не согнусь под тяжестью потери.

Руки обвили меня сзади. Теплое дыхание Роана ласкало мое ухо.

— Я остановлюсь. Только скажи слово, и я уйду.

Я изогнула свою спину к нему.

— Возьми меня. Заставь меня вернуться к жизни.

Роан застонал, поднял меня и понес к кровати.

— Я никогда не перестану целовать тебя или любить тебя. Я никогда не перестану упорно трудиться, чтобы заслужить тебя.

Положив меня на матрас, его тело обрушилось на мое. Его колено раздвинуло мои ноги, когда он опустил свое полностью одетое тело на мое. Халат был развязан и его полы раздвинуты в сторону, и он опустил свою руку на мой бок, посылая электрический импульс по всему телу.

Я никогда не привыкну к этому яростному покаянию или резкой связи, когда он прикасается.

— Ты никогда не будешь одна, Зел. Я весь, черт пробери, твой. — Его рот захватил мой. Его запах дыма опьянил меня, и каждый вкусовой рецептор ожил, когда его грешный язык ворвался в мой рот. Он забрал каждую мысль. Каждую слезу. Он заставил меня сфокусироваться на одном.

На нем.

Страсть захватила меня, возбуждая еще сильнее. Я позволила себе быть эгоисткой и сфокусироваться только на этом моменте. Не на будущем. Не на прошлом. Ни на чем, кроме

гладкости языка Роана и его твердости между моих ног.

Он наклонил голову, его губы скользнули по моим. Его язык облизал мой в страстном танце, который отдавался в моем лоне.

Мои пальцы зудели, чтобы схватить его волосы, поцарапать его спину. Что-то дикое пробудилось во мне, и я жаждала соединения. Желала борьбы. Я хотела знать, что еще достаточно сильная, несмотря на то, что случилось.

Рука Роана обхватила мое горло, прижав меня к матрасу. Мои глаза распахнулись, когда он перестал целовать меня.

— Скажи это. Скажи, что ты моя.

Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди от интенсивности его взгляда. Я сглотнула, когда его пальцы напряглись. Вместо того, чтобы бояться его, я приняла его. Я охотно отдала себя в его власть. После всего, что он сделал для меня, ему не нужно было подтверждение, это было очевидно.

— Я твоя. Во всех отношениях.

«Я ношу твоего ребенка».

Его ноздри раздулись, и он резко встал с кровати. Тепло, которое осталось от его пальцев на моей шее, искрилось чувственными мучениями.

Серо-белые глаза вперились в мои, когда он сорвал свою рубашку и встал, позволяя мне любоваться его кожей. Серебряная звездочка Клары лежала на впадине его горла и от этого мое сердце сжималось. Я заставила себя отвести взгляд и нахмурила брови, заметив новые шрамы, смешавшиеся со старыми. Серебряные и красные, наряду с фиолетовыми и синими синяками.

Сев прямо, я увидела два больших квадрата бинта, прижатых к его боку.

— Ты ранен. — Я подняла взгляд, безмолвно спрашивая, что случилось. Небольшие капли крови просачивались через повязку.

Он покачал головой.

— Позже. Если захочешь узнать, я расскажу тебе. — Его руки опустились к пряжке ремня, и он тяжело сглотнул. — Но прямо сейчас я собираюсь взять тебя. Мне нужно знать, что ты моя. Поэтому я отдам тебе все, что у меня, черт побери, есть.

Моя киска сжалась от грубой необходимости в его голосе. Я не могла отвести взгляд.

Его живот был рельефный, мышцы танцевали под разрушенной кожей, когда он расстегнул пуговицу и опустил молнию. Он позволил материалу прошелестеть по его ногам, прежде чем сбросил брюки. Он стоял гордый и нагой. Так отличаясь от того себя, когда я впервые увидела его.

Мой рот наполнился слюной от желания облизать каждый его сантиметр. Чтобы попробовать его. Чтобы пить его вечно.

— Сними свой бюстгальтер. — Его голос был мрачным, хриплым, с тяжелым акцентом —

русский диалект, который он так старался скрыть, пробивался в голосе.

Сев, я стянула халат, расстегнула бюстгальтер и позволила чашечкам упасть на кровать.

Глаза Роана опустились на мою грудь, он облизнул губы. Он застонал и обхватил себя. Его член дернулся от его прикосновения, и он погладил свою чувствительную плоть.

— Ты единственная женщина, на которую реагирует мой член. Всю свою жизнь я был одинок. Меня учили ненавидеть секс. Это то, что могло затуманить мой рассудок, уничтожить мою сосредоточенность на их заданиях. Но сейчас я смотрю на тебя, и я рад. Рад, что мой член реагирует только на тебя. Потому что это значит, что я, черт побери, владею тобой, и ты владеешь мной в ответ.

Страсть в его голосе держала меня под его чарами. Мой мозг продолжал напоминать о горе, пытаюсь снова втянуть меня в слезы, но Роан загнал меня в ловушку. Я нуждалась в нем. Отчаянно. Мне нужно было напомнить, как быть собой. Как выживать.

— Ты единственный мужчина, который меня привлекает. Я захотела тебя в тот момент, как увидела. Ты пугал меня, внушал ужас, но под всем этим я видела настоящего тебя. Я видела мужчину, которого могла бы полюбить. Я твоя, Роан.

Его глаза закрылись, все его тело дрожало.

— Черт, назови меня так снова. — Его голос сквозил похотью.

Я не знала, хочет ли он, чтобы я сказала ему, что люблю его, или назвала по имени. Поэтому я сделала и то, и то. Я сказала правду и приняла свое будущее с этим бойцом со шрамами.

— Я люблю тебя, Роан Аверин.

Его глаза распахнулись, и в этот раз я увидела кусочек синего цвета в белых глубинах. Я увидела дикую страсть и незыблемый трепет.

— Ты, черт побери, владеешь мной, Хейзел.

— Я не владею тобой. Я никогда не буду владеть тобой. Ты свободен. Ты боролся со своим прошлым и нашел свой путь ко мне. — Мой голос надломился от слез, но это были слезы гордости и благодарности, что он смог бороться.

— Черт побери, — зарычал Роан. — Ты нужна мне так сильно. — Отпустив свою эрекцию, он бросился вперед. Кровать скрипнула, когда он лег на меня. Поддерживая свой вес на локтях, его губы обрушились на мои, крепко вжимая меня в матрас.

Он приказал мне открыться шире, чтобы принять его грубый поцелуй. Его рот поглощал мой. Каждое скольжение его языка было борьбой и парированием удара. Танцем и поклонением.

Я задрожала, когда он провел рукой по моей груди, распространяя пламя огня. Лаская мое бедро, он раздвинул мои ноги, чтобы погрузиться внутрь.

— Я хочу тебя. Мне нужно быть внутри тебя. — Он поцеловал меня так жестко, что его зубы оставили синяки на моих губах. — Я не могу быть нежным. Мне жаль, я не могу быть...

Мое тело задрожало, когда он ввел в меня два пальца. Увеличивая влажный жар желания, и отдаваясь взрывами ярких фейерверков в моем сердце.

— Все в порядке. Я под...

Его рот снова опустился на мой, проглотив мои слова. Его пальцы вбивались в идеальный ритме, вознося меня выше и выше. Оргазм собирался в моих глазах, в моем сердце, в моей груди, в моем лоне.

От каждого поглаживания его длинных сильных пальцев мою кожу сладко покалывало. Солнце просачивалось через окна, захватывая нас в центр тепла.

— Боже, я хочу быть в тебе. Жестко и глубоко. Я хочу заклеить каждый сантиметр твоего тела, — выдохнул Роан, покусывая мое ухо.

— Сделай это. Возьми меня.

Я хотела его, пока я существовала в этом эгоистичном мире, где ничего не имело значения. Я укрепила защитные барьеры, отгораживаясь от горя, я знала, что нуждаюсь в большем.

Он засмеялся, задыхаясь от голода.

— Боже, ты чертовски убедительная. Я не могу думать здраво. Не могу контролировать себя.

Я захныкала, когда кончик его члена заменил его пальцы, надавливая, слегка скользя.

Повернув голову, я закусила вздымающуюся простынь, стараясь держать руки подальше от него. Я хотела притянуть его глубже, заставить его взять меня быстрее. Лежащая в основе человека потребность сводила меня с ума, так как я знала, что не могу рисковать этим. Он уже так сильно напрягал себя. Каждый мускул вибрировал, его глаза были темными.

Роан завис, дразня меня. Его бедра покачивались, давая мне немного от его эрекции. Он тяжело дышал, потев от напряжения.

— Заставь меня взять тебя, заставь меня трахнуть тебя. — Он немного толкнулся, взрывая мой разум от желания. — Прими меня, Зел, прими всего меня. Позволь мне доказать, что тебе больше не надо бояться.

Я перестала кусать простынь и посмотрела на него. По-настоящему посмотрела на него. Больше никаких барьеров, больше никаких секретов — он позволил мне увидеть, как тяжелы для него были прикосновения, но он в любом случае хотел, чтобы я это делала. Каждая часть его хотела убить меня. Жестокость витала вокруг него, выступая бисеринками пота у него на лбу.

Он страдал, чтобы защитить меня.

Он охотно сражался с болью, чтобы найти спасение, которое, возможно, никогда не придет.

Мое сердце не могло справиться с его мучением.

— Это причиняет тебе боль. — Я покачала головой. — Я не могу, прекрати. Мы попробуем в другой день.

Он зарычал, опустив голову, чтобы укусить меня за шею. Я замерла из-за остроты его зубов.

Он потерял контроль?

Мои пальцы испытывали зуд, чтобы найти мой нож. Я попрощалась с Кларой сегодня и так же сильно, как скучала по ней, я не была готова покидать эту землю.

Понимание того, что я хотела продолжать жить, даже если ее нет рядом со мной, застало меня врасплох. Это выстрелило в меня борьбой и адреналином. Напоминая мне, что другие нуждались во мне.

Роан нуждался во мне.

Его сын нуждался во мне.

Вместо вины я чувствовала покой.

Затем моя спина изогнулась, когда Роан прижался чуть больше, растягивая меня.

— Я не собираюсь двигаться дальше, если ты не заставишь меня. Прикасайся ко мне. — Он поцеловал меня в щеку, успокаивая меня запахом дыма. — Прикасайся ко мне. Пожалуйста. Ты в безопасности. — Его голос был хриплым и напряженным.

Предложение было слишком дразнящим. Я хотела помочь ему сломаться. Я хотела, чтобы он перестал мучиться от боли.

Мои пальцы коснулись его спины, и он зашипел. Каждая мышца в его теле напряглась.

Я опустила руки.

«Ты не можешь сделать это».

Я больше не играла со своей жизнью. У меня была другая. Едва сформировавшаяся и очень очень хрупкая. Я не могла быть безрассудной или эгоистичной.

— Я не могу.

Его глаза расширились, он держался неподвижно надо мной.

— Почему нет?

Мое сердце дернулось, помчавшись к правде. Меня наполнил страх от того, как он отреагирует. Будет ли он все еще хотеть меня? Будет ли он рассматривать его в качестве замены Клары? Я проработала свои проблемы и приняла, что могу любить другого ребенка, при этом не будучи предательницей по отношению к памяти Клары, но Роан не знает. Он понятия не имеет.

— Я не могу позволить тебе убить меня.

— Я не собираюсь тебя убивать. Черт, Зел. Мне нужно, чтобы ты снова подтолкнула меня. Я не стану лучше, если ты не толкнешь меня так, как делала в «Обсидиане».

Я покачала головой.

— Я должна думать еще кое о ком. Я рискую не только своей жизнью, спасая твою.

Он дернулся в вертикальное положение, глядя прямо мне в глаза.

— Говори же! Какого черта ты опять скрываешь от меня? — страшный блеск наполнил его глаза. — Так помоги мне, Хейзел, расскажи мне. Я не выживу, если ты снова будешь держать секреты от меня.

Я сделала глубокий вдох, ища в себе силы против его гнева.

— Я беременна.

Мир замер на долю секунды. Его лицо замерло, в глазах было потрясение. Затем жизнь снова вернулась в него, и он моргнул.

— Что ты только что сказала?

Я сглотнула, ненавидя прилив грусти от радости появления новой жизни, когда я только что попрощалась с девочкой, которой всегда будет принадлежать мое сердце.

— Я ношу твоего ребенка.

Я не была готова к перемене в нем. Дикий голод, что взрывался потребностью, обладал схожей мощью. Его рот обрушился на мой, его язык скользнул глубже. Я понятия не имела, что происходит в его голове.

Его руки отпустили мои бедра, чтобы обхватить мое лицо, держа меня в плену, пока он целовал меня как человек, изголодавшийся по воздуху. Так же быстро, как он начал целовать меня, он отстранился.

— Что? Как? — его глаза осматривали меня, неверие было в их глубинах.

Моя голова кружилась. Мое тело искрилось энергией.

— Я думала, что не могла забеременеть. Я ошибалась.

— Но... о боже мой. Я стану отцом? — любовь сверкала ярче, чем солнце, затем сменилась на тень страха. — Черт, я не... я не могу быть рядом с кем-то таким хрупким. — Он втянул воздух через зубы. — Я-я не знаю, что сказать.

Я не боялась, что он отвергнет идею о своем потомстве или отошлет меня прочь. Уверенность наполнила мою кровь.

— Ты сделал уже такой большой прогресс. У тебя есть девять месяцев, чтобы закончить свое исцеление до того, как он появится на свет.

Он тяжело сглотнул.

— Он? — его глаза опустились на мой живот. — Ты уже знаешь, кто это будет?

Каждая часть меня хотела обнять его. Он выглядел потерянным. Испуганным. Почти злым на меня, что поставила его в такое опасное положение.

Я покачала головой.

— Нет. Но я уверена. Это мальчик. И ты не причинишь ему боль. Я не позволю тебе.

Его бедра дернулись, разрывая то небольшое соединение, что между нами было.

— Но... мне удалось сопротивляться с Кларой, потому что она была такая сильная, такая храбрая. Но новорожденный? — он паниковал, его глаза расширились. — Я не могу. Я не хочу быть ответственным за убийство, — он остановился и стиснул зубы. — Нет. Я буду присматривать за тобой, пока ты будешь вынашивать его, затем я буду держаться на расстоянии. Это единственный способ.

Злость.

Обжигающая, быстрая злость. Я забыла, как это ощущалось, так как это было глубоко погребено под горем. Я приветствовала ее и сделала кое-что, что, вероятно, не должна была.

Схватив его за затылок, я дернула его на себя. Его бицепсы напряглись, он старался держаться. Мои ноги приподнялись, и я обхватила его за бедра, снова найдя его твердость и толкнув его в себя.

Он замер, напряжение гудело в его суставах.

— Стоп. Хейзел. Черт...

— Нет. Я не хочу останавливаться. И я скажу тебе почему. Ты будешь частью этой новой жизни. Ты будешь исцеляться и станешь лучше. Если я должна показать тебе это, то так и будет. — Мои руки опустились с его шеи на его бедра, притягивая его ко мне. Он вырывался, борясь с потребностью между нами.

Он боролся, выглядя диким, но затем борьба покинула его, и он рухнул сверху. Его дыхание гремело в легких, а глаза были плотно закрыты.

— Это слишком сложно. Я не могу игнорировать условный рефлекс.

— Да, ты можешь. И ты сделаешь это.

Мне нужно было, чтобы он взял меня. Все мое тело изнывало от желания. Мне нужно было укрепить нашу связь раз и навсегда.

Нам нужно было оставить синяки, оттрахать друг друга и заклеить. Это была не нежность и построение доверия — это было глубже, чем это. То, что соединяло нас, было более свято, чем женитьба или время, проведенное вместе.

— Возьми меня, Роан. Я доверяю тебе.

Он застонал, громко и протяжно.

— Я не могу, я не хочу причинить тебе боль. Это было ошибкой. — Его тело было в моей власти, создавая образ мужчины, захваченного похотью.

— Да, ты можешь. — Мои руки опустились на его задницу.

Он задрожал в моей хватке, его зубы громко заскрежетали.

— Прекрати.

— Нет. — Я вонзила ногти глубоко в его плоть и сильнее притянула в себя. Это был первый раз, когда я брала его. Первый раз, когда я принимала все, что он предлагал и даже больше.

Его длина скользнула глубже, растягивая мое лоно, вызывая жар и волны желания. Каждый сантиметр был восхитительным. Идеальным.

Его самоконтроль не выдержал, и он запрокинул голову назад.

— О боже мой. Черт побери, ты ощущаешься... — Он не закончил, когда толкнулся глубже, полностью заполняя. Я не могла держать глаза открытыми — слишком ошеломленная восхитительной полнотой, знанием того, что он полностью мой, а я его.

— Видишь. Ты можешь. У тебя есть больше контроля, чем ты думаешь. — Сильнее обернув ноги вокруг его бедер, я поймала его в ловушку. — Я доверяю тебе любить меня. Ты не причинишь мне боль. Дай мне все, что можешь дать, Роан Аверин.

Каждый мускул был в застывшем напряжении, вибрируя от едва сдерживаемой агрессии и приказов, которые мог слышать только он. Он бесконтрольно дрожал.

Вытянув руку к его шее, я схватила его за волосы и дернула к себе.

— Ты можешь сделать это. Борись с этим, — выдохнула я в его губы.

Он покачал головой, вытягивая свои волосы из моей хватки.

— Что, если я причиню тебе боль? Дерьмо, Зел, ты беременна. Могу ли я вообще быть внутри тебя в таком случае? — его ноздри раздулись, когда он пытался выкрутиться из ловушки моих ног.

— Ты никуда не уйдешь. — Схватив еще больше его волос, я заставила его целовать меня. Мой язык вторгся в его рот, и дрожь прошла по его спине.

Прикусив его нижнюю губу, я пробормотала:

— Я прикоснусь к тебе, если ты возьмешь меня. Я поглажу тебя, если ты заставишь меня кончить. Я всегда буду твоей, Роан. Докажи, что ты можешь сохранить меня в безопасности.

Я сознательно довела его до предела. Было захватывающе чувствовать изменения в нем. Призраки прошлого кружились в глубине его глаз. Жестокость прошлого полностью поглотила его. Но в процессе превращения из человека в машину, он прижал свой лоб к моему и закрыл глаза. Он связал себя со мной. Душа к душе.

Борьба ушла, чтобы защитить меня. Его член вошел глубже, и его тело сильнее задрожало. Он толкнулся один раз, стиснув зубы.

— Я не могу быть медленным. Не проси меня замедлиться.

Я кивнула, поглаживая его спину, захваченная ужасом и желанием.

— Возьми меня так, как тебе нужно.

Его тело врезалось в меня дважды, прежде чем он нашел контроль и остановился, дрожа от едва контролируемой сдержанности.

— Я так чертовски напуган. — Его голос дрогнул, и мольба в глазах почти заставила меня отпустить его.

Почти.

— Я доверяю тебе. — Я буду повторять это снова и снова, пока это не просочится в его голову и не освободит его. — Ты не можешь причинить боль ребенку. Возьми меня. Я не буду просить снова.

Он переключился из человека в животное. Он отпустил все.

Его бедра отстранились, прежде чем столкнуться с моими со свирепостью, что отозвалась эхом в моем сердце. Все в нем переменялось до одержимости. Его лицо помрачнело. Губы сжались. Пот бисеринками покрыл лоб.

— Не доверяй мне. Не доверяй мне, черт возьми, — рычал он, погружаясь в меня, каждое поглаживание его члена утверждало его власть надо мной, и я позволила ему это.

Ничего не существовало кроме него внутри меня, и его тяжелого тела надо мной. Я сомкнула ноги сильнее, притягивая его глубже в себя, почти до боли.

Его рот опустился на мою шею, всасывая, кусая. Искры золота и серебра со свистом проносились в моей крови, опьяняя меня — заставляя меня вернуться к жизни.

— Да, возьми меня, — выдохнула я, когда Роан с остервенением врезался в меня. С каждым толчком он терял себя, пока я не перестала понимать, какой человек был рядом со мной. Обсидиан Фокс или Роан Аверин.

Кровать скрипела по полу, постельное белье скользило по всему матрасу, когда он брал все, что я предлагала. Он был прав.

Это не было нежно. Это не было сладко. Это было грязно, грубо и жестко.

Но мне было недостаточно.

Его руки опустились на мои бедра, удерживая меня на месте, пока он увеличивал свой ритм. Его лицо исказилось, пока он не выглядел яростно рассерженным.

Мое сердце больше не билось — оно гудело как колибри, раскрывая власть глубоко внутри меня. Власть над этим мужчиной. Над моей судьбой. Над моей печалью, счастьем и будущим.

Любовь раздувалась как тайфун в груди, увеличиваясь, пока не заполнила все пространство. Я представляла, что любовь защищает новую жизнь внутри меня — распространяется на Роана и исцеляет его. Она продолжала расти, пока в моем теле больше не было места, и она взорвалась внутри меня, осыпая нас обоих эмоциями.

— Боже, я-я не могу остановиться, — Роан попятился, его лицо блестело от пота. — Я причиняю тебе боль. Боже, мне жаль. Так чертовски жаль. — Его глаза были дикими, кожа мертвенно-бледной. — Ребенок. Заставь меня остановиться. Заставь меня, черт побери, остановиться. — Он стиснул зубы, когда особенно жестко вонзился в меня.

Мое тело искрилось энергией, она трещала между нами. Я не могла остановиться. Не когда я была так близко к падению в пропасть освобождения, которого я так отчаянно хотела.

Это было между мной и им.

Жизнью и смертью.

Одержимостью и собственничеством.

Я откинула голову назад.

— Ты не причинишь мне боль. Я доверяю тебе.

— Перестань говорить это! — застонал он, увеличивая свой ритм, пока я не почувствовала, что могу развалиться на две части. — Не доверяй мне. Никогда не доверяй мне.

Гортанный стон вибрировал в его груди, когда первая волна освобождения проделала путь вниз к его члену, массируя меня яростью его грядущего оргазма.

Мое тело сжалось, напряглось. Забирая меня из этой стратосферы и перенося на падающую звезду. На комету, где все были счастливы и идеальны, и где не было печали и трагедии.

Звездочка.

Ее звездочка.

Горе пыталось украсть меня из его объятий, и я закрыла глаза. Фокусируюсь только на его тепле и энергии. Чем сильнее Роан брал меня, тем больше он отстранялся. Наши тела были соединены, но наши души потеряли друг друга.

Мне нужно было найти его снова.

Чтобы закончить то, что мы начали.

— Сильнее, пожалуйста, сильнее. — Я обняла его за плечи, притягивая его к себе. Он застонал, когда все его тело натянулось словно лук, опустившись на мое. Его бедра резко вколачивались, пока я держала его, не отпуская. Наше дыхание смешалось, мы бесконтрольно задыхались.

Каждый толчок был восхитительным, каждое движение отправляло меня выше, принося самый невероятный оргазм в моей жизни.

Я наслаждалась его яростью, абсолютным владением его тела над моим. Полный телесный контакт. Что-то совершенно новое.

Я любила обнимать его.

Я любила быть окутанной им.

Первые покалывания и зарождающаяся дрожь во всем теле балансировали на грани. Я вонзила ногти в его задницу, выгибая спину, встречая его каждый толчок.

Роан закричал, как будто испытал на себе мучения всего мира — потерянный в испорченности, которой он страдал.

— Я-я, черт побери, люблю тебя, — рявкнул он, жестокость окрасила каждую часть его лица.

Это все в чем я нуждалась.

Знание того, что он любит меня, давало мне силу быть храброй перед неизвестным будущим. Давало мне смелость любить кого-то другого, так же как я любила Клару.

Я кончила.

Рассыпалась на кусочки и воспламенилась за одно мгновение. Оргазм был не только в моей вагине, он существовал в каждой клеточке моего тела, в каждом вдохе, в каждой части меня. Одна за одной волны накатывали на меня, словно обрушивающиеся волны прибоя.

— Да, да. Не останавливайся.

— Я никогда не остановлюсь. — Его рот нашел мой, и наши губы вступили в схватку. Он передавал силу, любовь и привязанность прямо в мое сердце.

Я чувствовала себя цельной.

Я даже не осознавала, что скучала по чему-то, пока он не отдал мне то, что у него было.

Я никогда не буду свободна от него. Так же, как и он не будет свободен от меня.

Я закричала, когда сокращения моих мышц сжали его член. Он задрожал и толкнулся жестче.

— Я кончаю. Черт побери, я кончаю.

Роан распался на части.

Его толчки потеряли равномерность, он жестко вбивался, ища удовольствие, ища освобождение.

— Возьми меня. Всего меня. — Его оргазм прокатился по его спине как мощная волна, покрыв дрожью его мышцы. Он изливался глубоко внутри меня, струя за струей.

Мое освобождение продолжалось, усиливаясь, когда наша жизнь смешалась. На одно краткое мгновение я впала в состояние абсолютного счастья.

Постепенно Роан замедлился, переходя к нежным выпадам бедер. Затем он рухнул сверху, его член дергался глубоко внутри. Его дыхание было поверхностным, и сердце в его груди стучало, словно громкие удары барабана.

Он звучал так, будто преодолел серию испытаний, и едва выжил.

— Ты в порядке? — прошептала я.

Он фыркнул.

— И опять ты спрашиваешь меня о моем благополучии, когда я трахнул тебя как зверь. — Он посмотрел на меня несчастными глазами. — Можешь ты простить меня за то, что брал тебя таким образом? Я должен был целовать тебя и заниматься нежной, сладкой любовью, вместо того чтобы навредить тебе как ублюдок, которым я являюсь.

Я положила руку на его щеку. Все его тело трясло, а на лбу были глубокие борозды. Наши сердца так быстро стучали, что кровать дрожала с каждым биением неконтролируемого сумасшедшего ритма.

Не желая толкать его еще дальше, я опустила руку. Он прошел через многое. Он сделал все лучше, чем я даже ожидала.

Мы разделили контакт полностью голых тел, и, хотя он страдал, он ни разу не напугал меня.

— Ты не навредил мне, и ты не ублюдок. Ты заботился обо мне, Роан. Ты защитил меня от борьбы, которая происходит внутри тебя, — я нежно улыбнулась. — И вот почему я доверяю тебе.

— Не имеет значения. У меня все еще нет контроля. Я все еще брал тебя жестче, чем хотел.

Солнце село, и все превратилось в сумерки, отправляя в комнату умиротворяющие тени. Роан скатился с меня и растянулся на спутанной простыне.

Каждая часть меня болела, но это была приятная боль. Боль, которую я приветствовала. Она напоминала мне, что жизнь продолжается. Я, может, и попрощалась с самым значимым человеком в моей жизни, которого я никогда не заменю, но получила больше, чем когда-либо считала возможным.

Я приподнялась на локтях и посмотрела на него. Он лежал голый, рука над головой, его плоский живот пульсировал, пока его сердце успокаивалось.

Пот на моей коже начал холодить, и я скучала по его весу на мне. Я скучала по тому, чтобы быть соединенной.

Печаль снова заполнила меня, и я сжала глаза, пытаюсь остаться в мгновении, где слезы не нашли меня.

Рукой, он ласкал мою щеку.

— Ты в порядке?

Мои глаза открылись и вперились в его.

— Нет. Но думаю, что буду со временем.

Его лицо помрачнело.

— Я так сильно скучаю по ней. Как будто часть меня ушла. Я чувствую вину за то, что хочу этого ребенка, будто предаю ее. Я чувствую вину за то, что живу, когда она умерла. — Он опустил голову, глядя на потолок. — Когда я смирюсь с ее смертью? Когда вина уйдет?

Мои глаза заблестели от слез, и я плюхнулась рядом с ним, так сильно желая оказаться в его объятиях.

— Клара бы не хотела, чтобы мы чувствовали вину насчет жизни. Но потребуется много времени, чтобы двигаться дальше.

Роан сдвинулся, в результате чего его пальцы переплелись с моими. Этого было недостаточно. Я хотела, чтобы он был вокруг меня. Но это все, что у меня было на данный момент.

— Спасибо тебе. За то, что только что случилось. Ты дала мне то, в чем я нуждался, хотя и не знал об этом. — Он нежно улыбнулся. — У меня нет слов. Это невероятно.

Я улыбнулась.

— Помнишь, что я говорила тебе? Секс — это значит наслаждаться друг другом без одежды,

полным контактом тел. Ты проверил это на себе.

Он рассмеялся, затем опасение исказило его лицо.

— Я справился с условным рефлексом в этот раз, но в следующий... не знаю смогу ли. Это было глупо выйти так далеко за пределы. Особенно сейчас, — его глаза опустились на мой живот.

Ужас наполнил его глаза, и я бросилась, чтобы остановить его от закрученной в спираль боли внутри него.

— Не думай о следующем разе. Ты, вероятно, не думал, что можешь достичь того, что случилось, но ты достиг. — Я наклонилась и нежно его поцеловала. — Перестань беспокоиться. Все будет хорошо.

— *Ему больно. Он нуждается в тебе, мамочка.*

Голос Клары захватил мое сердце, и я втянула воздух.

Проходили минуты, когда каждый из нас был в своих мыслях. Единственный звук был от прибора. Я хотела остаться в этом мгновении навсегда — в подвешенном состоянии, где у меня не было больше слез или плана на будущее, которые было полно сожалений.

Роан нахмурился. Разрушая тишину, он сказал:

— Я не хотел делать этого, но похоже, придется. Мне нужно знать, что ты в безопасности. От меня. Мне нужно знать, что я не причиню тебе боль или не поставлю под угрозу жизнь ребенка.

Моя кровь превратилась в лед, когда мрачное решение появилось в его взгляде. Он принял решение, не обсудив со мной.

Дерьмо.

Сев прямо, я огрызнулась:

— О чем ты думаешь? Что бы это ни было, прекрати это.

Мое сердце снова безумно заколотилось, как раньше. Я ненавидела, что не знала, к каким безумным заключениям приходит Роан. «Он не уйдет. Не так ли?»

Ужас подогревал мою кровь от мысли, что он уйдет под предлогом защиты меня и его нерожденного ребенка.

— Роан. Ты не можешь...

Прервав меня, он пробормотал:

— Я убил своего куратора в России. Я разрушил контроль, который был у него надо мной. Больше его голос в моей голове не говорит мне убивать и калечить жизни. Но условный рефлекс слишком глубоко. Я никогда не буду свободен, потому что всю жизнь меня учили подчиняться определенной иерархии. — Он вздохнул. — Ты понимаешь?

Слезы зацепали мои глаза. Я понятия не имела. Я никогда не смогу понять то, с чем он жил.

Роан не ждал моего ответа.

— Я не могу сказать, что никогда снова не буду драться. Я не могу сказать, что всегда буду сильным достаточно, чтобы не искать боль, чтобы помочь справиться с проблемами, но могу сказать, что причиню тебе боль. Это неизбежно. Рано или поздно я не буду достаточно сильным. Ты прикоснешься ко мне, когда я не буду готов. Я наброшусь на тебя и причиню огромный ущерб, а я отказываюсь идти на такой риск.

Мой желудок сжался от страха.

— Что ты говоришь? — не говори, что ты уйдешь. Не смей.

— Всю свою жизнь я был под контролем. Я думал, что могу найти помощь от тебя или Клары... — его глаза затуманились, затем он продолжил: — Но я беру ответственность за свой собственный условный рефлекс и знаю, что должен делать. Теперь ты моя жизнь. Моя женщина и любимая. Я полностью принадлежу тебе. Я не могу подвергать твою жизнь опасности каждую секунду каждого дня. Это несправедливо по отношению к тебе. И я отказываюсь продолжать жить в страхе.

Перекатившись лицом ко мне, он смягчил свой тон, приняв решение, каким бы оно ни было.

— Когда я опущу барьер в своей голове, я буду твоим, ты будешь все контролировать. Это единственный способ, который я смог придумать, чтобы сохранить тебя в безопасности.

Он схватил меня за руку, его голос понизился до еле уловимого шепота.

— Для того чтобы сохранить тебя в безопасности, мне нужно дать тебе силу. Мне нужно знать, что я подчинюсь тебе во всем. Мне нужен владелец, которому я буду подчиняться, если я захочу причинить тебе боль. Если я поставлю тебя в позицию моего куратора, одно слово от тебя, и я остановлюсь. Без вопросов.

Я пыталась вытянуть свою руку, так как ненавидела мысль, что заберу его свободу и буду иметь права на его мысли и решения.

— Нет, я не хочу. — Это было варварски. — Ты не под моим контролем. Ты человек, не мой питомец.

Его пальцы обхватили меня сильнее.

— Ты сделаешь это для меня, *dobuscha*. В любом случае ты всегда будешь для меня *dobuscha* — добыча. Тебе никогда не будет безопасно рядом со мной, и тебе всегда придется быть в состоянии повышенной готовности рядом со мной. Один из нас облагается, и ты будешь платить. Ты сделаешь это.

Он покачал головой, его глаза сверкали яростью.

— Ты хочешь остаться здесь и создать семью со мной?

Я зарычала. Какой коварный вопрос. Конечно, я хотела. Но не ценой его счастья. Слезы злости наполнили мои глаза, так же сильно как я ненавидела это, я не могла спорить с его логикой.

Это несправедливо.

Но это единственный способ.

Я знала это. Я знала, что моего ножа не будет достаточно, чтобы остановить его, если он забудет, кто он, и придет за мной. Я не колеблюсь убью его, если он причинит боль моему сыну. Я смогу в конечном итоге убить человека, которого люблю.

Это был сущий ад.

Когда я не ответила, Роан сказал:

— Нужно выбрать этот путь. Ты знаешь, что это правильно. Пока я не найду другого решения, это лучшее, что я могу предложить. Я отказываюсь жить в страхе, что убью тебя. Я не выживу, если увижу, как еще один человек, которого я люблю, умирает.

Мое сердце снова разбилось за Клару.

За семью Роана.

За его прошлое.

Я вздохнула, когда борьба и силы спорить покинули меня. Я не могла отрицать, что в этом был смысл. И я не могла притвориться, что моя безопасность и безопасность нашего нерожденного ребенка не стоила этой жертвы, чтобы мы остались в живых.

— Только пока мы не найдем другое исцеление.

Он кивнул, улыбнувшись, но улыбка не достигла его глаз. Я втянула воздух сквозь зубы, от установки в его взгляде. Он не верил, что станет нормальным. Отказался надеяться. Он принял, что это был способ, чтобы его жизнь продолжилась — его последний шанс найти какое-то подобие счастья.

Я хотела убить каждого дьявольского ублюдка, что сделали это с ним. Они не только разрушили его жизнь, но и мою, и его ребенка тоже.

Он никогда не будет свободен, всегда будет преследуем призраками.

— Не сдавайся. Обещай, что ты не сдашься. — Сжав его руку, я поклялась: — Я никогда не использую силу над тобой ни на что другое, кроме как защитить себя и нашего будущего ребенка. У тебя есть мое нерушимое слово. Но это временно. Я знаю, что в однажды ты обретешь свободу.

Он наклонился и подарил мне сладкий поцелуй. Удерживая меня, он лизнул мои губы. Его вкус забрал меня из реальности в счастливое место. Он целовал меня, чтобы не лгать мне.

Он не будет продолжать бороться, потому что устал. Он боролся в битве слишком долго.

Я застонала, когда его зубы вонзились в мою нижнюю губу, отправляя в меня еще больше фейерверков. Он был на вкус как свобода и будущее. Я так сильно хотела, чтобы он обрел безоговорочное счастье.

Когда он отстранился, что-то изменилось. Он активировал условный рефлекс. Я не знала, как это работало, но он отдал мне силу над ним. И это чертовски убило его.

Тяжело сглотнув, он сказал:

— Все кончено, ты в безопасности. — Его снежные глаза сверкали смесью ненависти и

удовлетворения. Облегчения и раздражения.

Слезы скопились в моих глазах от мысли о безоговорочной власти над этим мужчиной. Это не было естественно. Это не было гуманно. Но он подчинился мне.

Я чувствовала, как будто он передал поводок, который удерживал его на привязи. Я потеряла кусочек его, даже хотя он так многим пожертвовал.

Клара возненавидела бы это. Она бы узнала, что он сделал. Она бы заставила его найти другой способ.

— Не сдавайся. Он нуждается в тебе. Не грусти.

Держа свое горе на расстоянии, я кивнула, принимая его дар.

— Я люблю тебя.

Он улыбнулся, притягивая меня в свои объятия. Его прикосновение отправило тепло и жжение по моей коже. Каждый раз, когда он прикасался ко мне, казалось, будто он отдавал частичку себя — делился своей энергией со мной.

Это правда.

Он только что отдал мне свою душу.

Поцеловав мою макушку, он прошептал:

— И я люблю тебя. — Сделав глубокий вдох, он рассмеялся, в его голосе было веселье, а не печаль. — Ты владеешь моей душой и сердцем, Хейзел Хантер. Ты, не только моя любимая, но и мой владелец, и я буду ходить по лезвию ради тебя. Я убью за тебя. Отдам свою жизнь за тебя.

Уткнувшись в мою шею, он пробормотал:

— У тебя есть власть над натренированным на высшем уровне Призраком. Какая будет ваша первая команда, госпожа?

Мое сердце сжалось от боли, которую скрывал его голос. Подарок, который он давал мне. Я поклялась тогда, что найду исцеление. Я никогда не остановлюсь, пока не излечу мужчину, который излечил меня.

Игнорируя боль, сжимающую мое сердце, я улыбнулась напротив его губ.

— Поцелуй меня. Займись со мной любовью. Заставь меня с нетерпением ждать нашего будущего.

Он склонил голову, его губы поймали мои.

Его глаза встретились с моими, когда он благоговейно прошептал:

— Есть, мэм.

Эпилог

Роан

Моя жизнь заканчивалась три раза, прежде чем я, наконец, получил сполна.

Я был мальчиком, Призраком и мужчиной, в поисках своего места.

Я ничему не принадлежал.

Мое прошлое было неизменным, но мое будущее было ненаписанным и свободным.

Невидимый, непроницаемый, непобедимый больше не относились ко мне.

Я принял три новые вещи:

Воскрешение.

Освобождение.

Изменение.

Всю свою жизнь я был пешкой. Но больше нет.

Я стал кормильцем, любовником, отцом и другом.

В результате мое горе перешло в новую жизнь, и я получил второй шанс. Я принял свой недостаток и стал жить с ним, а не бороться. Было не так плохо, что женщина, которую я боготворил, управляла мной.

Но затем появился луч надежды. Заветная мечта.

Вскоре я буду в порядке.

Это было исцеление.

Клара умерла в феврале, оставив нас лицом к лицу с жизнью самим по себе. Зел и я провели первый месяц, не делая ничего, кроме исцеления и прогулок по пляжу. Это давало нам время, чтобы вырасти и исправиться, и перерасти в нечто большее в наших нестандартных романтических отношениях.

Март пришел и ушел незамеченным — просто еще четыре недели без Клары.

Апрель принес холод, сигнализируя, что лето закончилось, и пора сказать «прощай» цветочкам, теплу и солнцу. Я вернулся в «Обсидиан», чтобы собрать свои инструменты и оборудование кузнецы. Я хотел снова начать делать статуэтки и скульптуры. Хотел воссоздать восхитительный дух Клары, используя бронзу и медь.

В мае Клу объявила, что они с Беном съехались вместе, и Бен купил дом недалеко от нас в «Нортерн Бичес». Он все еще ходил в «Обсидиан» драться и постоянно предлагал мне избить меня до крови, если я буду нуждаться в своей странной терапии.

Я принимал его предложение раз или дважды.

— Я люблю, когда ты приходишь домой весь потный, — Зел появилась из-за угла гостиной. Она обвила свои маленькие руки вокруг моего тела. — Тебе не жарко бегать во всем черном? — ее глаза нашли мои, сверкая похотью. — Я хочу тебя, Роан. Я наблюдала за тобой на пляже. Я скучала по тебе.

Выпуклость ее беременного живота прижалась к моему прессу, и я страдал от ужасного воспоминания. Оно вырвало меня из безопасности в яму, где выла зима. Рычание волков заполнило мою голову, и я регрессировал.

Это был первый день месяца. День, который был хуже для меня, чем все остальные — день, когда наш условный рефлекс был перезагружен, перепрограммирован.

Я схватил ее за шею, пальцы не подчинились моим командам. Я сжал ее горло с неконтролируемой злостью.

— Не прикасайся ко мне.

Я наблюдал за своими действиями, как будто моя душа освободилась от тела. Я был зрителем, наблюдая, как сворачиваю шею женщине, которую обожал. Безмолвно закричав, я попытался остановиться, но условный рефлекс затащил меня под свою нерушимую сеть.

Глаза Зел наполнились ужасом, и ее пальцы взлетели к волосам.

Я схватил ее за запястье, остановив ее от того, чтобы она дотянулась до своего ножа.

— Не в этот раз, dobuscha. Не в этот раз.

Ее тело крутилось, и она пыталась пнуть и извиваться, но это было бесполезно. Не было ничего, что я мог сделать. Я убью ее и пушу в себя пулю после этого, потому что не был достаточно сильным, чтобы защитить ее.

Затем Хейзел спасла нас обоих.

— Убери свои гребаные руки от меня, агент Фокс. Отойди сейчас же.

Приказ развеял мою туманную дымку, рассеивая вой волков и вечность льда.

Я моргнул.

Приказ забрал весь контроль у меня, и я съезжился. Боль. Мучение. Расплата за неподчинение.

Ненависть наполнила меня, в результате чего, я потерял устойчивость в своих конечностях, и меня занесло в сторону, а мое дыхание стало рваным. Я сделал то, от чего был в ужасе. Я потерял контроль. Если бы я не отдал Зел силу над собой, я бы, черт побери, снова убил свою семью.

Я побежал.

И Штопор подарил мне возмездие.

Это было начало мая. К концу месяца мы погрузились в рутину, и у нас часто появлялась Клу. Они с Зел были по-прежнему близки и впервые в жизни у меня были люди, которые видели

меня, каким я был, и принимали меня. Два раза в неделю мы ужинали все вместе, и Клу продолжала отвлекать Зел от ее грустных мыслей, планированием нелепой вечеринки по случаю рождения ребенка и выбором цветов для детской.

В июне Зел впервые почувствовала, как ребенок пинается. Он сделал то, о чем я так долго мечтал все это время. Это означало, что Клара больше не нуждалась в нас, но новая жизнь нуждалась. Это помогло нам остаться сильными и гарантировало покой. Хейзел не была полностью счастлива, но я все больше и больше ловил ее нежную улыбку или удовлетворенность, смешанную с тяжелым горем. Она проводила много времени в комнате, которую я сделал для нее. Говорила с Кларой, гладила скульптуры лошадей, которые она так сильно любила.

В июле Клу и Бен забрали нас на ужин, чтобы отметить двадцать пятый день рождения Хейзел. Это была первая вечеринка, на которой я был, единственная, которую отмечал когда-либо. Я не мог вспомнить свою собственную дату рождения, поэтому Хейзел позволила мне разделить ее. Мы ели роскошную еду и отправились в круиз по гавани Сиднея. Я подарил Хейзел подарок, когда мы вернулись — еще одну металлическую овцу, которая гордо стояла рядом с овцой Клары. Это был лучший вечер в моей жизни.

В августе мы закончили детскую, и Зел распаковала коробку полную игрушек Клары. Она украсила пространство воспоминаниями о своей дочери, готовая, что новый ребенок будет играть с ними. Хотя я боялся, а вдруг ребенок будет мальчиком. Огромное количество вещей «Моя маленькая пони», которые заполняли полки, могли напугать любого мужчину.

Каждый день, что проходил, исцелял, а также приносил боль. И я часто слышал голос Клары в своей голове. Она стала моей неофициальной совестью. Моим спасательным кругом, когда условный рефлекс становился слишком невыносимым.

В сентябре у Хейзел начались роды. Она выбрала еще одно кесарево, после осложнений с родами Клары, и я с ужасом наблюдал, как она привнесла в мир не одну, а две новые жизни.

Мое сердце разбилось, срослось и затем снова разбилось, когда я подумал, что мы дали еще одну новую жизнь, и Клара как-то нашла способ вернуться к нам. Я не мог достаточно поблагодарить вселенную. Я стал гребаным дураком, пока ходил по коридору больницы в оцепенении и ждал, что медсестра скажет, что с Зел все хорошо.

Это был вихрь страха и радости. Я не хотел смотреть, как Зел сделают разрез и две маленькие жизни появятся на свет, но она заставила меня остаться и держать ее за руку.

Это, по крайней мере, я мог сделать.

И я снова и снова по уши влюблялся в нее. Она была такой чертовски сильной. Такой храброй.

После того как Зел наложили швы и детей очистили и взвесили, приехали Клу и Бен, чтобы поворковать над малышами и отправить воздушные поцелуи малюткам в одеялах. Бен казался более пораженным, чем Клу. Его темная кожа вспыхнула благоговением, а глаза наполнились желанием, когда он посмотрел на свою женщину. Я не сомневался, что у него голове была мысль завести ребенка.

Я не подходил к близнецам. Я не лгал Зел, когда сказал, что окаменел. Я не был достаточно сильным. Я хотел видеть их, касаться, но держался от них подальше, чтобы защитить.

В момент, когда увидел их, я стал одержим. Любовь, которая была у меня к Кларе,

увеличилась, когда мое сердце расширилось для моих детей. Семья, которая никогда не думал, у меня будет.

Я никогда не хотел быть отцом. Я никогда не думал, что это будет в моем будущем. Я не думал, что смогу заботиться о ком-нибудь или узнаю, как любить. Но Клара исцелила меня этим смешным понятием. Она научила меня, какой была моя истинная цель. Она вернула меня назад к жизни, и если бы это зависело только от меня, я бы завел кучу детей.

Я вздохнул, входя в отдельную комнату, где отдыхала Хейзел. Было поздно, и неонатальное крыло больницы затихло.

Кровать Зел освещалась мягким светом. Я остановился рядом с ней, впитывая усталость вокруг ее глаз, ее спутанные волосы, раскиданные по подушке. Она не могла выглядеть более идеально. Она боролась и победила. Она создала две сложные, невероятные маленькие жизни

Ее лоб нахмурился, пока она спала, и я задался вопросом, что происходит за ее маской. Оскар был прав насчет нее. Она была тихой, но было так много того, чего я не знал о ней. Так много того, чем она не делилась. Я не знал, кто отец Клары. Я не знал, как она заработала шрам под глазом.

Я пытался собрать по кусочкам пазл того, какой была ее жизнь до Клары, но понял, что не мог. Она скрывала свое прошлое очень хорошо и сконцентрировала все внимание на будущем.

Я не допытывался, потому что хотел, чтобы она сама рассказала. Но любопытство не покидало меня. Хотя опять же, она не знала достаточно много обо мне. Мы начали эти отношения, пряча, кем на самом деле были, и нашли новые личности друг с другом.

Нашему багажу прошлого не было места. И мне нравилось думать, что ничего из нашего прошлого не имело значения. Если мы будем держать его запечатанным и скрытым, оно в конечном итоге перестанет существовать. Станет просто далеким воспоминанием.

Потянувшись, чтобы коснуться ее бледной щеки, я сглотнул подавляющую любовь.

Ее зеленые глаза открылись. Сначала затуманенные, но в мгновение, когда она узнала меня, ее улыбка засияла любовью. Любовью ко мне. Что я сделал, чтобы заслужить ее?

Она прочистила горло и заерзала, немного поморщившись.

— Ты хочешь поддержать их? — ее голос был хриплым в тихом пространстве, наполненном только низкими звуковыми сигналами от мониторов.

Вспышка страха прошла по моему позвоночнику. Поддержать их. Я не мог. Последние несколько месяцев были мучением. День за днем условный рефлекс становился сильнее вместо того, чтобы уменьшаться.

Я надеялся, что чем больше я игнорировал это, оно исчезнет, но было совсем наоборот — это разрывало меня изнутри.

— Нет, я могу любить их на расстоянии. — Я опустил руку, чтобы коснуться ее пальцев, немного напрягаясь, когда ее пальчики крепко переплелись с моими. Знакомые, неуловимые приказы, излучаемые моей рукой, подавали команды причинить ей боль.

— Они твои, Роан. Ты должен держать их. Им нужно видеть своего отца.

Я тяжело сглотнул, посмотрев на близнецов. Малыши были едва видны, закутанные в одеяла. Их не было бы, если бы я не отдал Зел роль моего куратора.

Не проходило и дня, чтобы я не думал о своем чертовски гениальном плане, отдать ей власть надо мной

Если бы я этого не сделал, она бы умерла.

После инцидента в мае у меня было еще два эпизода. Еще два раза, когда она должна была перестать быть равной мне и утвердить свою власть надо мной. Я рассказал ей, как говорить это, какой тон использовать.

— Убери свои гребаные руки от меня, агент Фокс. Отойди немедленно. — Она плакала каждый раз, когда должна была кричать это, но, по крайней мере, оставалась жива. Я не возмущался ее властью надо мной. Это был единственный способ любить ее и не связывать себя двадцать четыре часа семь дней в неделю. Спать в наручниках было достаточно плохо.

— Может, когда они станут старше, *dobrycha*. Не заставляй меня. Не сегодня.

Ее глаза вспыхнули и сила, которую я любил в ней, наполнила ее тело.

— Сегодня, Роан. Это важно.

Я хотел закричать на нее, не давить на меня. Это был единственный момент, где я не хотел ее помощи. Мне нужно было время. Время, чтобы мыслить ясно и молиться Господу, чтобы у меня был контроль. Я глупо надеялся, что смогу дожидаться, когда близнецы начнут говорить и научить их приказывать мне остановиться.

Единственный способ моей семье находиться в безопасности рядом со мной — это стать моими кураторами.

Я гребаный ротвейлер на поводке.

— Нет, — рявкнул я на нее. — Оставь меня в покое. Позволь мне обеспечить им безопасность единственным способом, который я знаю.

Она стиснула челюсть.

Я наклонился вперед, вторгаясь в ее пространство.

— Подумай на мгновение. Ты хочешь, чтобы я держал два невинных, очень крошечных существа. Ты хочешь, чтобы я прикасался к новой жизни, едва сдерживая насилие прошлого, — я провел рукой по своим отросшим волосам. — Ты должна понимать и не просить чудес, Зел. Каждую ночь ты толкаешь меня, чтобы прижаться. Чтобы увидеть есть ли у меня сила спать с тобой в моих руках.

Я наклонился ближе, тяжело дыша.

— Скажи мне, что происходит. Скажи мне, насколько я успешен, держа тебя нежно и сладко.

Ее взгляд скользнул от моего, смесь печали и злости.

— Мне не нужно говорить тебе, что происходит. Мы оба знаем, что тебе становится хуже. Но...

— Она сорвала покрывало, ее брови сведены вместе. Наконец она снова посмотрела в мои

глаза. — Если станет хуже, ты не думаешь, что должен поддержать их сейчас? В случае, если не сможешь совсем?

Я ненавижу, что отдавал ей полужизнь. Полумужчина, который может трахать ее, но не может заниматься любовью. Мужчина, который не хочет ничего больше, чем дать ей все, в то время как мое прошлое пытается украсть ее будущее. Каждый день я боялся, что она станет ненавидеть меня за мои недостатки.

Я покачал головой.

— Нет.

Зел сжала одеяло.

— Не бойся. Ты можешь сделать это. — Она разыгрывала карту, которая всегда заставляла меня подчиняться ее воле. — Я доверяю тебе.

Это было афродизиак для меня. Получить ее доверие. Сделать что-то, чтобы оправдать его.

— Твое предназначение убить меня, не так ли? — я застонал, проведя рукой по лицу. Она выиграла и знала это.

Она нежно улыбнулась, ее красивые губы отвлекали меня.

— Не убить тебя, а заставить тебя жить.

— Ладно, — отрезал я. — Но приготовься остановить меня, если я не смогу контролировать себя. Я не могу справиться с мыслью, что причиню им боль.

Она кивнула.

— У тебя есть мое слово. Я буду наблюдать за тобой как гиперпекающая мать.

Очень медленно я подходил к двум маленьким кроваткам. Я посмотрел на два крошечных как изюм лица. Одно в розовой шапочке. Другое в голубой.

Такие крошечные. Такие маленькие.

Василий и Вера.

Имена моей матери и брата. Я спросил Зел, хочет она назвать нашу дочь Клара, но ее лицо напряглось, и слезы заблестели в глазах. Она сказала, что Клара была уникальной, и никто не сможет жить с ее именем.

Но затем в ее взгляд вернулась жизнь, и она предложила мне целый мир. Она предложила назвать их именами моей потерянной семьи, мне пришлось выйти из комнаты и спрятать свои внезапные обжигающие слезы. Я превратился в гребаного хлюпика. Я хотел купить ей каждое гребаное украшение на планете, чтобы показать, как много этот жест значит для меня. Я все еще не рассказал ей о своей родословной, или что близнецы теперь двадцать пятые в линии, закатившейся королевской семьи, которая никогда не будет признана снова.

Зел села выше на кровати, наблюдая за мной.

— Возьми их. Они твои, Роан.

Она могла бы обмануть меня. Обе головки черноволосые, никакого проблеска рыжего. У Веры были яркие зеленые глаза, как у матери, в то время как у Василия цвета голубого льда, как у его тезки. Небольшой кусочек меня, завернутый в так много от Хейзел.

Я задавался вопросом, выглядела ли Клара такой крошечной, когда родилась.

Мое сердце закололо от мысли о маленькой девочке, по которой скучала каждая часть меня.

— Роан.

Мои глаза взметнулись к Зел, мое сердце стучало как у сумасшедшего животного.

Она села выше в кровати, ее лицо было напряжено от родов и того, что я собирался сделать.

— Ты не причинишь им боль. Поверь в себя.

Но я причиню им боль.

Я был слишком большим, слишком непредсказуемым. Некоторые дни я был в порядке, в состоянии сдерживать себя. В другие был гребаной угрозой и проводил день, бегая по пляжу или прячась в душе с лезвием бритвы.

Я любил мой идеальный мир, но был измотан попытками быть таким же идеальным. Как бы я ни старался, я не соответствовал ему.

— Агент, Фокс, сейчас ты возьмешь на руки своего сына, — приказала Хейзел голосом, который она знала не оставит мне выбора.

«Подчинись. Подчинись. Подчинись».

— Черт побери, Хейзел, — рявкнул я, на краткое мгновение, ненавидя ее за то, что использует свою власть надо мной. — Ты нарушаешь свою клятву, *dobuscha*. Мне не нравится делать что-то, что в конечном итоге может уничтожить меня.

Ее плечи опустились, но глаза вспыхнули зеленым огнем.

— Я делаю это ради твоего собственного блага.

Мои конечности больше не принадлежали мне, чтобы контролировать их. Им был отдан приказ, и у меня не было выбора, кроме как двинуться вперед и подчиниться. К черту ее. К черту меня. К черту все.

Я повел плечами, пытаюсь развеять свой гнев. Я любил ее желание помочь, но был взбешен.

Как посмела она нарушить свое обещание? Как посмела заставить меня сделать это?

Вот почему я не хотел еще одного владельца. Сила воли никогда не была моей собственной. Это было отстойно не иметь выбора над своей собственной гребаной судьбой.

Я стоял, дрожа. Нависая над кроватками.

«Подчинись. Подчинись. Подчинись».

Я не мог.

Мои мышцы болели от неповиновения, но они были такими крошечными. Такими уязвимыми.

Зел тяжело вздохнула. Постельное белье зашуршало, когда она переместилась.

— Я забираю приказ назад, Роан. Агент Фокс, вам больше не нужно подчиняться.

Освобождение моего тела было мгновенным. Подкрадывающееся желание схватить моих младенцев ушло в порыве облегчение.

Я втянул воздух через зубы.

— Спасибо тебе.

— Извини. Это нечестно с моей стороны. Но Роан. Подержи своего сына. В конечном итоге ты должен сделать это. Он не может расти с отцом, который не прикасается к нему. — Она многозначительно посмотрела на спящего мальчика. — Ты единственный обязан сделать это. Поэтому действуй.

Я не хотел делать ничего из этого. Я хотел вернуть близнецов обратно Зел, где они были бы в безопасности всегда.

— Черт побери, — пробормотал я.

— Мне это знакомо, — огрызнулась она. — Следи за тем, что говоришь рядом с ними. Ты не хочешь, чтобы их первым словом было ругательство. И также следи за своими эмоциями рядом с ними. Ты не хочешь, чтобы они впитывали твой гнев или разочарование.

Я развернулся к ней лицом.

— Тогда почему, черт побери, ты хочешь, чтобы я поднял его! Разве мне безопасно здесь? — я направился на другую сторону комнаты, тяжело дыша. Я ненавидел то, как мои мышцы хотели подчиниться и поднять хрупкий сверток с ребенком, но во мне не было этого. У меня не было силы.

Я убью его.

Я буду ответственен за еще одну смерть. Еще одного убийство жизни, которую зовут Василий. Я не мог. Черт побери. Сделать это.

Зел фыркнула, выглядя как королева в своей голубой ночной рубашке.

— Не заставляй меня снова тебе приказывать. Не думай, что я не сделаю это. Ты знаешь, что у тебя не будет выбора, и ты должен сделать свой собственный выбор сейчас, Роан. — Лицо Зел смягчилось. — Я доверяю тебе, в противном случае я бы не сказала это тебе. Как бы сильно не любила тебя, я бы не позволила тебе быть рядом с Василием и Верой, если бы думала, что ты причинишь им боль.

Мое сердце увеличилось, и я почти упал на свои гребаные колени. Я никогда не устану слушать, что она любит меня. Она — эта идеальная женщина, которая мирится с моей гребаной ерундой. Я также любил то, как она называла их имена. Это было, как воскресить семью, которую я едва помнил.

Ох, черт. Она была права.

Я должен сделать это. Я должен столкнуться лицом к лицу со своим страхом и победить его.

Стиснув челюсть, я подошел обратно и склонился над крошечными новорожденными.

С сердцем, застрявшим в горле, я обхватил трясущимися руками толстое синее одеяло и поднял самого легкого в своей жизни человека.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Условный рефлекс проносился через меня с разрушительной силой.

Нет!

Мои мышцы напряглись и одеревенели, когда я стоял, дрожа и боясь. Моя челюсть болела, борясь с условным рефлексом, заставляя меня сдерживаться.

Он был такой легкий и крошечный. Такой хрупкий. Это было очень опасно для меня быть рядом с ним.

Отодвинув его подальше от себя, я посмотрел в его искаженное, откровенно говоря, уродливое, маленькое личико. Из-за синей шапочки он был похож на сморщенного старика.

Ты мой.

Он мой.

Связь с ним, что взорвалась в моем сердце, почти оттеснила условный рефлекс.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

— Прижми его поближе к себе, — Зел тихо рассмеялась. — Он чувствует себя незащищенным на расстоянии вытянутой руки.

Что эта женщина пыталась сделать со мной? Черт, это было трудно. Повернувшись к ней лицом, я приказал:

— Забери его. Я не могу сделать то.

Она сжала губы.

— Ты держишь его. Ты можешь сделать это.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Я яростно качал головой.

— Нет. Не могу. Оно возвращается. Становится хуже. Я не... я не могу

Зел не сказала ни слова, но ее глаза отдали мне последний приказ.

«Обними его».

Как, черт побери, такая машина как я могла обнимать младенца? Проклиная свое прошлое и все в своей голове, я медленно притянул Василия к своему телу и прижал его к сгибу своей руки.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

В секунду, когда его невесомое тельце и тепло от него коснулось моего тела, мой мир рухнул.

Волки завывали.

Пистолет выстрелил.

Мечи столкнулись.

Вихрь поглотил меня, разрывая в клочья, разрывая мой мозг на части. Я падал ниже и ниже в темные уголки своего разума, перемещаясь из больничной палаты в последнее чистое воспоминание моего детства.

— Не уходи далеко, Роан. Скоро ужин и твой отец будет дома. — Я улыбнулся своей идеальной матери. Потянувшись, чтобы коснуться ее рыжего локона, я кивнул. — Обещаю.

Я нарушил гребаное обещание и принес апокалипсис в свою семью.

Деревья заскрипели.

Луна засияла серебром.

Я сжал свои зубы до боли, чертовски борясь с условным рефлексом.

«Убей. Разорви. Заставь истекать кровью. Уничтожь».

Я никогда не буду свободен. Я должен умереть. Я должен убить себя.

— Роан! Роан!

Свободной рукой, я вцепился в свою голову, когда звук колоколов отдавался эхом в моих ушах.

Громче и громче.

Колокола и бой часов, и звуки трубы.

Каждое промывание мозгов, все препятствия и цепи начали распутываться.

Быстрее и быстрее, замок за замком.

Каждая частичка моего прошлого и мучений перестали существовать. Каждый переключатель и приказ, что делали меня послушной машиной, распались.

Ветер засвистел.

Лед заколол.

Свобода падала как дождь.

Каждый хомут и запрограммированные приказы выскальзывали из моей головы, падая у моих ног со звуком звякающего железа. Стоя на месте, едва дыша, в случае, если это просто сон, я ворвался в жизнь, когда все запятнанное и испорченное в моем уме вспыхнуло огнем и затем превратилось в пепел.

Солнце сияло.

Бабочки порхали.

Смех наполнил мои глаза.

Мой мир вращался и вращался. Выбрасывая меня из моего старого существования и оставляя без крова и плыть по течению.

Затем начался новый мир. Мир, о котором я никогда не надеялся мечтать. Мир, где мои мысли были моими собственными, и никто не мог лишить меня их.

Вихрь, который украл меня из больницы в прошлое, выбросил меня назад в реальность. Но она не была такой же, как прежде. Это не было тем же самым пространством или той же самой галактикой.

Мое прошлое ушло навсегда.

Мое будущее было чертовски ярким и ясным.

Птицы защебетали.

Любовь расцвела.

Блаженное счастье наполнило мое сердце.

Я открыл глаза.

Зел почти встала с постели, держась за живот, где были свежие швы. От паники ее лоб покрылся потом, а глаза были расширены от ужаса.

— Нет! Прекрати! Не причиняй ему боль!

Я бросился поймать ее, прежде чем она потеряла сознание и упала лицом об пол.

— Зел, нет!

Держа своего сына одной рукой, я подтолкнул женщину, на которой собирался жениться, на кровать и накрыл ее дрожащее тело простыней. Ее лицо было мертвенно-бледным от стресса.

Мое сердце не знало такой любви. Я никогда не верил, что могу быть так чертовски счастлив.

Я стоял в оцепенении, впитывая, как сильно люблю ее. Как много она дала мне.

Она выхватила Василия из моих рук, прижав его ближе. Слезы заполнили ее глаза.

— Черт побери, Роан. Ты почти довел меня до сердечного приступа. — Она полностью обхватила Василия, он начал плакать от ее сильной хватки.

Его вопли были музыкой для моих ушей, потому что не было ничего другого. Никаких приказов, никакого условного рефлекса.

Все, что было, это резкие вопли моего сына и рваное дыхание женщины, которую я обожал.

Я, черт побери, хотел смеяться.

Слезы катились по ее щекам.

— Какого черта ты делаешь? Боже мой. Я никогда не смогу доверять тебе? Ты никогда не будешь свободен? — ее тело тряслось от шока. — Как мы будем растить их вместе, если ты никогда не сможешь быть с ними? На что надеяться? Что...

Было несправедливо, что она была так растеряна, а я был на седьмом небе от счастья.

Схватив ее за подбородок, я дернул ее лицо к себе и поцеловал. Я целовал ее так, как всегда хотел. Всей своей душой.

Мне больше не нужно было бороться. Мне больше не нужно было следить за своими мыслями или оберегать ее от своих прикосновений.

Это был гребаный рай.

Двадцать восемь лет, и я наконец-то нашел то, чего всегда хотел.

Счастье.

Ее губы замерли под моими. Я пробовал соленый вкус ее слез и печали на моем языке. Отстранившись, я пробормотал:

— Не плачь.

Ее глаза расширились, когда она раскачивалась и кричала:

— Не плакать? Если я не буду плакать из-за того, что мужчина, которого я люблю, не может быть рядом со своим ребенком, тогда из-за чего мне плакать? Это безнадежно. Все кончено.

Мой желудок скрутило от отчаяния в ее голосе.

— Я больше не могу делать это. Я больше не могу жить в страхе, что ты перевернешь вверх дном детскую или отнимешь жизни наших детей. Я хочу, чтобы ты ушел...

Кинжал прошел прямо через мое сердце. Не было никакого условного рефлекс, чтобы пробираться через туман гнева. Все влияло на меня в сто раз сильнее. Тысячу раз глубже.

Казалось, как будто открыть себя на совершенно новый уровень существования, где солнце сжигало мою кожу, а слезы растворяли мою волю, печаль Зел разрывала мое сердце на клочья.

— Нет. Все кончено, doбуcha. Все кончено.

Она шмыгнула носом, опустив свои глаза.

— Я знаю, что кончено. Так и должно быть. — Рыдание сорвалось с ее губ.

Кое-что необычное случилось. Кое-что, о чем я не думал, что возможно. И вместо того, чтобы радоваться, она пыталась вычеркнуть меня из своей жизни.

Я не позволю тебе уйти. Никогда.

Отдернув одну ее руку от плеч Василия, я потянул ее на себя.

Ее губы приоткрылись. Она боролась со мной.

— Отпусти меня. Хватит. — Ее глаза сощурились. — Убери свои руки от меня, агент Фокс.

Я замер, напрягаясь, чтобы встретить волну условного рефлекса, которому привык подчиняться всю жизнь.

Ничего.

Божественное ничего.

Блаженное, черт побери, ничего.

Никакого натиска приказов.

Никакой изнуряющей потребности убивать.

Я улыбнулся и расцепил ее напряженные пальцы.

— Ты говорила, что доверяешь мне. Доверься мне последний раз. — Мой голос даже звучал по-другому. Менее грубый, менее связанный с прошлым, от которого я всегда бежал.

Зел застыла, затем позволила своей руке перемещаться. Она не отводила своего взгляда от меня, когда положила свою руку на мой лоб.

Я поднял голову, утопая в ее изумрудном взгляде.

— Что ты видишь?

Она покачала головой.

— Я не понимаю. Что ты пытаешься сделать?

Я убрал ее руку и положил на свою грудь, прямо над моим сердцем. Ее тело напряглось, чувствуя, как сердце бьется под ее кончиками пальцев. Ее страх окружил меня, но медленно крупницы надежды заполнили ее глаза.

— Что ты чувствуешь? — пробормотал я.

Она ахнула, подергивая пальцами у моей груди. Ее прикосновение отправляло бумеранг живости и тепла через мое тело. Помечая меня. Делая меня своим. Навсегда своим.

— Ты другой. — Наклонив голову, она сощурила глаза. — Что случилось? Что изменилось? Я не понимаю.

Я рассмеялся, чувствуя легкость.

Направив ее руку к своей груди, я вздрогнул, когда ее нежное прикосновение поднялось к моей груди, и она коснулась звезды Клары на моей шее. Ее лицо исказилось от горя, прежде чем я поднес ее пальцы выше и выше, пока вся ладонь не обхватила мою щеку со шрамом.

Я никогда не позволял ей прикасаться к моему шраму.

Я ненавижу это.

Это активировало мой условный рефлекс.

Это очень долго управляло моей жизнью.

Убрав свои пальцы от ее, я прошептал.

— Что ты чувствуешь?

Надежда, которую она взращивала в себе, взорвалась во всем ее теле. Василий перестал плакать, и сияющая улыбка осветила ее заплаканное лицо.

— Все ушло?

Мое сердце увеличивалось, пока я не мог дышать. Мои ноги дрожали в абсолютной благодарности.

— О боже, Роан... это правда?

Дрожь захватила меня в плен, отправив мурашки и каждую эмоцию, что была заглушена, по моей коже. Любовь увеличивалась в моем сердце. Я кивнул.

— Ушло. Все до последней капли.

Ее руки вцепились в мои щеки сильнее, опустившись, чтобы обхватить мой подбородок.

— Ты уверен? — в ее глазах танцевала надежда и нерешительность.

Я хотел кричать. Танцевать. Я не мог просто стоять с радостью, которая бурлила в моем желудке.

— Абсолютно. Все плохое внутри. Каждая испорченная потребность убивать. Каждая сводящая с ума команда. Все исчезло.

Из мертвенно-бледного ее лицо засияло. Свежие слезы заполнили ее глаза, но в этот раз она светилась от счастья.

— Ты свободен?

Я рассмеялся, сделав шаг назад.

Каждое движение было легче.

Мое видение было ярче.

— Я свободен.

— Я нормальный.

Я отец.

Мои глаза широко открылись, и я развернулся. Я был отцом и был свободен. Никогда не думал, что могу получить так много всего.

Быстро подойдя к кровати, я взял Веру в ее симпатичном розовом колпачке. Ее глаза были открыты, вперившись в мои.

Зеленые в белые. Я был безумно влюблен.

Мое сердце увеличилось, чтобы заключить маленькую девочку, которую я потерял. Маленькую девочку, которую получил. И сына, и женщину, которым принадлежал.

— Привет, Вера, — прошептал я.

Маленькая девочка зевнула, ее губки растянулись шире. Она извивалась в своем одеяле. Прямо сейчас я знал, что все будет в порядке.

Я притянул ее к своим губам и прижался поцелуем к ее лобику.

Она была моей.

Она была моим новым шансом.

Мое будущее было ярким и безопасным.

Василий снял мое проклятье.

Шесть недель спустя, когда Зел окрепла достаточно, чтобы вернуться домой, а близнецы были в своей детской, я планировал вечер только для нас двоих.

Пока Зел была наверху, целуя близнецов на ночь и рассказывая им истории об их старшей сестре, которую они никогда не встретят, я украшал гостиную огромным количеством свечей. Я заказал банкет закусок и вкусных блюд и положил огромные овечьи шкуры на пол рядом с пылающим огнем в камине.

Сегодня я займусь любовью со своей женщиной.

В первый раз.

Каждый раз, когда я думал о том, как изменилась моя жизнь, я останавливался и терял себя в воспоминаниях. Это ощущалось так, будто всю свою жизнь, я жил в тени. Слушая разговоры под водой, передвигаясь по длинному туннелю без света впереди. С того момента, как мой условный рефлекс был разрушен, я не переставал прикасаться.

Я едва выпускал близнецов с рук.

Зел не могла пройти мимо меня без того, чтобы провести руками по моей спине или кончиками пальцев по моим волосам. У нас не было секса с рождения близнецов, но между нами никогда не было такой интимности. Наши сердца бились в унисон.

Я никогда не был так чертовски счастлив.

Сегодня я планировал соблазнить женщину впервые в своей жизни. Я никогда не покупал свечи и не выбирал романтическую музыку. Я никогда не заказывал еду на основе качества афродизиака.

Василий и Вера подарили мне новый мир, чтобы исследовать и наслаждаться, и я не хотел терять и секунды.

Мое сердце забилося быстрее от мысли взять Зел. Обождать ее всем, чем я могу. Хотел знать, каково это обнимать ее или держать крепко без того дерьма, что жило во мне.

Не будет прошлого или Призрака, или ужаса.

Будет только любовь и похоть, и голод.

— Ничего себе, ты был занят, — голос Зел прозвучал позади меня.

Я повернулся к ней лицом, ощущая, что никогда не смогу свыкнуться с мыслью, насколько моя любовь вызывает сладостное чувство трепета.

— Дерьмо, я хотел закончить все прежде, чем ты спустишься.

Я все еще не расставил еду как хотел. И статуя, которую я сделал, не была покрыта. Черт.

Я попытался спрятать это, но Зел ахнула.

— О боже мой. Ты сделал это? — она двинулась вперед, осматривая полуметровую статую, которую я делал в течение нескольких ночей. Условный рефлекс, может, и был разрушен, но я все еще боролся с тем, чтобы спать в темноте.

После всей жизни сна в течение дня — эти паттерны не изменились в одночасье.

— Тебе нравится? — нервозность покалывала мой позвоночник.

Ее глаза опустились на меня, полные благоговения.

— Нравится ли мне? Как ты можешь спрашивать у меня это? Я люблю это. Я больше чем люблю это. Роан... это идеально.

Мое сердце болело, когда она поглаживала бронзовое творение дрожащими кончиками пальцев.

Я поддался тому, в кого превратился, но сделал это совершенно добровольно. У меня был выбор. Я принял охотника внутри себя, когда преследовал женщину, с которой проведу остаток жизни.

Я сделал это для нее. Для нашей пары. Наше начало и наше будущее. Я хотел, чтобы она увидела, как сильно я забочусь о ней. Насколько я принадлежу ей, и насколько она моя. Полностью моя. Черт побери, навсегда.

Дизайн статуи не обладал четкими границами, он был более этническим, чем просто ярко очерченные формы. Мужские и женские линии тела были выполнены в виде вздымающихся пенных волн, в которых проглядывались образы лошадей. В общей сложности их было пять, с выгравированными на них именами по-русски.

Клара. Роан. Хейзел. Василий и Вера.

Пять точек, что представляли собой неземное счастье. Среди разбивающихся волн, представленных в образе лошадиных ног, несущихся во весь опор, было множество звезд —

миллион сверкающих звезд, инкрустированных серебром.

Звезды для Клары.

Зел всхлипнула, повернувшись ко мне лицом.

— Ты не мог сделать ничего более идеального. — Ее руки опустились на мою грудь.

Я дрожал от удовольствия, все еще удивляясь, как сильно ее прикосновения находят отклик в каждой клеточке моего тела.

Ее глаза осветило беспокойство.

— Ты в порядке? — она сглотнула, ее взгляд прошелся по мне. — Ты же не регрессировал верно?

Страх от этой мысли облил всю мою похоть ледяной волной. Я надеялся, что это, черт побери, никогда не случится. Я не мог переварить мысль, чтобы снова жить с условным рефлексом.

Я практически пережил трансплантацию мозга. Я никогда не смогу вернуться назад.

Покачивая головой, я опустил свой рот на ее. Она целовала меня нежно, невинно, все еще слегка напуганная.

Отстранившись, я прошептал:

— Нет. Я задрожал, потому что никогда не привыкну к тому, как ты касаешься меня. Это делает меня живым. Это заставляет меня хотеть тебя так чертовски сильно.

Ее щеки покраснели.

Я поцеловал ее, потянув ее нижнюю губу.

— Прикоснись ко мне снова.

Зел подчинилась. Ее руки поднялись и легли на нижнюю часть моей рубашки. Медленно, она растянула ее. Комната наполнилась пульсирующим напряжением, потрескивающим между нами. Я не мог оторвать взгляда от нее и застонал, когда она развела материал в стороны и положила руки на мою грудь.

Мой член увеличился.

Мое видение вспыхнуло яркими огнями.

— Черт побери, Зел, у тебя есть власть поставить меня на колени.

Ее губы приоткрылись, а прикосновения стали решительнее, обдавая меня огнем. Каждый кончик пальца был гребаным раем. Возбуждающим и нежным, страстным и ласковым. Она могла погубить меня одним простым прикосновением.

Я задержал дыхание, когда она сорвала белую рубашку с моих плеч. Мое сердце ускорилося.

— Я был тем, кто хотел соблазнить тебя. Но снова контроль у тебя.

Изумрудные глаза посмотрели на меня и я, черт побери, тонул в любви к ней.

— Мне не нужно, чтобы ты соблазнял меня.

Я покачал головой.

— Я хотел напомнить тебе, что ты принадлежишь мне. Что у тебя могут быть две маленькие жизни, за которыми надо ухаживать, но я все еще владею тобой, так же как ты владеешь мной.

Она прикусила губу, когда поток эмоций отразился на ее лице. Ее пальцы обхватили ожерелье в форме звезды на ее шее. Мы носили эти ожерелья, чтобы почтить память о Кларе. Каждый раз, когда что-то становилось чересчур для нее, она трогала серебро и находила успокоение. Я всегда знал, когда она позволяла печали завладеть ею — свет в ней тускнел, — как будто бы она оставляла часть себя в этом мире, чтобы пойти поговорить с дочерью, которая больше не существовала в телесной форме.

Мое сердце заныло, напоминая о маленькой девочке, которая была бы самой лучшей в мире старшей сестрой. Я никогда не перестану думать о Кларе и о том, что она сделала для меня, но сегодня был вечер не для горя. Сегодня был вечер для празднования.

— Тебе не нужно напоминать мне. Я знаю, что я твоя. Так же как Клара была. Так же как Василий и Вера твои. Ты заслужил всех нас, Роан. Ты сделал меня цельной.

Я не мог ничего поделаться, схватил ее за заднюю часть шеи и обрушил свои губы на ее. Ее вкус ворвался в мой рот, и что-то в ней надломилось, удовлетворяя быстрорастущую потребность во мне.

Схватив створки ее вишневого халата, я потянул за пояс. Ранее я наблюдал, как она принимает ванную, и не мог выбросить из головы вид ее покрытых пузырьками пены груди. Для меня она выглядела как вкуснейший десерт.

— Я хочу тебя, *dobucha*.

— Я не твоя добыча.

Я наклонил голову и укусил ее в шею.

— Нет? Кто ты тогда?

Она задрожала, когда я нежно лизнул ее и провел носом по ее подбородку. Вдохнув ее запах ландыша и мыла, я немного отстранился.

Ее веки задрожали закрытыми, она качнулась на меня, когда я сдернул халат с ее плеч и обхватил ее грудь.

— Кто ты, Хейзел?

Мой член пульсировал и изнывал от желания вонзиться в нее, но я хотел действовать медленно. Хотел наслаждаться каждой частью.

Она опустила свои глаза. Я поднял ее подбородок. Ее губ коснулась улыбка, делая их более пухлыми и заманчивыми.

— Поцелуй меня, — приказал я.

Ее взгляд отяжелел. Она качнулась вперед на цыпочках, прижав свои нежные губы к моим.

Держа ее подбородок, я заставил ее открыть рот, скользнув в него своим языком. Она застонала, ее пальцы дергались возле моей груди. Я любил ее прикосновения. Я любил то, что она могла прикоснуться ко мне. Любил то, что у меня не было сильного желания толкнуть ее на пол и обрушиться на нее.

Я не мог просить ее о лучшем подарке.

— Я люблю тебя, — прошептал я у ее губ.

Ее руки внезапно обвилились вокруг меня, прижимаясь ко мне сильнее. Ее изгибы к контурам моего тела. Ее пламя к моему динамиту.

Исчезла необходимость растягивать ночь. Я не мог думать о том, чтобы есть напротив нее и пытаться игнорировать притяжение.

Комната гудела от потребности. В моей голове стучал дикий голод оказаться внутри нее. Мой самоконтроль истек.

Обняв ее, я двинулся назад, увлекая ее за собой.

— Я собираюсь поклоняться тебе, Хейзел.

Она дрожала в моих руках, ее гладкий влажный язык сплелся в танце с моим.

Когда мои босые ноги погрузились в пушистую овчину на полу, я опустил нас, пока не сидел прямо, а она не оседлала мои колени.

Я застонал, когда ее руки опустились от моей груди к пряжке ремня. Я больше не носил черное. У меня больше не было стремления одеваться в цвета, которые предлагали мне какую-то форму безопасности. Я одевался в цвета, которые привлекали меня. Выбирал рисунки и модели.

Хотя я все еще не носил нижнее белье и ахнул, когда рука Зел обхватила мой член.

Она провела ладонью по моему члену, и мой желудок сжался. Огонь взорвался в моих яйцах. Я потерял все мысли и контроль. Я боролся изо всех сил, чтобы ясно мыслить.

— Зел. Подожди, я хочу...

Каждое ее прикосновение уничтожало меня, не потому что я хотел убить ее, а потому что она возвращала меня к жизни.

— Займись со мной любовью, Роан.

Мне больше не нужно было подчиняться ее командам, но я не отверг просьбу — приятное приглашение присоединиться к женщине, которая отдала мне все.

Я схватил ее волосы и притянул ее шею назад. Серебряная звезда на ее шее блестела, и я остановился. Вместо того, чтобы укусить ее, я нежно поцеловал.

Она застонала, извиваясь возле меня.

— Боже, не двигайся. Я кончу прямо сейчас, если ты будешь двигаться. — Мои руки опустились, чтобы обхватить ее грудь. Электрический импульс прошелся по моему телу. Ее груди были набухшими и большими. Не то чтобы я привык к ее меньшему размеру.

Зел скорчилась через секунду от слишком большой чувствительности.

— Ты нужен мне, Роан, сейчас.

Как это было всякий раз, когда у нас был секс, это заканчивалось тем, что ощущения были слишком насыщенными, чтобы совладать с ними. Слишком дикими. Слишком наполненными потребностью, чтобы замедлиться.

Я едва мог видеть что-то, кроме потребности в ней.

Обняв ее руками за спину, я вдавил ее в себя. Любя то, как билось ее сердце напротив моего. Тепло ее кожи.

— Я хочу провести жизнь, заставляя тебя кончать, Хейзел. Жизнь удовольствия и счастья.

Она улыбнулась, запрокинув голову назад, когда я целовал ее вдоль линии челюсти.

— Мне нравится эта цель. — Ее рот нашел мой, и она застонала, когда я проник языком между ее губами. Я тонул в ее вкусе, и мои бедра дернулись вверх, в поисках ее.

Ее язык кружился с моим, пока она покачивалась у меня на коленях. Она прижалась ко мне, потираясь опьяняющей влажностью вдоль моего члена. Я зарычал, когда ее нетерпеливая рука обрала мне между ног и обхватила мои яйца.

— Возьми меня, Роан. Возьми меня.

Я стиснул зубы, когда волна похоти прошла через мое тело.

— Я хотел вести сегодня, но ты снова забрала контроль. Ты так чертовски полностью владеешь мной, Зел. — Мое видение заволкло пеленой, когда она гладила мой член, быстрее и быстрее, пока я не мог думать ни о чем другом, кроме как заполнить ее. Вбиваться в нее.

— Я просто наслаждаюсь возможностью прикоснуться к тебе без страха. — Она наклонила голову, чтобы укусить мою шею. — Я могу укусить тебя.

Она продолжала поглаживать меня и еще больше распахнула халат, пока не сидела голая на моих коленях. Ее руки были вокруг моих плеч, притягивая нас на расстоянии дыхания.

— Я могу обнимать тебя.

Раздвинув свои ноги, она изогнула спину и очень медленно скользнула по моей длине.

— Я могу трахать тебя.

Я застонал от ощущения, словно она увлекала меня в обжигающую неизведанную бездну.

— Я могу обождать тебя. — Она прижала руки к моим плечам, когда толкнулась вверх. Мы громко застонали, когда она снова опустилась. Ниже и ниже, пока каждый сантиметр меня не был в каждом сантиметре ее.

Черт побери, эта женщина. Мне никогда не будет ее достаточно.

Я, черт побери, буду любить ее всегда.

Отбросив все планы о медленном и соблазнительном вечере, я толкнулся вверх, опираясь на ноги, и опрокинул ее на спину. Она вздрогнула от моей скорости, затем вздохнула и задрожала, когда я толкнулся в нее.

— Тебе нравится это? — я целовал ее нос, ее щеку, ее веки. — Тебе нравится, когда я внутри тебя? Трахаю тебя? Люблю тебя?

Она прикусила губу, ее ногти царапали мою спину.

— Да. Не останавливайся. Не останавливайся.

Мерцание золотого и оранжевого от огня танцевало на нашей коже, заставляя ее выглядеть так, будто она горела от потребности.

Перенеся свой вес на один локоть, я прошелся взглядом по ее телу к месту, где вбивался в нее. Я проследил глазами путь, где была серебряная цепочка. Та, которую я сделал в надежде, что она защитит меня от нее. Я скучал по этому. Мы не использовали ее часто, но сейчас мне нравилась мысль, сдерживать ее, чтобы я мог дать себе волю заполнять ее. Чтобы заставить ее развалиться на части так же успешно, как и она меня.

Я сделал заметку в уме сделать еще одну. Связать ее серебром, чтобы я мог брать ее полностью.

Сейчас у меня была альтернатива.

Склонившись, чтобы поцеловать ее, я нащупал края овчины и создал пару пушистых наручников.

Ее глаза вспыхнули, она не сказала ни слова, когда я обмотал один край вокруг ее запястья, а другой... вокруг своего. Смотря на нас вместе, левое запястья к левому запястью. У этих «манжетов» не было шансов выдержать натиска нашей страсти, но мне нравился символизм, явное признание того, что мы принадлежим друг другу.

Ее рука обхватила меня за затылок, притягивая ближе для еще одного поцелуя.

— Что бы у тебя ни было на уме, тебе лучше поторопиться. Я так сильно нуждаюсь в тебе.

Я засмеялся.

— Ты уже разрушила мои планы. Я собирался заняться с тобой любовью медленно и нежно.

Она застонала и покачала головой.

— Нет. Я хочу жестко. Я хочу потеть и задыхаться, и взорваться.

Был мой черед застонать.

Я не мог брать. Эта ведьма украла все, кем я был, и я не хотел ничего большего, чем подчиняться.

Я откатился назад и осторожно потянул ее на себя. Оставаясь глубоко внутри нее, я не мог оторвать глаз от ее совершенства. Ее полных грудей. Ее пухлых губ. Она выглядела как гребаная богиня.

Я не мог выдержать. Это было чересчур.

Схватив ее бедра, я толкнулся вверх, прикованный ее тяжелыми грудями и покрытой нежным румянцем кожи.

Она упала вперед, обрушиваясь на меня своим телом.

Прежде, она не могла двигаться, чтобы не вызвать у меня реакцию убить ее. Я не был в состоянии контролировать условный рефлекс, теперь я не хотел покидать ее. Я хотел остаться вот так под ней навсегда.

Мы раскачивались вместе, найдя ритм, подходящий нам. Ее мягкий аромат опьянял меня, и я потерял все чувство времени, когда мы дарили друг другу удовольствие.

— Боже, ты ощущаешься изумительно, — застонал я, смакуя медленный ритм, от которого мои яйца натягивались сильнее.

Хейзел села, обхватив мои щеки. Я втянул воздух через зубы от того, как любовь сверкала в ее взгляде.

— Ты мой, Роан Аверин. Навечно.

Я кивнул в полутрансе из-за этого сумасшедшего секса.

— Навечно.

— Заставь меня кончить. — Ее голос стал хриплым, ее рука опустилась к груди в районе моего сердца, для равновесия, пока она раскачивалась, приподнималась и опускалась на мне.

Я прижал два пальца к ее клитору и с давлением покружил по нему, как я знал, она любит.

Ее глаза закрылись, бедра раскачивались сильнее, притягивая меня ближе к краю.

— Да вот так. Ммм

Дерьмо, я нуждался в ней.

Мне нужно было контролировать. Быть тем, кто принимает и берет.

Снова, опрокинув ее на спину, я потерял ее клитор и продолжил погружаться в нее. Ее ноги вцепились в мои бедра, когда она все больше и больше задыхалась.

— Ты хочешь меня? — прорычал я. — Ты хочешь, чтобы я заставил тебя разрушиться?

Она прикусила губу, кивнув.

— Больше чем что-либо.

— Ты знаешь, как сильно я забочусь о тебе? Как ты вернула меня к жизни?

Ее глаза вперились в мои.

— Ты знаешь, как сильно я забочусь о тебе? Как много ты даешь мне?

Безусловная любовь в ее взгляде уничтожила меня. Больше никаких разговоров. Только погоня за нашей конечной целью.

Опустив свой рот на ее, я толкнулся глубже. Найдя темп, от которого мне казалось, что звезды падали мне на спину и ноги.

Мой разум затуманился, когда мое освобождение нарастало и нарастало.

Зел втянула воздух сквозь зубы, когда я снова нашел ее клитор.

— Кончи для меня, Зел. Кончи для меня, как делала это в теплице. Разбейся для меня.

Она запрокинула голову назад, ее волосы разметались по овчине. Ее кожа покраснела, и первые импульсы ее освобождения поймали меня врасплох.

У меня не было никаких шансов против сильного захвата ее тела.

Мой оргазм помчался от покалывания до взрывов. И мой член взорвался ощущениями. Я жестко толкнулся, позволяя себе принять освобождение. Пульсация сменяла пульсацию, и затем горячая струя семени брызнула.

— Черт, ты восхитительная, — я зарычал, когда преследовал жесткий край моего освобождения

Зел вскрикнула, когда я вбивался сильнее. Ее ногти царапали мою спину, отправляя остатки тепла по моей коже.

Мои ноги напряглись, мое тело застыло, и я высвободил последнюю каплю жидкости в женщину, с которой проведу остаток жизни.

Когда вспышка прошла, и мы лежали истощенные в объятиях друг друга, я прижался в нежном поцелуе к ее губам.

— В один из дней я собираюсь соблазнить тебя. Я свяжу тебя и проведу часы, мучая тебя каждым сексуальным девайсом, который смогу придумать.

Она улыбнулась, глаза затуманены от желания.

— Это звучит божественно. Завтра. Запланируем это на завтра. — Она перевернулась на бок и свернулась на овчине. — И массаж. Ты должен мне за тот, что я сделала тебе.

Я вспомнил ту ночь, когда она пыталась разрушить меня. Борьбу, от которой я страдал. Условный рефлекс, что почти разрушил мою жизнь.

Я задрожал.

Я больше не хотел никаких воспоминаний.

Я не хотел думать о России или Призраке снова.

Подражая Хейзел, я лег на бок, затем сделал то, о чем мечтал месяцами.

Я обнял женщину, которую любил. Переплел нас вместе как инь-ян. Пушистые наручники добавили еще один элемент принадлежности друг другу.

Она вздохнула, прижимаясь своей идеальной задницей к моей промежности, и схватила мою руку, чтобы обнял ее крепче.

— Вот. Это то, что я всегда надеялась, у нас будет.

Я уткнулся в ее ухо, глубоко дыша.

— Я буду держать тебя каждую ночь, когда ты отправишься спать. Каждое утро я буду просыпаться и заниматься с тобой любовью. И мы постареем в объятиях друг друга.

Она вздохнула от удовлетворения.

Мы часами расслаблялись возле огня. Мое тело обернуто вокруг нее. Две стороны двух жизней соединены вместе навсегда.

Проблема моего прошлого ушла. Я был свободен и мог играть со своими детьми и учиться, как это быть отцом. У меня была привилегия научиться быть достойным мужем.

Моя жизнь началась надеждой и закончилась трагедией, но, пройдя через все это, я выжил. Я выжил и влюбился в женщину, которая спасла меня, и у меня было будущее, которым я всегда буду дорожить.

Однажды я буду держать свою дочь за руку, когда поведу ее в школу.

Однажды я научу своего сына, как работать с металлом.

У меня было все, чего я когда-либо хотел.

У меня было больше любви, чем я нуждался.

У меня была семья.

КОНЕЦ

Плейлист

Madness — Muse

Falling away with you — Muse

Your Surrender — Neon Trees

Radioactive — Imagine Dragons

Bring me to life — Evanescence

The Verve — Bittersweet Symphony

Possession — Sara Mclaughlan

Angel — Sara Mclaughlan

Iris — Goo Goo Dolls

Strange love — Depache Mode

Cosmic Love — Florence and the machine

Black hole — Sound Garden

Up in the air — Thirty Seconds to Mars

mir-knigi.org